

ФОРМИРОВАНИЕ
РАННЕФЕОДАЛЬНЫХ
СЛАВЯНСКИХ
НАРОДНОСТЕЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

ФОРМИРОВАНИЕ
РАННЕФЕОДАЛЬНЫХ
СЛАВЯНСКИХ
НАРОДНОСТЕЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1981

ВВЕДЕНИЕ

(Комплексное изучение этногенеза славян
и вопросы координации)

В монографии рассматривается процесс этногенеза и этнической истории славянских народностей в раннефеодальную эпоху по таким важным темам, как роль межэтнических контактов в этом процессе, воздействие на него изменений социальной структуры славянского общества, возможность использования при изучении этнических процессов письменных источников неславянского происхождения и др. Исследуются спорные вопросы древнейшего этапа этногенеза славян.

Редакционная коллегия:

В. Д. КОРОЛЮК (ответственный редактор), В. В. ИВАНОВ,
Г. Г. ЛИТАВРИН, Н. И. ТОЛСТОЙ, Б. Н. ФЛОРИЯ,
Л. В. ЗАБОРОВСКИЙ (ответственный секретарь)

После образования в Институте славяноведения и балканистики АН СССР сектора древней истории и истории средних веков важной задачей в его работе являлось комплексное изучение славянского этногенеза в древности и в период раннего средневековья. Сектором была намечена программа постепенных этногенетических исследований по основным, узловым вопросам: прародина древних славян, расселение и перемещения славян в Юго-Восточной, Центральной и Восточной Европе, этническая славянская общность на переломе древности и средневековья, культура древних славян, этнические связи и контакты славянской общности с общностями балтов, фракийцев, иллирийцев, восточных романцев и, наконец, формирование раннесредневековых славянских народностей — последнее звено в длительном процессе этногенеза славян.

Этот завершающий этап процесса этногенеза славян оказался взаимосвязанным с общим положением европейского континента на рубеже античности и средневековья: античная рабовладельческая социально-экономическая система была уничтожена. В Европе начиналась новая, феодальная эпоха. Великое переселение народов, в котором крупную роль сыграли славяне, образование славянских народностей и государств стали сильным импульсом социально-политического прогресса феодальной Европы. Славянские народы выступали как равноправные и равноценные создатели нового общественного строя.

На первых порах основной задачей сектора было историко-лингвистическое исследование античных и средневековых письменных памятников. Разработка проблем славянского этногенеза в целом была также поручена двум лингвистическим секторам Института славяноведения и балканистики. Стержневой задачей работы лингвистов было изучение этнических связей и контактов славянской общности с общностями балтов, фракийцев, иллирийцев, кельтов, финнов, германцев и восточных романцев. Этнолингвистическое исследование Полесья углубило наши

представления о ходе этнических процессов на территории нашей страны.

Работа трех секторов (исторического и лингвистических) над проблемами славянского этногенеза привела к творческому сотрудничеству между ними. Более того: сложилась традиция совместного комплексного изучения этногенеза и культуры древних славян. Лингвистические сектора включали в свои издания сообщения историков, этнографов и археологов. Одновременно они поддерживали связи с зарубежными лингвистами и учеными из других академических центров нашей страны. Постепенно в Институте славяноведения и балканистики утвердилась традиция совместных комплексных исследований.

Основную роль в координации и развитии комплексных исследований по проблеме славянского этногенеза как в самом Институте славяноведения и балканистики, так и в других академических центрах играл сектор древней и средневековой истории. Вначале соответствующие контакты (обсуждение планов, докладов) осуществлялись между названным сектором и секторами московских институтов археологии, этнографии и истории СССР Академии наук СССР. Следующий этап координации исследований по проблемам славянского и восточнороманского этногенеза привел к созданию прочных научных связей с украинскими и молдавскими академическими центрами (Киев, Черновцы, Львов, Кишинев) и к повышению самого уровня взаимодействия. Результатом работы стало издание совместных сборников.

В 1975 г. был создан Научный совет по комплексным проблемам славяноведения и балканистики при Отделении истории АН СССР. В Научном совете возникла секция «Этногенез славянских и балканских народов» (председатель — В. Д. Королук, зам. председателя — В. В. Иванов и Н. И. Толстой). Это открыло новые большие возможности для серьезного изучения славянского и восточнороманского этногенеза. Укрепились связи и сотрудничество академических этногенетических центров как в СССР, так и с зарубежными славянскими странами.

Стремясь развивать сотрудничество с другими академическими центрами, Институт славяноведения и балканистики учитывал, что его издания являются важным инструментом комплексного изучения этногенеза славян и восточных романцев. Главным организатором институтских изданий по данной проблематике был сектор древней

и средневековой истории. Более того, все издания были приняты коллективом за счет секторского листажа.

На формирование нынешнего, третьего, сборника самое непосредственное влияние оказали некоторые стороны научной деятельности сектора древней и средневековой истории в последние годы. В 1975 г. в нашем секторе был разработан план коллективного труда «Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья», а в 1976 г. был подготовлен проспект труда. Обсуждение проспекта проходило в Институте славяноведения и балканистики (историки и лингвисты) и в Институте общественных наук во Львове (историки и археологи).

Вначале предполагалось, что коллективная монография «Развитие этнического самосознания народов Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы» будет историческим трудом. Поэтому в ходе его написания сектор обращался лишь за консультацией к лингвистам и отчасти к археологам. Но в ходе работы над трудом выяснилось, что без лингвистических глав, причем глав, существенных для изучения процесса образования народностей на последнем этапе славянского этногенеза, труд был бы недостаточен, а комплексный его характер не вполне выдержан. Историки и лингвисты пришли к выводу, что этот труд следует издать совместными усилиями в виде настоящего комплексного историко-лингвистического исследования, открывающего новый, более высокий этап координации всей работы по изучению славянского этногенеза.

В 1978 г., когда происходила всесоюзная научная конференция «Итоги и перспективы славяноведческих и балканистических исследований: вопросы координации» в г. Звенигороде (14—16 марта), организованная Научным советом по комплексным проблемам славяноведения и балканистики, намеченное издание приняло отчетливый вид и новую программу. К тому же в Институте славяноведения и балканистики произошла реорганизация в области лингвистических исследований. Появились новые группы.

В результате труд «Развитие этнического самосознания» ведут теперь три сектора — древней и средневековой истории, структурной типологии языков, этнолингвистики фольклора и группа общекарпатского диалектологического атласа.

21 июня 1979 г. на заседании дирекции Института славяноведения и балканистики был утвержден новый план труда: Введение. Гл. I. Древняя этническая славянская общность. Гл. II. Субстрат балканских народов в лексике южных славян. Гл. III. Формирование этнического самосознания болгарского народа и этнические процессы на Балканах в VII—X вв. Гл. IV. Образование великоморавской народности. Гл. V. Самосознание славян и самосознание древнерусского народа в памятниках древнерусской письменности IX—XII вв. Гл. VI. Самосознание славян и самосознание сербского и хорватского народов по источникам IX—XIII вв. Гл. VII. Образование древнечешской народности. Гл. VIII. Образование древнепольской народности. Гл. IX. Формирование самосознания полабских славян в VII—XII вв. Гл. X. Ранние языковые группировки славян и процесс формирования раннеславянских народностей. Гл. XI. Литературный язык и письменность славян и формирование этнического самосознания славянских народностей. Заключение: Итоги историко-лингвистических исследований.

Теперь станет яснее состав данного сборника. И по своему названию — «Формирование раннефеодальных славянских народностей», и по структуре сборник прилагает к названному коллективному труду нашего Института. Вместе с тем настоящий сборник является продолжением вышедших в 1976 и 1979 гг. сборников, посвященных славянскому и восточнороманскому этногенезу («Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев». М., 1976; «Этническая история восточных романцев: древность и средние века». М., 1979). В нем приняли участие историки, лингвисты, археологи и этнографы. Авторами не ставилась задача дать какие-то окончательные решения по тематике сборника или отразить все ее многообразные стороны. Предлагаемый материал — это скорее поиск, разведка, особенно по археологическим и этнографическим проблемам.

В первый раздел — «Древняя этническая славянская общность. Расселение и перемещения славян» — включены статьи В. В. Иванова, В. Н. Топорова «Древнее славянское право: архаичные мифопоэтические основы и источники в свете языка», Д. А. Мачинского «Миграция славян в I тыс. н. э. (по письменным источникам с привлечением данных археологии)», Л. А. Гиндина «К хронологии и

характеру славянизации Карпато-Балканского пространства (по лингвистическим и филологическим данным)».

Все статьи интересны и новы, это свежее слово в нашей славистической науке. Источниковедческий характер исследований (особенно Л. А. Гиндина) безусловно поможет в решении проблем славянского этногенеза и перемещений славян. Нужно, однако, сказать несколько слов о дискуссионных вопросах. В статье Д. А. Мачинского регион обитания славян до их перемещения определен вскользь, без достаточных исторических, археологических и лингвистических аргументов. Регион этот спорен. Автор поддерживает теорию П. Шафарика о древней этнической балто-славянской общности. Но вопрос этот еще окончательно не решен, в славистической науке по нему продолжается дискуссия. Однако, несмотря на спорность отдельных положений, в целом статья очень интересна.

В отличие от статьи Д. А. Мачинского, где речь шла главным образом о характере отношений славян и балтов на территории Европейской части СССР, Л. А. Гиндин рассматривает вопросы, связанные с перемещением славян в Юго-Восточную Европу, т. е. в районы с преобладанием фракийцев, иллирийцев и кельтов. Смежное существование разных общностей, роль романизации в их развитии, с одной стороны, и значимость перемещения славян — с другой, — такова основная проблематика статьи.

Пастушество существовало у славян и в древности. Правда, подтверждение этому можно найти пока лишь в письменных античных и средневековых памятниках: археологи еще не рассматривали эту тему в своих работах. Думается, что филологические аргументы Л. А. Гиндина дают новые основания для дальнейшего исследования славянского пастушества.

Второй раздел сборника — «Образование славянских народностей» — является центром издания. До сих пор историки занимались регионом Юго-Восточной и отчасти Центральной Европы на переломе античности и средних веков, в период раннего феодализма (речь идет о контактной зоне между синтезным и бессинтезным регионами Европы). Поэтому было решено включить в сборник статьи, относящиеся к другому, не изученному пока бессинтезному региону Восточной и Центральной Европы. Это работы Б. Н. Флори «Формирование чешской раннефеодальной государственности и судьбы самосознания славянских племен Чешской долины» и А. П. Саливона

«Самосознание ободритов (к вопросу об образовании ободритской раннефеодальной народности)», а также статьи Я. Д. Исаевича и А. И. Рогова, касающиеся отдельных сторон формирования древнепольской и древнерусской народностей.

На основании письменных источников авторы определяют основные этапы образования народностей, очаги их консолидации, значение христианизации в развитии раннефеодальных народностей. Большое внимание уделяется роли самосознания общностей славян, иерархии общностей, уровню этнического сознания и влиянию на них соседних народов и государств, а также конфронтации между ними.

К группе статей второго раздела примыкают еще четыре статьи, связанные с процессами в контактной зоне: Г. Г. Литаврина «Народы Балканского полуострова в составе Византийской империи в XI—XII вв.», Е. П. Наумова «Процессы формирования средневековой сербской народности и балканские влады в XII—XIII вв.», С. А. Иванова «Болгары и русские в изображении Льва Диакона», О. В. Ивановой «Некоторые вопросы экономического развития славян в долинах Струмы и Вардара в VII—VIII вв.» Все статьи источниковедческие, только О. В. Иванова привлекла археологические материалы. Ценен большой историографический очерк в статье Е. П. Наумова.

Третий раздел — «Языческая культура славян и этнография» — является зачином будущего сборника. В него входят статьи О. А. Терповской «О некоторых сходствах и различиях в жатвенной обрядности славян» и А. В. Гуры «Опыт ареальной характеристики славянского свадебного обряда и его терминологии». Думается, что в ближайшие годы целесообразно издать сборник под тем же названием, что и третий раздел нашего сборника. Однако в настоящее время встают другие задачи. Прежде всего это подготовка коллективного труда «Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья», а затем ряда сборников: «Прародина славян в историографии» и «Расселение и перемещения славян до конца первого тысячелетия н. э.» Первый сборник будет международным. Он должен включать историографические очерки, подготовленные специалистами из разных центров по изучению славянского этногенеза (СССР, НРР, ЧССР, ГРБ, СФРЮ

и ГДР). Инициатива, а также сбор и координация материалов падают на группу этнолингвистики и славянских древностей и на сектор древней и средневековой истории. Второй сборник должен вести наш сектор. Конечно, сборник предполагается дискуссионным изданием. В нем желательно осветить следующие вопросы: 1) теорию Шафарика—Нидерле; 2) проблемы совмещения и отличия, противопоставления данных археологических исследований, раскопок и известных письменных источников; 3) физический тип в различных областях славянского мира и перемещения славян в древности и в средние века и роль глоттогенеза в образовании славянских народностей. Такая работа может быть выполнена только совместными усилиями историков, археологов, лингвистов, этнографов и антропологов, причем, возможно, следует подготовить не один, а два или три сборника. Без исследований антропологов такие издания, подводящие к пониманию этнической истории славян, особенно на последнем этапе славянского этногенеза, уже не отвечают современному уровню развития исторической мысли.

В. Д. Королук

ДРЕВНЯЯ ЭТНИЧЕСКАЯ СЛАВЯНСКАЯ ОБЩНОСТЬ. РАССЕЛЕНИЕ И ПЕРЕМЕЩЕНИЕ СЛАВЯН

В. В. Иванов, В. Н. Топоров

ДРЕВНЕЕ СЛАВЯНСКОЕ ПРАВО: АРХАИЧНЫЕ МИФОПЭТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ИСТОЧНИКИ В СВЕТЕ ЯЗЫКА

В дошедших до нас древнейших славянских судебныхниках типа Русской правды, Закона судного людям, южнославянских кодексов (таких, как Законник Стефана Душана или Закон Винодольский, Полицкий статут), польских Судейских книг и других перед нами имеется достаточно подробный и дифференцированный юридический текст, содержащий многочисленные технические детали, уже опирающийся на предшествующую традицию и в меньшей мере обнаруживающий связь с некоторыми исходными внеюридическими установлениями. Тем не менее эти последние еще относительно легко выявляются как из самих юридических текстов (причем не только из их содержания, но и из формальных языковых особенностей его передачи), так и из данных, относящихся к более широкой сфере проявлений культурной традиции (фольклор, этнография, обряды и др.).

Было замечено, что не только древнеславянские юридические тексты, но и соответствующие тексты других традиций обнаруживают поразительное единообразие как в самой схеме юридических установлений, так и в языковых особенностях текста. Особенно важно, что при всей специфичности жанра юридических текстов в ряде важных отношений они очень сходны с текстами народной устно-поэтической традиции (наличие параллельных конструкций, постоянных повторов, билиеи формул, отчасти сходных с фольклорными, рифмообразные элементы, анафоры и т. п.). Уже это сходство свидетельствует о единстве истоков юридических и фольклорных текстов, принадлежавших некогда к единой устно-поэтической сфере.

При принятии этого предположения становится ясной сама формально-языковая структура текстов, обусловленная необходимостью в точности сохранить некий традиционный исходный текст. Для фольклорных текстов роль мнемонических заданий и их роли для построения текста была вскрыта А. Б. Лордом, М. Перри и их последователями¹. При этом в фольклорных текстах употребление клишированных формул, ориентированных к данной метрической схеме и поэтому имеющих принципиально организующую длину, необходимо, в частности, для воспроизведения текста исполнителем с заданной (достаточно относительной) степенью точности. Иными словами, для исполнителя существуют общий тип сюжета, данная метрическая схема и инвентарь формул. Даже в дошедших до нас древнейших правовых славянских текстах обнаружены следы всех этих элементов, хотя некоторые из них или не столь обязательны, или достаточно редки. Тем не менее сама синтактико-композиционная схема монтажа этих формул является чрезвычайно жесткой — в большей мере, чем в подавляющем большинстве фольклорных текстов. При жесткости синтаксически-композиционной схемы возможно ее раздвигание за счет вставления в нее целых блоков или отдельных элементов.

На основании ранних славянских правовых текстов, которые в этом отношении вполне поддерживаются и данными других древних правовых традиций, можно реконструировать универсальную общую формулу, из которой путем разворачивания элементов и вставления в данное место блока новых элементов того же класса оказывается возможным получить реальное многообразие дошедших до нас правовых текстов. В quasi-логической записи суммирующего типа, использующей такие символы, как знак импликации $\rightarrow$, предикаты — P , при которых в скобках ставятся аргументы, эта формула может быть записана как $P_1(x, y) \rightarrow P_2(z)$, где P_1 — предикат со значением 'совершать нечто' (в юридическом смысле как нарушение некоторого равновесия, которое должно быть впоследствии восстановлено в результате исполнения законодательной процедуры, предусматриваемой этой формулой); P_2 — предикат со значением 'возмещать' (в юридическом смысле совершать нечто, что восстанавливает нарушенное равновесие); x — вид нанесенного ущерба, y — указание на то, что в отношении чего (или кого) наносится ущерб; z — реализация возмещения. Возможны

реализации формулы, где P_1 обозначает некоторое событие, а P_2 — необходимое действие, приводящее к состоянию, считающемуся правильным выводом из P_1 . Эта формула описывает нарушение равновесия, признаваемого за стандартное состояние, и восстановление этого равновесия согласно задаваемой шкале эквивалентностей.

Формула зависимости между двумя частями схемы носит характер условной связи (если... то...), которая при единстве содержательной стороны может иметь разнообразные языковые выражения, всегда, однако, остающиеся двучленной конструкцией, где в первом члене часто выступают слова союзного или местоименного типа, соотносящиеся обычно с каким-либо соответствующим словом во втором члене (возможен и бессоюзный вариант первого члена). В качестве характерных примеров союзных конструкций можно привести следующие: «А ще оутнетъ мечемъ... то 12 гривнъ за обиду» (Кратк. Русск. Правда); «А ще который товар възметъ Русин у Пемчина... тый товар не ворочается» (Договор Смоленска с Ригой и Готским берегом 1229 г., 21, ПРП); «А же кто холопа ударить, то гривна куп» (Там же, 1);

«И же мъртвыя въ гробъ съвлачить да/продаеть» (Закон Судный, краткой редакции, л. 341); «А кто имеет на ком сочит торговых денег по доскам, тот человек противу положит рядницу» (Псковск. Судн. Грамота, 38); «А которого татя поимают с какою татбою... и но его казнити...» (Судебник 1497 г., 10, Суд.). Архаический пример бессоюзной конструкции в первом члене представлен в таких формулах, как: «Оубьеть моужь моужа, то мьститъ братоу брата» (Кратк. Русск. Правда, 1) (при варианте: «А же оубиеть...» — «Простр. Русск. Правда 1). Промежуточное место занимают конструкции, начинающиеся с *a*, которые в некоторых правовых текстах становятся универсальной конструкцией; ср., например, в русском судебнике 1497 г. 1550 г. и 1598 г. В некоторых случаях (как в приведенных выше) за начальным *a* следует союзное слово: «А ко го побьют на поле, что пошлин имать» (Судебник 1589 г. Пространная редакция, 15, Суд.). В других случаях союзное слово опускается, и *a* может перенимать союзные функции отсутствующего союза. Во всяком случае в специализированном языке судебных формул оно становится обязательным: «А у поля став помирятца, околничему

имать полевых пошлин» (Там же, 13); «А не став у поля или отбежит, и что пошлин имати» (Там же, 16); «А взыщет женка или девка и мал, и даст целование» (Там же, 30); «А ищет на трех или на четырех, и за коих отвечают и не отвечают» (Там же, 31). Обилие и регулярность формул с рамкой *a*... и (или с расширением... и но) позволяет видеть здесь глубокий архаизм, состоящий в употреблении открывающего фразу *a* как стандартного зачина (что обнаруживается и в других жанрах: народно-поэтических, летописных). Такой архаический синтаксический элемент содержал в себе отсылку к некоторому предшествовавшему тексту или контексту, в определенном отношении противопоставленном данному, или же сигнализировал появление в последующей части фразы некоего утверждения, которое могло бы рассматриваться как следствие из утверждения, открываемого элементом *a*. Эта ситуация вполне подтверждается и ранними переводами, которые позволяют эксплицировать юридический смысл соответствующих формул: «А побьются на поле в пожере, или в душегубстве, или в разбои, или в татбе, и но на убитом исцево доправити» (Судебник 1497 г., 7, Суд.), в переводе на латинский язык Герберштейна 1551 г.: *Si vero duellum committitur propter aliquod incendium, necem amici, rapinam vel furtum, tunc accusator si vicerit, ab eo accipiat* (такая передача *A* через начальное *Si* и в предшествующих статьях).

Архаизм этих формул подтверждается и этимологическими соображениями. В разных славянских языковых традициях обнаруживается употребление начального *a*. *a в качестве элемента, вводящего предложение (иногда со следующими за ним частицами, как в рус. *авось* < *a-ǫ-sъ или *a-vo-sъ)². Наряду с традиционным истолкованием *a*, как и лит. *ǫ* 'и' 'но' из формы типа индоевропейского **o-(a)t*³ (с возможной функцией отрицательного падежа, ср. вед. *āt*, авест. *aat*), можно было бы — и это в принципе не противоречило бы первой этимологии — связать славянское *a в начальном употреблении с функционально тождественным вводным элементом в микенском греческом в конструкциях типа *o-do-ke* 'а дал (дань)', РY 103 Un 267, *o-di-do-si* 'а дают' 100/50 РY 252-Vn 210, *o-de-ka-sa-to* 'а получил' ('так получил') РY Pn 30, *o-da-sa-to* ('а (так) он распределил'), РY Wa 917, *o-o-pe-ro-si* 'а (так) они должны (распределить леп)' РY Nn 228.1 и т. д.⁴ При такой интерпретации целесо-

образнее не связывать *-t (в том случае, если сохраняется его реконструкция) с падежной флексией отложительного падежа (сам отложительный падеж для славянского, как и балтийского, из внутренних данных не реконструируется). Можно было бы думать о наличии в *o-t второго местоименного элемента, ср. лувийск. a-ta (a-ta zawi laḥuniḥa aduwalza utarsä 'и вот я это смыл—злое дело'), хет. -at (им.-вин. п. ср. р. местоимения a- < *-o-), а также сочетания типа рус. э-то, сербо-хорв. э-то, э-во, рус. вот и т. д. В различных древних индоевропейских языках элемент типа *o- или функционально с ним связанный *jo- (откуда в ряде языков *o-) регулярно выступает в данных перечислительных формулах⁵. В этой связи особый интерес представляют аналогичные длинные перечислительные формулы, объединяемые начальным A, в восточнославянских юридических текстах типа: . . . A игумену, чернцу и чернице, A вдове и вдовице, A скomoroxу описному, A неописному скomoroxу, A каликам, кои с кусом ходят, a московским кликуном, A выблядку, кои не у вещьяльные, A блядем и вилмам, A татем, и разбойникам, и заиггалникам лихим. . . (Судебник 1589 г., Пространная редакция, 63—71, в еще более широком контексте подобных перечислений 41—73, Суд.). В подобных перечислительных формулах A может иметь наряду с собственно перечислительной архаической функцией некоторые дополнительные значения, из которых, как из ядра, в отдельных славянских языках возникли более узкие стандартизованные типы; ср. возможность толкования такой фразы, как: A исцы, не ходя на суд, помиратца (там же, 78) и как условной (Если исцы. . . , то. . . ; ср. выше о переводе a посредством si), и как относительной (Которые исцы. . . , то. . .) и даже как имеющей повелительную модальность в номотетических контекстах (Пусть исцы. . . , ср. чеш. at' в повелительном смысле: at' žije при употреблении at' и в ряде других значений⁶: ср., например, чеш. at' říkal sokolí 'что бы он ни говорил' при аналогичных судебных формулах в восточнославянском типа A убьют на поле ищенины послуши ответчиковых (Там же, 21); A ищет на трех или на четырех, и за коих отвечая и не отвечая (Там же, 31).

Соединение двух архаических функций a как перечислительного (и тем самым организирующего большие синтаксические единства) и как вводящего предложение (или формулу, являющуюся его первым членом) можно

видеть в роли этого синтаксического элемента как последовательности целых разделов русских судебныхников; ср. Судебник 1550 г., а также отчасти Судебник 1497 г. (где, однако, каждому из A предшествует заглавие).

Каждый из двух союзных членов обрамляющей конструкции может быть расширен за счет элементов, совпадающих с древними частицами; ср. кроме приведенных выше примеров *Аже* в формулах типа *Аже* кто преобидить наш Оуставъ, таковым непрощепнымъ быти. (Церковный устав Владимира, изд. Археографической комиссии, II, 1915, с. 18); а также *аще*, *иже* и т. п.

Оформляемая с помощью подобных синтаксических средств формула юридических эквивалентностей включает в себя набор возможных ущербов, подлежащих возмещению. Воплощение элемента *у* в приведенной выше формуле для архаического периода представлено в виде основного коллектива как формы социальной жизни человека. Речь идет о *роде*, *верви*, *мире*, *общине* и т. д. Для разных периодов акцент может ставиться на биологической идее преемственности череды поколений, составляющих основу рода. Персонафицированное выражение эта идея находит в образе *Рода* как символе единства потомков одного предка у славян. Следы такого фактически доисторического права можно реконструировать главным образом на материале летописных данных в сопоставлении со свидетельствами о культе Рода и Рожаниц в источниках времени борьбы с язычеством. Пережитки такого родового права фиксируются для XI—XII вв., когда весь княжеский род выступал как субъект и объект владетельного права русских князей⁷. Идея единства рода продолжает отстаиваться и применительно к роду как территориальной единице, как родовой земле, которая не подлежит членению и тоже становится объектом мифологизирующих персонафикаций (*Мать Сыра Земля*, *Мокошь* как женское божество, для которого восстанавливается связь с землей, ср. мокрый—сырой). Уже гораздо позднее, например в русской крестьянской среде, сохраняются если не само родовое дерево, то отдельные его элементы в виде почитания символов рода, главы семьи, очага и т. д., а также фрагменты культа земли в виде представлений о ее божественной принадлежности, о том, что она — дар, не подлежащий делению и тем более разделению и прочим обидам. Исключительный архаизм этих славянских правовых и предпривовых представле-

ний подтверждается древней индоевропейской этимологией соответствующих терминов: слав. *rodъ практически тождественно хет. *hardu* 'потомок; правнук (?)'; иероглиф. лувийск. *hartu-* (написание *há-ra/i+tu-sa*) 'потомок', лувийск. *hardu-(u)att-* 'потомство во втором поколении', *hartuḫa-hartuḫati* 'в следующих друг за другом поколениях потомков'⁸ (отсюда же в славянском обозначения члена рода как родича, родственника, позднее переориентированные на семью); слав. *zemja восточит к общиндоевропейскому названию земли, в частности как мифологического термина: ср. др.-инд. *kṣam*, греч. *χθών*, хет. *tekan, tagu-* — 'земля', *Dagan-zipa* 'Дух Земли' (ср. названия других мифологических персонажей балкано-эгейского ареала с тем же первым элементом от Деметры до Геи, Семелы, а также самообозначение человека как 'земного' — лат. *homo* 'человек': *humus*, лит. *žmogūs; žeme* и т. д.). Таким образом, древнейшим из воплощений *y* в вышеприведенной формуле следует считать взаимосвязанные Род и Землю.

Более поздние воплощения *y* суть частные или частичные реализации или того или другого. Ущерб может наноситься члену Рода именно как представителю рода в целом.

Наиболее типичным представителем рода, в отношении которого ущерб особенно значим, является свободный общинник *людинъ*; ср. Русскую Правду, пространную редакцию, З. Для этого состояния *людину* противопоставлен *холопъ* или *челядинъ* (А холопъ или роба почнетъ вадити на господу, тому ти вѣры не яти, Договорная грамота Новгорода с тверским великим князем Ярославом Ярославичем, 1270 г. ГНП; Аще украден будетъ челядинъ русский, или ускочить, или по нужи продан будетъ, и жаловати начнутъ Русь, да покажетъ ся таковое о челядине, и да попмуть и в Русь (Повесть временных лет, 6420 (912 г.)); . . . ни челядина, ни скотины, там же, 6604 (1096) г. и др.). По мере разложения древней родовой основы и увеличивающейся дифференциации термин *людин* — *люди* оказался переориентированным на так называемых простых людей и начинает противопоставляться князю как фигуре, перенимающей те функции, которые раньше принадлежали роду, ср. Аще людинъ бегаеть от князя, да ся биетъ добръ (Устав Володимерь Всеволодича, Новгород. 1 лет. л. 297). Первоначальное же значение *людинъ* 'свободный' является архаическим, судя

по аналогичным значениям родственных слов в других индоевропейских диалектах: лат. *liber*, бургунд. *leudis* 'свободный муж (человек)', греч. *ἐλευθερός* и т. п.

При позднейшей дифференциации этой категории лиц, которым может наноситься ущерб или же которые могут сами наносить ущерб, по-видимому, существенно различие объектов в зависимости от социальной иерархии с общим правилом, согласно которому чем выше место лица в социальной иерархии, тем больше требуемое возмещение. Получается, что к обычной компенсации прибавляется компенсация за реальный или символический ущерб коллективу, представителем которого является лицо, занимающее первое место в иерархии.

Состав *x* в приведенной выше общей формуле и иерархический порядок возможных видов ущерба довольно точно фиксируются даже и в относительно поздних юридических текстах, содержащих перечисления этих видов типа: О татбѣ и о разбоѣ, и о грабежи, и о пожозѣ, и о головщинѣ (Новгор. Судн. Грам. 1471 г., ПРП); О доведуть на кого татбу, или разбой, или душегубство, или ябедничество, или иное какое дело (Судебник 1497 г., 8, Суд.). Как видно из этих перечислений, ущерб наносится или персонифицированным воплощениям коллектива (условно: князь — свободный — раб); или общественным материальным выражениям коллективного богатства (скот, плоды земли, недвижимое имущество). По отношению к каждому из таких видов объектов возможна разная степень ущерба (от частичного вреда или порчи до полного уничтожения посредством убийства, кражи, поджога и т. п.). Некоторые из этих различий (как, впрочем, и другие разбираемые формулы) имеют соответствие в других индоевропейских традициях и, следовательно, восходят к периоду более раннему, чем праславянский. В частности, в связи с *татьба—разбой* ср. лат. *furtum—garipa* в древнеримском праве и аналогичные деления в других древних правовых традициях.

Далее каждый из перечисляемых видов ущерба как бы имеет слабую и сильную формы проявления, которые соответственно могут трактоваться как отягчающие или облегчающие обстоятельства. Как и в других архаичных традициях, при определении подлинной цены ущерба в славянском праве актуально различие места, времени и способа совершения преступления. В частности, из временных различий существенно, когда совершено такое

преступление, как кража, — днем или ночью: ср. Азъ наполни * татьбины дѣньна и татбины пощныа: (Быт. XXXVI, 39 (текст, однако, является переводным)); . . . татбу па — е ва оне и в нош (Закон Виподольский, XXXVII) и др. Сходная формула по отношению к воровству, различающему ситуацию *su luci, si nox* (ср., например, *für nocturnus* 'ночной вор'), известна в римском праве: *atque ille legem mihi de XII Tab. recitavit, quae permitit, ut furem noctu liceat occidere et luci* (Cic. P. Tull. 20.47). — Здесь идет речь о правовом использовании общей системы двоичных противопоставлений (ср. роль оппозиции день—ночь в славянской мифологии).

В том, что касается места нанесения ущерба и/или поимки татя, славянская традиция, как и некоторые другие индоевропейские, различает *дом, двор, поле*. Те же самые элементы в определенной иерархической последовательности встречаются и в славянских (и других индоевропейских) текстах мифопоэтического характера. Характерный пример — заговоры, где такая последовательность, начинающаяся с дома изнутри вовне, определяет самую структуру соответствующих текстов. Их архаизм подтверждается и этимологией соответствующих терминов. Суть этой последовательности — в многократном использовании оппозиции 'внутренний' : 'внешний'; ср. на языковом уровне слав. *domъ* : *dworъ* и лат. *domi* 'в доме' : *foris* 'вовне, за дверьми', греч. *θύραζε* 'вне' (уже у Гомера)¹⁰ и т. д.

Другой архаической оппозицией, уже касающейся сопутствующих обстоятельств, в ранних славянских правовых текстах является противопоставление *я в н ы й* — *т а й н ы й*. Два же образа еста татьбы: *ово убо яко же глѣтса я в л е н а я т а т ъ б а*, *ово же не я в л е н а я т а т ъ б а* (Повгор. Кормчая 1280 г., Закон Судный); *я в л е н ы й ж е т а т ъ е с т ъ*, *егда со украденым добыткомъ . . . и еще не допешь украденаго . . . аще же отнеси и положи . . . и потомъ и аще ять будетъ с таковымъ, Н Ъ С Т Ъ я в л е н ы й т а т ъ* (Там же, л. 323). Соответствующее противопоставление в раннем римском праве, касающемся татьбы, выступает в языковой форме оппозиции *furtum manifestum* и *furtum nec manifestum*; ср., в XII табл. (VIII, 16): *si adorat furto, quod nec manifestum erit — duplione damnum decidito* и т. д. Строго говоря, возможно и дальнейшее разражение этой части

формулы через приложение различных ветвящихся бинарных уточнений.

При использовании рассматриваемой схемы существенно процедура выявления истинности происшествия, соответственно наличия вины. Соответствующая процедура восстанавливается для общиндоевропейского с соответствующими языковыми ее выражениями. Речь идет о ситуации судебного диалога или, точнее, о самом его ядре, в котором устанавливается, соответствует ли разбираемый случай указанной схеме в ее левой части. Уже семантика лат. *sōns* 'виновный' из *sont-s 'сущий — истинный' (ср. лат. *sunt* 'они суть') и др.-исл. *saufr* 'виновный' предполагает поставленный обвиняемому вопрос и ответ типа «Да, есмь» (*esmy, лат. *sum*) с возможными вариациями по лицам и числам или «Нет, несмы» (*n e-esmy)¹¹. По-видимому, такая исходная ситуация может быть реконструирована и для славянской правовой традиции; ср. рус. и ц.-слав. *сущий* в сочетаниях типа *сущая правда*. Родственное хет. *ašant-* 'истинный—сущий' в юридических и сакральных формулах признания в грехе употребляется в хетских молитвах против чумы в формуле, возводимой к общиндоевропейской. За признанием вины (*waštul tarnahhun* 'вину я признал') перед одним и тем же заключительным предложением (*iyawen-at* 'мы — сделали — это', *iyanun-at* 'мы это сделали') следует в двух случаях личная форма 3 л. *ešziy-at* (дословно 'Есть — это'). в одном — причастие *ašant* — в точной такой же конструкции *waštul tarnahhun ešziy-at* 'я признал (свою) вину (грех)': «Это истинно так. Мы это сделали» (2-я молитва Мурсилса II во время чумы, § 6, 3; § 9, 5), *waštul tarnahhun ašan-at iyanun-at* 'я признал (свою) вину (грех)': «Это истинно так. Я это сделал» (там же § 10, 6). С синхронной точки зрения соотношение этих двух конструкций описывается следующим образом: «В первых двух местах личная форма 3 л. ед. ч. наст. вр. глагола *ešzi* используется в архаическом значении 'является истинным'. Но в третьем месте осуществляется синтаксическая номинализация благодаря использованию причастия ед. ч. ср. р. 'истинно существующий'. Глагольное предложение трансформируется в именное предложение, и получаемая в результате форма 'гождественна латинскому *sōns*'¹². Особый интерес представляет то, что производное от соответствующего педийского *sānt-* — слово *satyá-* в архаическом гимне «Ригведы» (VII, 104)

употребляется в именном придаточном предложении *uád satyám*, 'которое (из двух соперничающих слов) правдивое'. Здесь отражен сакральный и предправовой мотив борьбы правдивого и ложного слов, возводимый к общепалеоиндоевропейскому ввиду наличия ряда точных параллелей, в том числе славянских¹³. Сопоставление хеттского и древнеиндийских употреблений с архаическим латинским (ср. у Варрона: *antique fere formula utuntur, cum emptor dixit: Tanti sunt mi emptae (si. oues? et ille respondit: Sunt)*) позволяет предположить диалог типа «является ли это сущим? Есть ли это?» — «это сущее (то есть)» = «это истина». В том же плане важны и производные от того же корня, выступающие в славянском в юридическом значении: др.-рус. *истец*, а также *исто*, *истое*, *истина* (в имущественном смысле) и т. п.

В тех случаях, где для выяснения виновности недостаточной оказывалась диалогическая процедура, использовалось обращение к ордалии — Божьему суду. В частности, Божий суд предполагает испытание водой и/или огнем; ср. чеш. *Právo voda* (Кн. Rožmberská, 155, Výbor i do vody břísti (Řád práva zemského, 68, Výbor) и т. п. как в славянских традициях, так и в других индоевропейских¹⁴. Выбор стихий, с помощью которых производится испытание, характерен в том отношении, что эти же стихии, будучи в распоряжении бога Громовержца в основном мифе, выступают как орудие наказания противника бога, который, кстати, и сам связан с теми же стихиями (Змей Огненный и т. п.).

После выявления согласно описанным процедурам вины и сопровождающих ее обстоятельств (включая и здесь специально неразбираемый вопрос об умышленности и печальности, хотя многое из этого и предполагается сказанным выше, в частности, об оппозиции я в н ы й — т а й н ы й) предполагается выполнение последней части формулы, связанное с компенсацией, выражаемой такими понятиями, как *мзда* (ср. родственные слова типа *мстити*), *цена*, *вира* и т. д., ср.: оже ли себе не может *мстити*, то взяти емоу за обиду 3 гривнѣ, а лѣтцю мзда (Русская Правда, краткая редакция, 2). А мзды ему нарецающеся на всяко лѣто 3 шлязи предъ послухомъ, и тако скончавшу ему цѣну, да отпущается свободен (Судебник царя Константина, ПСРЛ, т. VI, с. 74); Оубьеть муж мужа, то мстити братоу брата, или сынови отца, либо отцю сына, или братоучаду, либо сестриноу сынови; аще не

буодеть кто мстыя, то 40 гривень за голову (Русская Правда, Краткая редакция, .); А иже оубьють огнищанина в разбои, или оубицца не ищоуть, то вирное платити, в неи же вири голова начнетъ лежати, там же, 19; Володимер же ѿвергъ виры нача казнити разбоиники, Повесть временных лет, 6504 л.; А ktorom истецъ на судиби ротѣ не станеть, ино ему заплатитъ без целованья, а цѣна ему, что искали на нем. Псковская судная грамота, 23 и др.

В некоторых из ключевых терминов, связанных с возмещением ущерба, можно обнаружить повторяющиеся в разные эпохи развитие от обозначения коллективного возмещения, кровной родовой мести к наименованию имущественного штрафа; ср. слав. *сѣна < и.-е. **k^woina*, греч. *ποινή* 'пена, выплата, возмещение', авест. *kaēna* 'возмещение' и т. д.; слав. *мзда при *мьстити 'мстить', 'заставить компенсировать', греч. *μισθός* 'возмездие, кара, мзда, вознаграждение', *μισθῶ* 'отдавать в паем'. Такое соотношение в имени и в глаголе в древнегреческом дает представление и о мотивировках соотношения славянского обозначения Суда *судъ 'суд' с лит. *saūdas* (*samdā*) 'наем', *samdūti* 'нанимать, брать человека на работу, рядить, подирать'. Оба слова, восходящие к той же индоевропейской форме, что и греч. *σύνθεσις* 'условие, соглашение', др.-инд. *sam-hitā* — 'соединение' и т. д. (т. е. из и.-е. **som + *dheH-*, ср. хет. *-šan + dai-*) могут объясняться как имеющие в основе единый семантический комплекс — 'сделка, соглашение, заключающееся на суде и имеющее отношение к определению эквивалентности ущерба и компенсации'.

Наряду с рассмотренным наиболее частым применением изучаемой формулы, где под з имеется в виду компенсация, в славянском праве возможны и такие случаи, где равновесие восстанавливается путем легализации совершенного, при которой и идея соглашения — сделки и мзды — в чистом виде отступает на задний план. В таких случаях речь идет о самостоятельном употреблении либо первой части формулы (где тогда глагол, называемый перформативным¹⁵, сам означает совершение некоторого юридического действия типа назначить, провозгласить и т. п.), либо второй, которая узаконивает положение, сложившееся действительно, описываемому в первой части (по первоначальной формуле: да будет так, закрепляющей существующее положение). Это последнее вероятно для наиболее

ранних форм брачного права с использованием умыкания, что отражено в семантике славянских терминов типа слав. *vesti, *vodima (jd) как название невесты, а также в сообщениях летописных и других древних источников. Дальнейшая эволюция, прослеживаемая по текстам, предполагает два этапа: умыкание, за которое платят, и переход невесты от родителей к жениху за соответствующую мзду. Следы более древнего брачного права стойко удерживаются в обычаях брачного откупа (вплоть до настоящего времени), а также в соответствующей терминологии (ср. сев.-рус. диалектн. *волк* как название дружка жениха, обычай нападения «волков» на брачный поезд, совпадающий с хеттским законом насильственном умыкании невесты, человек, «становящимся волком»¹⁶, и т. п.).

Рассмотренная выше основная юридическая формула, которая является не только результатом реконструкции, но с меняющимся наполнением конкретными терминами отражена и в реальных раннеславянских правовых текстах, функционировала в рамках системы более общих представлений мифологического характера, где она и получала свою первоначальную мотивировку. Речь шла о ситуации первого прецедента, т. е. первого нарушения равновесия как в отношении социального, так и в отношении космического устройства.

Долго удерживался взгляд, согласно которому любое преступление является по идее преступлением против вселенской гармонии или равновесия, нарушающим не только социальный порядок, но затрагивающим и сферу природы. Такую соединенность социального и природного можно в ином смысле отнести и к реконструированному в другом месте тексту основного мифа, посвященного первопреступлению и наказанию (возмездию) за него. В самом общем виде в этом мифе речь идет о первом нарушении status quo: противник бога похищает его жену (или символы, ей мифологически эквивалентные: разные воплощения богатства, прежде всего скот, в результате чего прекращается плодородие, запираются воды, сохнут растения, перестает плодиться скот). Последующее развитие действия связано с восстановлением status quo. В результате поражения противника бога огнем (и водой, ср. гроза в мифе о боге громовержце, который и является наиболее частым персонажем в основном мифе) возвращаются его жена, скот и т. д.¹⁷ Тем самым в этом основном мифе разыгрывается тема столкновения доброго

и злого начал, того, что дозволено и того, что не дозволено, запрещено. Сам сюжет по сути дела и изображает суд, приводящий к победе правого и восстановлению нарушенной гармонии или равновесия. Хотя сам суд языковыми средствами передается элементами, обозначающими положительное, решение вопроса, сделку, соглашение, он все время ориентирован на выбор между добром и злом, правдой и кривдой. Такая интерпретация подтверждается и распространенными в разных традициях версиями судебного по сути дела поединка двух сторон — бога и его противника и правды и кривды или истины и лжи (ср. иранскую версию дуалистического сюжета, связанную с Arta-, Aša и Druj- при особой роли третьего — посредника, судьи), доли и недоли. В славянском фольклоре известны сюжеты, где Суд (или Усуд) посылает долю — сербо-хорв. Срећа. В этом отношении суд как соглашение связан с с у д ь б о й как выбором одного из двух означенных элементов и соотносим с более широким классом мифологических существ, ведающих жизнью человека; ср. рус. Судьба, судинушка в фольклорных текстах, сербо-хорв. сојеница, сујеница, чеш. sudice и др.). В славянской традиции, как и в иранской, Бог выступает как 'благая доля судьбы', слав. *водъ, др.-ир. бага- (именное производное от индоевропейского глагола со значением 'делить, наделять'). Сходную семантику имеет и славянская основа *rog-, и ее производное со значениями 'благое время, пора, сила, зрелость' при др.-иран. rā- со сходными значениями и греч. Πάρος как обозначения 'древнейшего из богов', обозначившим 'судьбу, долю'¹⁸. Можно напомнить, что и в основном мифе Бог выступает как судья и одновременно как распределитель богатств.

Одним из проявлений исключительного архаизма славянской юридической лексики является сохранение фразеологизмов с числительным *третий* и его производными типа рус. др.-рус. *третий, третейский суд*, по корню и семантике прямо соответствующее иероглиф. лувийск. triwani- 'судья, triwanji- 'судить' (при хет. kutruwaš 'свидетель' < *k^wtru-(w)os 'четвертый'¹⁹, предполагающее древнюю дуальную структуру судебного поединка с судьей — «третьим» нейтральным «секундантом» — посредником. Ср. такие особенно ясные древнерусские юридические контексты, как: А чего ми будет искати на твоихъ боярех, или чего искати тебъ на моихъ боярехъ, нам отослати от себе по боярину, тѣ тому дѣлу учинять ис-

праву; а ци о каковъ дѣлъ межѣ себе сопрутѣ, ѣхати имъ на трети, кого собѣ изберуть: тамо, ѣхавъ, перемолвятся (Договорная грамота великого князя Дмитрия Ивановича с князем Владимиром Андреевичем, 1362 г., ДДГ); А что ся учинитъ межѣ насъ князем каково дѣло, ино съйдутся бояръ наши на рубежь, да межѣ насъ поговорятъ; а не уговорятся, ини ѣдутъ на трети на князя на великого на Ольга (Договорная грамота великого князя Дмитрия Ивановича с великим князем Тверским Михаилом Ярославичем, 1375 г., ДДГ); а чьи судьи на трети не пойдутъ, или на кого трети помолвить, онъ взятого не отдаст, то правому отнять (Там же); А которая дѣла учинятся межѣ нами, и намъ отъслати своих бояръ, инѣ исправу учинять; а о чемъ сопрутѣ, ини будутъ къ митрополиту; а не будетъ итрополита в сеи земле, инѣ на трети, кого себѣ изберуть (Договорная грамота великого князя Дмитрия Ивановича с братом Владимиром Андреевичем, 1389 г., ДДГ); А о чемъ ся судьи ваши сопрутъ, ини ся зовутъ на трети, а не изберуть собѣ третего, ино имъ трети язъ князь великии (Договорная взаимная грамота великого князя Василия Васильевича, князя Углицкого Дмитрия Шемяки и князя Бежецкого Дмитрия Красного с Галицким князем Василием Косым, 1435 г. ДДГ); ср. также архаическую формулу в позднейшем тексте: А полюбили есмя себѣ обои исци трети хъ, игумена Нифонта да Ондreja Григоріева . . ., положилися обои исци на тех третьихъ, как намъ укажут между, то нам межа любя; а трети е, став на землѣ, молвили (Разъезжая (третейская) на земли Кириллова монастыря и отчинников Якова и Якима Трусовых, 1526 г., Акты). Сходное употребление числительного лит. *trečias* сохраняется в сочетании *trečiasis teismas* 'третейский 'суд'. В связи с проблемой архаических мифопоэтических формул в составе индоевропейского сакрально-юридического языка исключительный интерес представляет выяснение того, в какой мере др.-рус. *третии*, лит. *trečias* в указанном сочетании иероглиф. лувийск. *triwani* связаны с мотивами, характерными для ведийского Триты, в особенности с его размышлениями о том, что справедливо и что несправедливо (*kad va ṛā́m kad anṛtam, Ṛg-Veda, I, 105, 5*)²⁰. Юридическая роль 'третьего' (ведийского Триты, авестийского Трайтаны) связана с его специфической приуроченностью к 'правде' (вед. *ṛta*, авест. *aša*).

Разительное сходство архаических мифопоэтических и предправовых формул свидетельствуется различными индоевропейскими традициями.

Древнеирландская поэзия, отличающаяся особой архаичностью (как в отношении сюжетов и форм, отсылающих к мифопоэтической эпохе, так и в отношении внутренней структуры поэтических текстов; ср. также сложную иерархию поэтов, особые школы для обучения поэтов, наличие значительного числа руководителей по поэтическому искусству и т. п.), многократно свидетельствует об особой близости поэтических форм и юридических текстов, поэтов и юристов (судей, представляющих собой прямое продолжение языческих жрецов, — арбитров при ритуальных прениях). В древней книге ирландских законов («*Senchus Mór*») содержится важное указание: «До прихода Патрика (т. е. до введения христианства) только трем разрядам людей разрешалось говорить публично в Эрине: и сторику — повествовать о событиях и рассказывать историю, поэту — восхвалять и хулить и судье — произносить приговор»²¹. Изданные Р. Турнейзеном трактаты по поэтическому искусству, в частности по стихосложению, свидетельствуют, что в последний год многолетнего обучения поэт изучает и поэзию, и право, так сказать, на высшем магическом уровне. Так, например, он учится заклинаниям (в стихотворной форме), которые имеют целью обнаружить вора, предотвратить преступление и т. п. Не случайно, что древнеирландский поэт-филид функционировал как маг, пророк-порицатель, мудрец, дающий советы королю, врач, судья, хранитель поэтической (и исторической) традиции. Известно, что отказ от стихотворной речи при судопроизводстве в Ирландии произошел относительно поздно²². Эта картина имеет многообразные аналогии в древнеславянской скальдической поэзии (в которой даже подозревают иногда сильное кельтское влияние), в правовой традиции Древней Индии (ср. «Законы Ману», «Законы Нараяды», «правовые» сутры и т. п.). С соответствующими поправками эта ситуация восстанавливается и для древнеславянского права, формулирующего свои положения в стихотворном виде.

По мере продвижения исследований в области каждой из юридических индоевропейских традиций выявляется все большее их сходство, касающееся как регламентации отмеченных выше правовых установлений, так и иерар-

хии преступлений по отношению к существовавшим социальным институтам. В качестве одного из наиболее ярких примеров можно сослаться на далеко идущее сходство сохраненного Титом Ливием римского обычая передачи наиболее тяжелого преступления (*perduello*)²³ на суд (священного) царя (*rex*), а на решение народного собрания (*concillium populi*) и на в точности аналогичные древнехеттские правовые установления. Согласно Титу Ливию (I, 26, 5), *Tamen raptus in jus ad regem. Regem ne ipse tam tristis ingratiue ad vulgus iudicii ac secundum indicium supplicii auctor esset, concilio populi advocato 'Duumviros' inquit, 'qui Horatio perduellionem indicant, secundum legem facio.* Как самый обычай привода на суд 'царя' (хет. *haššu* < и.-е. *H₂s-*eu*, др.-исл. *aesir*, др.-инд. *asura-*), так и созыв 'собрания' (ср. хет. *tulīia-*, др.-исл. *Þulgr*) имеют точные семантические параллели в древнехеттском праве. По отношению к каждой из таких (пред)правовых индоевропейских юридических традиций, как славянская, одной из существенных задач является выявление возможных следов подобных юридических архаизмов, самый поиск которых до недавнего времени не ставился в качестве задачи перед исследователями. В качестве одной из возможностей установления семантических сходств между такими древнейшими индоевропейскими предправовыми ритуальными и юридическими традициями, как хеттская, и ранними славянскими можно указать на последовательность: лошадь — корова в славянских ритуалах (в частности, строительных)²⁴ и раннем праве (а за кобылу, за вол, за корову. — Кратк. Русск. Правда); у клячи . . . у коня . . . у говеда . . . у корове. . . (Там же), с одной стороны, в последовательности ритуальных домашних животных в древних индоевропейских рядовых и правовых традициях — с другой (в частности, в хеттских законах, древнеиндийских и римских иерархически упорядоченных множествах приносимых в жертву существ, где строго выполнялась последовательность: человек — конь, кобыла — бык, корова и т. д.)²⁵.

Аналогичные предправовые истоки выявляются и по отношению к другим ценностям (аксиологическим) иерархическим рядам. Везде, где в одной из древних индоевропейских предправовых традиций удается обнаружить юридически значимую иерархическую последовательность (живых существ, предметов, обстоятельств времени, места и т. п.), обычно выявляются более широ-

кие индоевропейские параллели для такой последовательности, предполагающие общее происхождение из праиндоевропейского источника.

Помимо тех сходств славянской правовой (и «предправовой») традиции с другими индоевропейскими правовыми системами, которые можно объяснить общей связью с единым мифопоэтическим источником, кратко охарактеризованным выше, имеется целый ряд технических деталей, лишь частично отмеченных выше, необъяснимых вне предположения о существовании некоего чисто правового собрания ранних индоевропейских формул, которые могут продолжаться с достаточной полнотой соответственно в славянской, римской, древнеиндийской, хеттской традициях. Сама задача реконструкции такого индоевропейского текста Первозакония представляется осуществимой во многих важных блоках. Языковый синтаксический каркас обеспечивается родственными языковыми элементами, а его конкретное заполнение реалиями может быть связано и с восстановлением исходного мифопоэтического текста.

¹ Parry M. L'épithète traditionnelle dans Homère. Paris, 1928; Idem. Studies in the epic technique of oral verse-making. I. Homer and Homeric style; II: The Homeric language as the language of an oral poetry. — Harvard Studies in Classical Philology, 1930, vol. 43; Parry M., Lord A. B. Serbo-croatian heroic songs. Cambridge and Belgrade. Vol. I—II; Lord A. B. Composition by theme in Homer and South-slavic epos. — Transactions and Proceedings of the American Philological Association. Boston, 1951, vol. 82, p. 71 ff; Idem. The role of sound patterns in Serbo-croatian epic. — In: For Roman Jakobson. The Hague, 1956, p. 301 ff; Idem. The Singer of tales. Cambridge (Mass.), 1960; Idem. Tradition and the oral poet: Homer, Huso and Avdo Med-

jedović. — In: Atti del V convegno internazionale sul tema: La poesia epica e la sua formazione. Roma, 1970. Ср. также: Kirk G. S. Studies in some technical aspects of Homeric style. — Yale Classical Studies. 1966, vol. 20, p. 73 ff; Idem. Formulaic language and oral quality. — Ibid., p. 153 ff; Харкинс В. О метрической роли словесных формул в сербохорватском и русском народном эпосе. — In: American Contributions to the Fifth International Congress of Slavists. Sofia, 1963. The Hague, 1963. ² Isacenko A. V. Hortativsätze mit *a, i, ti, to* im Ostslavischen. — Scando-slavica, 1970, t. XVI, p. 189—203; Idem. Opera selecta: Russische Gegenwartssprache, russische Sprachgeschichte: Probleme der slavischen Sprachwissenschaft. München, 1976.

- ³ Zubatý J. O. О јистем зпу-
собу узивани zajmen an a on
a o jeho původe. — *Zubatý J.*
Studie a články. Praha, 1954,
sv. II, s. 88—90.
- ⁴ Ventris M., Chadwick J. Docu-
ments in Mycenaean Greek/
2 ed. by J. Chadwick. Camb-
ridge, 1973, p. 538—540.
- ⁵ Bader F. Particules d'énumé-
ration mycéniennes. *Minos*,
1976, N. S. XV, fasc. 4;
Idem. Une isoglosse gréco-
tokharienne: *yo affixe cas-
sual et particule d'énumération.
— *Bulletin de la Société de linguistique de Paris*,
1975, t. LXX, fasc. 1.
- ⁶ Bauer J. *Suñactica slavica*.
Brno, 1972, s. 231, 328,
373.
- ⁷ Комарович В. Л. Культ рода
и земли в княжеской среде.
XI—XIII вв. — *Труды От-
дела Древнерусской литера-
туры Института русской лите-
ратуры АН СССР* (далее —
ТОДЛ). 1960, XVI, с. 97.
- ⁸ Goetze A., Sturtevant E. The
Hittite ritual of Tunnawi,
New Haven, 1938 (IV 13 и
комментарий к этому месту);
Pawkins J. D., Murgurgo—
Davies A., Neumann G. Hiti-
tite hieroglyphs and Luwian.
New evidence (*Akad. d. Wis-
senshaften in Göttingen*: I.
Philolog.—histor. Klasse,
Jahrgang 1973, N 6), Göttingen,
1973, S. 148; Tischler J.
Hethitisch etymologisches
Glossar. Mit Beiträgen von
G. Neumann. Lief. 1 (*Inns-
brucker Beiträge zur Sprach-
wissenschaft*, Bd. 20). (Inns-
bruck, 1977, S. 189. К сопо-
ставлению со славянским ср.:
Трубачев О. П. К этимологи-
и некоторых древнейших
славянских терминов род-
ства. — *ВЯ*, 1957, № 2, с. 88;
Он же. История славянских
терминов родства и некоторых
древнейших терминов общест-
- венного строя. М., 1959, с. 152.
В недавнее время эта этимоло-
гия повторена также в ра-
боте: Catzanicos J. L'évolution
des «laryngals» à l'initiale
de mot en hittite. — In: *Ecole
pratique des hautes études.*
IVe section. Sciences histo-
rique et philologique. Annuaire
1977—1978. Paris, 1979, p. 135
(Там же: см. об арм. ordi,
родит. надеж ordvoу 'сын',
где, однако, вызывает труд-
ности именно отсутствие на-
чального ларингального).
В свете разбираемой этимоло-
гии могут представлять ин-
терес и многочисленные вос-
точнославянские производные
от родъ типа рус. *отродье*,
овродок, *изверг рода* . . . *ху-
дородный* — с одной стороны
(негативный ряд терминов),
и типа *родовитый*, *благород-
ный* (положительный род),
большинство которых встре-
чается и в правовых или
предправовых контекстах, —
с другой.
- ⁹ Watkins C. Studies in the
Indo-European legal lan-
guage, institutions and mythol-
ogy. — *Indo-European and
Indo-Europeans*. Philadelphia,
1970, p. 324—354.
- ¹⁰ Benveniste E. *Vocabulaire
des Institutions indo-europeen-
nes*. Paris, 1969. T. I.
- ¹¹ Иванов В. В., Топоров В. Н.
О языке древнего славянского
права (к анализу нескольких
ключевых терминов). —
В кн.: *Славянское языкозна-
ние: VIII Международной
съезд славистов*. Загреб—
Люблина, сентябрь 1978 г.
Доклады. М., 1978, с. 227—
228.
- ¹² Watkins C. *Latin sons*. — *Stu-
dies in historical linguistics
in honor of G. S. Lane*. Chapel
Hill, University of North Car-
olina, Press, 1967, p. 186—
194.
- ¹³ Ср.: Kuiper F. B. J. The An-
cient Argau verbal contest
Indo-Iranian Journal, 1960.
vol. 4, N 4.
- ¹⁴ Schlagintweit E. Die Gotte-
surteile der Indier. München,
1866; Kaegi A. Alter und
Herkunft der germanischen
Gottesurteils. — In: *Festsch-
rift zur Begrüssung XXIХ
Versammlung deutscher Philo-
logen*. Zürich, 1887, S. 40—
60; Manzini V. La procedura
ordalica nel manuale d'un
antico giuresconsulto in-
diano. — In: *Atti del Reale
Istituto Veneto di Scienze,
Lettere ed Arti*, 1903—1904,
vol. 63, N 2, p. 333—358;
Derrett J. D. M. Ancient
Indian «Nonsense» vindica-
ted. — *Journal of the Ameri-
can Oriental Society* 1978,
vol. 98, N 1, p. 101; Laroche
E. Fleuve et ordalie en Asie
Mineure Hittite. — In: *Festsch-
rift H. Otten*. Wiesbaden,
1973, S. 186 u. a.; Watkins
G. Une désignation indo-euro-
peenne de l'eau. — *Bulletin
de la Société de linguistique
de Paris*, 1972, vol. 68, fasc.
1, p. 39—46.
- ¹⁵ Бенвенист Э. *Общая лингви-
стика*. М., 1974.
- ¹⁶ Ср.: Иванов В. В. Рекон-
струкция индоевропейских
слов и текстов, отражающих
культ волка. — *Изв. АН
СССР. Сер. лит. и яз.*, 1975,
№ 5.
- ¹⁷ Иванов В. В., Топоров В. Н.
Исследования в области сла-
вянских древностей. М., 1974.
- ¹⁸ Palmer L. R. The Indo-Euro-
pean Origins of Greek Jus-
tice. — *Transactions of the
Philological Society*. London,
1950, p. 165.
- ¹⁹ Oettinger N. Die Stamm-
bildung des hethitischen Ver-
bums. — *Erlanger Beiträge zur
Sprach- und Kunstwissenschaft
(Nürnberg, Verlag Hans Graf)*,
1979, Bd. 64, S. 494, Anm.
- 94, ср.: Топоров В. Н. Прус-
ский язык. *Словарь*. I—K.
М., 1980, с. 342.
- При допущении этой эти-
мологии хет. kutruwas «свиде-
тель» в этом слове предпола-
гается след индоевропейского
названия «четырёх», позднее
вытесненного собственно апа-
толийским: хет. mejawas '4',
винит. падеж meus, лув. ma-
wa '4', перогл. лув. miwa (i)
(лик. mi-rima) (ср. подроб-
нее: Shevoroshkin V. On Hiti-
te-Luwian numerals. — *Journal
of Indo-European Studies*,
1979, vol. 7).
- ²⁰ Ср.: Топоров В. Н. Об отра-
жении одного индоевропей-
ского мифа в древнеармян-
ской традиции. — *Историко-
филологический журнал АН
Арм ССР*, 1977, № 3 (78),
с. 91, 95; *Он же*. *Авест.*
Θrita, Θραδαона, др.-инд.
Trita и др. и их индоевропей-
ские истоки. — *Annali di Ca-
foscari, Ser. Orient*, 1977,
XVI, 3, p. 41—65; *Он же*.
К семантике троячности (слов.
*trizna и др.). В кн.: *Этимоло-
гия* 1977. М., 1979.
- ²¹ Можно напомнить, что само
публичное говорение рассма-
тривалось как текст, связан-
ный с особой формой, харак-
теризуемой как поэтическая.
Восхваление и хуление было,
как и у скандинавских скал-
дов, древнейшей функцией
поэта (соответственно — дре-
внейшими жанрами поэзии).
См.: Hyde D. A. *Literary
History of Ireland*. London,
1899, p. 405. ср. также:
Стеблин-Каменский М. Н.
Происхождение поэзии скал-
дов. — В кн.: *Скандинавский
сборник*. Таллин, 1959, выг.
3, с. 190—192, и др.; *Он же*.
Историческая поэтика. Л.,
1978.
- ²² Интересно, что в древнейших
прладских («личных») поэти-
ческих текстах (с VII в. и. в.)

- видное место занимает юридический материал и генеалогические поэмы. Подробнее см.: *Thurneysen R. Studies in Early Irish Law*. Dublin, 1936; *Bergin O. Irish Bardic Poetry*. Dublin, 1970; *Meid M. Dichter und Dichtkunst in Alten Ireland*. Innsbruck, 1974; *Idem. Dichtung, Rechtspflege und Medizin im Alten Ireland*. — *Antiquitates Indogermanicae*. Innsbruck, 1974, S. 21—34 и др.
- ²³ *Watson A. La mort d'Horatia et le droit pénal archaïque à Rome*. — *Revue Historique de droit français et d'étranger*, 1979, 57e année, N 1, p. 5—20.
- ²⁴ *Zelenin D. Russische (Ostslawische) Volkskunde*. Berlin — Leipzig, 1927, S. 288 (§ 118); *Байбурич А. К.* Обряды при переходе в новый дом у восточных славян (конец XIX — начало XX в.). — СЭ, 1976, № 5, с. 82—83; *Иванов В. В.* О последовательности животных в обрядовых фольклорных текстах. — Проблемы славянской этнографии: (К 100-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Д. К. Зеленина). Л., Наука, 1979, с. 150—154; ср.: *Байбурич А. К.* «Строительная жертва» и связанные с нею ритуальные символы у восточных славян. — Там же, с. 160—162.
- ²⁵ *Dumézil C. La religion romaine archaïque*. P., 1966; *Иванов В. В.* Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов, образованных от *aśva* — 'конь'. — В кн.: Проблемы истории языков и культуры народов Индии: Сб. статей памяти В. С. Воробьева-Десятовского. М., 1974.
- Псковск. Судн. — Псковская Судная грамота. Историко-юридическое исследование. М., 1951.
- грам. ПСРЛ — Полное собрание Русских Летописей. СПб.; М., 1846—1962.
- Суд. — Судебники XV—XVI веков/ Подготовка текстов. Р. Б. Мюллер и Л. В. Черешнина. М.; Л., 1952.

Д. А. Мачинский

МИГРАЦИЯ СЛАВЯН В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ Н. Э.

(по письменным источникам с привлечением данных археологии)

Предлагаемый очерк представляет собой сжатое изложение исследования, в котором предпринята попытка проанализировать и суммировать данные письменных источников о территориях обитания и направлениях миграций славян в I тыс. н. э., а затем сопоставить полученные результаты с итогами археологических и лингвистических изысканий. Сложившаяся в итоге картина миграций славян представляется автору приемлемым (при современном состоянии знаний) приближением к изучаемой реальности.

Статья имеет концентуальный характер, упор делается на обрисовку всей системы исследования и выводов, с несколько более подробной разработкой разделов, еще не отраженных в печати. Особое внимание уделяется определению времени и обстоятельств двух важнейших событий — массового выхода славян в Прикарпатье и Подунавье и первому появлению исторических славян в бассейнах Западной Двины и Волхова. Ход рассуждений излагается в тезисной форме.

I. Территория славянской прародины и выход славян в Прикарпатье (II в. до н. э.—V в. н. э.)

I.1. Сопоставление данных письменных источников и археологии убеждает в том, что с начала II в. до н. э. до середины IV в. н. э. основная масса предков исторического славянства (именовавшихся у германцев *venethi*) обитала на территории, ограниченной с запада средним Неманом и средним и верхним Западным Бугом, с юга —

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Акты — Акты Русского государства 1505—1526 гг./Сост. акад. С. Б. Веселовский. М., «Наука», 1975.
- Быт. — Книга Бытия по списку Троицко-Сергиевской Лавры XIV в.
- ГНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова/Под ред. С. П. Вадка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
- ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., Изд-во АН СССР, 1950.
- Закон Вишодольский — *Ягич И. В.* Закон Вишодольский. СПб., 1880.
- Закон Судный людем — Закон Судный людем краткой редакции / Подготовлен к печати М. Н. Тихомировым и Л. В. Мидовым. М.: «Наука», 1961.
- Кратк. Русск. Правда — Краткая русская Правда в изд.: Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953.
- Новг. 1-я лг. — Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., Изд-во АН СССР, 1950.
- Пов. врем. лет — *Шахматов А. А.* Повесть временных лет: Вводная часть. Текст. Примеч. Пг. 1916. Т. 1.
- Простр. Русск. Правда — Пространная Русская Правда; см.: Кратк. Русск. Правда.
- ПРП — Памятники русского права. Вып. II. XII—XV вв. Сост. А. А. Зимин. М., Изд-во АН СССР, 1953.

линией, идущей от верховьев Западного Буга на нижний Псел, с востока — линией, соединяющей верховья Псла и Оки; северная граница условно проводится на основании лингвистических данных по средней Западной Двине и истоку Днепра на верхнюю Оку. Территория, занимаемая праславянами в это время, не оставалась неизменной, сужаясь и расширяясь в пределах указанной области, где наряду с праславянами постоянно обитали и балты, а также «балтопраславяне». Отдельные группы праславян — венетов — проникают в это время южнее и западнее, достигая к концу II в. н. э. Повисленья, Прикарпатья и нижнего Подунавья¹.

I, 2. До сих пор чрезвычайно трудно определить те археологические культуры, которые существовали в пределах очерченной зоны в период, непосредственно предшествующий выходу славянства на историческую арену (VI в.). Резкое прекращение существования могильников и поселений классической зарубинецкой культуры верховьев Припяти до поречья Днепра между 30—70-ми годами н. э., вызванное одновременным проникновением с юго-востока конных орд сарматов и аланов, а с северо-запада — передвигавшихся преимущественно по рекам отрядов гото-гепидов, не позволяет с уверенностью связывать эту культуру с теми предками исторических славян, которые были известны германцам под именем венетов.

I, 3. В последние десятилетия все отчетливее выявляются достаточно разнообразные памятники II—V вв. н. э. (из коих лишь некоторые имеют пережиточные зарубиноидные черты), распространенные в южной части лесной зоны и на севере лесостепи от правобережья Днепра до верховьев Сейма и Псла и объединяемые под названием «памятников киевского типа». Не вызывает сомнения, что на базе какой-то группы этих памятников при сильном влиянии Черняховской культуры формируется в IV—V вв. Пеньковская культура, достаточно хорошо увязываемая с антами — юго-восточной группой славянства конца IV—начала VII в. Видимо, в формировании Пеньковской культуры участвовало и население лесостепи IV в. н. э., родственное северному лесному и оставившее поселения в зоне распространения черняховской культуры левобережья, отличающиеся от классических черняховских по топографией (всхолмлениями среди болотистой

поймы), и меньшими размерами, и материальной культурой (преобладание лепной посуды северных форм).

I, 4. Если истоки антов уже прослеживаются, то значительно хуже обстоит дело с истоками культуры основного ствола славянства, известного древнерусской традиции под именем «словене» (Sklaveni, sklavinī, stlaveni греко-римских авторов). «Склавенская» культура, именуемая культурой Корчак, или Пражской (далее обозначаемая как культура Прага—Корчак, сокращенно КПК), распространялась в VI—VII вв. от бассейна верхней и средней Эльбы на западе до киевского Поднепровья на востоке, в южной части лесной и северной части лесостепной зон, а также была представлена отдельными памятниками и элементами (в смешении с культурами Пеньковки и Ипотеншь-Кындешт) в левобережном Подунавье и Молдове — Молдавии. В центре этой культуры — севернопикарпатская область с ее древнейшими памятниками, обнаруженными между верховьями Вислы, Прута и Тетерева и датируемыми И. П. Русановой V—началом VI в.²

Исток КПК как целостного комплекса пока не выяснены, а попытки определить ее генезис по отдельным элементам, не характерным для исходных «материнских» культур, методически не убедительны. Перспективным представляется исследование соотношения КПК и верхнеднепровских черняховских памятников, смыкающихся с КПК хронологически и территориально и сходных с ней по некоторым элементам. Однако генезис КПК не будет выяснен, пока не заполнится то белое пятно на археологической карте в южной части лесной зоны между Западным Бугом и Днепром (соответствующее зоне военной активности венетов), на существование которого автор неоднократно указывал. Возможно, в пределах этой зоны и обнаружатся памятники, хронологически и генетически непосредственно предшествующие КПК. Однако в последнее время наметились дополнительные возможности для выявления «археологического лица» славян-венетов II в. до н. э.—середины IV в. н. э.

I, 5. Уже многократно отмечалось, что примерно на той же территории, где в I—IV вв. локализовался этнос, именованный германцами *venethi*, размещался и этнос, известный под именем *stlaveni*³. Этот этноним — то ли самоназвание некоей этнической группы, то ли ее обозначение

ние у западных соседей — прибалтийских галиндов и судинов. В этом этнониме большинство исследователей видят искаженное при переписке древнее самопазвание славян, иногда передававшееся греко-римскими авторами в форме *staveni*. Внимательное исследование толемеевой карты и письменных свидетельств убеждает в том, что *staveni* скорее всего могут быть локализованы на древнем торговом речном пути по Неману (древний Хроп), Березине и Днепру (общее название Березины и Днепра во II в. н. э. — Борисфен), проходившем последовательно через земли понеманских галиндов и судинов, затем ставанов и, наконец, аланов, владевших степями и южной лесостепью. Именно по этому пути через земли ставанов, как показывает картографирование, распространяются из Поднепровья в Прибалтику в конце I в. подвязны фибулы верхнеднепровской серии ⁴, а со II в. н. э. из Прибалтики в Поднепровье — прибалтийские вещи с эмалями. При подобной локализации территория, занятая ставанами (видимо, тождественными венетам германской традиции, отраженной у Тацита и Иордана), соответствует территории культуры штрихованной керамики (КШК) и частично — памятникам киевского типа. Ставя вопрос о возможной славянской принадлежности КШК, мы ранее склонялись к отрицательному ответу. Ныне, в связи с дополнительным изучением письменных источников и появлением новой монографии о КШК ⁵, представляется целесообразным вновь рассмотреть означенную проблему.

I, 6. Территория и время (VI в. до н. э.—IV в. н. э.) существования КШК, резкое прекращение ее развития в середине — второй половине IV в., когда венеты сначала потерпели поражение от готов, а затем, после разгрома готов гуннами, стали расселяться на юго-запад, делают весьма вероятной принадлежность КШК праславянам — венетам (ставанам). При этом надо отметить, что комплексное типологическое сравнение не позволяет выводить «словенскую» КПК из КШК. Однако те черты и тенденции, которые характерны для КШК на позднем ее этапе (бедность вещевых и керамических комплексов, увеличение в последнем процента неорнаментированных горшков плавных очертаний, городища с системой укреплений, сходной с зафиксированной на славянском городище VI—IX вв. Хотомель, отсутствие национальных метал-

лических украшений), сближают ее в некоторых элементах и в общем облике с КПК и позволяют ставить вопрос об их генетической связи. При этом следует учесть, что между этими культурами хронологически лежит бурная эпоха середины IV—V вв. н. э., когда были возможны различные чуждые влияния и сильнейшие трансформации культуры мигрирующего населения.

Кроме того, соответствия в сведениях греко-латинских, славянских и арабских авторов о славянах вообще и о славянах лесной зоны Восточной Европы в частности находят целый ряд характернейших черт поздней культуры. Сюда относится широкое распространение проса, доминирование в комплексе вооружений копий при отсутствии мечей и стрел, наличие скопленных обожженных и расколотых камней, говорящих об особом способе обогрева жилищ и, возможно, бань. Чрезвычайно любопытна такая устойчивая черта КШК, как отсутствие археологически уловимых погребений, при том, что, по косвенным данным, носители КШК все же употребляли какой-то способ кремации погребенного ⁶. Если вспомнить о том обряде погребения, который приписывают языческим славянам лесной зоны Повесть временных лет (ПВЛ) (положение сожженных костей в малый сосуд, ставящийся «на столпе на путех») и арабские авторы (захоронение остатков сожжения в урне или мешке, которые «ставят на холм»), то станет понятно, почему от подобных захоронений практически не осталось уловимых для археолога следов. После прекращения существования КШК на западе ее территории появляется культура восточнолитовских курганов с преобладающими захоронениями остатков кремации, а на востоке — Колочинская культура, где безраздельно господствует трупосожжение. Однако когда около рубежа VII—VIII вв. Колочинская культура, в свою очередь, прекращает свое существование в результате передвижения с юга и запада исторических славян, на древней территории КШК и восточнее, на землях летописных дреговичей и радимичей, мы вновь практически не улавливаем славянских могильников для периода длительностью около 200 лет (VIII—начало X вв.). Создается впечатление, что исторические славяне, возвращаясь на территорию своей лесной прародины, вместе с этим возвращаются и к археологически неуловимым вариантам захоронения кремированных останков; древняя

погребальная обрядность могла сохраняться отдельными группами праславян, оставшимися жить в лесной зоне.

1, 7. В целом сопоставление отрывочных указаний античных историков, географов и картографов с весьма недостаточными данными археологии позволяет нарисовать следующую (пока гипотетическую) картину: Западная ветвь славянства (словене), видимо, являвшаяся носителем КШК, уже в конце I—II вв. н. э. после разгрома зарубинецкой культуры предпринимает попытку прорваться на юг, в Прикарпатье. Зона их набегов в это время соответствует большой зоне археологической трудноуловимости, простирающейся к югу от КШК. Движение готов и гепидов от Прибалтики к Причерноморью в конце II—середине III в. н. э. приостанавливает движение словен на юг, хотя отдельные их группы, возможно, остаются на юге, входя в состав уже существующих (пшеворская культура) или формирующихся (черняховская культура) этнополитических объединений. Во время и после короткого периода вторжений севернопричерноморских варваров в области Римской империи (230—270-е годы) на лесостепных черноземах от Дуная до днепровского Левобережья формируется в середине III в. Черняховская культура (широкая дата III—IV вв., местами — первая половина V в.), распространившаяся среди разноразличного населения, в большинстве своем входившего в этнополитические союзы, возглавляемые готами. Около середины IV в. вспыхивает война между готами и венетами, которая приводит к номинальному включению последних в состав единого северопричерноморского этнополитического союза, возглавляемого Германариком. Это, а также последующий разгром готов гуннами создает возможность для проникновения новых групп венетов на юг, в лесостепь. Археологическим отражением этого процесса в лесостепном Поднепровье является распространение на юг в IV в. памятников киевского типа с отдельными черняховскими элементами. В более западных областях с этими событиями можно связать прекращение тысячелетнего существования КШК, за которым могло последовать (археологически пока неуловимое) переселение части ее носителей (а возможно, и других групп лесного населения, в частности, из «зоны археологической трудноуловимости») на юг, в Прикарпатье.

Переселение в Прикарпатье, — в область, подвержен-

ную сильному влиянию южных и западных цивилизаций, должно было вызвать сильнейшую трансформацию культуры пришельцев. Именно здесь они, вероятно, заимствуют полуполземляночный тип жилища и обычай захоронения кремнированных останков в земле, т. е. происходит как бы «заземление» на плодородных черноземах и материковых лесах северной, лесной «древесной» культуры. Здесь же издревле свойственный КШК способ отощления путем нагрева массы камней, среди или вокруг которых разводился огонь, получает дальнейшее развитие через усвоение идеи и конструкции купольной печи, представленной глиняными гончарными печами Черняховской культуры; в итоге возникает характернейший элемент КШК — купольная печь-каменка, распространяющаяся в V—VI вв. в родственных культурах Колочина и Пеньковки. Однако во многом формирующаяся в конце IV—начале VI в. между верховьями Прута, Вислы, Припяти и Тетерева КШК сохраняет свой северный облик (бедность вещевого комплекса, отсутствие национальных украшений из металла и дорогого оружия, бедность керамического комплекса, видимо, объясняемая обилием форм деревянной посуды, обусловленным «лесной традицией»).

Уход на юго-запад везиготов около 378 г. и остроготов в середине V в. приводит к усилению самобытности формирующейся культуры словен, которая во второй половине V—начале VI в. приобретает классические черты КШК.

В это время словене Прикарпатье, используя выгодную политическую ситуацию (отступление гуннов в Приазовье и уход остроготов на запад), устремляются на нижний Дунай, куда вскоре продвигаются и восточные их родичи — анты.

II. Дунайский этап славянской истории (конец V—середина VII вв.)

В это время славяне продвигаются на запад, в бассейны Одера и Эльбы, и на юг, в Подунавье и на берега Эгейского моря. При этом значительные группы славяноязычного и балтославянского населения остаются в лесной зоне Восточной Европы. Название «Дунайский этап» связано с тем, что именно дунайские миграции, события и контакты определили прогрессивные изменения в жизни славянства этой поры и восточного и южного славянства последующей эпохи.

Автор статьи опирается на плодотворные наблюдения И. И. Ляпушкина⁷, показавшего, что известный рассказ ПВЛ о поселении славян на Дунае и расселении оттуда повествует отнюдь не о славянской прародине и происхождении славян (как понимали этот рассказ ранее), а о древнейшем историческом периоде, сохранившемся в памяти славянства, существовавшего, как это явствует из текста ПВЛ, задолго до Дунайского этапа. Кроме того, И. И. Ляпушкин убедительно сопоставил Дунайский этап славянской истории по ПВЛ со сведениями византийских авторов и Иордана об активном выступлении славян в VI—VII вв. в тех самых областях Подунавья, где отмечает их первичное расселение ПВЛ. При таком подходе легенда о расселении с Дуная, сохраненная в ПВЛ, представляется достойной доверия и хорошо увязывается с данными других источников. В ряде пунктов построение И. И. Ляпушкина может быть развито и уточнено. В предлагаемых ниже реконструкциях истории славянства широко и доверительно используются данные ПВЛ и в меньшей степени — Начального свода (НС), сохранившегося в Первой новгородской летописи младшего извода. Учитывая разнообразие источников, использованных авторами ПВЛ, мы в данном случае делаем акцент на поразительное единство ПВЛ в области авторского мировоззрения и политической позиции, позволяющее предполагать, что изложенная в ПВЛ догосударственная история славян представлялась авторам, рассказчикам и читателям непротиворечивой и достоверной. Есть все основания в общих чертах доверять нарисованной в ПВЛ сложной картине славянских миграций, пока данные археологии не позволят уточнить и в чем-то исправить ее.

II, 1. Исследование всей системы античных письменных источников убеждает, что в пределах IV в. до н. э. — середины V в. н. э. в среднем и нижнем Подунавье не появлялось сколько-нибудь значительных масс славяноязычного населения (хотя можно допустить проникновение отдельных групп праславян с конца II в.). Поэтому есть все основания, вслед за И. И. Ляпушкиным, связывать Дунайский этап истории славянства с событиями VI—середины VII в., когда в Подунавье фиксируются огромные массы славян, проникающих с севера.

II, 2. Представление об объеме понятия «словене», зафиксированное в недатированной части ПВЛ, не совпадает с объемом современного понятия «славяне VI—

IX вв.». По представлению авторов ПВЛ, словенами на раннем этапе именовались лишь славяне дунайские, а также славяне, жившие непосредственно к северу от Карпат (белые хорваты и дулебы); отметим, что такое значение этнонима «словене» соответствует значению этнонима «склавлены» в сочинениях авторов VI в. (Иордан, Прокопий). Среди восточноевропейского населения к словенам причислялись лишь потомки этих дунайско-прикарпатских словен, непосредственно с юга расселявшихся в северо-восточном направлении (словене ильменские, полочане, дреговичи, север, древляне, поляне и воляняне — видимо, потомки дулебов). Вятичи, радимичи, уличи, тиверцы, кривичи к собственно словенам не причислены.

II, 3. Под этнонимом «волхи», обозначающим врагов дунайских славян, мы склонны понимать, в отличие от И. И. Ляпушкина, в первую очередь не авар и болгар, а тех носителей романских диалектов, с которыми славяне столкнулись на Дунае. Этноним «волх» заимствован славянами скорее всего у германцев и обозначал древнее население северной части Балканского полуострова, среди которого к V в. господствовали романоязычные группы. Следовательно, под волхами на Балканах в VI в. (когда граница Восточной Римской империи проходила по Дунаю) славяне могли подразумевать: а) романоязычное население пограничья Восточной Римской империи, живущее в Подунавье и по Адриатике; б) дунайскую армию «ромеев», сформированную в большей части из романоязычного населения Балканского полуострова и использовавшую латынь как традиционное армейское «эсперанто», а также язык команд и распоряжений; в) отдельные романоязычные группы, сохранившиеся в горах, севернее Дуная; г) романоязычное население, захваченное в плен славянами и продолжавшее жить в их среде. Позднее, когда в начале VII в. дунайская граница была прорвана и массы славян расселились вплоть до Эгейского моря, ситуация в Подунавье сильно изменилась. С этого времени под именем влахов выступают в первую очередь потомки отмеченных выше групп (а, в, г), фактически отрезанные от Византии и лишенные ее существенной поддержки⁸. Из этих романоязычных групп складывается этническая группа влахов, фиксируемая с конца VII в. на северном, левом, берегу Дуная (Летописные глоссы на полях Хроники Манассия, примечание к событиям 668—685 гг.)

и сумевшая в начале X в. оказать вооруженное сопротивление венграм⁹. Кроме того, влахами именуются и мелкие группы романского населения, оставшегося на основной территории империи, более всего — на побережье Адриатики. В Византии в VII в. официальным языком становится греческий, что, естественно, распространяется и на армию, лишившуюся романских контингентов солдат.

II, 4. Легенда ПВЛ о поселении славян на Дунае, «где есть ныне Угорьска земля и Болгарьска», не могла быть записана, вопреки господствующему мнению, в начале XII в., так как в это время не существовало «Болгарской земли» как государственного образования, сопоставимого с могучим венгерским государством — Угорской землей, а сразу за Дунаем начиналась «Греческая земля», о чем хорошо было известно на Руси. Таким образом, первичная запись легенды никак не могла быть сделана позднее 1018 г. (падение первого Болгарского царства), а, вероятнее всего, легенда была записана в эпоху максимального могущества Болгарии при царе Симеоне (893—927 гг.) или в первые годы правления его сына Петра, до 931 г., когда еще не были утрачены владения Болгарии на левом берегу Дуная, где концентрировались в VI в. славяне, куда направлялись походы ромеев, где с VII в. начинает консолидироваться влашское население, а с XIV в. известна область, именуемая Валахией. Учитывая время занятия уграми среднего Подунавья (ок. 895 г.), можно считать, что первичная запись легенды была сделана между 895—930 гг. или несколько позднее, когда земли севернее Дуная еще иногда именовались Болгарией, хотя и были захвачены печенегами (как это отмечает Константин Багрянородный в 948—952 гг.), но во всяком случае не позднее событий 971 г., когда Болгария практически утратила почти все свои владения даже на южном, правом, берегу Дуная.

Возможно, первичная запись легенды вошла позднее в какое-то более обширное сочинение. В связи с этим следует отметить, что в ПВЛ впервые в русском летописании появляются датированные записи (отсутствующие в составленном еще в XI в. своде, сохранившемся в Новгородской первой летописи младшего извода), касающиеся болгарской и угорской истории второй половины IX — первой половины X в., уделяющие большое внимание деятельности Симеона, никак прямо не связанные с русской историей и обработанные рукой болгарофильски

настроенного автора¹⁰. Полагаем, что все эти данные были извлечены вместе с договорами русских с греками 907, 914, 945, 971 гг. (также впервые появляющимися в ПВЛ) из княжеских архивов, к которым в 1113—1119 гг., при Владимире Мономахе, получили доступ составители ПВЛ. Текстологический анализ рассказа о Дунайском этапе и связанных с ним мест недатированной части ПВЛ подтверждает мнение о том, что этот рассказ восходит к записи, сделанной не позднее 970 г.; возможно, первые сочинения по славянорусской истории создавались в Киеве писателями болгарского происхождения или выучки. Все эти соображения увеличивают доверие к достоверности того народного исторического предания, которое легло в основу рассматриваемого места ПВЛ.

II, 5. Исходя из текста ПВЛ, можно установить, что, по представлению летописцев, нападение волхов на дунайских славян произошло после появления славян в Чехии и Моравии и до поселения тюркоязычных болгар среди дунайских славян. Первые достоверные сведения о славянах в Чехии относятся к 548—549 гг.¹¹, а окончательное утверждение болгар в Подунавье происходит в 680 г. (Хроника Феофана). Именно к этому временному промежутку относятся три успешных похода византийской армии в 593—602 гг. против славян, населявших плодородные равнины на левобережье среднего и нижнего Дуная. Эти походы могли оставить яркое впечатление в эпической памяти славян, но не они привели к отливу славян на север, так как государственный переворот Фоки в 602 г. приводит империю к внутренним беспорядкам, в результате которых славяне окончательно прорывают дунайскую границу и расселяются на юг. Сведения о последующей эпохе очень скудны, однако они не противоречат рассказу ПВЛ. Жизнь на вновь захваченных, преимущественно гористых, землях оказывается нелегкой, и после первых захватов начинают действовать противоречивые тенденции. Во всяком случае между 610—641 гг. все племена сербов предприняли попытку переселиться на север и даже перешли Дунай в районе Белграда, но позднее опять вернулись на юг. Мы придаем большое значение этому, обычно не отмечаемому событию, подтверждающему реальность сообщения ПВЛ об уходе части славян из Подунавья на север. Античные и византийские источники обычно отмечают лишь опасное для ромеев движение варваров на юг или запад. Возвратное

движение на север фиксируется редко и в случае с сербами отмечено лишь потому, что они (или часть их) в итоге все же вернулись на юг. Актуальность этого эпизода усиливается тем, что неподалеку от Белграда, в окрестностях г. Нови Сад, обнаружен целый ряд топонимов, совпадающих с древними топонимами Новгородской земли, заселенной, по ПВЛ, словенами из Подунавья¹².

Уже после прекращения миграций сербов в 658 г. византийская армия ведет успешную войну против славян южнее Дуная (Хроника Феофана). В 623—631 гг. происходит подрыв могущества авар, с которыми славяне Подунавья находились хоть и в трудных, но сложившихся по форме отношений, и с 660-х годов начинается наступление мощного союза болгарских племен¹³, которые застают уже к северу от Дуная влахов (Хроника Манассия, примечания к 668—689 гг.), а после 680 г. производят ряд перемещений в среде славянских племен южнее Дуная (Хроника Феофана).

II, 6. Все вышеизложенное позволяет нарисовать следующую картину.

Первое знакомство с римлянами-«волхами» и Дунаем могло произойти у праславян во время проникновения отдельных их группы в Прикарпатье и левобережное Подунавье во II в. (Певтингеровы таблицы). Однако это проникновение на рубеже II—III вв. приостанавливается движением гото-гепидов из Повисленья в Причерноморье. Лишь в VI в., когда массы славян вслед за готами и гепидами проникают в Подунавье, заимствуя у германцев (как считают лингвисты) название р. Дунай (Dunav—Dunaj) из германского Dunavi—Donawi, происшедшего из кельтско-романского Danibius Danuvius, и обозначение местного населения, в основном романоязычного (слав. volch из герм. walch происходящего из названия кельтского племени Volcae)¹⁴. Эти взаимосвязанные понятия глубоко укореняются в возникающем этническом самосознании и эпической памяти словен.

В 520—540-х годах, во время борьбы с ромеями на Дунайской границе и походов полководцев Германа и Хильбудия на склавен и антов, у последних оформляется пекий эпический образ могучих волхов. Уход части антов из Подунавья в конце 540-х годов на свою основную территорию, в украинскую лесостепь, мог способствовать распространению сведений о Дунае и волхах в аптской среде, тем более, что какая-то группа антов участвовала

еще и в подунайских событиях 620 г. Удар византийской армии по славянам в 593—602 гг. освежил уже сложившийся образ волхов. В начале VII в. славяне прорывают римскую границу, что приводит к катастрофическому упадку византийской городской культуры в Подунавье и к заселению славянами Фракии и Македонии. В связи с этим области к югу от Дуная становятся менее привлекательными для славян, оставшихся севернее Дуная и в Прикарпатье. Система военных походов в Подунавье с целью захвата богатств и пленных оказывается нарушенной. Эти причины, сочетающиеся с разрушением аваро-славянского симбиоза, активизацией болгар, процессами консолидации романского населения севернее Дуная, контрнаступлением Византии, междоусобными столкновениями, приводят к тому, что Подунавье перестает быть центром притяжения для всего славянства (в том числе повисленского и восточноевропейского), и поэтому отдельные группы славян Подунавья, Прикарпатья, а также и более отдаленных областей (откуда, однако, предпринимались походы на Дунай) начинают мигрировать в северном и северо-восточном направлениях в Повисленье и Поднепровье, возвращаясь на свои более древние прародины и встречая там и праславянское, и праславно-балтское, и балтское население. Отдельные группы в этом обратном движении выходят и за границы древней славяно-балтской территории (словене ильменские). Вероятно, именно в Подунавье и в Прикарпатье с середины V в. по середину VII в. в условиях некоторой обособленности и удаленности от родственного и довольно аморфного балто-славянского массива племен на северо-востоке, в условиях консолидации праславянских племен в борьбе с сильными иноязычными и инокультурными противниками и происходит окончательное оформление наиболее активных юго-западных групп праславян в самостоятельное свое единство — историческое славянство, что и нашло отражение в сообщении ПВЛ о Дунайском этапе истории славян и о борьбе их с волхами. Поэтому в рамках данной статьи речь идет о появлении на северо-западе лишь тех «прогрессивных» групп славянства (т. е. словен в понимании ПВЛ), исходным пунктом движения которых на север была дунайско-прикарпатская область (хотя в процессе движения они могли включать в свой состав и более северные родственные группы).

III. Этнические и пространственные аспекты догосударственного расселения словен на север

III, 1. Среди этнических единиц, отмеченных ПВЛ в Восточной Европе и причисляемых в современной исторической литературе к славянам, можно выделить следующие группы: а) «словене», видимо, не менявшие в пределах «эпической памяти славянства» мест своего обитания, — белые хорваты (хорваты) и дулебы, позднее именовавшиеся также бужанами и волынянами; б) «словене», расселившиеся с Дуная, — поляне, древляне, дреговичи, полочане, словене, север; в) пришедшие «от ляхов» (а ляхи, по ПВЛ, тоже потомки дунайских славян) — радимичи и вятичи; г) живущие на юге, в зоне степи и южной лесостепи, уличи и тиверцы (на биллингвизм последних имеется указание в ПВЛ под 907 г.); д) живущие на севере кривичи, которые не причисляются ни к «словенам», ни к «иным языцем», дающим дань Руси.

III, 2. В рамках настоящей статьи речь пойдет в первую очередь о первом появлении на северо-западе словен ильменских и полочан, причисляемых к «словенам». В недатированной части ПВЛ полочане, живущие на р. Полоте, определенно отличаются от кривичей, образуя отдельный небольшой остров «собственно словен» к западу от обширной территории кривичей, представлявших собой, по летописным и археологическим данным, особую группу балто-славянского населения. Вопрос же о соотношении в более раннее и более позднее время этих двух этнонимов (полочане и кривичи) и стоящих за ними этнических групп чрезвычайно сложен и должен быть рассмотрен в отдельной работе.

Об особом значении Полоцка, находившегося на территории малого словенского племени полочан, свидетельствуют его упоминания о договоре Олега 907 г. сразу вслед за городами средневековой Руси и у Константина Багрянородного (поскольку название Телюца, понимаемое почему-то обычно как Любеч, видимо, является искажением названия Полоцка — Пелюца) и его роль как столицы особого княжества Рогволода в 970-х годах.

III, 3. По ПВЛ, первоначальной территорией словен ильменских было Приильменье, включавшее в себя и самые верховья р. Волхов. Обычно в исторической литературе и на картах им отводится более обширная область, охватывающая все течение Волхова вплоть до Ладоги, хотя для этого в источниках нет достаточных оснований.

Определяя расселение различных этнических групп по рекам, авторы ПВЛ отмечают и такие маленькие речки, как Полота, Сейм и Сула, где жили северяне, указывают на поселения полян на гористом и лесистом правом берегу Днепра и на поселения кривичей в верховьях трех рек — Западной Двины, Днепра, Волги, а муромы, мордвы и черемисов — у слияния Волги и Оки. Поэтому совершенно невозможно, чтобы летописец ничего не сказал о расселении словен по такой крупной, важной и хорошо ему известной торговой магистрали, как р. Волхов, если бы словене занимали вниз по Волхову хоть сколько-нибудь значительную территорию. Видимо, нижнее Поволжье, севернее порогов, либо было занято какой-то особой этнической группой, название которой по каким-то причинам не сохранилось в ПВЛ, либо в момент появления словен на севере эта «опасная» область, лежащая на торговой магистрали «международного значения» и легко доступная для набегов с моря, была вообще слабо заселена. Позднее именно и только здесь могли осесть те «варяги из-за моря», которые обложили данью словен, кривичей, чудь и мерю. Лишь для более позднего и короткого периода (по ПВЛ, около 862 г.), когда словене и их союзники прогоняют варягов и пришедший к ним «на княжение» Рюрик «сидится» первоначально в Ладоге, можно утверждать, что Ладога была подчинена на короткое время словенам Приильменья, а позднее (около 864—882 гг.) — варяжскому князю, «сидевшему» в Новгороде, в земле словен.

Именно с этого времени могло начаться массовое проникновение словен на нижнее течение Волхова, хотя и в дальнейшем эта область вместе с юго-восточным Приладожьем не находится в зависимости от словенского Новгорода, а представляет собой примерно до 1050 г. (а возможно, и несколько позднее, до 1105 г., когда Новгородская летопись отмечает поход новгородцев «на войну в Ладогу») особую самоуправляющуюся территорию с центром в Ладоге, подчинявшуюся непосредственно Киеву и отличавшуюся сложным по составу населением, среди которого носителем социально активного начала до 1030-х годов (когда в Ладоге «сидит» Эйлиф, сын Рагвальда) является варяжский этнический компонент. Свидетельство ПВЛ под 947 г. об упорядочении системы даней, поступающих в Новгород из областей по Мсте и Луге, говорит о том, что население, непосредственно «тянущее» к Новгороду в середине X в., распространилось на северо-

запад и на восток от Ильмея, а не непосредственно на север — по Волхову.

Вероятно, именно со времен Ольги начинается бурный рост Новгорода как города, поскольку к 953 г. относятся древнейшие следы уличной застройки с мостовыми в Неревском конце и к несколько более позднему — в Людипом конце и на торговой стороне близ Славенского конца. Подобная же застройка Ладоги отмечается с начала X в., т. е. на полвека раньше. Вряд ли в IX—X вв. население прилегающей к Новгороду области было исключительно словенским, поскольку названия известных в летописях с XII в. и издревле заселенных «концов» явно отражают присутствие наряду со словенами (Славенский конец, Славно) иных этнических групп — скорее всего летописной норовы—норovy—норомы (Неревский конец) и, возможно, какого-то финноязычного населения, поскольку самоназванием карел-модиков и вепсов был этноним *Iudini Kad*, людики (сравни Людипом конец)¹⁵.

Таким образом, и полочане, и словене ильменские первоначально представляли собой незначительные этнические группы южного происхождения, поселившиеся среди балтов, балто-славян и финнов.

IV. Хронологические рамки словенского расселения на север.

IV, 1. В результате сравнительного анализа ПВЛ и Новгородской первой летописи младшего извода автор статьи пришел к убеждению, что в ПВЛ можно выделить следующие, сохранившиеся в преданиях восточного славянства этапы его догосударственной истории: а) уход с Дуная и расселение по Восточноевропейской равнине (в том числе словен и полочан); б) существование полян до Кия; в) время жизни Кия и его братьев; г) возникновение отдельных княжений у словен, полочан, дреговичей, древлян, полян; д) приход «от ляхов» радимичей и вятичей и поселение их на Соже и Оке; е) жизнь «в мире» центральной группы восточных славян—вятичей, радимичей, хорватов, дулебов, древлян, полян и северян; на это же время падает, видимо, и воспоминание о столкновениях полян с древлянами и уличами; ж) дань, которую одновременно платили словене, кривичи, меря и чудь варягам, а поляне, север, вятичи — хазарам; сюда же относится эпизод с выплатой полянской дани хазарам мечами.

Рассказ об угнетении дулебов обрами не занимает точно определенного места в этой последовательности событий, но во всяком случае предшествует этапу е).

При дальнейших расчетах мы исходим из того, что каждый из семи выделенных этапов должен был в среднем занимать время по меньшей мере равное промежутку между двумя поколениями людей, — около 20—25 лет. При этом вполне вероятно, что расселение словен на северо-восток было актом неодновременным и берега Илмеря были заселены выходцами с юга позднее, чем берега Днепра, однако не позже этапа д) — переселения радимичей и вятичей.

IV, 2. Исходя из всего изложенного в тезисе II, можно полагать, что уход части словен из Подунавья и Прикарпатья начался после событий начала VII в. и до утверждения болгар в нижнем Подунавье в 680 г. Вероятнее всего связать начало этого процесса со временем, когда было приостановлено до этого победоносное наступление авар и словен на Византию (626 г.), а аварский каганат вступил в период кризиса (623—631 гг.), когда в причерноморских степях сформировалось мощное болгарское объединение (640-е годы), распростиравшее в 668 г. свою власть на левобережное Подунавье, и когда Византия начала новое удачное контр наступление на славян южнее Дуная (658 г.), а севернее Дуная впервые были зафиксированы влахи как самостоятельная этническая группа (конец VII в.). Исходя из всего этого, можно предполагать, что причины, обусловившие движение славян на север, возникли во второй—третьей четверти VII в. Учитывая характер славянских передвижений этого времени, естественно полагать, что для достижения ими берегов Илмеря и Полоты потребовалось некоторое время, поэтому они могли там появиться, никак не ранее 650 г., а вероятнее всего не ранее конца VII в.

IV, 3. Поздняя хронологическая граница возможного появления словен на северо-западе определяется временем «варяжской дани». Как известно, эта дань, вместе с «данью хазарской», определенно взимавшейся в течение длительного времени, приурочена в ПВЛ к 859 г., а освобождение от варяжской дани отнесено к 862 г. вместе с рядом других событий, которые явно не укладываются в рамки одного года. При этом следует напомнить, что многие доступные проверке даты русской и славянской истории начального периода оказываются в ПВЛ основательно

завышенными (начало царствования императора Михаила, с которым связывают «начало Руси», помечено 852 г. вместо 842 г., поход Руси на Константинополь в 860 г. — под 866 г., смерть болгарского царя Симеона отнесена к 942 г. вместо 927 г.). Поэтому есть все основания полагать, что антиваряжское восстание следует относить ко времени около середины IX в., а выплату дани варягам — к непосредственно предшествующему периоду. По ПВЛ, варяжская дань на севере выплачивалась одновременно с данью, положенной хазарами на полян, север, вятичей. Исходя из общей политической ситуации в Восточной Европе, предполагаем, что наложение этой дани на славян вряд ли могло произойти ранее середины VIII в., поскольку начало этого столетия было занято напряженной борьбой между арабами и хазарами. Эта борьба велась с переменным успехом, однако с перевесом на стороне арабов и закончилась в 737 г., после победоносного похода арабов на Волгу, заключением униженного для Хазарии мирного договора, по которому хазарский каган принимал мусульманство. К середине VIII в. Хазария оправляется от этого поражения и со странами арабского халифата у нее устанавливаются в основном мирные отношения¹⁶, способствующие расцвету торговли в Поволжье и Прикаспье. С этого времени начинается усиление могущества хазарского каганата, в частности укрепление его западных границ (построение Саркела в 834—837 гг.). Для определения времени выплаты хазарской дани может быть использована записанная в ПВЛ легенда о том, что поляне выплачивали дань хазарам мечами, поскольку «русские» мечи, вывозимые скандинавами из Западной Европы и столь высоко ценимые в Восточной Европе, появляются здесь, по данным арабских источников (да и по археологическим данным), никак не ранее конца VIII в., а с определенностью — лишь в первой половине IX в. Таким образом, и по этой линии мы получаем ту же дату периода варяжской и хазарской дани — вторую четверть или первую половину IX в., т. е., условно, не позднее 825 г.

IV, 4. Однако между расселением словен (в том числе словен ильменских и полочан) и периодом варяжской и хазарской дани, по ПВЛ, лежат следующие этапы в жизни восточного словенства: а) возникновение «княжений»; б) приход и расселение вятичей и радимичей; в) период мирного совместного существования вятичей, радимичей,

древлян, полян и т. д. На все эти события необходимо отнести хотя бы полвека, что отодвигает верхнюю границу возможного появления словен на северо-западе примерно к 775 г. н. э.

IV, 5. Таким образом, проведенный анализ показывает, что намеченная в ПВЛ последовательность событий догосударственной истории восточных славян без особых затруднений вписывается в картину общеевропейской истории VII—IX вв., воссоздаваемую на основе вполне достоверных источников. Появление словен на северо-западе (если исходить из доверия к сведениям ПВЛ) произошло в хронологическом интервале между 650 (а вероятно, 675) и 775 гг., а не в пределах VI—середины IX вв. (т. е. между 500—850 гг.), как его определяют в различных археологических и исторических работах. Можно полагать, что все археологические культуры, которые возникли ранее середины VII в. или позднее конца VIII в., не имеют прямого отношения к первому появлению словен на северо-западе, а связаны с какими-то иными, предшествующими или последующими событиями в этнической истории этого региона.

IV, 6. Свидетельства письменных источников при дальнейших исследованиях будут, без сомнения, уточнены археологическими изысканиями. Однако к настоящему времени, хотя мы еще не можем определенно назвать и обрисовать археологическую культуру словен ильменских и полочан в VIII в., все же можно говорить, что данные археологии косвенно подтверждают показания письменных источников.

В среднем Поднепровье «искусство VI в. пока неизвестно, а местная культура «пальчатых фибул», относящаяся уже к VII в., буквально насыщена дунайскими элементами, полученными . . . непосредственно с запада»¹⁷. Вероятно, это явление имеет отношение к дунайским связям и походам алтов, оставившим Пеньковскую культуру бужско-днепровской лесостепи, переживающую сильное потрясение в результате первого хазарского наступления на запад в 650—660 гг., когда на ее территории появляются памятники типа Пастерского—Канцерки, связанные с отступающими на запад болгарами. Крупнейшие изменения во всех элементах материальной культуры и укладе жизни КПК правобережья Днепра происходят, по И. П. Русановой, на рубеже VII—VIII вв.¹⁸ Проверка хронологии этих изменений (основанная, в частности,

■ на данных раскопок самой И. П. Русановой) показывает, однако, что они происходят несколько ранее, в конце VII в., так как второй половине VII в. относится гибель раскопанного полностью укрепленного поселения Хотомель, на котором после его разгрома вновь поселяется славянское население, принесшее с собой, однако, иные, южные элементы культуры (аварские стрелы VII—VIII вв., лепную и кружальную керамику типа Луки Райковецкой, железные шахотные орудия). В более северных областях гибель хорошо исследованных поселений культуры Тушемля—Колочин (Колочин и Демидовка) падает по археологическим данным на вторую половину VII—первую половину VIII вв. Одновременно с этим, на рубеже VII—VIII вв., возникает культура длинных курганов Смоленщины и в VIII в. курганная культура нижнего Поволжья (так называемые сонки по Волхову), что, вероятно, связано с какими-то процессами и перемещениями в среде населения северо-запада. В Старой Ладого изначально, с 760-х годов, ощущается присутствие какого-то населения, по культуре близкого населению восточных территорий Литвы и Латвии и носителям «культуры длинных курганов Смоленщины», а также скандинавов. Таким образом, становится ясным, что волна радикальных изменений в материальной культуре и общем укладе жизни восточноевропейского населения прокатывается с юга на север — от Прикарпатья до Приладожья — между 650 и 760 гг.

IV, 7. Отметим, что, говоря о первом появлении на севере дунайско-прикарпатских словен, мы, во-первых, отнюдь не полагаем, что они достигли северо-запада в том же составе, в каком они начали свое движение на юге, и с той же материальной культурой. Вероятно, они захватывали по пути другие, родственные и далекие в этническом отношении группы населения, а иногда и включались в местный «этнографический контекст».

Во-вторых, мы не исключаем того, что среди населения лесной зоны могли существовать наряду с финнами и балтами группы, которые условно можно назвать балто-славянскими, или пережиточными праславянскими. Однако полагаем, что определяющим в дальнейших судьбах Руси было именно отмеченное нами движение праславян из лесного Приднепровья в верхнее Повисленье и лесостепь, затем на юг, в Подунавье, а позднее — распространение отдельных групп и культурных импульсов

в обратном направлении, на северо-восток, на территорию более древней прародины, при котором наиболее активные группы словен вышли в район Ильмена, где благодаря достигнутому ими уровню социально-экономического развития и постоянному притоку славянского населения с юга сумели стать лидерами в среде праславяно-балтийских, балтских и финских племен, смогли вступить в плодотворный диалог с варяжским этническим компонентом и включиться в мощную систему экономических связей Евразии по Балто-Волжскому торговому пути. Думается, что в результате этих процессов вокруг Ладоги и Новгорода сложилось ядро того сложного этнополитического образования, которое впоследствии сыграло ведущую роль в возникновении Древнерусского государства.

- 1 *Мачинский Д. А.* Славяне на территории Белоруссии в I в. до н. э. — VII в. н. э. — В кн.: *Этногенез белорусов: Тезисы докладов на конференции по проблеме «Этногенез белорусов»*. Ротапринт. Минск, 1973, с. 56—60; *Macinskij D. A.* Die älteste zuverlässige urkundliche Erwähnung der Slawen und der Versuch, sie mit den archäologischen Daten zu vergleichen. — *Ethnologia Slavica*, 1974, t. 61 S. 51—70; *Мачинский Д. А., Тиханова М. А.* О местах обитания и направлениях движений славян в I—VII вв. н. э. — *Acta Archaeologica Carpathica*, 1976, t. 16, s. 95—94.
- 2 *Русанова И. П.* Славянские древности VI—VII вв. М.: Наука, 1976, с. 24—36.
- 3 *Ptolemaei Cl.* Geographia, III, 5, 9.
- 4 *Амбров А. К.* Фибулы юга Европейской части СССР. М.: Наука, 1966, с. 57—58, 94, табл. 23, 1.
- 5 *Митрофанов Л. Г.* Железный век средней Белоруссии. Минск: Наука и техника, 1978, с. 159.
- 6 *Седов В. В.* Славяне верхнего Поднепровья и Подвинья. — *МИА*, № 163, с. 22, рис. 7.
- 7 *Ляпушкин И. И.* Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. — *МИА*, 1968, № 152, с. 9—22, 171.
- 8 *Мачинский Д. А., Тиханова М. А.* О местах обитания. . .; *Королюк В. Д.* Перемещение славян в Подунавье и на Балканах: (славяне и волохи в VI — середине VII в.). — *Сов. славяноведение*, 1976, № 6, с. 43—54.
- 9 *Scriptores rerum Hungaricarum.* Budapestini, 1937, v. I, s. 45, 66.
- 10 *Зыкова Э. Г.* Известия о Болгарии в Повести временных лет и их источник. — В кн.: *Труды Ин-т русской литературы.* Л., 1969, т. 24, с. 48—53.
- 11 *Procopius.* De bello Gothica, II, 14—15, 111, 35.
- 12 Этими сведениями мы обязаны любезному сообщению сотрудницы Института русского языка Н.В. Подольской.
- 13 *Артамонов М. И.* История хазар. Л.: Изд-во Эрмитажа,

1962, с. 111—112.

¹⁴ *Псевдо-Кесарий*. Диалоги, I, 68. — В кн.: *Латышев В. В.* Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе. СПб., 1890, т. 1, с. 717—718; *Mallenhoff K.* Donau, Dunav, Dunaj. — *Archiv für slavische Philologie*, 1876, Bd. I, S. 290—298; *Vasmer M.* Russisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1933, Bd. I, S. 222; Этимологический словарь славянских языков. М.: 1978, вып. 5, с. 156—157.

¹⁵ *Васильев Ю. С.* Об историко-географическом понятии «Заволочье». — В кн.: Проблемы истории феодальной России: Сборник статей к 60-летию профессора В. В. Мавродина. Л.: Изд-во ЛГУ, 1971, с. 108.

¹⁶ *Артамонов М. И.* История хазар, с. 202—261.

¹⁷ *Амбров А. К.* Южные художественные связи населения верхнего Поднепровья в VI в. — МИА, 1970, № 176, с. 4.

¹⁸ *Русанова И. П.* Славянские древности, с. 12—55.

Л. А. Гиндин

К ХРОНОЛОГИИ И ХАРАКТЕРУ СЛАВЯНИЗАЦИИ КАРПАТО-БАЛКАНСКОГО ПРОСТРАНСТВА

(по лингвистическим и филологическим данным)¹.

Проблемы славянизации территорий Карпато-Балканского региона (суммарно древние Паннония, Дакия, Далмация, Дардания, Фракия) издавна привлекают внимание ученых различных отраслей гуманитарной науки, в первую очередь историков, археологов и лингвистов. Названная тема вполне традиционна для славяноведения и византинологии. Более того, можно сказать, что интерес к фактам истории «дунайских славян» начал проявляться под влиянием различных обстоятельств в самых ранних славянских письменных памятниках, как мирских, так и церковных. Уже во вводной части Начальной (Киевской) летописи Повести временных лет, составленной в первой половине XI в.¹, говорится: «По мнозѣхъ же времяѣхъ сѣли суть словѣни по Дунаевѣ, где есть ныне Угорьска земля и Болгарьска. И от тѣхъ словѣнъ разидошася по землѣ и прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ»; и далее: «В Моравы бо ходилъ и апостоль Павелъ училъ ту; ту бо есть Илюрикъ, его же доходил апостол Павелъ; ту бо бѣша словене первое»; также в самом

конце предшествующего первой цитате абзаца: «Нарци (жители Норика. — Л. Г.) еже суть словѣне»². В приведенных местах, подобно некоторым другим, присутствует стремление авторов летописного свода удревить историю придунайских славян³, дабы «увязать древнейшую историю южных славян с деятельностью святых апостолов»⁴, выводя все племена из района Подунавья, куда они попали «по разрушении же [Вавилонского] столпа» и «спустя много времени»⁵. В основе этнологических построений летописцев лежат сохраненные в народной традиции отзвуки событий⁶, выразившихся в заселении всего Карпато-Балканского пространства славянами, выпешдшими из своей первоначальной прародины между Балтийским морем (Венедским заливом) и Карпатами в Повислье, что, кстати говоря, при весьма незначительной хронологической и пространственной реконструкции в обобщенной форме соответствует действительным фактам. Важным представляется и другое. Рукою летописца не в последнюю очередь двигало чувство этнического самосознания, которое, как и позже, спустя пять веков, продолжало возбуждать законный интерес к нашей теме, приведя начиная с XVII в. к появлению (особенно в период славянского национального возрождения, конец XVIII—60—70 годы XIX в.) и широкому распространению различных автохтонических теорий, доказывающих исконно славянскую принадлежность Придунайских областей к югу и юго-западу от Карпат и постулирующих в этом ареале прародину славян⁷.

Надо заметить, что и в послевоенные годы безнадежные в научном отношении попытки аргументировать Дунайскую прародину славян дают время от времени рецидивы, обычно в среде археологов, не представляющих себе в полной мере всей специфичности лингвистических и историко-филологических данных⁸.

В задачу настоящей статьи не входит углубление в историю вопроса — это убедительно сделано Л. Нидерле в работах⁹, весьма современных в концептуальном отношении, так как только в последнее время стала в достаточно полной мере осознаваться необходимость комплексного подхода к вопросам этногенеза славян на племенном и раннегосударственном уровнях, в котором, без сомнения, базовыми являются пространственные и хронологические проблемы первоначальной прародины славян, их последующего расселения в древний и раннесредневековый пе-

риод в места, где их застала письменная история, распространения, осложненного различными разнонаправленными перемещениями¹⁰, дружественными и военными контактами, суперстратно-субстратными отношениями в новых областях обитания по всем возможным параметрам: от культуры до языка и т. п. Именно благодаря указанным ареальным предпосылкам усилились дивергентные праславянские процессы, что в конечном счете привело к тому ярко выраженному своеобразию трех лингвокультурных макрозон современного славянского мира.

Таким образом, в письменных источниках ранневизантийских авторов и в средневековых славянских памятниках мы сталкиваемся с тремя уже достаточно обособившимися группами славян. При этом этногенез южных славян или балкано-славянский этногенез, для уточнения ряда пространственно-хронологических и конститутивных деталей которого мы предприняли настоящие разыскания, имеет существенные отличия и от этногенеза периода существования славян в пределах прародины к северу от Карпат по р. Висле и от западно- и восточнославянского этногенеза в постпраславянскую эпоху.

Эти различия проистекают в первую очередь из характера источников. Если в случае балкано-славянского этногенеза в нашем распоряжении имеются прямые исторические свидетельства ранневизантийских историков — Проккопия Кесарийского, Агафия, Менаандра Протиктора, Маврикия Стратега и других, бывших очевидцами описываемых событий, то в двух других случаях мы вынуждены оперировать данными, полученными в результате лингвистической, археологической, исторической, этнографической и фольклорной реконструкций различной глубины и достоверности. Отмеченные обстоятельства перемещают исследование начальных периодов славянизации Карпато-Балканского пространства из сферы реконструкции в плоскость конкретно засвидетельствованных *исторических* фактов. Подобные факты могут и должны служить отправной точкой отсчета как для ретроспективных, так и проспективных хронологических и пространственных построений в абсолютных величинах (относительно реально-исторической подошлеки этногенеза современных народов указанного региона. Более того, именно исторические свидетельства, извлеченные из письменных памятников, синхронных реальным событиям, призваны в характеристических условиях фокусировать и корректировать уси-

лия представителей смежных дисциплин, занимающихся начальными периодами этногенеза южных славян. Соответственно меняются место и удельный вес лингвистических данных, доставляемых ономастикой (топонимией, антропонимией, этнонимией), лингвистической географией и этимологией обычной лексики, в комплексе данных других наук, занимающихся этногенезом на племенном и раннегосударственном уровне. По мере углубления в дописьменную историю значение лингвистических показаний возрастает, так как из гуманитарных дисциплин, изучающих этногенез и, шире, этнологию на ранних этапах, только лингвистика располагает достаточно строгой и всеобъемлющей методикой реконструкции, покоящейся на формальном аппарате фонетических трансформаций и типологии семантических преобразований, разрешающих построение хотя бы относительной хронологии культурно-исторических явлений, отраженных и аккумулируемых в языке, не говоря уже о географической приуроченности топонимики, что в конечном счете приводит к созданию диахронической шкалы для расслоения культурного континуума в процессе этногенетических исследований, воссоздаваемого по данным смежных наук и организованного по синхронно-плоскостному принципу. Напротив, при наличии фиксированных дат письменными источниками конкретно-доказательный эффект лингвистических свидетельств в силу их специфической природы должен соразмеряться с фактами письменной истории, а сами лингвистические построения в этих условиях перестают играть самодовлеющую роль¹¹. Впрочем, это не значит, что данные письменных источников не нуждаются в реконструкции, т. е. в тех многообразных процедурах, которые входят в понятие «критика текста».

Поскольку появление славян в корне изменило этнолингвистическую ситуацию в Карпато-Балканском ареале, уточнение хронологии и характера процессов заселения районов Карпат, Подунавья и континентальной части Балканского полуострова имеет первостепенное значение также в решении проблем этногенеза других балканских народов. Говоря обобщенно, с одной стороны, славяне либо окончательно поглотили последние остатки автохтонных народов этого региона — фракийцев, иллирийцев и прочих, либо вступили в теснейшие контакты вплоть до смешения с романизированными дако-гетами, романами и протоалбанцами, почему столь существен сла-

вянский вклад в глотто- и этногенез современных румын и в меньшей степени — албанцев; с другой стороны, славяне сами, естественно, должны были испытать на себе определенное субстратное и адстратное воздействие предславянских языков и культур. Уяснение размеров этого воздействия, выявление субстратного фонда в современных южнославянских языках — одна из важнейших задач балканистики¹², на решение которой углубление хронологических параметров славянизации интересующих нас территорий даже на полстолетия может оказать существенное воздействие.

При том, что в этимологических исследованиях субстратно-суперстратных и вообще интерференционных взаимодействий экстралингвистические факторы играют определяющую роль, всякое удревнение датировок начала славянизации в нашем случае ведет к уменьшению разрыва между новыми пришельцами и нероманизированным дославянским населением, к постулированию более широких и длительных контактов носителей южнославянских диалектов с языками и этносами автохтонного населения Карпато-Балканского района, еще не потерявшими под воздействием всесторонней романизации и эллинизации своих функциональных потенций в качестве социолингвистического фактора, как это произошло к концу V — началу VI в.¹³ При обычной множественности возможных этимологических решений, наличии фантомов созвучий и т. п., особенно в ономастике, априорная и во многом схоластическая мысль о ранней (с I—II вв. н. э.) инфильтрации славянских племен в район Балкан продолжает обрамлять (и подспудно также стимулировать) поиски достаточно широкого слоя: например, фракизмов в болгарском, дакизмов в румынском (среди апеллативной лексики, лишенной славянской, романской, греческой и тюркской этимологии) и даже славизмов во фракийском¹⁴. Строго говоря, даже таким исследователем, как Л. Нидерле, в вопросах хронологии «общего движения славян от Карпат к Дунаю и Саве» скорее двигали логические схемы, нежели строгие факты, побудившие его принять многие из ложных славянских этимологий туземных топонимов в районах Паннонии, Дакии и Балкан, воспринятых у тех же автохтонистов (в частности у Шафарика), теории которых он в своих работах подвергал столь сокрушительной критике, и допустить, по его словам, присутствие каких-то групп славян, по крайней мере в отдель-

ных областях Подунавья, в I—II вв. н. э., а с III в. — в Венгерской низменности¹⁵. При этом он полагал, что **такова** единственная уступка, которую можно сделать сторонникам автохтонных теорий, ссылающимся на славянский характер ряда названий в Дакии, Паннонии или в Иллирии¹⁶. Ниже мы специально рассмотрим лингвистические аргументы подобного допущения, так как эти ложные этимологии и, главное, ложные выводы, складывающиеся на их основе, возможно, не без влияния авторитета Л. Нидерле, продолжают кочевать по страницам работ, преимущественно историков, занимающихся проблемами этногенеза славян¹⁷. Мало того, сравнительно недавно лингвистическая сторона указанной гипотезы Л. Нидерле получила поддержку со стороны Вл. Георгиева, предпринявшего специальное исследование древнебалканской топонимики, засвидетельствованной в труде Прокопия Кесарийского «О крепостях», и признавшего за 63 названиями определенно славянское происхождение, а за 41 — возможное¹⁸. На этой работе ниже мы остановимся подробнее, так как, несмотря на всю очевидную произвольность и некорректность этимологий, ее конечные результаты продолжают фигурировать в качестве аргументов в пользу значительно более раннего, чем когда создавал свои труды Прокопий, времени заселения Балкан славянами¹⁹.

Прежде чем перейти к конкретной части работы, необходимо сделать еще одно замечание. Время и характер проникновения и заселения трех обширных районов Карпато-Балканского пространства Паннонии, Дакии и территории собственно Балкан — существенно разнятся в зависимости от конкретно-исторических и этнологических условий в данных географических областях, путей миграций отдельных групп славян и даже целей движения.

Переходя к разбору лингвистических доводов в пользу более раннего прихода славян в транскарпатские области к юго-западу, югу и юго-востоку, чем это свидетельствуется **прямыми** историческими источниками (первая треть VI в. н. э.), сразу оговоримся, что в задачу настоящей статьи не входит обзор всей накопившейся литературы по данному вопросу²⁰. Здесь мы ограничимся новым пересмотром наиболее распространенных аргументов Л. Нидерле в связи с современным уровнем изучения лингвистического пространства указанных территорий. Кстати говоря, в отечественной науке подобная ревизия, кажется,

ником не была предпринята. На наш взгляд, в лапидарном обзоре нет особой необходимости, так как со времени Шафарика лингвистическая сторона рассматриваемой гипотезы почти не пополнялась новыми фактами. Как правило, изменялась лишь их историческая интерпретация в зависимости от моментов, внешних по отношению к самому языковому материалу или тексту, если речь шла о письменных свидетельствах, нуждающихся прежде всего в филологически оправданном переводе и датировке памятника по признакам, извлекаемым из самого текста. В литературе послевоенного периода выделяются, как нам кажется, работы двух лингвистов: И. Поповича и О. Н. Трубочева, объединяемые, несмотря на все их различия, стремлением выйти за пределы привычных интерпретаций известных фактов, отрицательных или положительных с точки зрения анализируемой гипотезы²¹, осуществляя в значительной мере нетрадиционный подход к этим взглядам и проблеме в целом. При этом Попович, вновь изучая лингвистическую аргументацию предположения о наличии славянских поселений в Паннонии в первой половине V в.²², опирается в немалой степени на работы крупнейшего знатока византийской литературы и истории Ф. Баршича²³, отвечающие в максимальной мере требованиям тщательного филологического анализа и филологически обоснованного перевода²⁴. Но сам Баршич в статье, посвященной Приску как историческому источнику о паннонских славянах V в., с явным сочувствием относится к доводам Нидерле о раннем проникновении славян не только в Паннонию, но и в Подунавье, и на Балканы²⁵. Таким образом, круг вновь замыкается. Указывая на это обстоятельство, мы отнюдь не собираемся заранее сказать, что паннонская теория совершенно не имеет под собой лингвистических и филологических оснований наравне с балканской. Но несомненно одно — всякий вторгающийся в сложнейшую область этногенеза южных славян на племенном уровне должен в первую очередь составить себе достаточно четкое и непредвзятое представление de visu о лингвистической и филологической стороне традиционных гипотез относительно характера и хронологии заселения данных областей Карпато-Балканского пространства, тем более, что наши знания о дославянских и праславянских языках и этносах этого ареала в первой трети нашей эры с каждым годом пополняются и уточняются.

В порядке, намеченном выше, обратимся сначала к основным положениям Нидерле, помня при этом, что в целом, как мы уже писали выше, именно этот замечательный ученый стремился внести в проблему славянизации Юго-Востока Европы в начальные века нашей эры свежую струю объективности и трезвого подхода, лишённого романтической окраски периода славянского возрождения. В то же самое время Нидерле, отдавая себе отчет о языковой и этнической принадлежности неславянской в целом топографической номенклатуры венгерского Подунавья, основу которой, по его мнению, на западе составляли паннопско-иллирийские элементы, на востоке — фрако-дакийские с влившимися в них с течением времени сарматскими и тюрко-татарскими элементами, тем не менее полагал, что «в номенклатуре есть все же единичные названия явно (здесь и ниже курсив наш. — Л. Г.) славянского характера. Как форму, так и смысл их можно объяснить, лишь основываясь на славянском языке: они имеют аналогии в славянской номенклатуре других областей, а частично сохранились в ней и по сегодняшний день»²⁶.

Рассмотрим более пристально все без исключения языковые факты, приводимые Нидерле в качестве славянских в его неоднократно уже упоминавшихся «Славянских древностях», в свете значительно пополнившихся к настоящему времени конкретных сведений о реликтовых языках Карпато-Балканского района²⁷. При анализе материала сохранен порядок Нидерле²⁸.

Pelso lacus «озеро Пельсо» (Aurel. Vict. Caes. 40, 9 f.: Plin. III, 146; конъектура из Peiso; Rav. IV. 19 Pelsois; Iord. Get. 52 (268): Pelsois; 53 (274); Pelsodis. Согласно Нидерле, (Нидерле. Слав. древн. 55 ⇒ Niederle. Slov. star. II, 1, 148 = Šafařík. Slov. star. 53, 206, 409), тождественно только общеслав. апеллативу pleso «стоячие воды, озеро». Неубедительно. 1) Слав. *plesъ, видимо, из *pletso; ср. др.-инд. prâthas «ширина», греч. πλάτος «то же», оно не может быть из *pelso, так как не является результатом метатезы плавного, на что указывает распределение форм по славянским диалектам; см. восточнославянские: русск. плесо «открытая, широкая часть течения реки», укр. плесо, др.-русск. плесь; западнославянские: чеш., слвц., pleso «глубокое место в воде, озеро» (Фасмер III, 280); в случае метатезы восточнославянские рефлексy должны были иметь полногласную форму типа русск. пелесый «пятнистый (о животных)», из прасл.

*pelsъjъ; ср. греч. *πελός* «посиневший» (от кровоподтеков) и пр. (*Фасмер* III, 229 и сл.); 2) Паннонск. Pelso засвидетельствовано уже Плинием (I в. н. э.), и — главное — основа *pels- достоверно представлена в иллирийских реликтах, см.: личное имя Pelsonia в Далмации (CIL 6415). Как иллирийское Pelso lacus квалифицируют: *Kretschmer*. Einl. 253, примеч. 4; *Krahe*. GN. 95; PN. 87; *Mayer* I, 262 и сл. с эксцерциями из текстов; *Mayer* II, 89, и сл. — постулируется на фоне и.-е. соответствий значение для *pels «fahe», pelso «See», и специально отмечается невозможность отождествления со слав. *pleso, поскольку иллир. формы от и.-е. *pel-, из которого, вслед за В. Томашеком, выводится лат. palus, -udis «Sumf» и алб. pellg «Tümpel» и т. п. (относительно алб. pellg ср.: *Čabej* SE). О сложности отождествления Pelso lacus с каким-либо реальным объектом в Паннонии, в частности с оз. Балатон, см.: *Скржинская*, 217 и сл., 337 и сл.; ср. *Mayer* I, 263.

Pelva — приток Врбаса (Босния), совр. Pliva (*Mayer* I, 263; Pelva — город (It. Ant. 269, 5 — начало III в.), тот же топоним, возможно, отражен в ἡ Πλάβα (*Const. Porph.* De adm. imp. 30, 91). По Нидерле (*Нидерле*. Слав. Древн. 55-*Niederle*. Slov. star. II, 1, 151, и сл.) и Шафарыку (*Safařík*. Slov. star. 53, 207), исконно славянское.

Несомненно иллирийское, см. еще municipium Pelvensium (CIL 13982), содержащее тот же корень, что и Pel-so с суффиксальным элементом (Pel)-va ср. иллир. Der-va и т. д. (*Krahe*. GN 32, 75, 95; *Mayer* II, 90). Таким образом, сербск. (Босния) Pliva является южнославянской адаптивной передачей иллир. Pelva посредством закономерной метатезы плавных через *Pleva в икавском варианте, поскольку i здесь — только из e (ср. *Mayer* I, 263; *Popović*. Geschichte. 149, 389).

Название притока Дуная в Паннонии, между Дравой и Савой, совр. Vöka засвидетельствовано в античной традиции в виде Οὔλαχος Ulca (Tab. Peut. VI, 2 — запись: ad Labores. pont. Ulcae), Hiulca (Aurel. Vict. Epit. 41, 5), Ulcus amnis (It. Hierosol — запись: mutatis Ulco amne). Один из основных примеров Нидерле (*Нидерле*. Слав. древн. 55 = *Niederle*. Slov. star. II, 1, 149 и сл. = *Safařík*. Slov. star. 662).

Определенно иллирийское, см. топоним Οὐλκίνιον (Ptol. II, 16, 5), Olcinium (Liv. 45, 26; Plin. III, 144), вероятно, Vicinium (Tab. Peut. VII, 1), Buccinium (Rav. IV

16.), впрочем, к последним ср., вопреки *Mayer* I, 347, *Krahe* GN 17, где они соотнесены с иллир. топонимом Vicinium (Rav. V, 14; Olcinium — прибрежный город в южной Иллирии, совр. алб. Ulqini, далматско-романск. Ulkinjo (Acta Alb. I, N 60); затем Ulcirus mons в Далмации (CIL 10156 b), Ulcisa castra в Паннонии (It. Ant. 266, 10), ср. Οὐλαχοι — город в Лукании (Ptol. III, 1); Томашек (*Tomasehek*. Vor-slavische Topographie, 550) указывает также на упомянутое Ulco amne (теперь Вака) и Ulcaea palus в Паннонии и связывает Olcinium с алб. ulk «волк» (*Krahe*. GN 101, 39; *Mayer* I, 347 f.; II, 120 ff.).

Подобно предыдущему, при столь раннем засвидетельствовании античного прототипа (начиная с Диона Кассия — II в. н. э.) и распространенности основы в иллирийском серб. Вука *vъlka (ср. венг. Wolcou, Wulkow, Walkó) предстает совершенно правильной передачей паннонск.-иллир. Ulco (amne) и отражением дослав. ul- через слав. њl-, давшее в сербском l при его дальнейшем переходе в u (*Popović*. Geschichte. 127 и др.), и осмыслением гидронима, не исключая кальки-перевода, как «Волчья (река)».

Название левого притока Савы — серб. Vrbas (Босния) считается Нидерле особенно показательным в смысле раннего исконно славянского происхождения. По его мнению, этот гидроним образован от слав. vrbā (определенно имеется в виду с.-хорв. vrbā «верба, ива» — *L. I'*) с формативом -as (ср. топонимы Vrbas, Dolas). Здесь же он упоминает и приток Врбаса (серб. Vrbāna), сравнивая его с античным Urganus (*Plin.* III, 148), но не настаивает на его первоначальном славянстве, предполагая, что в данном случае «славяне приспособили старое название, вероятно иллирийское» (*Niederle*. Slov. star. 150). Впрочем, для усиления гипотезы относительно генезиса первого гидронима — Vrbas — Нидерле считает исконно славянским происхождение засвидетельствованного в Певтингеровых таблицах Urbate (Tab. Peut. VI, 1) в качестве обычного аблатива, но не от формы, родственной упомянутому Плинием Urganus, а от слав. Vrbas. gen. Vrbatis (*Нидерле*. Слав. древн. 55 = *Niederle*. Slov. star. 150).

Слишком смелое допущение латинизированного слав. генитива *Vrbatis, реально не засвидетельствованного, не перевешивает достоверности античных фактов, в свете которых серб. гидроним Vrbas выглядит адекватной слав. передачей иллир. nom. sing. *Urbas, *Urbatis (реконструи-

руется по abl. sing. Urbate) с отражением ūr- через vŭr- > vr-, равно как серб. Vrbaŭa является передачей иллир. Ugranus (Popović. Geschichte. 149) при отмеченной для иллирийского менее b: p в иноязычных фиксациях; ср. Ἀρβραχία: Ἀρβραχία. О деривационной связи иллир.-паннонск. Urba-te с Urba-nus через посредство этникообразований на -at- *Urbates < *Urbatio- и другие подробности см.: Mayer I, 349 f. Против славянского происхождения Vrbaŭa и Vrbaŭa специально см.: Томашек, с указанием на славянскую адаптацию античного Ugranus: возможно, основа *varp «beben, zittern», ср. алб. vrap «schnell» (Tomaschek. Vor-slavische Topographie, 550). Относительно продуктивности этнико-суффикса -at- см.: Mayer II, 241. Соотнесение в процессе передачи иллирийских названий в славянский со славянским же названием дерева vŭrba вполне вероятно, поскольку в славянских языках тип образования гидронимов от названий деревьев весьма распространен.

Из трех оставшихся паннонских примеров Нидерле только гидроним Bustricius (Rav. IV, 19) заслуживает некоторого внимания (Нидерле. Слав. древн. 55=Niederle. Slov. star. 153—154=Safařík. Slov. star. 207, 408), поскольку ему соответствует слав. тип речного названия Bustrica, однако в данном случае без конкретной привязки и возможной противоположно направленной связи, от иллирийского к славянской кальке-передаче (ср. Mayer II, 31); два других: insula Metubarris, по лучшим изданиям — Metubarbis (Plin. III, 148) и Civitas Pistrensis (Amm. Marc. XXIX, 6, 7) с произвольно подобранными эквивалентами соответственно серб. Међуреч и название «какой-то реки Pistra» (слав. Bustrou и пр.) сам Нидерле приводит без уверенности, особенно первое (Нидерле. Слав. древн. 55=Niederle. Slov. star. 152, 153); относительно иллирийской принадлежности Metubarbis см.: Mayer I, 229; II, 79.

Вторая группа топонимических аргументов Нидерле в пользу раннего проникновения славян в Подунавье касается названий географических объектов, расположенных в современном нижнем Банате, т. е. на крайнем западе исторической Дакии. Нидерле пишет: «V dolní Dákii při samém Dunaji» (Niederle. Slov. star., s. 154).

По мысли Нидерле (Нидерле. Слав. древн. 55=Niederle. Slov. star. II, 1, 154—156), славянское название современной р. Черна (рум. Cerna), впадающей в Дунай с севера

около г. Орцова (юго-зап. Румыния), якобы «уже с начала II в. н. э. несколько раз засвидетельствовано». Но если даже говорить о созвучном имени собственном, то в действительности античная традиция сохранила только название дорожной станции в устье р. Черна (совр. Orsova), видимо упомянутое в виде Δακίνας Διερνα (Ptol. III, 8, 4), Dierna (CIL 8277), Tierna (Tab. Peut. VII, 3—4); Tsierna (statio Tsiernen[sis] — CIL 1568—157 г. н. э.); Zerna (Not. Dign. 42, 37); Zernensis (Ulpian. Digest., L. 15, 1, 8; цит. по: Russu, 119); Ζέρνης (Proc. ae. IV, 6, 5). На дакийское происхождение античного топонима, кроме характера и хронологии источников (со II в. н. э.), указывает личное имя из двух надписей: Διερνης (Глава Панега) — сев.-зап. Болгария (Kazarow. Denkmäler, 312) и [D]ierna Moesiacus (CIL 32621 frg. e); подробнее фактические данные см.: Detschew 132, Russu 119. Интересная интерпретация фонетических вариантов приведенных форм в свете дакийских фонетических особенностей с возведением к и.-е. *k^(r)ersna (лучше к и.-е. *krsno- — Л. Г.): др.-инд. kṛṣṇá, -др.-прусс. kirsnan, праслав. ѡгнь < ѡгхнь и пр. принадлежит В. Георгиеву (Георгиев. Исследования, 135 и сл.: Българ. этим. и оном., 109 и сл.; Траките, 205)²⁹ в противоположность Томашеку (Tomaschek. Thraker II, 1, 33), который считает подобие дак. топонима с слав. гидронимом Cerna слав. ѡгнь и пр. случайной омофонией и предлагает другую этимологию (к и.-е. *der- «spalten» в качестве «Durchbruch, Felsspalt» — Tomaschek (Thraker II, 2, 71; того же мнения придерживается Руссу (Russu).

Помимо прочего, два возражения Нидерле приводит Ст. Романский (Романски. Славяни на Дунаве, 94 и сл.): во-первых, распространенность в карпато-балканской гидронимии названий с основой *сьгн- могла быть связана с продуктивностью в турецкой гидронимии основы Кара-и последующим ее переводом на славянский, ср. Черна-вода (также топоним) в Добрудже при турецком Кара-су и т. д.; во-вторых, едва ли во II—III вв. н. э. корневой редуцированный гласный в данной позиции: праслав. *сьгнь, ст.-слав. ЧРЪНЪ локализовался и мог быть передан посредством е (и тем более через ie. — Л. Г.) не ранее X в.; см. об этом: Берштейн. Очерк сравнительной грамматики, 248 и сл.

В свете сказанного возникает только один вывод. Колонисты Траяна, пришедшие из Дакии, о которых

говорит Ульпиан, определенно не были славянами, вопреки Нидерле (*Niederle. Slav. древн.* 56, ср. *Niederle. Slov. star.* 156). Напротив, значительно позже поселившиеся здесь славяне либо калькировали туземное дакийское название, либо образовали свое по близкому созвучию (ср.: *Popović. Peuple rannonien*, 208).

Из всех топонимических аргументов Нидерле наиболее пристального внимания заслуживает название крупнейшего левого притока Дуная — р. Тисса (*Niederle. Slav. древн.* 56 = *Slov. star.* II, 158 = *Safařik. Slov. star.* 207, 408): совр. с.-хорв. *Tisā*, слов. *Tisa*, *Cisa*, др.-венг. *Tisze*, *Tisa* и пр., рум. *Tisă* и т. д. Самое существенное здесь заключается в том, что по сравнению с предыдущим материалом уже ранневизантийские памятники VI в., а возможно, и середины V в. фиксируют название этой реки практически в форме, идентичной славянской: *Tisia* (*Iord. Get.* 5 (33), 34 (178) — середина VI в.; *Rav. IV*, 14 — VII в.), *Τισσός ποταμός* (*Theoph. Sim.* VIII, 3 — первая половина VII в.), *ἡ Τίτσα* (*Const. Porph. De adm. imp.* 40, 40 — X в.) и т. д. Им четко противопоставляются свидетельства античных памятников, имеющих форму с начальным Pa-: *Pathiscus amnis* (*Plin. IV*, 80 — I в. н. э.), *Πάθισος* (исправленное *Πάρισος* — *Strabo VII*, 5, 2 — I в. до н. э. — I в. н. э.), *Partiscus* (*Amm. Marc. XVII*, 13, 14 — IV в. н. э.), ср. топоним *Παρτίσκον* (*Ptol. III*, 7, 2 — II в.).

Сверх того, Приск в описании посольства к Атилле (448 г.), о чем ниже специально, наряду с другими интересными фактами, сообщает: *γαισιπόροις τὸ προσεβάλωμεν ποταμοῖς, ὧν οἱ μέγιστοι μετὰ τὸν Ἰστρον ὁ τε Δρῆκον λεγόμενος καὶ ὁ Τίγας καὶ ὁ Τιφῆσας ἦν* «и пришли к судоходным рекам, из которых самыми большими после Истра были Дрикон, Тигас и Тифисас»³⁰ (*Prisci, frg.* 8 — *Dindorf. Hist. gr. min.* 300). Попутно отметим, что Нидерле неверно идентифицировал *Τφῆσας* с Тиссой (*Niederle. Slav. древн.* 52 = *Niederle. Slov. star.* 135), в то время как это название следует отождествить с совр. Тимиш (см. ниже).

Иордан, пересказывая в подробностях эпизод посольства Феодосия Младшего к Атилле, со ссылкой на Приска, почти дословно воспроизводит цитированное место и, видимо, сознательно приближает латинские эквиваленты греческих передач туземных гидронимов, сделанных Приском, к реальному их звучанию в VI в.: *Priscus istoricus tali voce inter alia refert: ingentia si quidem flumina:*

id est Tisia, Tibisiaque et Dricca transientes venimus in loco illo. . . «Приск-историк так, между прочим, рассказывает: когда при этом, переправившись через огромные реки, как то: Тисиа и Тибисиа и Дрикка, мы пришли в то место. . .» (*Iord. Get.* 34 (178)). Из сопоставления этих двух цитат можно заключить, что Приск допустил опisku, зафиксировав ὁ Τίγας вместо ὁ Τίσας³¹, либо ему послышалось нечто подобное названию укрепленного местечка — *Τιγᾶς* в Нижней Мезии на Дунае (*Proc. Ae. IV*, 7, 6)³².

Благодаря Шафарыку (*Safařik. Slov. star.* 207) утвердилось ошибочное мнение, подхваченное Нидерле и др., что античное *Pathissos* и под. со слогом Pa- в названии являются непосредственными передачами слав. *Rotisъje, т. е. бассейн р. Тиссы, аналогии чему уже Шафарык видел в серб. Подунавье, Поморавье, Посавье, чеш. *Polabí*, *Palesí* и т. д., русск. Поволжье, Посулье и т. д. — *Niederle. Slov. star.* II, 1, 158). Помимо хронологического барьера (*Pathissus* — I в. н. э.), здесь некоторые трудности представляет вокализм приставки, так как мы должны, судя по античным названиям, восстанавливать *Pátisje, ср. русск. Паозерье (Фасмер III, 180). В силу этого и по ряду других соображений в данном случае следует реконструировать противоположно направленный процесс.

Примечание сюда славяне восприняли фрако-дак. *Pathiss-* по аналогии с указанной славянской топонимической моделью как название, образованное посредством предлога Po-, и, произведя переразложение, вычленили компонент *-tiss(a) в качестве гидронима; ᾱ (краткое) закономерно переходило в слав. о (специально *Будимир. Pathssus* — Тиса); а (копечное) — показатель женского рода в результате народно-этимологического осмысления по апеллативам река, вода, ср. серб. *Sava-Savus*, *Drina-Drinus* (*Скок. Топономастика Војводине I*, с. 114). Нидерле (*Niederle. Slov. star.* II, 1, 158) также указывает на возможность объяснения гидронима Тиса «из слав. *tisa*, *tis* (*Taxus baccata*)», т. е. праслав. *tisъ; в поддержку см.: *Георгиев. Българ. этим.* 88, против см.: *Popović. Peuple rannonien*, 198.

Однако весь вопрос в том, когда это произошло? Если иметь в виду только свидетельство Иордана, то слав. *Tisa* появилось не позднее VI в. н. э. (*terminus ante quem*). Если же принять запись Приска *Τίγας* за ошибочно переданное *Τίσας*, что почти несомненно, то возникает воз-

возможность принять за *terminus post quem* 448 г., т. е. середину V в.

Впрочем, в цитированных фиксациях Приска имеется еще один замечательный момент: Приск пишет $\Gamma\acute{\iota}\gamma\alpha\varsigma$ и $\text{T}\acute{\iota}\phi\acute{\eta}\sigma\alpha\varsigma$ с несвойственным греческому языку морфологическим оформлением $-\alpha\varsigma$, так как в греческом названии крупных рек — мужского рода и имеют в массе своей окончание $-\alpha\varsigma$ (по $\acute{\omicron}$ ποταμός — «река»). Это α может быть объяснено только влиянием туземного славянского произношения.

Таким образом, перед нами уже не лингвистическая реконструкция, а конкретное лингво-филологическое свидетельство пребывания славян в бассейне совр. Тиссы и Тимипша, в том месте, где они сближаются при впадении в Дунай — крайний юго-запад древней Дакии, по крайней мере не позднее середины V в. н. э.

В этой связи уместно подробнее остановиться на гидрониме $\text{T}\acute{\iota}\phi\acute{\eta}\sigma\alpha\varsigma$.

Данное античное название, засвидетельствованное начиная с Птолема, имеет несколько вариантов, определенно указывающих на его дакийскую принадлежность: $\text{T}\acute{\iota}\beta\acute{\iota}\sigma\kappa\alpha\varsigma$ (Ptol. III, 7, 1; 8, 2), *Tibisia* (Iord. Get. 34 (178) — контекст см. выше; Rav. 204, 12), $\acute{\omicron}$ $\text{T}\acute{\iota}\phi\acute{\eta}\sigma\alpha\varsigma$ (Prisci. frg. 8 — *Dindorf. Hist. gr. min.* 300 — контекст см. выше), $\acute{\omicron}$ $\text{T}\acute{\iota}\mu\acute{\eta}\sigma\eta\varsigma$ (Const. Porph. De adm. imp. 40, 39), соответственно название муниципия на этой реке: $\text{T}\acute{\iota}\beta\acute{\iota}\sigma\kappa\omicron\nu$ (Ptol. III, 8, 4), *Tibiscum* (CIL 1550, 1997, 12595). *Tiviscum* (Tab. Peut. VII, 4; Rav. 203, 18), *Tibis* (Rav. 203, 13), контексты см.: *Detschew*, 503 сл; интересно, что такой поздний источник, как Равенский аноним (VII в. н. э.), сохраняет формы с губным смычным. Более новые фиксации: с.-хорв. *Tāmiš* (с XIV в.), др.-венг. *Timis*, н.-венг. *Temis*, рум. *Timis*.

Специфической фрако-дакийской чертой является здесь чередование *m/b*, ср.: $\Sigma\epsilon\rho\mu\upsilon\lambda\acute{\iota}\alpha$, $\Sigma\epsilon\rho\mu\upsilon\lambda\acute{\iota}\epsilon\iota\varsigma$; $\Sigma\epsilon\rho\beta\omicron\lambda\iota\epsilon\iota\varsigma$ (ср. город. *Sermius*) и т. д.³³

Почти определенно название той же реки отражено Геродотом: $\text{T}\acute{\iota}\beta\acute{\iota}\sigma\iota\varsigma$, но с истоком на Хэмусе; последнее не должно смущать, так как в древности название горного кряжа $\text{A}\acute{\iota}\mu\omicron\varsigma$, согласно разысканиям Томашека, включало («eingeschlossen hat») Карпаты (*Tomaschek. Thraeker* I, 100).

Форма $\text{T}\acute{\iota}\phi\acute{\eta}\sigma\alpha\varsigma$, помимо фонетических издержек при передаче туземного названия, могла быть связана с При-

ском с греч. апеллативом $\tau\acute{\iota}\phi\omicron\varsigma$ — «болотистое место, болото» из и.-е. **tibh-* «таять, течь», на основе которого, видимо, и образовалось фракийское название; ср. лат. *Tiberis* (Pokorny I, 1052).

Интересные сведения относительно характера восприятия славянами дакийского названия **Tib/misus* от туземного населения содержит с.-хорв. *Tāmiš*, восходящее к **Timiš-*, где трансформация корневого *i* в слав. *ь* при последующем закономерном переходе в *a*, вероятно, осуществилась не без поддержки народно-этимологической аттракции с с.-хорв. *tama* < *tama (*Popović. Peuple rannonien*, 206; *Idem. Geschichte*, 135, 137). Однако, несмотря на фактически полное совпадение новых форм (с.-хорв., венг., рум.) с основой античного названия, особая проблема встает в связи с превращением *s* в *š* в исходе слова. Объяснение венгерским посредством (*Melich. O kilku nazwach rzek*, s. 1 ff.) вызывает сомнение уже потому, что венгры появились в этом районе по крайней мере спустя три века после славян; лингвистические аргументы против венгерского посредства при усвоении античных географических названий славянами в районе Воеводины и Баната (включая румынские формы) см.: *Popović. Geschichte*, 134, особенно 135: пункты 4, 5, с литературой.

Вслед за Йоклем (*Jokl. Albaner*, 92) и Баричем (*Barić. Lingvističke studije*, 26), видевшими в слав. (с.-хорв.) *Niš* заимствование из античного *Naissus* (ср. гидроним *Nišava*) через албанское посредство, на что прежде всего указывает гифереза *Něish > *Niš*, как и переход *s* > *sh*, Попович в случае с с.-хорв. *Tāmiš*, *Moriš*, рум. *Griș*, *Someș* (с их венгерскими соответствиями), где *š* по происхождению не является конечным, также склонен усматривать албанское влияние, поскольку именно в албанском *s* трансформировалось в *sh*, в частности в инлауте (*Popović. Peuple rannonien*, 204 s., см. еще: *Popović. Bemerkungen*, 110; *Idem. Slaven und Albaner*, 314). Действительно, в определенную эпоху в албанском языке в заимствованных словах, в частности из латинского, *s* > *sh*. Например, алб. *shënjt* «святой» < лат. *sanctus*, алб. (диал.) *sheng* «знак» < лат. *signum* и под. (*Barić. Istorigja*, s. 38, 40).

Двигаясь дальше, Попович делает важное дополнение, рассматривая албанский в этом случае на том хронологическом срезе истории, когда некий его существенный

лингво-этнический компонент был близок дако-мизийскому Георгиева (т. е. фрако-дакийскому)³⁴ и, следовательно, располагался еще в V в. н. э. несколько к северо-востоку от современного места обитания албанцев³⁵.

Идея Поповича о влиянии албанского (resp. фрако-дакийского. — Л. Г.) — без прямолинейного возведения албанского к дако-мизийскому в духе Георгиева — на славянские адаптации туземных форм в значительной мере согласуется с нашими представлениями о локализации древнейшего компонента праалбанского в ареале, располагавшемся ближе к центральным областям Балканского полуострова и генетически или по крайней мере ареально близким фракийскому³⁶.

Однако, несмотря на всю заманчивость, трудно согласиться с таким прямолинейным решением вопроса относительно появления фрикативного в упомянутых гидронимах, поскольку нет реальных оснований простира́ть протоареал собственно албанцев вплоть до левого бережья среднего течения Дуная (юго-зап. Дакия). Сама по себе, однако, эта идея вполне справедлива в связи с *Naisos* > *Nis*, находившимся на территории, испытавшей многовековую романизацию.

Строго говоря, в случае с гидронимами возможны по меньшей мере еще три гипотезы, учитывая, что в прототипе *Tāmiš*, *Mōriš*, *Crīš* наличествует передний звук типа *j* (*i*) в позиции перед гласным, отраженный греко-римскими передачами; см. приведенные выше *Tibisia* (*Iord.*), ср. *Tίβισις*, а также *Marisia* (*Iord.*), ср. *Μάρισ* (*Hdt.*), *Crisia* (*Iord.*). Этот *j*, как в албанском, трансформировал предшествующее *s* в *š* и в восточнороманском, и в славянских; в романских, помимо того, *s* в сочетании с последующим *i* также могло давать *š*, ср. рум. *rași* < *ras*.

Поэтому допустимо думать: 1) о романском посредстве; 2) о прямом восприятии славянами от туземного фракийского населения названий, содержащих сочетание *-sj-* с последующим его преобразованием в *š*; ср. упоминающаяся гипотеза Дечева о «прейотации» гласного в исходе по поводу *Naisos*; 3) судя по раннеалбанскому, фрикативизация *-sj-* в *š* могла осуществиться на почве самого фракийского, но греческий и латинский просто не располагали звуковыми средствами для адекватной передачи звука типа *š*. Идея о романском посредстве здесь нам представляется наименее достоверной, так как за сравнительно недолгий период господства римлян в Дакии ро-

манизированные названия крупных рек из официального языка письменных документов вряд ли проникли в народный, пусть испытавший романизацию, язык местного населения, если в таких полностью романизованных и грецизированных центральных областях Фракии, как район Пловдива, славяне восприняли не официальное название *Φιλίπποπολις*, а его фракийскую полукальку *Pulpudeva*; ср. слав. Пльпъдивъ, аналогично — не *Augusta Traiana*, а Вегое и т. д., ср. слав. Вору́жь.

В свете изложенного, с.-хорв. *Tamiš* может отражать древнее *Tāmiš, восходящее к фрако-дакийскому прототипу, отраженному апт. *Τμήσις*. Рум. *Timiș* либо непосредственно из фракийского, с учетом генетической идентификации праалбанского, либо из славянского (ср. рум. *sticla* «стакан» < слав. *stьklo*), либо, наконец, из венг. *Timis*.

В итоге лингвистический и историко-филологический анализ славянских гидронимов — с.-хорв. *Tīsa* и *Tāmiš* — бросает свет на всю проблему относительно возможности появления славян в районе южной Паннонии и северо-западном Банате в середине V в. н. э., создавая тем самым более благоприятный фон для истолкования в духе славянской принадлежности двух других известных лингво-филологических свидетельств уже из сферы апеллативной лексики, содержащихся у Иордана (*strava*) и еще раньше — у Приска (*μῆδος*).

Но прежде коротко о двух оставшихся еще не рассмотренными топонимических примерах Нидерле с территории древней Дакии — совр. *Brsava* и *Hron*, которые, как и все выше проанализированные, кроме названий Тисы и Тимиша, не обладают никакими приметамы исконно славянского происхождения, если не считать формальной возможности этимологического тождества.

Согласно Нидерле (*Нидерле*. Слав. древн. 56 = *Niederle*. *Slov. star.* 157 = *Safařik*. *Slov. star.* 207), *Brsava*, левый приток Тимиша, протекающий недалеко от р. Черна, происходит либо от слав. *berza: ст.-слав. БРЪЗА, русск. береза и пр., либо от слав. *bъrz: ст.-слав. БЪРЗЪ «быстрый», русск. борзый и пр. (у Нидерле в Слав. древн. первая возможность опущена). Приводимые самим Нидерле античные формы, якобы отражающие производные от этого гидронима: название города в юго-зап. Дакии — *Bersovia* (*Tab. Peut.* VII, 3; *Rav.* 204, 204, 3); *Berzobis* (*Priscian*, VI, 3, 13), по причинам, отмеченным для боль-

шинства предыдущих славянских атрибуций, говорят о дославянском, здесь — дако-фракийском происхождении данных названий. Корень *berz-, который Томашек предпочитает отождествлять с слав. *berza, толкуя совр. название реки *Berzava в качестве «*Birkenbach (Tomaschek II, 2, 59)*», представлен и в других фракийских топонимах; см.: Βέρζαβα — крепость в Дардании (Proc. Ae. IV, 4)³⁷; Bersamae — место между Анхиало и Кабиле, совр. Айтос (Rav. 187, 16) (Detschew, s. v. v.). Сверх того, свидетельство грамматика Присциана, выписавшего в качестве примера цитату (inde Bersobium. . . processimus) из комментария Траяна о дакийской войне, составленного во II в. н. э., ставит некий хронологический предел. Отмеченные факты заставляют нас считать слав. Brsava славянской адаптацией туземного гидронима, соотношенного с родственным славянским апеллятивом, скорее всего праслав. *berza, широко используемом в славянской гидронимии.

Последний пример Нидерле (*Нидерле*. Слав. древн. 56 = *Niederle. Slov. star.* 158 = *Safařik. Slov. star.* 207) — совр. словц. гидроним Hron (вариант Grana), якобы соотносимый с другими слав. названиями типа Hronek и под., далее к словц. hron «грохот», ст.-чеш. hronuti «падать», предположительно отраженное в II в. н. э. античным Γρανοβάς — река — у квадов, не может быть принят из тех же соображений хронологии. О. Н. Трубачев, рассматривая вост.-слав. гидроним Грана (бассейн Горыни), говорит со ссылкой на Шмиладера об иллирийском происхождении античного Γρανοβάς³⁸, хотя это название не включено в компендии Краэ и Майера. Томашек (*Tomaschek. Thraker. II, 2, 100*) под вопросом считает Γρανοβάς фракийским и дает под Γράνικος и т. д. — река в Трое — согласно Detschew 102 без достаточных оснований.

Теперь, наконец, апеллятивные аргументы (strava и ρέδος) присутствия славян в середине V в. н. э. в нижнем течении рек Тисы и Тимиша. Переходя к ним, мы вполне отдаем себе отчет в том, что здесь мы вынуждены вступить на зыбкую почву гипотез, имеющих под собой скудный и случайный материал, к тому же обремененный грузом традиционно устоявшихся взглядов, согласно которым славян в этом ареале в указанное время быть не могло, поскольку данные территории, по письменным источникам, были заняты германскими племенами, в частности гени-

дами, ушедшими отсюда не позднее 566 г.³⁹ Однако следует помнить, что в атрибуции племен византийские писатели были далеки от точности и придерживались к тому же традиционных схем, если у империи не было непосредственных военных, дипломатических и т. п. контактов с представителями данных племен, а последние каким-либо образом не проявили себя по отношению к Византии. Историко-географические труды того времени исходили из совершенно утилитарных целей управления империей. Руководствуясь отмеченной традицией, Приск называет скифами жителей левобережья Дуная при впадении Тисы и Тимиша, переправивших через эти «судоходные» реки, включая Дрикон (цитату см. выше), часть посольства в «одновесельных лодках (sc. однодеревках)» (τοῖς μονοξύλοις πλοίοις), другую часть — «на плотах» (ταῖς σκεδίαις), хотя по ряду признаков, явствующих из того же отрезка текста, это прибрежное туземное население вряд ли могло быть скифами, так как жило оседло деревнями (Prisci frg. 8 — *Dindorf. Hist. gr. min.* I, p. 5—6, 300; текст в оригинале приведен ниже). Скифская принадлежность населения указанного географического района не согласуется с данными других письменных источников. В свою очередь, Иордан, правда, по политическим соображениям, вслед за Кассиодором, причисляет скифов и гетов к готам. Примеры подобного разнобоя в древней исторической литературе могут быть значительно умножены.

Именно консервативность представления об этнической картине левобережья Дуная в V в. побуждает ученых склонять чашу весов в пользу готского происхождения слова strava даже при методологическом преимуществе противоположных — славянских — доводов. В этом смысле характерна манера Моммзена, заключившего комментарий с исчерпывающей для своего времени литературой к слову strava в своем образцовом издании Иордана: denique Slavi post tempus id de quo agitur in his partibus versari coeperint. Hoc fieri posse, ut Slovi id vocabulum a Gothis sumserint⁴⁰.

Переходя вплотную к анализу слова strava, заранее отметим, что его этимологии располагаются в амплитуде германской (готской) и славянской версий и что мы, склоняясь к славянской этимологии, почти полностью присоединяемся к интерпретации Нидерле (*Нидерле*. Слав. древн. 53 = *Niederle. Slov. star.* 136—138), проявив-

шего здесь (не в пример большинству топонимических построений) значительную меру этимологического вкуса и научной эрудиции. Так, он опирался на превосходное исследование Котляревского⁴¹, Брюкнера⁴², хорошее для своего времени руководство Крека⁴³ и др. Однако новое рассмотрение всех доводов «за» и «против» славянской этимологии диктуется необходимостью ответить на контр-аргументы, высказанные в рамках готской версии главным образом после публикации во Франции книги Нидерле «Manuel de l'Antiquité slave» (Paris, 1923), излагающей в сжатом виде материал его «Старожитностей», и стремлением подкрепить гипотезу о славянской принадлежности *strava* некоторыми новыми фактами и соображениями.

Прежде всего обратимся к тексту. Иордан, рассказывая о кончине и похоронах Атиллы, сообщает в числе других очень интересных деталей похоронного обряда гуннов следующее: *Postquam talibus lamentis est defletus, stravam super tumulum eius quam appellant ipsi (sc. Hunni) ingenti commessatione concelebrant . . . noctuque secreto cadaver terra reconditum copercula primum auro, secundum argento, tertium ferri rigore communiunt* «после того, как такими стенаниями он был оплакан, они (гунны. — Л. Г.) пышно празднуют наверху его кургана *stravu*, как они сами называют, [букв.] огромным пиром (или в виде огромного пиршества) . . . и ночью тайно труп в земле накрепко укрывают (т. е. предают земле), вложив в гроба: первый — из золота, второй — из серебра, третий — из твердого железа (*Iord. Get.* 49 (258)). По всей вероятности, здесь палицо явное глоссирование посредством *ablativus modi*: *ingenti commessatione*, к которому вынужден был прибегнуть автор описания, встретив экзотическое туземное обрядовое слово, до того неизвестное ему (отсюда помета: *quam appellant ipsi*).

Необходимо отметить неточность в переводе Е. Ч. Скржинской, ведущую к разрыву тождества между термином *strava* и его истолкованием в оригинале: «они справляют . . . *stravu* . . ., сопровождая ее громадным пиршеством»⁴⁴, из чего возникает неправомерная мысль о двух различных обрядовых действиях. Одно понимание данного места у Иордана как глоссы к *strava* ставит под сомнение, если не отвергает совершенно, интерпретацию *strava* согласно готской версии в качестве погребального костра⁴⁵. При этом Иордан подобрал довольно

точный эквивалент туземному *strava*. По семантике *com(m)essatio*, *ōnis*, особенно в поздней латыни, обозначало «пиршество, разгул, веселую шумную прогулку, соединенную с пирушкой»; ср. у одного из поздних авторов: *Commessationes sunt luxuriosa comina quae aut collatione omnium celebrantur, aut vicibus solent a contubernalibus exhiberi* «*commessationes* суть пышные пирушки, которые или справляются вскладчину (букв. сборами со всех. — Л. Г.), или обыкновенно устраиваются по очереди приятелями» (*Thesaurus linguae latinae*, II, p. 1788—1799, s. v. *commissatio*); в этом позднелатинском толковании обращает на себя внимание почти пословное совпадение *commessatione . . . celebrantur* с *stravam* ($\approx$ *commessationes) *concelebrant* у Иордана (в минимальной реконструкции). Более того, *com(m)essatio*, образованное от глагола *commissor* «гулять, пировать и пр.», могло сохранить отзвуки ритуального смысла, так как лат. глагол заимствован из греческого деноминатива $\kappa\omicron\mu\rho\acute{\alpha}\zeta\omicron$ «совершать шествие в честь Вакха» → «предаваться разгулу, бражничать», букв. «участвовать в $\kappa\omicron\mu\rho\omicron\varsigma$ — торжественном (resp. веселом) шествии в честь бога, героя», «праздновать» и т. д., давшем также греч. $\kappa\omicron\mu\rho\delta\iota\alpha$ (ср. *Walde-Hofmann*, I, 254).

Важным представляется еще следующее обстоятельство. Весь пассаж о смерти и похоронах Атиллы является цитатой из Приска, поскольку Иордан предпосылает ему, как и в прочих подобных случаях, стереотипное выражение: *ut Priscus historicus refert*. На основании этого правомерно предположить, что туземное слово *strava* было в оригинале несохранившегося отрывка рукописи Приска. Услышанное им от гуннов или других очевидцев; оно, таким образом было записано практически одновременно с $\mu\epsilon\delta\omicron\varsigma$, при разрыве максимум в 5 лет. Сам Приск присутствовать при похоронах Атиллы не мог, так как тот умер в 453 г., а посольство состоялось в 448 г. Помета Иордана [*stravam*] *quam appellant ipsi*, по всей вероятности, также переписана у Приска вместе с неизвестным ему словом *strava*⁴⁶. Надо сказать, что даже поверхностное сличение первой цитаты из Приска у Иордана (о реках, через которые переправлялось посольство) и сохранившегося фрагмента Приска, повествующего о том же, показывает, насколько верен был Иордан оригиналу.

Помимо приведенных рассуждений, готской этимологии термина *strava*, восходящей в конечном счете к Якову

Гримму, специально занимавшемуся обрядом трупосожжения⁴⁷, свойственны слабые стороны в чисто этимологическом отношении. Прежде всего самый существенный момент — именное образование *strava* — в готском не засвидетельствовано, как и вообще в германских языках, где, правда, имеются формально близкие др.-исл. *strā*, англо-сакс. *strēaw*, др.-в.-нем. *strō* «солома». Этот *nomen appellativum* в значении «Gerüst, Scheiterhaufen», т. е. «погребальный костер в виде помоста, ложа», реконструирован на базе готского глагола *straujan* «ausbreiten, streuen»; ср. праслав. *(pro)sterti, греч. στρώωμι то же, давшее στρώσις «ложе и пр.», στρώμα, ατός «подстилка, постель и пр.». В немецкой науке это настолько удивившийся факт, что *strava* проникло без звездочки в словарь Покорного с пометой «германское» и значением «Scheiterhaufen zur Siegesfeier»⁴⁸. Изложенная этимология, обычно выдвигаемая в противовес славянской, имеет главную опорную точку в том негативном факте, что в случае славянской принадлежности слово реконструировалось бы в форме *sъtrava и транскрибировалось бы латинскими средствами как *sutrava*, на манер рум. *suta* «100» из слав. **sъto*⁴⁹.

Не говоря уже о погрешностях при, видимо, двукратном транскрибировании туземного слова сначала Приском на греческий (а выше мы видели, как неаккуратен был Приск, записав *Τίρας* вместо *Τίρας*), затем Иорданом на латинский, отметим, что *ъ* не всегда наличествует в позиции на стыке приставке *съ-* и корня, начинающегося с плавного *resp.* глухого + плавный даже в старославянских памятниках, ср. СЛЪГЪ «кривой, согнутый, искалеченный» (Зогр., Мар., Ассем., Сав.) при СЪЛЪГЪ только в Евхологии⁵⁰. В древнерусских текстах засвидетельствовано лишь СТРАВА «продовольствие, довольство»⁵¹. В аналогичной позиции всегда без *ъ* писалось ст.-слав. ОТРОКЪ, согласно наиболее распространенной этимологии из приставки *ot и отглагольного корня в ступени *o* — *гокъ, к *rekti «говорить», т. е. «не говорящий» или в первоначальном смысле, как пишет О. Н. Трубачев, «тот, кому отказано в праве говорить (в собрании и т. п.)»⁵². То же самое в ст.-слав. ОТРЪШИТИ, к корню ср. лит. *rišti* «завязывать» и др.⁵³

Второе, на наш взгляд, трудно преодолимое препятствие для готской и вообще германской этимологии заключено в несовместимости семантики, приписываемой

якобы гот. *strava* и контексту, в котором оно употреблено. На это обратил внимание еще Котляревский, заметив, что в тексте речь не идет о трупосожжении⁵⁴. Действительно, сразу же после объяснения слова *strava* Иордан говорит о трупе, преданном земле (*cadaver terra reconditum*). Иордан называет Атиллу «погребенным»: *emer-sitque momentanea mors sepelientibus cum sepulto* «и явилась мгновенная смерть погребавшим с погребенным» (*Iord. Get.* 49 (258) — конец параграфа).

В силу изложенных фактов, наиболее распространенная готская этимология *strava* не выдерживает строгого рассмотрения.

В свою очередь, Ст. Романский в очень серьезной и здоровой для своего времени статье «Славяни на Дунава», посвященной критике языковых и филологических аргументов Нидерле, присоединившись полностью к Фасмеру в его претензиях к формальной стороне славянской этимологии (отсутствие *ъ*), выдвинул мысль о дакийской принадлежности данного слова, поскольку у них, так же как и у других индоевропейских народов, существовал погребальный обряд в виде поминок. При этом Романский, естественно, настаивает и на семантике, вытекающей из связи с гот. *straujan*⁵⁵. Однако сама идея с методологической точки зрения совершенно сомнительна по причине полного отсутствия в фрако-дакийских реликтах чего-либо хотя бы отдаленно напоминающего по форме интересующее нас слово.

В культурно-историческом плане большего внимания заслуживает попытка Арнима предложить исконно гуннское объяснение *strava* из тюркск. *astrav — «поминки» в западнокараимск. *astrav* «убежище» (в обыденном языке — «погребение трупа»), *astra* «скрывать», «погребать труп и пр.»⁵⁶. Но и эту этимологию должно отвергнуть из-за допущений как семантического (живые слова обозначают только погребение, а не поминки), так и формального порядка (падение начального *a* и переход при латинской транскрипции в *a* основы).

В итоге для *strava*, засвидетельствованного Иорданом (середина VI в. н. э.) и, вероятно, Приском (середина V в. н. э.), остается только славянская этимологическая версия, ибо лишь славянские языки обладают живыми лексемами, идентичными по форме и весьма близкими семантически к рассматриваемому ритуальному термину. Слово это преимущественно западнославянское. По край-

ней мере в чешском и польском оно является фактом литературного языка: чеш. *strava* (нелитературное *zdrava* по народной этимологии с *zdravý* «здоровый, крепкий») «пища, еда, питание»⁵⁷; у Котта: «плоды стручковых растений», «крупя», «каша просяная»⁵⁸ при *stráviti* «переваривать еду и пр.» (= *traviti*), *stravné* «плата за еду (страву)»⁵⁹; слов. *strava, strova* «овощи, луценое зерно (то, из чего варится пища)»⁶⁰, Мичатек дает также *strava* «пища, стручковые плоды», *strávit'* — «переваривать (о желудке)» (= н. с. в. *trávit'*), «съесть»⁶¹; польск. *strawa* «еда, пища»⁶². Линде в качестве первого и, видимо, наиболее общего значения дает хорватский эквивалент *brašno*, боснийское *brašeno*, т. е. «мука, farina», также «пища», «хлеб или какая-либо другая еда в дороге», затем «*próchno; zdechlina*», «труха и падаль»⁶³ при *strawić* «переваривать еду и пр.», *strawne* «деньги на прокорм»⁶⁴. В восточнославянских языках, видимо, только на диалектном уровне; литературное в украинском и белорусском, по всей вероятности, — полонизм: русск. *страва* (польск., зап. пск., юж., орл., нврс.), *строва* (вор., кур.) «пища, еда, кушание и пр., особенно жидкое, похлебка»⁶⁵, ср. упомянутое др.-русск. *страва* «продовольствие, довольство» (Полоцк. грам. 1478 г.)⁶⁶; укр. *страва* «питание, пища, корм, продовольствие» при *стравня* «продовольствие, корм и др.»⁶⁷; первое — также в карпатских говорах⁶⁸; блр. *страва* «всякое вообще вареное кушанье»⁶⁹. Однако наиболее сильный аргумент в пользу славянского происхождения *strava* Иордана заключается в том, что в славянских языках — в старопольском и старочешском — созвучная с этим словом лексема функционировала в значении «ритуального пира, поминок». Варшавский словарь второе значение для *strawa* дает *uczta pogrzebowo, stupa* «пир погребальный, поминки» с замечанием «погребальный пир был у славян повсеместно»⁷⁰. Юнгманн и Котт прямо свидетельствуют у чеш. *strava* наряду с «пища (вообще) и пр.» значение «погребальный пир»⁷¹, «языческий погребальный пир»⁷². Важные в этом смысле сведения содержатся у Й. Голуба и Ф. Копечного: «с этим (sc. *truzna*), очевидно, находится в связи и смежное др.-слав. *strava* (с питьем — ст. чеш. *kvas*) — «погребальный пир (т. е. «поминки»). — Л. Г.) в древнем народном обычае траурного угощения, соединенного с танцевальными увеселениями (при смерти хо-

лостого парня, девки)»⁷³. Именно отмеченные факты побудили Нидерле (*Niederle. Slov. star.* 136 = *Нидерле. Слав. древн.* 53, 213⁷⁴) и еще раньше Котляревского (Указ. соч., с. 39 сл.) считать *strava*, свидетельствуемое Иорданом и почти определенно Приском, исконно славянским и заимствованным у славян гуннами, по нашему мнению, вместе с какими-то чертами, обогатившими их собственный погребальный ритуал. Трудно указать эти конкретные, исключительно славянские черты, так как у различных народов, тем более находящихся на близких ступенях развития, погребальный обряд обладает многими типологическими сходствами (ср., например, у фракийцев, согласно Геродоту, в *Hdt.* V, 8), правда, в другом порядке актов ритуала: *τρεις μὲν ἡμέρας προτιθεῖσι τὸν νεκρὸν καὶ παντοῖα σφύζαντες ἱρήια εὐχέονται, προκλαύσαντες πρῶτον ἔπειτα δὲ θάπτουσι κατακαύσαντες ἢ ἄλλως γῆ κρύψαντες, χῶμα δὲ χέαντες ἀγῶνα τιθεῖσι παντοῖον, ἐν τῷ τὰ μέγιστα ἄεθλα τίθεται κατὰ λόγον μονομαχίης* «три дня выставляют мертвого и устраивают трапезу [sc. погребальный пир], заколов всяческих жертвенных животных, [и] прежде оплакав [покойника]; затем же, насыпав курган, устраивают («творят») всякие состязания, в которых самые высокие награды присуждают на основании [результатов] единоборства»; относительно архаического и несвойственного гомеровским грекам ритуала захоронения Патрокла см. ниже. Кстати, согласно Нидерле (*Нидерле. Слав. древн.* 206), у древних славян в течение первого тысячелетия одновременно существовало и трупосожжение, и трупоположение.

В данном случае примечательно другое: ни одна из описанных Иорданом составных частей похоронного ритуала не только не противоречит славянской погребальной практике, но и поразительным образом аналогична той картине и тем специфическим особенностям славянского ритуала погребения, которые сохранили нам письменные источники от византийских (Маврикий Стратег — о добровольном следовании славянских жен за умершими мужьями, особенно Феофилакт Симоката — о напившемся по обычаю на поминках своего брата славянине) и арабских средневековых историков (Ибн-Даста, Масуди, Ибн-Фадлан) до Повести временных лет, где в незначительной реконструкции описание тризны, устроенной Ольгой по мужу, почти полностью совпадает с описанием Иордана; ср. в эпизоде Ольги с древлянами: «... да пристройте

меды многи в градѣ, иде же убисте мужа моего, да поплачюся над гробом его, и створю трызну мужю своему». Они же [древляне], то слышавше, съвезоша меды многи зѣло, и възвариша. Ольга же, поимши мало дружины, легко идущи приде къ гробу его, и плакася по муже своемъ. И повелѣ людямъ своимъ съсуги могилу велику, и яко соспоша, и повелѣ трызну творити. Посемь сѣдоша деревляне пити, и повѣле отрокомъ своимъ служити пред ними. . . И яко упишася деревляне, повелѣ отрокомъ своимъ пити на ня. . .»⁷⁵ В приведенном отрывке обращает на себя внимание порядок следования частей обряда: тризна в собственном смысле «творится» до ритуального питья (resp. пира), заключающего весь обряд похорон: «по семь (т. е. после тризны) сѣдоша пити»). Из данного текста, как, впрочем, и из других древнеписьменных славянских источников, нельзя представить, из каких конкретных действий складывался акт тризны. Однако если учесть, что в текстах, составленных на базе переводов с греческого, тризна выступает в значениях «*борьба, состязание, подвиг, награда», воссозданных по ст.-слав. ТРИЗНА «ἐπαθλον» (Супр.)⁷⁶, рус.-цслав. тризна, трызна в выражениях: (идти) на трызну *εις παλαίστραν* — Златостр. XII в., *πρός τό στάδιον* — на ристалище — Ио. Льств. XII в.; трызнь обрѣть (*ἄθλον εὐράμενος* — Гр. Наз. XI в., при этом *ἄθλον* вообще «награда в состязаниях, играх, борьбе» и сами «состязания», начиная с Гомера); подыати дѣйствиына трызны (Изб. Святослава 1073 г.)⁷⁷, то совершенно нетривиальным оказывается совпадение с похоронным обрядом у гуннов по Атилле у Иордана, описывающего «ристания» вокруг шатра с трупом Атиллы непосредственно перед пассажем о ритуале стравы: *nam de tota gente Hunnorum lectissimi equites in eo loco, quo erat positus, in modum circensium cursibus ambientes* «ведь самые отборные всадники из всего племени гуннов, объезжая кругом то место, где он [Атилла] был положен (sc. шатер), подобно цирковым ристаниям» (*Iord. Get. 49 (256)*). Здесь *cursibus* — *ablativus modi* от *cursus* «состязание (в беге), ристания и пр.», девербатив глагола *curre* «бегать, в частности, состязаться (в беге)», вполне адекватно выше приведенным контекстным употреблением слав. *trizna/tryzna*⁷⁸. Отмеченное тождество в последовательности частей погребального обряда и семантике славянского и латинского слова, обозначающих в Повести временных лет и в Гетике акт, предшествующий

пиру (слав. поминки в более позднем значении), по всей вероятности, не является случайным также ввиду того, что обычаи славян и гуннов были близки: см. у Прокопия: *...ἀλλὰ καὶ τῷ ἀφελεῖ διασώζουσι τὸ Οὐννικὸν ἦτος* «... но и в простоте (sc. неприхотливости и под.) сохраняют гуннский обычай» (*Proc. Bella VII, 14, 28*); у Прокопия же несколько раз употребляется почти формульное выражение *Οὐννοὶ τε καὶ Σκλαβηνοὶ καὶ Ἄνται* (*Proc. Bella V, 27, 2; VII, 14, 1*).

В связи с изложенным уместно указать на конститутивные моменты, четко разграничивающие на определенном хронологическом срезе страву и тризну в качестве различных актов погребального ритуала. По этой причине нам не представляется возможным согласиться с утверждением В. Н. Топорова о том, что в цитированном контексте Иордана, «вполне сопоставимом с древнерусскими описаниями . . . в соответствии с *stravam* выступает тризна»⁷⁹. В действительности несомненное соответствие существует только между *stravam* . . . *ingenti commensatione conseclebrant* Иордана и «да пристройте меды многи» в Повести временных лет⁸⁰.

Таковы филологические и лексико-этимологические доводы в поддержку тезиса Нидерле и др. о славянском происхождении *strava* Иордана⁸¹. Они выглядят, на наш взгляд, достаточно убедительно, чтобы нейтрализовать груз традиционных концепций о невозможности пребывания славян в этом районе в середине V в. и невольной пристрастности в освещении потенциально ранних свидетельств о славянах. Не будь известной предвзятости, такая подробность, как неотражение *ъ* при передаче, вероятно, через посредство греческого на латинский, где *muta cum liquida* не давала долготы предшествующего слога на фоне всех остальных формальных и содержательных тождеств, вряд ли могла остановить ученых, мнящихся с куда более натянутыми этимологиями. Тем более, что славяне впервые в письменных источниках упомянуты Прокопием как племена, постоянно совершающие набеги на византийскую империю в 527 г., т. е. всего 74 года спустя после смерти Атиллы.

Несколько слов специально о формально-этимологической стороне.

Существуют два объяснения иордановой *strava* на славянской почве. Первое, наиболее распространенное, подразумевает либо неточность латинской фиксации, либо

факультативность ъ. Согласно этой этимологии, *strava* < праслав. *s(ъ)trava является префиксальным именным образованием, аналогичным праслав. *po-trava в русск. потрава, чеш. potrava, польск. potrawa и т. д. — «корм и пр.», при корневом праслав. *trava — «трава», т. е. «пища для животных», к праслав. каузативу *traviti — «уничтожать, истреблять, травить, потреблять», в специализированном значении «переваривать, кормиться, питаться»; ср. ст.-слав. ТРАВИТИ σιτίζειν (Супр.) (и.-е. *trōu-) при праслав. *po-traviti. *s(ъ)traviti без особых отклонений в значении в отдельных славянских языках, но с оттенком совершенного вида; далее к апофоническим вариантам основы: праслав. *trovo, truti в ц.-слав. ТРОВЖ, ТРОУТИ «ἀναλίσχειν», ст.-слав. НАТРОВОУ, НАТРОУТИ «ψαμίζειν, τρέφειν» (и.-е. *trou-) и праслав. *trūja, trūti в ц.-слав. ТРЪИЖ, ТРЪИТИ «τρίβειν» (и.-е. *trū, видимо, нулевая ступень с ларингалом; ср. греч. τρῶω «растирать, уничтожать, изнурять и пр.»⁸²); сюда же, по мнению основных этимологических словарей, праслав. *tryzna, *trizna. Все восходят к и.-е. *teru- : *treu-, ср. греч. τείρω (< τρι-ω), по семантике почти равнозначное τρῶω и др. родственным словам. Отношения *traviti (: trava) — trovo — truti аналогичны ряду *slaviti (: slava) — slovo — sluti⁸³.

Другая этимология предложена Поповичем. Его интерпретация перспективна тем, что дает возможность снять основное препятствие для славянской версии происхождения *strava*, заключающееся, как мы видели, в латинском отражении праслав. приставки *sъ-. Рассматривая начальное s- в *strava* в качестве рефлекса s-mobile, он предполагает существование в индоевропейском параллельных форм *trōuā и *strōuā и соответственно их продолжений в славянском типа koga—skoga «кожа», tьlo «основание» и пр., stьlati «стлать»⁸⁴. Действительно, в славянских языках явление s-mobile представлено хотя и уже, чем, скажем, в греческом и особенно в германских языках, но достаточно достоверно⁸⁵. Что же касается индоевропейского уровня, то между продолжениями и.-е. корней *ter- и *ster- имеются формы, весьма близкие по значению. Попович, среди прочих, указывает на праслав. *tьrgati «рвать», в ст.-слав. ТРЪГНЖТИ «ἀναρπάζειν»: *tьrzati «то же», в ст.-слав. ТРЪЗАТИ «τίλλειν», греч. τρώω «грызть, рвать (о людях, животных)», τράγος «козел» и пр., лат. tergere «тереть» и пр. при др.-инд. str̥hati «дробит» — праслав. *strьgati, stružq «скрести, строгать» в ст.-слав.

СТРЪГАТИ, СТРОУЖЖ (и.-е. *streug-). греч. στρέβομαι: «мучиться, страдать», ср. специально к последним греч. τρῶω «тереть, истреблять» (и.-е. *treugh-) = τρῶω (о нем выше)⁸⁶. Разумеется, связи между приведенными лексемами, как формальные, так и семантические, очень сложны и могли образоваться на достаточно значительной индоевропейской глубине. Размышляя в том же направлении, Попович думает об апофонических отношениях между слав. *strava* (и.-е. *strōu-) и слав. *stьrvo «падаль, труп» в рус.-ц.-слав. СТЪРВЪ νέκρος русск. «стерва», «падаль» (и.-е. *steru- или в другой записи *st̥ru-). К семантическим связям ср. выше приведенные по отдельным славянским языкам значения *strava* в качестве пищи, приготовленной из смолотых (измельченных) продуктов: «мука, крупа», «каша», также «труха», т. е. «прах». Может быть, именно благодаря последнему обстоятельству и звуковому подобию; ср. болг. стръв, с.-хорв. ст̥в, *strava* была закреплена за вербальной стороной похоронного обряда. В итоге мы имеем симметричную пару *strōuā / *trōuā⁸⁷. По этому поводу уместно вспомнить предположение Брюкнера, что *trava значило пища для скота, а *strava — пища для людей⁸⁸.

В заключение этого важного раздела нашей работы относительно возможности заимствования гуннами у славян апеллатива *strava*, засвидетельствованного Иорданом, рассмотрим еще один, не менее распространенный аргумент Нидерле (*Нидерле*. Слав. древн. 52 = *Niederle*. Slov. star. 137 сл.), поддерживающий тезис о более раннем проникновении славян в Карпато-Балканское пространство (Паннония и др.), что свидетельствуется историческими источниками, а именно — слово μέδος. Оно фиксировано Приском наряду с другими туземными названиями съестных припасов, с которыми он ознакомился во время участия все в том же посольстве Максимиана к Атилле (448 г.), где-то в районе нижнего течения Тисы и Тимиша, так как об этих предметах пищи сообщается сразу после описания переправы через указанные реки: ἐχορηγοῦντο δὲ ἡμῖν κατὰ κόμας τροφαὶ ἀντὶ μὲν σίτου κέγχρος, ἀντὶ δὲ οἴνου ὁ μέδος ἐπιχωρίως καλούμενος. ἐχομιζοντο δὲ καὶ οἱ ἐπόμενοι ἡμῖν ὑπηρέται κέγχρον καὶ τὸ ἐκ κριθῶν χορηγοῦμενον πόμα· κάμον οἱ βάρβαροι καλοῦσιν αὐτὸ «нам доставлялась в деревнях пища, вместо (пшеничного) хлеба просо, а вместо вина — [напиток], называемый по туземному «б

μέδος», и даже слуги, следовавшие за нами, получали просо и напиток, из ячменя добываемый; «*χάρων*» варвары называют его» (Prisci. frg. — *Dindorf. Hist. gr. min. I, p. 300*). ó μέδος — несомненно, «мед, в смысле медовый напиток, медовуха»; это ясно из текста. Сложнее с языковой и этнической атрибуцией греческой транскрипции туземного слова, незначительно морфологически адаптированного, так как оно в качестве и-основы (и.-е. *medhu-) встречается, за исключением италийских, во всех полно засвидетельствованных индоевропейских языках в значении «мед» герм. «напиток, вино из меда» или «вообще сладкий напиток, вино»: др.-инд. mádhu- «мед, вино из меда», авест. madu- «ягодное вино», греч. μέθυ «вино, брага», ср. μέθύω «быть пьяным», значение «мед» закрепилось за μέλι; др.-ирл. mid (gen. medo) и т. д. «медовый напиток» (пракельт. *medu-), др.-в.-нем. metu и т. д. «вино из меда» (герм. *medu-); лит. medūs «мед» (лит. midus из гот. *midus), л. medus «мед, вино из меда», др.-прусск. meddo (*medu) «мед»; ст.-слав. МЕДЪ «μέλι», русск. мед «мед как таковой, вино из меда, медовуха», тох. В mit «мед»⁸⁹.

Однако более детальное рассмотрение наличных форм и значений сужает разброс языковых и соответственно этнических атрибуций μέδος Приска до трех возможностей: кельтской, германской, точнее, готской и славянской; иранская и греческая принадлежность заведомо отпадают по формальным причинам, балтийская — по историческим⁹⁰.

В настоящее время наиболее распространена готская гипотеза, затем славянская; кельтская как будто уже никем не поддерживается, хотя А. Хольдер включил «*rapponisch μέδος*» с цитатой из Приска в свой словарь⁹¹.

Готская версия опирается на возражение Фасмера по поводу утверждения, что в готском соответствующее μέδος слово должно быть записано Приском как *midos или *midos (< гот. *midus); ср. в дополнение к этому упомянутое выше лит. midus (*Нидерле. Слав. древн. 52 = Niederle. Slov. star. 138*)⁹². Фасмер не без основания указывал на необязательность отражения во всех восточногерманских языках прагерм. e через i и привел в качестве примера ст.-слав. (ц. слав. — *Л. Г.*) ШЛЪМЪ «шлем» из вост.-герм. *helm- при засвидетельствованном гот. hilms «шлем»⁹³; но если принять во внимание некоторую не-

корректность умозаключения Фасмера в подобной форме, поскольку *šelmz имеет статус праславянского заимствования, ср. русск. диал. шелом «конек, навес», «холм, гора», шолом «верхняя перекладина на крыше» и т. д., др.-русск. шолом «шлем» (русск. шлем)⁹⁴, то мысль о возможном проникновении из так называемого западногерманского герм. прагерманского снижает в известной степени убедительность примера Фасмера. Впрочем, имеется более сильный довод против готской этимологии и к нему прибегает Нидерле (там же) и его предшественники. Приск в эпизоде встречи с натурализованным греком (правда, в семи днях пути до становища Атиллы — Prisci. frg. 8 — *Dindorf. Hist. gr. min. I, p. 301*), которого он посчитал по одежде за скифа (... ὃν βάρβαρον ἐκ τῆς Σκυθικῆς φήθηεν εἶναι στολής), делает весьма важное наблюдение, в данном случае касающееся и многоязычия (миксоглоти) местного туземного населения, которое здесь, как и во многих других местах, называет скифами: ἐὺγκλυθεὶς γὰρ ὄντες πρὸς τῇ σφετέρᾳ βαρβάρῳ γλώττῃ ζηλοῦσιν ἢ τῆν Οὐννων ἢ τῆν Γότθων ἢ καὶ τῆν Αὐσονίων, ὅσοις αὐτῶν πρὸς Ῥωμαίους ἐπιμιξία καὶ οὐ βραδίως τις σφῶν ἐλληγνίζει τῇ φωνῇ, πλὴν ὃν ἀπήγαγον αἰκμαλώτων ἀπὸ τῆς Θρακίας καὶ Ἰλλυρίδος παράου «будучи смешанными [по племенному (sc. людскому) составу]⁹⁵, они [скифы], кроме своего варварского языка, ревностно стремятся [овладеть] или языком гуннов, или готов, или даже авсоциев (т. е. латинским. — *Л. Г.*), насколько у кого из них [имеются] сношения с ромеями. Но не легко кто-либо из них говорит по-эллински, за исключением тех пленников, которые уведены из Фракии и с иллирийского побережья» (Prisci. frg. 8 — *Dindorf. Hist. gr. min. I, p. 305*).

Из этого пассажа явствует следующее 1) народ, названный здесь скифами, отличается Приском от гуннов, готов и латинян, поскольку этот народ говорит «на своем варварском языке», а также, видимо, по одежде (см. предшествующую цитату); причем во многих, если не в большинстве других мест — и это примечательно — Приск вообще не разграничивает этнические понятия «гунн» и «скиф», ср. в этом отношении знаменательное высказывание, когда Атилла назван одним из других правителей Скифии (οὗτε ἐπὶ ἐτέρων τῶν ἀρξάντων τῆς Σκυθικῆς — *Ibid.*, p. 289) или, ниже, к нему применено выражение «для царственного скифа» (τῷ βασιλείῳ Σκύθῃ — *Ibid.* 293); надо полагать, это связано с тем, что для греческих исто-

риков по традиции «скифы» олицетворяли кочевников-номадов, пришедших с востока, к тому же, как уже упоминалось выше, «нравы у скифов были гуннские»; 2) отличает Приск этих варваров-скифов и от жителей Фракии и Иллирии (гесп. фракийцев и иллирийцев), ибо только последние «говорят по-эллински». В связи с иллирийской возможностью атрибуции μέδος уместно указать, что речь идет о заимствовании лексем, а не практики употребления хмельного напитка из меда, которая встречается почти у всех земледельческих народов. Поэтому доводы, опирающиеся на цитату из Псевдо-Аристотеля: Ἐν Ἰλλυριοῖς φασὶ τοὺς Ταυλαντίους καλοῦμένους ἐκ τοῦ μέλιτος ποιεῖν οἶνον «говорят, что у иллирийцев так называемые Таулантии пьют вино из меда»: ср. у Стефана Византийского. Ταυλαντίοι, Ἰλλυρικὸν ἔθνος... παρὰ τούτοις ἐκ μέλιτος οἶνον γίνεσθαι φασὶ Ἀριστοτέλης ἐν θαυμασίοις не выглядят убедительными; по тем же причинам совершенно несерьезным оказывается включение μέδος без звездочки Майером в иллирийский словник⁹⁶.

Таким образом, относительно этнолингвистической принадлежности μέδος выбор значительно сужается. С точки зрения языковой отмеченности остаются кельты и славяне. Собственно скифы отпадают, поскольку в иранских языках в корне — закономерное а (ср. авест. maδū-). В то же время кельты — народ высокой социально-экономической организации — жили не κατὰ κάμας, т. е. «в деревнях», а в укрепленных городах, носящих в большинстве названия, содержащие основу -dunon / -dunum (латинская транскрипция) «крепость гесп. лагерь (castrum), цитадель, город» (греч. πόργος) типа Ebugo-dunon, совр. Брно⁹⁷, и даже в несвязанном виде, например Δοῦνον (Птолемей)⁹⁸; помимо того, кельты, подобно иллирийцам, к середине V в. в Карпато-Балканском пространстве, тем более в давних римских провинциях Норике и Паннонии, были, судя по всему, полностью романизованы.

В итоге проделанного лингвофилологического анализа возникает единственная возможность рассматривать μέδος в качестве греческой фиксации Приском слав. медъ, употребляемого каким-то племенем славян, которые уже в V в. жили деревнями⁹⁹, пили, как и много веков позже, мед вместо виноградного вина¹⁰⁰ (ср. выше цитату из Повести временных лет), могли употреблять просо вместо (пшеничного) хлеба и переправляться через реки на долб-

ленных лодках-однодеревках¹⁰¹, повсеместно используемых и сейчас в России, особенно в Сибири, совершали после тризны страву на могиле умершего, обитали в районе рек со славянизированными названиями — Τίρας и Τιφίρας — и, наконец, действительно, по несколько более поздним источникам, письменным и археологическим, находились в «племенном союзе» (а иногда в прямом подчинении) сначала с гуннами¹⁰², а затем с другими прото-българскими народами.

Вывод о славянской принадлежности ὁ μέδος Приска примечателен полной непреднамеренностью, так как мы приступали к изучению этого последнего вопроса с большой долей скептицизма, как и ко всей проблеме в целом.

Относительно происхождения κάμος «напиток из ячменя», который «получили слуги», нельзя сказать чего-нибудь определенного. Скорее всего оно заимствовано от дославянского населения Паннонии; ср. у Юлиана Африканского (начало III в.): πίνουσι γοῦν ζῶθον Αἰγύπτιοι, κάμον Παίονες (ср. Παννόνες. — Л. Г.) Κέλτοι κερβησίαν... «действительно, пьют ζῶθον египтяне, κάμον — пеонийцы (ср. паннонцы), кельты — κερβησίαν» (= лат. cervisiam) — все это различные названия алкогольных напитков из ячменя и пшеницы, например браги¹⁰³. Л. Нидерле (Niderle. Slov. star. 137, примеч. 1) в связи с κάμος, вслед за О. Гильфердингом и др., указывает на с.-хорв. кōмина «виноградные выжимки», не имеющее соответствий в других славянских языках и, к сожалению, пропущенное в этимологическом словаре Скока.

Итак, осуществленная в части I нашей работы проверка лингвистических аргументов Нидерле в пользу значительно более ранних датировок «проникновения» славян («уже в I—II в. н. э.» со значительным усилением в III в.¹⁰⁴) в транскарпатские области (венгерское Подунавье, совр. Нижний Банат и т. п.) показала, что все эти доводы совершенно не выдерживают серьезной критики. Кстати, остается только удивляться, почему Нидерле, просматривая рукопись своего «Руководства», согласно примечанию чешской редакции¹⁰⁵ в феврале 1925 г. не прислушался к конструктивным возражениям в уже появившихся к этому времени отзывах на его «Slovanské starožitnosti» и «Manuel de l'Antiquité slave», например Й. Микколы, Х. Рамовша и в цитированной неоднократно рецензии М. Фасмера, не говоря уже о появлении как раз в 1925 г. специального труда Х. Краэ

«Balkan-illyrischer Personennamen» и знакомство Нидерле, судя по отдельным ссылкам, с фундаментальными трудами В. Томашека о фракийском и иллирийском языках.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что аргументы, оставшиеся непоколебленными, — гидронимы *Tisax* и *Tif-tisax*, а также апеллативы *strava* и *medos* достаточно авторитетно свидетельствуют в защиту тезиса о наличии в южной Паннонии и юго-западной Дакии, в нижнем и, возможно, среднем течении упомянутых рек, в середине V в. славянского населения, пришедшего сюда несколько ранее из-за Карпат, с территории своей первоначальной прародины¹⁰⁶.

¹ Датировка по Д. С. Лихачеву. См.: Повесть временных лет. М.; Л.: Изд-во АН СССР, ч. II: Прилож., 1950, с. 58 (далее — ПВЛ).

² Лаврентьевский список. — ПВЛ, ч. I, с. 11.

³ Например, в тексте это выразилось в неумелой интерполяции в список стран, полученных Афетом, после «Илюрик» — племенного названия «словѣне». Ср. интересные построения Б. А. Рыбакова о позднем вкраплении рассказа о «дунайских» славянах в «текст, описывающий более ранние (библейские. — Л. Г.) времена». См.: Рыбаков Б. А. Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. М.: Изд-во АН СССР, 1963, с. 222.

⁴ Нидерле Л. Славянские древности. М.: Изд-во иностр. лит. 1956, с. 47.

⁵ ПВЛ, ч. I, с. 206, 207.

⁶ Ср. поразительную стойкость мифо-фольклорной традиции об императоре Траяне и «веках Трояновых» (источники см.: Нидерле Л. Славянские древности, с. 54).

⁷ Подробный объективный обзор теорий см.: Нидерле Л. Славянские древности, с. 46, сл.

⁸ В качестве примера можно привести известную статью С. П. Толстова «Нарцы» и «волохи» на Дунае: (Из историко-этнографических комментариев к Нестору) (СЭ, 1948, № 2, с. 8—38), в прямой форме возрождающую теорию П. Шафарика; другой, более свежий пример являет книга В. П. Кобычева «В поисках прародины славян» (М.: Наука, 1973, в частности с. 47 и сл.; 136 и сл.), во многом продолжающая линию статьи С. П. Толстова, но беспомощную с лингвистической стороны, хотя именно топонимическая и вообще ономастическая аргументация играет в книге первенствующую роль; так, автор берет за критиковать изнутри, т. е. с позиций лингвиста, один из самых перспективных и глубоких по замыслу и выполнению трудов В. М. Иллич-Свитыча «Лексический комментарий к карпатской миграции славян» (Известия ОЛЯ, 1960, т. XII, вып. 3, с. 222—232), повлекший за собой в том же направлении целую серию работ других авторов. В том же издании см. критику Ф. П. Филина, С. Б. Бернштейна. См. еще:

Сымонович Э. А. Культура карпатских курганов и ее роль в этногенезе славян. — В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов: VIII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М.: Наука, 1978, с. 197.

⁹ На русском языке см.: Нидерле Л. Славянские древности, с. 27 и сл.; подробно см.: Niederle L. Slovanské starožitnosti. Praha, 1902 díl. I, sv. 1, s. 3—65.

¹⁰ Трубочев О. Н. Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян. — ВЯ, 1974, № 6 *passim*; выводы на с. 66 и сл.

¹¹ Здесь уместно напомнить примечательное высказывание Нидерле о противниках автохтонистских теорий, что они «отвергали все домыслы и этнологию и опирались лишь на достоверные известия, основанные на фактах» (Нидерле Л. Славянские древности, с. 49).

¹² См.: Гиндил Л. А., Калужская И. А., Орел В. Э. К вопросу о составе субстратного фонда языков балканского ареала: Доклады советской делегации на IV Международном конгрессе по изучению Юго-Восточной Европы. — В кн.: Балканские исследования. М.: Наука, 1981, вып. 6

¹³ Гиндил Л. А. К вопросу о субстратных вкраплениях в лексику болгарского языка. София, 1980 (в печати).

¹⁴ Если первое в разумных размерах имеет под собой реальную почву, то последнее нам представляется совершенно безнадежным делом: попытки К. Влахова выделить славянский слой во фракийских реликтах не выглядят убедительными. См.: Влахов К. Трако-славянски усуре-

дици. — Годишник на Софийския университет, ист.-фил. фак., 1969, XIII, N 1, с. 171—233 и др. его работы.

¹⁵ Нидерле Л. Славянские древности, с. 50 и др.

¹⁶ Там же, с. 51.

¹⁷ Примером в этом отношении могут служить довольно популярные у нас работы О. В. Кудрявцева, особенно его «Костобоки, их расселение и этническая принадлежность (из истории племен Европы во II в. н. э.)». — В кн.: Кудрявцев О. В. Исследования по истории балкано-дунайских областей в период Римской империи и статьи по общим проблемам древней истории. М.: Изд-во АН СССР, 1957, *passim*; см. чрезвычайно высокую оценку в плане ранних датировок главного труда Нидерле «Slovanské starožitnosti», особенно тома II выпуска I «Původ a počátky slovanů jižních (Praha, 1906), содержащего всю лингвистическую часть, таким видным сербским византинологом, как Ф. Баршич. См.: Баршич Ф. Приск као извор за najstariju istoriju juznih slovena. — В кн.: Сборник радова САН, књ. XXI: Византиолошки институт, књ. 1. Београд, 1952, с. 53.

¹⁸ Георгиев В. Най-старите славянски местни имена на Балканския полуостров и тяхното значение за нашия език и нашата история: Славянските местни имена у Прокопий. — В кн.: Георгиев В. Въпроси на българската етимология. София, 1958, с. 67—88.

¹⁹ Влахов К. Трако-славянски усуредици; Перознак В. II. Принципи исследования на леобалканской ономастик. — В кн.: Историческая ономастика. М.: Наука,

- 1977, с. 29 (оба — без конкретного разбора славянских этимологий Георгиева); из историков: *Тъпкова-Заимова В.* Нашествия и этнические промены на Балканите през VI—VII в. София, 1966, с. 57.
- ²⁰ Старую литературу см. в указанных трудах Нидерле; некоторое, далеко не полное представление о новой литературе могут дать статьи И. Поповича: *Porović I.* Quel était le peuple pannonien qui parlait μέδος et strava? В кн.: Сборник радова византолошког института. Београд, 1961, кн. 7, с. 197, сл.; *Idem.* Zur Urgeschichte der Serben in Pannonien. Eine Dialektuntersuchung. — *ZfSlPh*, 1958, XXVII, S. 116—160; *Idem.* Bemerkungen über die voroslavischen Ortsnamen in Serbien. — *ZfSlPh*, 1959, XXVIII, S. 101—114; *Idem.* Slaven und Albaner in Albanien und Montenegro. — *ZfSlPh*, 1957, XXVI, S. 301—324; *Idem.* Geschichte der serbokroatischen Sprache. Wiesbaden, 1960; Обзор: *Zástěrová B.* Les débuts de l'établissement définitif des slaves en Europe Méridionale (confrontation de la conception de L. Niederle avec l'état actuel des recherches). — In: Vznik a počátky slovanů. Praha, 1966, t. VI, s. 33 f., а также упоминавшаяся книга: *Тъпкова-Заимова В.* Нашествия . . . к сожалению, с недостаточным количеством ссылок на специальную лингвистическую литературу.
- ²¹ См. упомянутые в сноске 20 статьи И. Поповича, а также: *Трубачев О. Н.* Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян. — ВЯ, 1974, № 6, с. 48 и сл.
- ²² *Porović I.* Quel était le peuple pannonien. . . , passim.
- ²³ См.: *Баришић Ф.* Приск као извор . . . , с. 52 и сл.; *Он же.* Византски Сингидунум. — В кн.: Сборник радова САН, кн. XIV: Византолошки институт, кн. 3. Београд, 1955, с. 1.
- ²⁴ Примером в этом отношении может служить статья Баришича по поводу одного из самых дискуссионных вопросов об авторстве и датировке так называемых Псевдоцезаревых диалогов, см.: *Баришић Ф.* Када и где су написани Псевдо-Цезаријеви Дијалози. — Сборник радова САН, кн. XXI: Византолошки институт, кн. 1. Београд, 1955, с. 29 и сл.; ср.: *Duičev I.* Le témoignage du Pseudo-Césaire sur les slaves. — *Slavia antiqua*, 1954, p. 193 f.
- ²⁵ *Баришић Ф.* Приск као извор . . . , с. 53. Более того, признавая справедливость критики топонимических выводов Нидерле о присутствии славян в Подунавье во II в. н. э. со стороны М. Фасмера, Й. Микколы, Ф. Рамовша, Ст. Романского и др., Попович в соответствии с общей направленностью своих работ с известным удовлетворением отмечает якобы наметившуюся в 60-х годах тенденцию к возрождению поисков следов пребывания славян в топонимике Юго-Востока Европы первых веков нашей эры (*Porović.* Peuple pannonien, p. 197 f.): имеются в виду работы: *Rudnicki M.* Goplo i Pelső. — *Slavia Occidentalis*, III—IV, s. 314 f., *Георгиев Вл.* Вопросы . . .
- ²⁶ *Нидерле Л.* Славянские древности, с. 54 сл.
- ²⁷ Краткий обзор и литературу по языкам см.: *Гиндин Л. А.* Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова. М.: Наука, 1967, с. 8—12; *Он же.* Проблемы античной балканистики: (Лингвистический аспект). — ВЯ, 1973, № 1, с. 64—79.
- ²⁸ В этимолого-аналитическом разделе ссылки на литературу в сокращениях даются в тексте; список сокращений прилагается в конце статьи.
- ²⁹ Это не помешало Вл. Георгиеву относительно данного примера прямо солидаризироваться с Нидерле. См.: *Георгиев Вл.* Тракийский язык. София, 1957.
- ³⁰ Здесь и далее переводы цитат из античных памятников принадлежат автору статьи.
- ³¹ *Баришић Ф.* Приск као извор . . . , с. 58.
- ³² Менее убедительно, учитывая цитирование этого места Иорданом, С. Диккулеску считает запись Приска корректной, ставя в родственную связь гидроним Τίρας и данный топоним, отмеченный Прокопием. См.: *Diculescu C. C.* Die Gepiden: Forschungen zur Geschichte Daciens im frühen Mittelalter und zur Vorgeschichte des rumänischen Volkes. Halle-Leipzig, 1923, Bd. I, S. 86.
- ³³ Специально об этом явлении см.: *Poghirc C.* L'alternance m/mb/b en thrace et en albanais. — LB, 1963, VI, p. 97 s.
- ³⁴ *Porović I.* Peuple pannonien. . . , p. 204. Относительно фриктивного в Niš и Nišava Попович (*Porović.* Bemerkungen, 110) ссылается также на гипотезу Д. Дечева о «преютации» гласного в исходе основы: *Ναισσοσ* < *Ναιφισσοσ* (ср. лат. Navissum), которое, в свою очередь, из *Nejsjos, с закономерным переходом sj в s в славянских языках (*Дечев Д.* Тракийски названия на наши реки. — В кн.: Известия на Института за български език. София, 1954, III, с. 276—277); но при подобной реконструкции ту-
- земного фракийского прототипа весьма вероятно восприятие слав. Niš непосредственно из раннеалбанского (resp. фракийского), поскольку он в исконных словах регулярно давал sh из s перед j, ср. алб. gjysh «дед» < п.-е. *sū-s-ǵo- (*Рокоту I*, 1039) и под.; таким образом, обе применимые к Niš гипотезы в конечном счете равно предполагают контакт славян с албанцами.
- ³⁵ Ср. то же умозаключение у И. Йокля (*Jokl.* Albaner, s. 84 ff.).
- ³⁶ См.: *Гиндин Л. А., Калужская И. А., Орел В. Э.* К вопросу о составе . . .
- ³⁷ Томашек (*Tomasek.* Thacker II, 2, 59) и Майер (*Mayer I*, 85) считают Βέρζαβα иллирийским (первый — с вопросом); однако этому препятствует сатемный рефлекс палатального в исходе.
- ³⁸ *Трубачев О. Н.* Названия рек правобережной Украины: Словообразование. Этимология. Этнические интерпретации. М.: Наука, 1968, с. 142.
- ³⁹ *Schwarz E.* Germanische Stammeskunde. Heidelberg, 1956, S. 101 (карта).
- ⁴⁰ *Iordanis Romana et Getica* recesvit Th. Mommsen. — In: Monumenta Germaniae historica. Auctorum antiquissimorum. Berlin, 1882, t. V, pars 1, p. 198.
- ⁴¹ *Котляревский А.* О погребальных обычаях языческих славян. М., 1868, с. 37, сл.
- ⁴² См. *Брюкнер А., Niederle L.* Slov. star. 136, примеч. 5.
- ⁴³ *Krek Gr.* Einleitung in die slavische Literaturgeschichte 2. Aufl./Graz, 1867, S. 435 f.
- ⁴⁴ *Скржинская Е. Ч.* Иордан о происхождении и деяниях гетов. Getica. М.: Изд-во восточной лит., 1960, с. 117, § 258. Ср. там же (с. 327) противоречие с ее коммента-

- рием о commessatio как пояснению к слову strava.
- 46 Ср.: *Котляревский А.* О погребальных обычаях . . . , с. 39. А. Котляревский, на которого в этом месте целиком полагалась Скржинская, переводит тем не менее аналогично нашему истолкованию: «Страва праздновалась . . . » ingent: commessatione», т. е. торжественным обрядовым пиром и потому не могла обозначать погребального костра.
- 46 Ср. справедливое замечание Котляревского, что Иордан, по всей вероятности, знал готский язык и должен был выразиться более определенно, если бы слово было готским. См.: *Котляревский А.* О погребальных обычаях . . . , с. 39.
- 47 *Grimm J.* Über das Verbrennen der Leichen. — In: *Kleinere Schriften.* Berlin, 1868, II, S. 37 ff.; судя по комментарию Моммзена (*Jord. Get.*), еще ранее: Gabelenti et Loebe in glossario Gotico s. v. straujan.
- 48 *Pokorny J.* I. 1031; оно включено также в готский словарь Дифенбаха, см.: *Diefenbach L.* Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache. Stuttgart, 1846—1851, s. v. strava.
- 49 *Vasmer M.* [Рец. на кн.:] *Niederle L.* Manuel de l'Antiquité slave. Bd. I: L'Histoire. — *ZslPh*, 1925, II, 3—4, S. 540; *Schwarz E.* Germanische Stammeskunde. Heidelberg, 1956, S. 225; cf. *Rooth D.* Got. strava «Gerüst, Paradebett». — *Annales Academiae scientiarum fennicae*, 1954, 84, 2, S. 37 ff.
- 50 Бернекер, опираясь на sьлокъ как на исконную форму связывает с Iokъ (*Berneker A.* Slavisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1908—1913, I, S. 740); на-
против, Мейс относит начальное s к основе, связав slockъ с лит. slinkti «ползти, красться», лат. slikt «наклоняться» и т. д. (*Meillet A.* Etudes sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave. Paris, 1905, II, p. 228). К последней точке зрения склоняются Садник и Айцетмюллер (*Sadnik L., Aizetmüller R.* Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten. Heidelberg, 1955, S. 304).
- 51 *Срезневский И. А.* Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1903, т. III, с. 530.
- 52 Специально об отсутствии ъ ст.-слав. ОТРОКЪ с указанием, что «даже этимологически ясные слова пишутся (в ст.-слав. — Л. Г.) иногда последовательно без ера, например, ст.-слав. ОТЬШТВИЕ «отход». См.: *Копечный Ф. Ф.* К этимологии слав. отрокъ. — В кн.: *Этимология* 1966. М.: Наука, 1968, с. 54 сл.; *Фасмер III*, 172 сл. с большими дополнениями О. Н. Трубачева в литературе; *Трубачев О. Н.* История славянских терминов родства. М.: Изд-во АН СССР, 1959, с. 47; *Sadnik L., Aizetmüller R.* Handwörterbuch. . . , S. 293 f.
- 53 *Фасмер III*, 479 сл.; *Sadnik L., Aizetmüller R.* Handwörterbuch. . . , S. 294 f.
- 54 *Котляревский А.* О погребальных обычаях. . .
- 55 *Романски Ст.* Славяни на Дунава. — *Български преглед*, 1929, N 1, с. 99.
- 56 *Arnim B.* Bemerkungen zum Hunnischen. — *ZslPh*, 1936, N 13, S. 100 f.
- 57 *Trávníček F.* Slovník jazyka českého. Praha, 1952, s. 1460; *Příruční slovník jazyka českého.* Praha, 1948—1951, d. V, s. 786; *Jungmann J.* Slovník česko-německý. Praha, 1938, d. IV, s. 332. также «расход, трата»; *Horálek K.* Úvod do studia slovanských jazyků. Praha, 1955, s. 153.
- 58 *Kott P. St.* Česko-německý slovník, 1893, d. VII, s. 789.
- 59 *Trávníček F.* Slovník. . . , s. 1559, 1460; *Příruční slovník. . .*, s. 786.
- 60 *Káral K., Káral M.* Slovenský slovník z literatúry aj nárečí. Banská Bystrica, 1923, s. 648, 652.
- 61 *Micátek L. A.* Differenziálny slovensko-ruský slovník. Turčiansky Sv. Martin, 1900, s. 210; Юнгманн дает для slockъ strava также «овощи, зелень» (*Jungmann J.* Slovník. . . , s. V).
- 62 *Karłowicz J., Kryński A., Niedzwiedzki W.* Słownik języka polskiego. Warszawa, 1952, t. VI, s. 447 f.
- 63 *Linde S. B.* Słownik języka polskiego. Warszawa, 1952, v. V, s. 451 f.; относительно с.-хорв. brāšno см.: *Речник српскохрватског књижевног и народног језика.* Београд, 1959, II, с. 128.
- 64 *Karłowicz J., Kryński A., Niedzwiedzki W.* Slovník. . . , s. 448.
- 65 *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка/ Изд. 3. СПб., 1909, т. IV, с. 562.
- 66 *Срезневский И. И.* Материалы . . . , т. III, с. 530. ср. *Фасмер III*, с. 770.
- 67 *Гринченко Б. Д.* Словарь украинского языка. Киев, 1909, т. IV, с. 212.
- 68 *Жилко Ф. Т.* Нариси з діалектології української мови. Київ, 1955, с. 146; ср.: *Словник української мови.* Київ: Наукова думка, 1978, т. 9, с. 746: Страва «приготовленные продукты для еды, продукты, то, что едят».
- 69 *Носович И. И.* Словарь белорусского нарѣчя. СПб. 1870, с. 616; ср.: *Белорусско-русский словарь/ Под ред. К. К. Крашвы.* М., 1962, с. 891: страва «кушанье, пища, обед».
- 70 *Karłowicz J., Kryński A., Niedzwiedzki W.* Słownik. . . , s. 447 f.; о старопольском слове также см.: *Brückner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1957, s. 518: «у нас еще в XV в. «поминками (stupę)» так названа [strawa]».
- 71 *Jungmann J.* Slovník česko-německý.
- 72 *Kott P. St.* Česko-německý slovník.
- 73 *Holub J., Kopečný F.* Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1952, s. 392 f., s. v., trizna.
- 74 *Niederle L.* Život starých Slovanů. Praha, 1911, vol. I, s. 282.
- 75 О неадекватности понятий тризны и ритуального пира с обязательным обильным питьем. См.: *Котляревский А.* О погребальных обычаях. . . , с. 118; *Нидерле Л.* Слав. древн., с. 212 сл.; *Трубачев О. Н.* Следы язычества в славянской лексике. I. Слав. trizna. — В кн.: *Вопросы славянского языкознания.* М.: Изд-во АН СССР, 1959, вып. 4, с. 132.
- 76 *Лизачев Д. С.* Повесть временных лет. . . , с. 41, сл.; об аналогиях между погребальным обрядом у гуннов, по Иордану, и у древних славян, по средневековым письменным источникам, подробнейшим образом см.: *Котляревский А.* О погребальных обычаях. . . passim; более концептивно: *Niederle L.* Slov. star., s. 282.
- 77 *Срезневский И. И.* Материалы . . . , т. III, с. 595, сл.; более обширный перечень засвидетельствованных и возможных значений слав. *trizna и его производных в сопоставлении с греческим

- в древнерусском и современных славянских языках см.: *Топоров В. Н.* К семантике троициности (слав. *trizna и др.). — В кн.: *Этимология*, 1977. М.: Наука, 1979, с. 4, сл.
- ⁷⁸ Следует отметить полную идентичность указанным латинским и славянским терминам гом. *ἀεθλον*, особенно в песне XXIII Илиады, большую часть которой занимают описания различных видов ритуальных состязаний за награду после сожжения трупа Патрокла. На протяжении всей песни *ἀεθλον* в значении «награда в (ритуальном — Л. Г.) состязании» встречается 21 раз и 3 раза — *ἀεθλος* «состязание, подвиг и т. п. (за награды)» в сочетании с глаголом *πειράσθαι* (med.) «испытать, (по)пробовать и т. д.»; издавна вся песня XXIII поэтому пазывается *Ἄθλα ἐπὶ Πατρόκλω*, что может быть переведено вслед за древнерусской традицией «Тризна по Патроклу»: ср. в одной из рукописей Синодальной библиотеки церковное правило: наложить епитимию, если кто «по мертвым дрался» (цит. по: *Котляревский А.* О погребальных обычаях. . . , с. 132; о тризне как погребальных «играх», военных состязаниях, сценах битвы и т. п. также см.: *Нидерле Л.* Слав. древн., с. 212 (с материалом); о параллелизме ст.-слав. ТРИЗНА и греч. *ἀεθλος* см.: *Chantraine P.* Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Paris, 1968, v. I, p. 21.
- ⁷⁹ *Топоров В. Н.* К семантике . . . , с. 9. сл.
- ⁸⁰ Ср.: *Топоров В. Н.* К семантике . . . , с. 9 сл.
- ⁸¹ В отечественной литературе категорически в пользу славянской атрибуции *strava* (без вхождения в этимолого-филологические детали) высказался С. Б. Бернштейн (Очерк сравнительной грамматики, с. 78) и недавно В. Н. Топоров (К семантике. . . , с. 9); ср. *Brückner A. Zeitschrift. . .*, s. v. *strava*: «[слав.] «страда» справлена над гробом Атиллы».
- ⁸² О наличии ларингала в греч. *τρῶω* < *tr-u-H < *tr-H-u см.: *Beekes. The Development of the Proto-Indo-European Laryngeals in Greek. The Hague — Paris, 1969*, p. 178. ср.: *Chantraine P. Dictionnaire. . .*, p. 1141.
- ⁸³ *Фасмер III*, s. v. v.: *страда* (*sъtrava), *трава*, *травить*, *тризна*; *Holub J., Korečny F. Etymologický. . .*, s. 354, comp. 392 s.; *Machek V. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957*, s. v. v.: *tráviti, trýzniti*; *Miklosich F. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latium. Vindobonae, 1862—1865*, s. v. v.: СТРАВА, ср. ТРИЗНА; *Idem. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886*, S. 325, 363—364; comp. *Sadnik L., Aizetmüller R. Handwörterbuch. . .*, S. 322 (natruti, trava, traviti etc.); *Frisk Hf. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1970*, Bd. II, s. v. v. *τρῶω, τείρω* etc.; *Pokorny I, 1072—1073*; comp. *Popović I. Peuple pannonien. . .*, p. 191 s.
- ⁸⁴ *Фасмер III*, с. 191 v. v.
- ⁸⁵ *Shevelov G. A Prehistory of Slavic: The Historical Phonology of Common Slavic. Heidelberg, 1964*, p. 231 ff.
- ⁸⁶ *Pokorny I, 1029* под корнем *streug-, 1073.
- ⁸⁷ *Popović I. Peuple pannonien. . .*, p. 199 ss.; отношения между вариантами основы *střv-* и *trv-* на сербском материале подробно прослежены Поповичем: *Попович И.* Несколько прилога речнику нашего языка: 17. стрв. — Наш язык. Нова серија, 1951, кн. II, св. 5—6, с. 217 сл.; об отнесении рус.-ц.-слав. СТЪРВЪ к и.-е.-корню *(s)ter- с s-mobile см.: *Pokorny I, 1031*; *Škok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili sprskoga jezika. Zagreb, 1973*, III, s. 351, где с.-хорв. *střv* к и.-е. корню *(s)ter- с помощью суффикса *-до-.
- ⁸⁸ *Brückner A. Slovník. . .*, s. 575.
- ⁸⁹ *Pokorny I, 707* с незначительными нашими уточнениями.
- ⁹⁰ Ср.: *Popović I. Peuple pannonien. . .*, p. 198.
- ⁹¹ *Holder A. Alt-celtischer Sprachschatz. Leipzig, 1904*, Bd. II, S. 524; *Василевский Б.* О мнимом славянстве гуннов, болгар и роксолан. — ЖМНП, 1882—1883, т. 222, с. 151.
- ⁹² Повторение Баришичем: *Баришич Ф.* Приск као извор . . . , с. 59.
- ⁹³ *Vasmer M.* [Рец. на кн.: *Manuel de l'Antiquité slave. . .*, p. 540; повторено: *Романски Ст.* Славяни на Дунава . . . , с. 94.
- ⁹⁴ *Фасмер IV*, 424.
- ⁹⁵ *ἑβγ-κλωδας* букв. «намытый, снесенный вместе волнами».
- ⁹⁶ *Mayer I, 224* с цитатой из Приска.
- ⁹⁷ *Трубачев О. Н.* Eborudunum — Singidunum. — В кн.: Вопросы географии. М.: Мысль, 1966, вып. 70, с. 103 сл.
- ⁹⁸ *Holder A. Alt-celtischer Sprachschatz. Leipzig, 1896*, Bd. I, S. 1375 f.
- ⁹⁹ Сообщение Аппиана, что «паннонцы живут не в городах, но в селениях или деревнях» (*καὶ οὐ πόλεις ἔχουσιν οἱ Παίονες οἶδε, ἀλλ' ἀγροῦς ἢ κώμας* App. Шуг. 22); подобно другим авторам, Аппиан *Παίονες* шлет вместо *Παννόνες*.
- ¹⁰⁰ Надо заметить, что в этих районах во всяком случае во второй половине II в. н. э. «. . . не вино (виноградное) производят, за исключением в малом числе и плохого, но равно едят и пьют пишено и просо» (*Dio Cass. 49, 36, 3*).
- ¹⁰¹ Ссылка на употребление плирийцами подобных лодок (*Баришич Ф.* Приск као извор . . . , с. 55) не исключает данного предположения.
- ¹⁰² См. у Иордана о гуннах на территории Паннонии и Дакии в правление Атиллы: *Igitur ab Dacia et Pannonia provinciis, in quibus tunc Hunni cum diversis subditis nationibus insidebant egrediens Atilla in Alanos movit prociunctum* «Таким образом, Атилла, выступив из провинций Дакия и Паннония, в которых тогда жили гунны (вместе) с различными подчиненными народами, на аланов двинул войско» (*Jord. Get. 42 (226)*).
- ¹⁰³ Цит. по: *Баришич Ф.* Приск као извор . . . , с. 59.
- ¹⁰⁴ *Нидерле Л.* Славянские древности, с. 50.
- ¹⁰⁵ Там же, с. 420.
- ¹⁰⁶ Ср.: *Popović I. Peuple pannonien. . .*, p. 201, 226.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Acta Alb.=Acta et diplomata res Albaniae mediae aetatis illustrantia/ Ed. L. Thallóczy, C. Jirecek, M. Sufflay. Vindobonae, 1913, Bd. I.
- Amm. Marc. — Rerum gestarum libri qui supersunt/ Ed. J. C. Rolfe. Cambridge Mass., London, 1935—1939, V. I—III.
- App. Illyr. — Appiani Ἰλλυρικῆ / Ed. L. Mendelssohn, P. Viereck. Leipzig, 1879—1905.
- Aurel. Vict. Caes.=Aurel. Vict. Epit.=Sexti Aurelii Victoris Liber de Caesaribus. Praecedunt Origo gentis Romanae et Liber de viris illustribus urbis Romae, subsequitur Epitome de Caesaribus, recensuit F. Pichlmayr. Lipsiae, 1911.
- Barić. Istorija.=Barić H. Istorija arbanaskog jezika. Sarajevo, 1959.
- Barić. Lingvisticke studije.=Barić H. Lingvisticke studije. Sarajevo, 1954.
- Бернштейн. Очерк сравнительной грамматики. — Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М.: Изд-во АН СССР, Т. 1, 1961.
- Будимир. Pathissus — Тиса.=Будимир М. Pathissus — Тиса. — Гласник историског друштва у Новом Саду. Сремски Карловци, 1929, II, 1.
- CLL — Corpus inscriptionum Latinorum. Berolini, 1863.
- Const. Porph. De adm. imp.=Constantinus Porphyrogenitus: De administrando imperio/ Greek text ed. by Gy. Moravcsik. Budapest, 1949.
- Detschew = Detschew D. Die Thrakischen Sprachreste. Wien, 1957.
- Dio Cass = Dio Cassius. Historia Romana/ Ed. L. Dindorf, recogn. I. Melber. Leipzig, 1890—1928. V. I—III.
- Фасмер = Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1964—1973. Т. I—IV.
- Георгиев. Бълг. етим.=Георгиев В. Въпроси на българската етимология. София, 1958.
- Георгиев. Бълг. етим. и оном.=Георгиев В. Българска етимология и ономастика. София, 1960.
- Георгиев. Исследования.=Георгиев В. И. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М.: Изд-во иностр. лит., 1958.
- Георгиев. Трак. ез.=Георгиев В. Тракийският език. София, 1957.
- Георгиев. Траките.=Георгиев В. Траките и техният език. София 1977.
- Iord. Get.=Iordanis De origine actibusque Getarum. — In: Iordanis Romana et Getica recensuit Th. Mommsen — Auct. antiquiss. t. I, pass. 1. Berolini, 1882.
- It. Ant.=Itineraria Antonini Augusti. — In: Itineraria Romana/ Ed. O. Guntz. Lipriae, 1929, v. I, p. 18 ss.
- It. Hierosol. — Itineraria Hierosolymitanum (sc. Burdigalense). — In: Itineraria Romana/ Ed. O. Guntz. Lipsiae, 1929, v. I, p. 86 ss.
- Jokl. Albaner.=Jokl N. Albaner: Sprache. — In: Realexikon der Vorgeschichte/ Hrsg. M. Ebert. Berlin, 1921, Bd. I, S. 84 ff.
- Kazarov. Denkmäler. — Kazarov G. I. Denkmäler des thrakischen Reitergottes in Bulgarien: Text- und Tafelband. Dissertationes Pannonicae, ser. 2, fasc. 14. Budapest, 1938.
- Krahe. GN. — Krahe H. Die alten Balkanillyrischen geographischen Namen. Heidelberg, 1925.
- Krahe. PN.=Krahe H. Lexicon altillyrischen geographischen Namen. Heidelberg, 1929.
- Kretschmer. Einl.=Kretschmer P. Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache. Göttingen, 1896.
- Liv. — Titi Livi Ab urbe condita/ Rec. Th. A. Dorey. Leipzig, 1971.
- Mayer I—II.=Mayer A. Die Sprache der alten Illyrier. Wien, 1957—1959. Bd. I—II.
- Melich. O kilku nazwach rzek.=Melich J. O kilku nazwach rzek na Węgrzech i w Siedmiogrodzie. — In: Symbolae grammaticae in honorem I. Rozwadowski. Cracoviae, 1928. T. II.
- Нидерле. Слав. древн.=Нидерле Л. Славянские древности. М.: Изд-во иностр. лит., 1956.
- Niederle. Slov. star.=Niederle L. Slovanské starožitnosti. Praha, 1906, II, 1.
- Not. Dign.=Notitia Dignitatum/ Ed. O. Seek. Berolini, 1876.
- Plin.=C. Plinius Secundus. Naturalis historia (=Pliny. Natural history)/ Ed. H. Rackham. London; Cambridge (Mass.), 1938—1950. T. I—V.
- Pokorny I.=Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern; München, 1959. Bd. I.
- Popović. Bemerkungen.=Popović I. Bemerkungen über die vorlavischen Ortsnamen in Servien. — Zeitschrift für slavische Philologie, 1959, XXVIII, 1, S. 101 ff.
- Popović. Geschichte.=Popović I. Geschichte der serbokroatischen Sprache. Wiesbaden, 1960.
- Popović. Peuple pannonien.=Popović I. Quel était le peuple pannonien qui parlait μέδος et strava? — Зборник радова Византолошког института, 1961, књ. 7, с. 197 сл.
- Popović. Slaven und Albaner. — Popović I. Slaven und Albaner in Albanien und Montenegro. — Zeitschrift für slavische Philologie, 1958, XXVI, 2, S. 301 ff.
- Prisci, frg.=Dindorf. Hist. gr. min. I.=Prisci fragmenta. — In: Dindorfius L. Historici graeci minores. Lipsiae, 1852, p. 275 ss.
- Priscian.=Priscianus Grammaticus. Institutio/ Ed. M. Hertz, H. Keil. Grammatici Latini. Leipzig, 1855—1859. V. I—III.
- Proc.=Procopii Caesariensis Opera omnia recognovit J. Haury. Lipsiae, 1963—1964. V. I—IV.
- Ptol.=Claudii Ptolemaei Geographia/ Ed. C. Müller, C. T. Fischer. Paris, 1883—1901. V. I—II.
- Rav.=Ravennatis Anonymi Cosmographia (et Guidonis Geographica). — In: Schnetz J. Itineraria Romana. Lipsiae, 1940. V. II.
- Романски. Славяни на Дунава.=Романски Ст. Славяни на Дунава. — Български прегледъ, 1929, № 1, с. 80 сл.
- Russi.=Russu I. I. Die Sprache der Thrako-Daker. București, 1969.
- Çabej. SE — Çabej E. Studime rreth etimologjisë së gjuhës shqipe. — Studime filologjike, 1965, N 1, f. 18.
- Скржинская.—Скржинская Е. Ч. Иордан о происхождении и деяниях готов. Getica M.: Изд-во восточн. лит., 1960.
- Скок. Топономастика Војводине.=Скок П. Топономастика Војводине (I). — В кн.: Војводина. Нови Сад, 1939. Т. I.

- Strabo* = *Strabonis Geographica* recognovit A Meineke. Lipsiae, 1852—1853. V. I—III.
- Šafařík*. Slov. star. = *Šafařík P. J.* Slovanské starožitnosti. Praha, 1837.
- Tab. Peut. = *Tabula Peutingeriana*. — In: *Miller K.* Itineraria Romana: Römische Reisewege an der Hand der *Tabula Peutingeriana*. Stuttgart, 1916.
- Theoph. Sim.* = *Theophylactus Simocatta*. *Historiae*/ Ed. C. de Boor. Leipzig, 1935.
- Thesaurus linguae lat.* = *Thesaurus linguae latinae*. Leipzig, 1900.
- Tomaschek*. Thraker. = *Tomaschek W.* Die alten Thraker. — *Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften in Wien*. I — 1893, Bd. 128; II 1—1893, Bd. 130; II, 2 — 1894, Bd. 131.
- Tomaschek*. Vor-slavische Topographie. = *Tomaschek W.* Die vor-slavische Topographie. — *Mitteilungen geographischen Gesellschaft in Wien*, 1880, XXIII, S. 497 ff.
- Walde* = *Hofmann* = *Walde A.* Lateinisches etymologisches Wörterbuch, I—II. 3. Neubearb. Aufl. J. B. Hofmann. Heidelberg, 1938—1954.

ОБРАЗОВАНИЕ СЛАВЯНСКИХ НАРОДНОСТЕЙ

Б. П. Флоря

ФОРМИРОВАНИЕ ЧЕШСКОЙ РАННЕФЕОДАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И СУДЬБЫ САМОСОЗНАНИЯ СЛАВЯНСКИХ ПЛЕМЕН ЧЕШСКОЙ ДОЛИНЫ

Первую, хотя и предельно краткую, характеристику положения в Чешской долине содержит так называемый Баварский географ — памятник, возникший не позднее начала 20-х годов IX в.¹ В этом памятнике в числе земель, лежащих на север от Дуная, у восточной границы Каролингской империи, фигурирует и «*Betheimare in qua sunt civitates XV*»². Вопрос о местоположении указанного в этой записи *Betheimare* или, как говорится в иных текстах конца VIII—первой половины IX в., *Beheim'a* в литературе в течение длительного времени был предметом дискуссии. По мнению ряда исследователей, эту область следовало искать за пределами Чешской долины, на территориях, лежащих к югу и западу от современных границ Чехословакии. Дискуссию завершила специальная работа Й. Добиаша, где было убедительно показано, что в состав «Богемии» франкских анналов первой половины IX в. определенно входили земли современной западной и северо-западной Чехии, охватывая долину р. Влтавы³. Тем самым стало очевидным, что *Betheimare* — Богемия Баварского географа — находилась на той же территории Чешской долины, что и Богемия развитого средневековья — Чешское государство. Поскольку все «земли», перечисленные в Баварском географе, представляли собой разного уровня политические образования, то есть основания полагать, что таким политическим образованием была и «Богемия». Однако источники не дают оснований

согласиться с конечным выводом исследователя, что «Богемия — самое позднее с начала IX в. была единой страной и что ее границы в общем и целом совпадали с границами исторической Чехии»⁴.

Не касаясь пока вопроса о единстве «Богемии» IX в., остановимся на том, совпадали ли границы отмеченного Баварским географом политического образования с границами средневековой Чехии. Решение вопроса приносят данные другого географического описания, на этот раз конца IX в., — описания Северной Европы, составленного при дворе англосаксонского короля Альфреда. В определенном соседстве с «Behemas» в этом источнике фигурируют «Chorigti». Автор описания размещает их к востоку от полабского племени далеминцев (район совр. Мейсена) и отличает от политического объединения «вислян» в Малой Польше, выступающего в этом источнике под названием «Wisle lond». Есть все основания расшифровать загадочное «Chorigti» как «Хорваты» и локализовать их на территории восточной Чехии, где источники более позднего времени как раз отмечают существование «хорватов и других хорватов» (см. об этом ниже). По точному свидетельству источника «Chorigti» — «Хорваты» во второй половине IX в. не входили в состав «Богемии». Такое построение может быть подкреплено еще одним существенным свидетельством — сообщением так называемого Первого старославянского жития Вацлава⁵. В этом памятнике сообщается, что после убийства чешского князя Вацлава в 30-х годах X в. его братом Болеславом мать убитого, Драгомира, бежала к «Хорватам», где оказалась вне досягаемости Болеслава⁶. Вопрос о датировке этого памятника вызвал большие споры в литературе, однако следует отметить, что все расхождения в датировках не выходят за пределы X в.⁷ Даже принимая гипотезу О. Кралика о возникновении памятника в конце столетия, следует констатировать, что еще в это время сохранялось представление о том, что еще в начале X в. «хорваты» не подчинялись власти государственного центра, возникшего на территории «Богемии» IX в. Таким образом, территория восточной Чехии в состав Богемии IX в. не входила. Остается также совершенно открытым вопрос, насколько далеко заходили границы этого объединения на юге.

О внутренней структуре «Богемии» IX в. Баварский

географ сообщает, что она распадалась на 15 «civitates». О значении этого термина выдвигались различные предположения⁸. В последнее время изучению значений термина «civitates» в источниках каролингского времени посвящено специальное исследование Г. Ловмянского⁹. Исследователь показал, что для обозначения укрепленных поселений в этих источниках употреблялись термины «civitas» (или «urbs») и «castellum». Если castellum обозначало просто укрепленное место, то civitas — это поселение, где находился центр политической власти над той или иной территорией. В ряде случаев термин мог выступать (как это имеет, по-видимому, место и в Географе) как обозначение всей территории, центром которой был civitas.

Таким образом, можно лишь в самой общей форме утверждать, что «Богемия» IX в. делилась на 15 особых областей, но что собой представляли эти округа — «племена», княжества или административные округа единого раннефеодального государства, источник решить не позволяет.

Выяснить вопрос позволяет сопоставление данных Баварского географа с записью Фульдских анналов под 845 г. о том, как Людовик Немецкий принял «XIII ex ducibus Voemanorum cum hominibus suis», которые желали креститься¹⁰. Сопоставление двух цифр (14 князей и 15 civitates) дает основание видеть в civitates Баварского географа отдельные княжества, из которых складывалась Богемия¹¹. Такое решение подкрепляется и неоднократными упоминаниями в анналах «князей» (duces) из «Богемии»¹².

Поскольку территория «Богемии» IX в. была одним из объектов экспансии восточнофранкского королевства и его правители неоднократно ходили с войсками на эту территорию, в франкских анналах сохранилось довольно много упоминаний о ней. Их анализ в сопоставлении с характером свидетельств о соседних политических образованиях славян позволяет сделать некоторые заключения о характере интересующего нас политического организма. Прежде всего обращает на себя внимание, что большая часть упоминаний говорит о «terra Sclavorum quae vocatur Bohemi»¹³ или еще чаще о «Voemannes», «illis qui Behin dicuntur»¹⁴ и т. п. Упоминания о князьях по сравнению со свидетельствами такого рода весьма немногочисленны (см. выше). Князья, как правило, фигурируют в множест-

вешном числе, среди них источники не выделяют какого-либо «главного» или «старшего» князя.

Совсем иную картину рисуют свидетельства того же источника о Великой Моравии, где уже в первой половине IX в. сложилось раннефеодальное государство. Моравия франкских анналов это не «terra», а «regnum», и анналы постоянно упоминают стоящих во главе его правителей: сначала Ростислава, затем Святополка, а сами моравяне выступают как их подданные¹⁵. На территории, занятой полабскими славянами, стоявшими на более низкой ступени развития, чем Великая Моравия, как правило, мы имеем дело не с одним политическим образованием, а с многими «племенами», во главе которых стоят князья.

Однако и здесь у племенного объединения Ободритов франкские анналы конца VIII—первой половины IX в. четко фиксируют существование института «старших», «верховных» князей, носивших в анналах титул «гех», власть которых распространялась на всю территорию данного объединения¹⁶.

Эти сопоставления позволяют прийти к двум важным выводам: 1) «князья» с территории «Богемии» еще не являлись правителями феодального типа, отделение их власти от народа в тот период только начиналось; 2) «Богемия» представляла собой объединение более или менее равноправных княжеств при отсутствии четко выраженного политического центра. Возможно, именно последнее позволяет объяснить, почему политическое объединение, образовавшееся в западной части Чешской долины, единственное из всех славянских образований на границе Каролингской империи обозначено во франкских анналах и у Баварского географа не своим славянским названием, как все остальные, а термином, почерпнутым из сочинений античных географов, где Чешская долина выступала как *Boiohaemum* — страна проживавшего здесь кельтского племени «бойев». Вероятно, это объединение равноправных княжеств вообще не имело какого-то особого названия, как и объединение славян Мезии VII в., которое отразилось в византийских источниках того времени просто как «семь племен».

Что же представляли собой эти княжества? Дать ответ на этот вопрос и одновременно заглянуть внутрь интересующего нас политического объединения помогает сохранившееся в составе Хроники Козьмы Пражского — исто-

рического труда начала XII в. — предание о войне чехов и лучан¹⁷.

Если анналы IX в. говорят либо о «славянах» из «Богемии», либо о князьях «Богемии», то предание, сообщенное Козьмой, рисует нам иную картину. В нем описывается столкновение двух «племен» («gens» в латинском тексте Хроники). Во главе этих «племен» стоят князья, у них имеется своя дружина, но главной военной силой является ополчение всего «племени», специально созываемое в случае войны. Из ряда топографических указаний в рассказе хрониста видно, что каждое из этих «племен» занимало сравнительно небольшую часть Чешской долины: одно племя, которое хронист называет «boemani», в чем следует видеть ученый латинский эквивалент названия «чехи», занимало часть центральной Чехии в бассейне нижнего течения реки Влтавы, другое — «лучане», соседившие с этим районом территории северо-западной Чехии.

Время, когда происходили эти события, у Козьмы точно не определено: война «чехов» и «лучан» происходила где-то в языческие времена, до принятия населением Чешской долины христианства. Археологические раскопки позволили проверить правильность утверждений хрониста и хотя бы приблизительно датировать описанные им события. В своем рассказе Козьма упоминал, что во время войны двух племен князь лучан Властислав построил крепость и назвал ее своим именем. При этом хронист точно обозначил место, где эта крепость находилась.

Проведенные в указанном хронистом месте раскопки действительно выявили сильно укрепленное городище, которое просуществовало сравнительно недолго, было взято штурмом и разрушено. Время его существования археологические материалы позволяют датировать второй половиной IX в.¹⁸

Тем самым не только подтверждается достоверность традиции, но и становится ясным, что описанные Козьмой события более или менее одновременны тем, которые описаны в каролингских анналах IX в. Следовательно, сообщения этих источников освещают разные стороны одного и того же этапа развития. Их сопоставление показывает, что «княжества», на которые делилась «Богемия» IX в., были племенными территориями, где из коллектива ранее свободных и полноправных членов племени посте-

пенно выделялась социальная верхушка и возникала в лице князей и их дружин отделенная от народа власть.

Каждое из этих «племен», несомненно, должно было обладать своим самосознанием, существенной частью которого были представления об истории «племен» и его происхождении. О них можно отчасти судить по ряду преданий в тексте Хроники Козьмы (дошедших до нас, несомненно, уже в переработке как самого хрониста, так и более ранней традиции), таких, как рассказы о Крое и его дочерях или о браке Пшемысла и Либуше¹⁹. Эти использованные хронистом предания восходили к устной традиции племени «чехов», что доказывается локализацией фигурирующих в них объектов именно на территории этого племени²⁰.

Особенно существенным элементом племенной традиции было предание о происхождении племени. Одним из вариантов этого предания является рассказ о происхождении соплеменников от общего родоначальника, который некогда пришел и первым поселился на ранее пустой земле — теперешнем месте проживания племени. Известен, в частности, такой рассказ о происхождении восточнославянских племен радимичей и вятичей от неких Радима и Вятко, пришедших в Восточную Европу откуда-то с Запада²¹. Исследователи справедливо отмечают принципиальное сходство такого рода преданий с рассказом Козьмы о приходе на незаселенную Чешскую долину «*pater'a Bohemus'a*», который первым здесь поселился²². Сходство простирается вплоть до совпадения отдельных деталей. Вятко пришел на Оку «с родом своим». Козьма в этой связи тоже говорит о «*generatio*»²³. Исследователи давно уже правильно раскрыли славянский эквивалент «*pater'a Bohemus'a*» Козьмы — «отец Чех» — и правильно расшифровали само предание как рассказ о происхождении одного из племен в составе «Богемии» IX в. — племени «чехов». Об этом говорит, в частности, та деталь, что гора Ржиш, около которой, по Козьме, была первая остановка пришельцев, находилась именно на территории этого племени²⁴.

Если позитивистская историография (например, В. Новотный) искала в таком предании прежде всего отражение какого-то конкретного события из истории «переселения народов», то нам кажется, что правомернее остановиться на его социальной функции. Такое предание следует оценить как самый фундамент племенного самосознания,

так как оно давало историческое обоснование двух самых важных моментов в жизни «племени»: единства соплеменников как лиц, паходящихся между собой в кровной связи, — потомков общего родоначальника, и их права на занимаемую племенем территорию.

Следует еще остановиться на характере персонажей преданий, сообщаемых Козьмой. Хотя в том виде, в каком эта традиция изложена Козьмой, она является результатом длительного развития и представляет собой синтез ряда разных мотивов²⁵, осуществленный уже в условиях завершения формирования раннефеодальной государственности и господства христианской идеологии, все же некоторые, самые общие соображения могут быть высказаны. С одной стороны, эти персонажи — смертные люди (не языческие боги, как полагал З. Калаандра)²⁶, но очевидна их связь с осуществлением языческого культа. Так, анализ сказания о Пшемысле позволяет четко выявить связь героя (для хрониста уже неясную) с обрядом совершения «священной пахоты», целью которого было, несомненно, обеспечить плодородие почвы, а тем самым — выполнить одно из важнейших условий благополучного существования «племени»²⁷. С другой стороны, все эти персонажи — предки стоявшего во главе племени «чехов» уже в конце IX в. (а может быть, и ранее) княжеского рода Пшемысловцев. Племенная верхушка выступает здесь как фактор, активно сохраняющий и укрепляющий (интерпретируя их, естественно, в своих интересах) племенные традиции.

Свидетельства франкских анналов говорят о «Богемии» IX в. как о сравнительно устойчивом политическом образовании: князя «Богемии» неоднократно фигурируют в этих источниках как совместно предпринимающие политические акции то по отношению к Восточнофранкскому королевству, то по отношению к Великой Моравии. Свидетельство Козьмы показывает иную сторону медали: внутри «Богемии» непрерывно вспыхивают вооруженные столкновения между «племенами» — «княжествами». Эти столкновения вызывались к жизни идущим процессом социальной дифференциации массы соплеменников, выделением из их состава племенной верхушки, видевшей в подчинении соседних «племен» возможности еще большего обогащения и еще большего укрепления своего господства над массой соплеменников. Ускорению этого процесса способствовало воздействие более развитых общественных порядков Восточнофранкского королевства

и особенно Великой Моравии (данные и археологических, и письменных источников говорят о тесных политических и экономических контактах «племен» Чешской долины с Великой Моравией в IX в., а в последней трети IX в. «племена» «Богемии» оказались в политической зависимости от Великоморавского раннефеодального государства)²⁸.

Эти процессы получили довольно четкое отражение в археологическом материале. Исследователь укрепленных поселений этого времени отмечает, что с середины IX в. резко усиливается укрепленный характер ряда наиболее крупных «городищ», где на смену древо-земляным приходят каменные укрепления. На территории некоторых из них можно отметить появление внутреннего членения, отражающего углубление социальной дифференциации. Наконец, у наиболее крупных городищ появляются богатые некрополи — еще более яркое свидетельство того же процесса²⁹. Так, археологический материал говорит о взаимосвязи и взаимообусловленности между ростом социальной дифференциации и ростом военных конфликтов.

Эти конфликты на первых порах способствовали, несомненно, усилению племенного самосознания, о чем свидетельствует, в частности, само появление в результате одного из таких конфликтов предания о борьбе «чехов» с «лучанами». В ходе этих конфликтов не только все более усиливалась роль князей и их дружин в жизни отдельных племен, но и стала претерпевать серьезные изменения политическая структура «Богемии» IX в. как объединения племенных княжеств.

Впервые сдвиги в структуре этого объединения в письменных источниках получили отражение в записи Ратисбоннского продолжения Фульдских анналов под 895 г. Сообщая о том, что к восточнофранкскому королю приплыли и принесли присягу «omnes duces Boemanoꝝ», хронист выделяет из их состава двух «первых» князей по имени «Spitignewa» и «Witizla»³⁰. Спитигнев — это князь племени «чехов», хорошо известный по памятникам чешской агиографии X в.

Превращение Чешского княжества в один из главных политических центров «Богемии» было, вероятно, результатом победоносной для «чехов» их войны с «лучанами». Именно как переломное событие в политических судьбах племени предание об этой войне и могло закрепиться в его

этнической традиции. Относительно Witizla в литературе высказывались разные предположения. Учитывая, что восточночешские «хорваты» находились на рубеже IX—X вв. за пределами «Богемии», наиболее правдоподобно видеть в Witizla князя племенной территории (в памятниках историографии XIV в. посящей едва ли достоверное название земли «зличан»), центром которой был, по-видимому, г. Коуржим, где археологами обнаружено одно из самых крупных городищ IX—X вв. на территории Чехии, сильно укрепленное, с огромным богатым некрополем³¹. Структура объединения, складывавшегося теперь из двух политических центров и ряда подчиненных им территорий, стала приближаться к структуре раннефеодального государства — не случайно в одном из свидетельств конца IX столетия интересующий нас политический организм характеризуется, как «regnum».

О последующем нас информирует сохранившееся в так называемой Легенде Кристиана смутное упоминание о конфликте племянника Спитигнева, Вацлава, с князем Коуржима, который завершился победой князя «чехов»³² и в еще большей степени — данные раскопок, характеризующих картину полного насильственного разрушения Коуржима в первой половине X в.³⁴

В сообщениях саксонского хрониста Видукинда, основной текст труда которого писался в 50-х годах X в. и дополнялся в 60-х — начале 70-х годов, и Ибрагима-ибн-Якуба, писавшего в 973 г., «Богемия» фигурирует уже как объединение, во главе которого стоит единый правитель — сначала Вацлав, а затем Болеслав с титулом «rex Boemioꝝ» (в латинских источниках)³⁵. В обоих источниках центр племени «чехов» — «град» Прага выступает как центр всей «Богемии»: «urbs Boemioꝝ» (Видукинд). Сообщения иноязычных источников позволяют дополнить данные местной традиции: как видно из Первого старославянского жития Вацлава, уже в X в. название племени «чехов» стало распространяться на всю совокупность земель Чешской долины, подчиненных власти сидевших в Праге князей³⁶.

Один из рассказов Видукинда о столкновениях Оттона I с князем Болеславом содержит сведения о внутренней жизни этого образования в середине X в.: в этом рассказе наряду с Болеславом, который именуется «rex», фигурирует «vicinus subregulus», который, не желая подчиниться Болеславу, искал помощи у саксов³⁷. Из этого

видно, что в ряде областей, подчинившихся власти князя чехов, продолжали сохраняться свои князья, вынужденные подчиняться политическому верховенству Праги. Характер отношений в подобном политическом организме хорошо иллюстрируют сохранившиеся источники о Древнерусском государстве X в. Такое государство можно разделить на основное ядро вокруг главного политического центра и ряд подчиненных его власти племенных княжеств, обязанных принимать участие в военных походах великого князя, сидевшего в Киеве, и выплачивать ему дань. Такая дань (меха, ткани, рабы) взималась вооруженной дружиной киевских князей, в течение года обезбжавшей подвластные территории (так называемое полюдь).

Несомненно, складывание такой системы отношений должно было привести (и привело) к серьезным социальным сдвигам в жизни прежде всего господствующего племени чехов. Серия войн, больших и малых, которыми сопровождалось возвышение Праги³⁸, закономерно вела к усилению роли и значения в жизни племенного княжества, перераставшего в раннефеодальное государство, княжеской дружины, ставившейся ведущим компонентом формирующегося господствующего класса и опиравшейся на эту дружину княжеской власти, приобретавшей все более самостоятельную позицию по отношению к массе рядовых соплеменников. В этих условиях намечается определенный кризис традиционных форм племенного самосознания. Предание о родоначальнике племени начинает отходить на задний план, а в сказании о Пшемисле, посвященном истории рода князей-жрецов, осуществлявших необходимый для благосостояния племени обряд священной пахоты, на первый план выдвигается мотив приглашения («призвания») предка рода племенем «чехов» и передачи ему по договору наследственной власти над этим племенем³⁹. Социальное значение как этого, так и других вариантов о призвании князей очевидно. В этом предании отражалось стремление складывающейся раннефеодальной государственности освободиться от пут, налагавшихся на нее принадлежностью князя к одному общему с ним по происхождению коллективу соплеменников. В нем также заметна тенденция поставить себя над этим коллективом, обосновать свое право на особое положение и эксплуатацию прежде свободных и равноправных членов племени⁴⁰. Выведение за рамки племенного коллектива носителей высшей власти на племенной

территории было значительным ударом по традиционным формам племенного самосознания.

Вместе с тем можно отметить и другой процесс — усиление в социальных верхах племени сознания своей принадлежности к главному, господствующему на территории Чешской долины этническому коллективу. Такой социальной средой была прежде всего княжеская дружина, приписывавшая себе главные заслуги в достижении главенствующего положения и главным образом извлекая из него выгоды. Характерно, что центральной идеей сказания о войне лучан и чехов было прославление подвигов княжеского дружинника по имени Тыр, которому чехи были обязаны своей победой⁴¹.

Эти процессы, характерные для племенного княжества, — ядра возникающего раннефеодального государства, нет оснований распространять на другие племенные княжества на территории Чешской долины. Сохранившееся в составе русских летописей обширное повествование о покорении Древлянской земли киевскими князьями дает нам определенные свидетельства того, что наезды вооруженной дружины «старшего» князя на подчиненные племена и взимание с них дани вели к усилению у этих последних традиционных форм племенного самосознания, солидарности племенной верхушки и массы соплеменников, идеализировавших «своих» князей, противопоставляя их пришлым насильникам⁴². Губительными для племенного самосознания оказались новые сдвиги в рамках сложившейся в Чешской долине политической структуры, сдвиги, которые привели к ликвидации племенных княжеств и возникновению новых форм организации власти на бывших племенных территориях.

Из повествования древнерусских летописей хорошо видно, насколько противоречивой была политическая структура на раннем этапе формирования древнерусского раннефеодального государства. Сложившаяся система отношений между центральным ядром и подчиненными ему племенными княжествами неизбежно вела к все новым конфликтам, закономерным выходом из которых стало уничтожение последних.

Как протекало это уничтожение и к каким переменам в жизни племени оно вело, наглядно показывает финал летописного повествования о борьбе киевских князей с древлянами. После длительной войны главный «град» земли древлян — Пересечен — был взят и сожжен

(«пожъже ѿ»). Что касается населения этого города, то киевская княгиня Ольга «старейшины града изънима, и прочая люди овых изби, а другия работе предасть мужем своим»⁴³. Таким образом, ликвидация племенного княжества означала прежде всего уничтожение его традиционного центра — средоточия отправлений важных для всего племени обрядов и церемоний, а также местопребывания племенной верхушки, осуществлявшей эти обряды и выступавшей в роли политического руководителя племени и идейного хранителя его традиций. Во-вторых, упомянутая выше племенная верхушка либо уничтожалась, либо удалялась с племенной территории. В итоге из состава соплеменников удалялся слой людей, наиболее тесно связанный с племенными традициями и наиболее заинтересованный в их сохранении.

Рассказ Видукинда о том, как поступил Болеслав с «градом» выступившего против него *subregulus*'а («начала взял его приступом, [а затем] превратил это место в пустыню»)⁴⁴, показывает, что в Чешском государстве первой половины X в. дело обстоит аналогичным образом.

Финал упомянутого выше рассказа о покорении древлян показывает, что одним разрушением племенного центра и ликвидацией племенной верхушки дело не ограничилось. После покорения древлян княгиня Ольга не только наложила на них «дань тяжьку» (это не было новостью — дань в пользу Киева древляне платили и раньше), но и объехала всю Деревскую землю, «устанавлиючи уставы и уроки»⁴⁵. Таким образом, ликвидация племенного княжества сопровождалась новой организацией эксплуатации и управления земли древлян.

Разумеется, летописное свидетельство не разъясняет, в чем она состояла, но ответ на этот вопрос применительно к Чехии нетрудно получить, опираясь на результаты имеющихся исследований о системе организации власти в раннефеодальных государствах Центральной Европы и ее социально-экономических функциях⁴⁶.

Территория раннефеодального государства делилась на округа. Центром каждого из них был укрепленный «град» — резиденция поставленного князем наместника из числа своих советников и его вооруженной дружины. Для всего свободного населения округа «град» был центром управления: на «граде» вершился суд, здесь осуществлялся сбор людей, которые должны были идти с наместником на войну; «град» был, кроме того, центром отпра-

вления христианского культа (первоначально «градский» округ совпадал с приходом) и местом, где совершался раз в неделю торг.

Наряду с этим «град» являлся центром не только управления, но и эксплуатации населения округа, а стоявшая в нем дружина представляла собой не только аппарат управления, но и социальные верхи, живущие за счет этого населения. Все население округа было разбито на ряд отдельных групп, положение которых определялось характером их «даней» и «служб» в пользу «града»: если одни были обязаны прежде всего снабжать «град» разнообразными продуктами, то другие, поселенные в непосредственной близости от него в рамках так называемой «служебной организации», должны были изготавливать необходимые орудия ремесла и обслуживать разнообразные потребности стоявшей в «граде» дружины.

Что означало все это для судеб племенного самосознания? Прежде всего следует отметить, что осуществлявшая власть и управление на территории округа княжеская дружина была силой не только чуждой, но и враждебной племенным традициям. Как дружинники князя чехов и, следовательно, сами «чехи» дружинники града (в числе которых фактически могли быть представители разных племен) явились носителем иных форм самосознания, отражавших зарождение древнечешской народности.

Однако еще более важными нужно считать охарактеризованные выше изменения в положении основной массы соплеменников, которые означали исчезновение опорных пунктов племенного самосознания в реальной жизни. Если ранее принадлежность человека к «племеню» определяла его отношение к другим соплеменникам, а также его обязанности по отношению к племенной верхушке — органу власти племени — и его право на использование части племенной территории, то в новой системе отношений все это не имело никакого смысла. Теперь положение человека определялось прежде всего характером его отношений к «граду» — центру формирующейся раннефеодальной государственности.

Сдвиги, происшедшие в реальной жизни, закономерно повлекли за собой сдвиги в сфере самосознания. В доступных нам источниках эти сдвиги нашли отражение в принципиальной смене их географической терминологии. Вместо обозначения тех или иных территорий по названиям проживавших на них «племен» население тех

или иных районов стало обозначаться названиями, производными от названия «града» — административного центра соответствующей территории. Значение этой перемены станет вполне ясным, если проанализировать характер «племенных» названий, известных нам в разных частях славянского мира (у македонских славян VII—VIII вв., восточных славян X—XI вв., сербских племен того же времени, полабских славян VIII—X вв.). Если оставить в стороне названия, заимствованные славянами у более раннего населения той или иной территории (такие, как север, «хорваты», «дулебы»), то можно отметить, что эти названия носят либо патронимический характер (наиболее показательный пример — «радимичи», «вятичи»), либо отражают особенности территории, на которой проживает данное племя (древляне, поляне, дреговичи), либо являются производными от названия какого-либо крупного отличительного объекта на своей территории — реки, горы (захумляне, канавляне, полочане, мораване, черезпчане и др.). Среди них, однако, вовсе не встречается названий, производных от названия центра племени. Когда такое название известно, с названием племени оно не совпадает. Это вполне естественно, так как племя в целом являлось гораздо большей величиной, чем поселение, игравшее роль его центра. Появление нового вида географических названий отражало не только прекращение существования коллектива соплеменников как реальной политической величины, но и подчинение населения той или иной территории «граду» как центру феодальной государственности.

Все эти изменения говорят об исчезновении лишь одного из компонентов племенного самосознания — названия племени. Однако следует иметь в виду, что это — центральный компонент, исчезновение которого означало распад племенного самосознания как единой целостной системы представлений.

К какому времени следует приурочить начало этих принципиальных сдвигов в истории славянского населения Чешской долины? Ответ на этот вопрос дает нам Хроника Козьмы. Хотя хронист возводит возникновение существующего в его время общественного устройства к Пшемислу — легендарному предку чешского княжеского рода⁴⁷, однако в другом месте его труда в этой же роли выступает князь Болеслав, правивший в первой половине X в. Хронист рассказывает о том, как этот князь

пришудил силой «старейшин народа» построить каменный «град», известный позднее под названием Старой Болеслави⁴⁸. К сожалению, этот «град» до сих пор археологически не исследован и в нашем распоряжении нет данных, которые могли бы подтвердить или опровергнуть утверждение Козьмы⁴⁹. Нельзя поэтому исключить, что предание — яркое свидетельство о кризисе старых племенных порядков — было им самим приурочено к образу «тирана» — убийцы св. Вацлава. Однако в памятниках вацлавской агиографии обнаруживаются данные, подтверждающие правильность такого приурочения: например, свидетельство Первого старославянского жития Вацлава — памятника X в. В нем не только упоминается «град Болеславль» — несомненно, тот град, который фигурирует в рассказе Козьмы, но и неоднократно упоминаются в множественном числе «грады», по которым герой легенды «яздыше» и строил в них храмы⁵⁰. Таким образом, к концу X в. управление раннефеодальным Чешским государством уже опиралось на систему укрепленных «градов» как центров и светской, и церковной власти.

Такое заключение согласуется с данными археологов, которые именно к X в. относят строительство целого ряда «градов», являвшихся затем важными центрами Чехии Пшемисловцев⁵¹. Тем самым уже в X столетии можно искать первые следы интересующих нас сдвигов в сфере племенного самосознания славянского населения Чешской долины. При этом, разумеется, следует иметь в виду неравномерность этого процесса. X век был временем не только зарождения первых форм государственной организации на землях старой Богемии, но и временем сильной политической экспансии Пшемисловцев, далеко вышедшей за рамки территории скромного союза племенных княжеств IX в. К концу X в. под властью правителей Праги оказались не только все земли Чешской долины, но и крупные территории за ее пределами⁵². Все эти земли находились в разных отношениях зависимости от пражского центра, их в разной степени затрагивал процесс становления чешской раннефеодальной государственности, что не могло не отражаться на судьбах самосознания их населения.

О положении, сложившемся в этом районе к концу X в., позволяет судить описание границ Древнечешского государства, дошедшее до нас в составе грамоты императора Генриха IV Пражскому епископству 1086 г. Поме-

ценное в этом документе описание западных и северных границ пражской диоцезии, совпадавших с границами Древнечешского государства, соответствует ситуации, существовавшей в этом районе в 70—80-х годах X в., и заимствовано, по-видимому, из учредительной грамоты, выданной в 973 г. в связи с основанием Пражского епископства⁵³.

Следовательно, в этой части документ отражает положение, сложившееся к моменту полного объединения земель Чешской долины под властью Пшемьсловцев. Для нас существенно, что ориентирами при описании границ служат названия пограничных областей⁵⁴.

Эти названия могут быть подвергнуты анализу, чтобы определить, имеем ли мы дело со старыми — племенными — или новыми — территориальными — названиями. Правда, описание включает в себя названия далеко не всех областей раннесредневековой Чехии, однако и имеющихся материалов достаточно для определенных выводов, тем более, что в описании границ приводятся названия ряда территорий северной и северо-западной Чехии, принадлежавших к самому ядру государства — «Богемии» франкских анналов IX в., так и территорий восточной Чехии и Силезии, которые оказались в составе Древнечешского государства гораздо позднее и занимали в рамках Чешской державы X в. особое положение. Анализу следует подвергнуть следующий текст. *Termini autem eius occidentum versus hii sunt. Tugust, que tendit ad medium fluminis Chub, Zedlza et Lusane et Dazana, Liutamerici, Lemuzi usque ad mediam silvam, qua Boemia limitatur. Deinde ad aquilonem hi sunt termini: Pssouane, Chrouati et altera Chrovati, Zlasane, Trebovane, Pobarane, Dedosize usque ad mediam silvam, qua Milcianorum occurrunt termini.*

Рассматривая первую группу названий, открывающуюся формулой «Границы же ее (Пражской епископии. — Ф. Б.) на западе таковы», можно сразу разделить эти названия на две группы. Одна часть — это названия с окончанием на «ане» или «ичи», представляющие собой наименование территории по названию проживавшего там населения (*Lusane, Dazana* и т. д.). Другие (их два — *Tugust, Zedlza*) представляют собой просто названия двух «градов», расположенных на западной границе Чехии. Седлец (*Zedlza*) — известный административный центр средневековой Чехии XI—XII в. у современной д. Седльце в районе Карловых Вар⁵⁵. *Tugust* (чеш. *Tugazč*)

локализуется у д. Смолowo в районе Домажлиц⁵⁶. Причины такого выделения исследователи справедливо усматривают в том, что в обоих случаях границу обозначают крепости, поставленные в лесной, слабо заселенной местности (о чем говорит и этимология названия *Tugazč*, означающая пункт, расположенный «по ту сторону леса») ⁵⁷, где еще не сложились какие-либо определенные территориальные объединения⁵⁸. Для характеристики интересующих нас процессов эти названия использованы быть не могут. Нейтральным является название «*Liutamerici*», которое расшифровывается как «литомержицы» — жители округа Литомержиц — одного из наиболее крупных «градов» Древнечешского государства XI—XII вв. Здесь, мы как будто имеем дело с обозначениями населения района по центру, который распространяет на него свою власть. Однако не исключено, что название города с необычным для него окончанием множественного числа было заимствовано от названия племени, заселявшего эту территорию⁵⁹. В этом случае интересующая нас эволюция также не может быть обнаружена.

Обращаясь к оставшимся названиям, следует констатировать, что все исследователи сходятся на том, что «*Lemuzi*» (Лемузы) — это старое племенное название. Оно не только не является производным от названия какого-либо населенного пункта, но и, что еще более важно, не может быть объяснено данными славянского языка. Оно, вероятно, было заимствовано поселившимися в Чешской долине славянами у местного, возможно, кельтского населения⁶⁰. В названии «*Lusane*» легко опознаются уже знакомые нам «лущане». Таким образом племенная территория старых соперников «чехов» еще и в конце X в. сохраняла свое традиционное старое название, что говорит и об определенном сохранении здесь каких-то форм старого племенного самосознания. Иная картина обрисовывается, однако, при рассмотрении последнего из названий этой группы. *Dazana* убедительно раскрывается исследователями как «Дечане» — население округа «града» Дечина⁶¹. Таким образом, по отношению к одной из областей северо-западной Чехии, т. е. одной из территорий, принадлежавших к первоначальному ядру государства Пшемьсловцев, можно со всей определенностью утверждать, что она уже к концу X в. обозначалась названием нового типа⁶².

Обращаясь к рассмотрению второй группы названий,

начинающейся словами «Затем на севере эти границы гаковы», следует отметить прежде всего наименование «Pssouane» — «Пшоване» — явно производное от имени города Пшов. Таким образом, перед нами еще одна территория, утратившая свое племенное название. И эта территория, несомненно, принадлежала к основному ядру государства и была сравнительно рано подчинена власти Пшемысловцев. Об этом говорят и непосредственное соседство земли «Пшовап» с племенной территорией чехов, и отраженная в Хронике Козьмы историческая традиция, согласно которой Людмила, жена чешского князя Борживоя (конец IX в.), была дочерью «Славнбора, правителя града Пшов»⁶³.

Иную картину мы наблюдаем на территориях, расположенных восточнее. Здесь грамота называет две территории — «Chrouati» и «alteri Chrovati». В этих названиях нетрудно узнать старое, уже знакомое нам племенное название «хорваты», которое население современной восточной Чехии носило еще в конце IX в. Таким образом, здесь к концу X в. не произошло каких-либо изменений в интересующем нас направлении. Такое положение связано с тем, что эти территории лежали за пределами основного ядра Древнечешского государства. Кроме того, вплоть до 90-х годов X в. по крайней мере часть этих земель подчинялась власти особых правителей из рода Славниковцев, лишь признававших известную зависимость от пражского князя. Это обстоятельство, однако, не объясняет нам всего. Так, помещенное в Хронике Козьмы описание границ княжества Славника⁶⁴ показывает, что это княжество охватывало весьма обширную территорию восточной и южной Чехии. Даже если эти сведения преувеличены, не вызывает сомнения, что в состав того княжества входил ряд племенных территорий, а в его рамках должны были разворачиваться такие же интеграционные процессы, как и на землях Пшемысловцев⁶⁵. Сохранение в этих условиях не только старого племенного названия, но и представления о различии между двумя проживающими в восточной Чехии «хорватскими» племенами, следует, вероятно, связывать с тем, что «хорватские» земли были ядром княжества Славниковцев, откуда их экспансия распространялась на другие территории⁶⁶.

Полученные результаты интересно сопоставить с последующими названиями описания, относящимися уже

к территории позднейшей Силезии. Здесь документ перечисляет следующие названия: Zlasane, Trebovane, Pobagane, Dedosize. Два из этих названий в несколько иной форме — «Sleenzane» и «Dadosesani» («Слензяне» и «Дядошане») — обнаруживаются в тексте Баварского географа⁶⁷ и, следовательно, представляют собой старые племенные названия, восходящие по крайней мере к концу VIII в.

Правильность данных грамоты Генриха IV применительно к интересующему нас периоду подтверждается свидетельством Хроники Титмара Мерзбургского (ум. в 1018 г.), который, описывая войны Древнепольского государства с Империей в начале XI в., не только упоминает о вторжении немецких войск «ad Diedesisi pagum» и говорит о «pagus Silensi», но и знает, что название последнего происходит от «a quodam monte nimis excelsa et grandi» — горы Слензы, центра языческого культа местного населения⁶⁸. Третье название — «Pobogane» (в других списках Babagane) — в более ранних источниках не встречается, но оно легко расшифровывается как «бобряне» — люди, живущие в долине протекающей по территории Силезии р. Бобр. Характер этого названия таков, что и здесь есть основания предполагать его племенное, догосударственное происхождение.

И, наконец, последнее название — «Trebovane». Вопрос о локализации территории этой группы населения, которая в других источниках не упоминается, стал предметом дискуссии среди исследователей, одни из которых размещали эту группу населения в современной Силезии, в районе Легницы, а другие — в восточной Чехии, связывая ее с протекавшей здесь речкой Třebova⁶⁹. Как бы ни решался этот вопрос, важно отметить, что даже исследователи, считавшие, что она находится в Силезии, не связывают ее название с расположенным на этой территории поселением Тшебница, не являвшимся ни в догосударственную, ни в раннефеодальную эпоху сколько-нибудь значительным центром⁷⁰. Таким образом, и в этом названии нельзя видеть отражения интересующих нас сдвигов в сфере самосознания.

Причину сохранения старых племенных названий в этом ареале следует, вероятно, искать в том, что силезские земли не были прочной, интегральной частью Древнечешского государства — существовавшие здесь племенные княжества (или иные политические образования) находились лишь в сфере политического влияния Праги и были

поэтому сравнительно легко вовлечены в состав Древнепольского государства в 90-х годах X в.

Подводя итоги, можно констатировать, что к концу X в. — к моменту полного объединения земель Чешской долины под властью Пшемысловцев — интересующий нас процесс находился на сравнительно раннем этапе развития: большая часть территорий, о которых документ Генриха IV дает нам сведения, сохранила свои старые, еще племенные названия — лишь на некоторых территориях, входивших в состав первоначального ядра государства — «Богемии» IX в. — можно отметить явные признаки перемен. XI век был временем дальнейшего формирования и развития зародившейся в более ранний период административно-территориальной структуры власти и управления раннефеодального Древнечешского государства. Запись 1057 г. о пожалованиях князя Спитигнева коллегата в Литомежицах — древнейший внутрочешский документ, дошедший до нас в оригинале⁷¹, особенно вступительные распоряжения этого документа о закреплении за церковным учреждением приписанного к нему населения ярко рисуют нам структуру власти, покоящуюся на системе укрепленных «градов» — центров власти с приписанным к ним разнообразным «служилым людом», обслуживающим разнообразные потребности стоящих в этих «градах» и осуществляющих управление тянущими ко «градам» землями дружин княжеских наместников — «комитов».

Сопоставляя данные документа 1086 г. с географической терминологией Хроники Козьмы Пражского, написанной в основной своей части на рубеже второго — третьего десятилетий XII в.⁷², и привлекая археологические данные, можно не только проследить дальнейшие изменения в интересующей нас сфере, но и выявить, как они были связаны с формированием характерной для раннефеодального общества структуры власти и управления. Разумеется, в Хронике отсутствуют данные о всех территориях, фигурирующих в документе Генриха IV, но относительно некоторых из них она дает очень интересные сведения.

Так, Козьме не только известно фигурирующее в этом документе название «лучане», но и народная этимология этого названия от «louka» — луг: область, богатая лугами⁷³. Однако, указав это старое, освященное традицией название, Козьма при этом замечает, что лучан «теперь

называют жатчанами по имени града Жатец»⁷⁴. Таким образом, рядом со старым племенным названием появляется и новое, производное от названия города — административного центра территории. Интересно проследить характер употребления обоих этих названий. Название «лучане» фигурирует в Хронике лишь один раз — при изложении сказания о войне чехов с лучанами, происшедшей на заре чешской истории, задолго до правления первого христианского чешского князя Борживоя (конец IX в.). При описании событий второй половины XI — начала XII в. для обозначения той же территории используется в разных вариантах именно второе название: знатные комиты — Смил, сын Божела, Божей из рода Вршовцев, Юрий, сын Стана, определяются как наместники не земли лучан, а Жатца⁷⁵. В середине XI в. князь Спитигнев при жизни его отца — Бжетислава I обладал пожалованной ему отцом «Satec. . . provintiam»⁷⁶. Наконец, в 1111 г. князь Владислав I пожаловал своему брату Сбеславу «civitatem Satec cum omni ad eum pertinente provincia»⁷⁷. Эти примеры позволяют одновременно раскрыть характер восприятия самим хронистом новой утверждающейся терминологии: территория потому и получает свое название по имени «града», что она привязана к нему, находится в сфере власти, осуществляемой из «града». Для полного раскрытия характера происшедшего сдвига следует остановиться на вопросе о том, что же представлял собой сам Жатец, первое упоминание о котором в письменных источниках относится к 1004 г.⁷⁸ В течение длительного времени считалось, что Жатец — один из наиболее крупных центров Древнечешского государства XI в. — был ранее племенным «центром» лучан, однако произведенные на территории «града» археологические раскопки показали, что возникновение этого центра нельзя относить ко времени более раннему, чем X в., и что в нем следует видеть крепость, поставленную Пшемысловцами на занятой ими территории⁷⁹. Тем самым становятся особенно ясными те условия, в которых разрушались традиции племенного самосознания.

К еще более выразительным результатам приводят наблюдения над судьбами территории племени лемузов, которая в конце X в. еще сохраняла свое старое название — Lemuzi. Название «лемузов» настолько не знакомо Козьме, что, рассказывая о войне лучан с чехами и желая сообщить сведения о соседивших с этими племе-

нами территориях, он использует для их обозначения уже терминологию своего времени: так, поставленная лучапами крепость Властислав находилась, по его словам, «на границе областей Билинской и Литомержицкой» (*in confiniis duarum provinciarum Belina et Lutameria*)⁸⁰). Сопоставление этих данных с документом Генриха IV ясно показывает, что к началу XII в. название «лемузы» было вытеснено новым: «область (provincia) Былины» — слова по имени града — административного центра территории. Сведения о Былине в письменных источниках относятся к середине XI в.: в рассказе о событиях 1041 г. Козьма упоминает наместника г. Былины, Орика, подкупленного немцами⁸¹; в Литомержицкой грамоте 1057 г. Былина — «град», центр административного округа, аналогичный Литомержицам⁸². О том что в это время Былина, подобно Жатцу, была одним из главных административных центров Древнечешского государства, свидетельствует рассказ Козьмы о смене наместников Былины после смерти князя Спитигнева в 1061 г. Особо близкий к покойному князю наместник Мзтиш, сын Бориса, был смещен на этом посту Койатой, сыном Вшебора, которого хронист называет «первым человеком» при дворе нового князя Вратислава⁸³.

Историю возникновения этого «града» и его превращения в административный центр старой племенной территории лемузов позволяют выяснить данные археологии. Как показали раскопки, проведенные чехословацким археологом З. Ваней⁸⁴, центром племенной территории лемузов в IX — первой половине X в. было, по-видимому, городище в Забрушанах — 7 км севернее Былины. Существовавшее уже в первой половине IX в. поселение с земляными укреплениями в последней трети IX в. превратилось в сильно укрепленную крепость с каменными стенами. К этому же времени относится и обнаруженное недалеко от Забрушан богатое погребение княжеского типа.

По сравнению с Забрушанами Былина была гораздо более молодым поселением — археологические материалы позволяют отнести ее возникновение к концу X в., т. е. ко времени, когда эта территория была уже, несомненно, подчинена власти Пшемисловцев. Для XI в., переломного для судеб племенного самосознания в раннесредневековой Чехии, археология сообщает нам два весьма важных факта. Первый — это происшедшее где-то в XI в. насиль-

ственное (следы пожара на башнях) разрушение городища в Забрушанах, жизнь на котором более не возобновилась. Второе — это начинающийся в то же время явный рост значения Былины — на протяжении XI—XII вв. ее каменные укрепления трижды перестраивались, все более увеличиваясь в размерах. Таким образом, здесь еще более определено, чем на земле лучан, прослеживается связь между такими явлениями, как упадок старого племенного центра, превращение в административный центр территории более нового поселения и исчезновение старого племенного названия.

Остается рассмотреть высказывания Козьмы, относящиеся к территории Восточной Чехии. И здесь следует констатировать, что хронистом никак не используется, несомненно, известное ему по грамоте 1086 г. название «хорватов». Владения Славниковцев описываются им не как объединение ряда племенных территорий, а как земли, простирающиеся на округа таких-то «градов»: «грады» и являются ориентирами при определении территории этого политического образования⁸⁵. В последующем изложении речь идет о «городах, относящихся к Кладской области» — название, явно производное от г. Кладска⁸⁶, или упоминается «город Градец и вся относящаяся к нему область»⁸⁷.

Таким образом, рассказ о войне «лучан» и «чехов» и сохранившееся в нем старое название одного из славянских племен Чешской долины — едва ли не единственный след старых традиций периода племенного самосознания в историческом труде начала XII в. Уже само проникновение в текст этого рассказа современной Козьме терминологии («Былинская провинция») показывает, насколько полно старые племенные названия были вытеснены новыми понятиями, ориентированными на территориальную структуру раннефеодального государства. Об этом же говорит и другая деталь: хрониста, по-видимому, удивляло, что земля «лучан» получила свое название по особенностям местности, а не по административному центру, как это было обычно в его время. Вероятно, именно поэтому он нашел нужным пояснить, что эта земля была заселена людьми, давшими ей название задолго до основания ее будущего административного центра — г. Жатца⁸⁸. Все это позволяет утверждать, что к началу XII в. следует относить распад последних остатков старой традиции племенного самосознания⁸⁹.

Для выявления специфики прослеженных процессов необходимо, хотя бы кратко, сопоставить их с аналогичными явлениями в жизни соседних славянских народов. Прежде всего здесь следует рассмотреть ход этих процессов у восточных славян, где источники сохранили особенно обширный материал о «племенах» и отдельных элементах их самосознания.

Наиболее раннее подробное описание Древнерусского государства — донесение неизвестного византийского дипломата, включенное в сочинения Константина Багрянородного, — относится к середине X в. В донесении это государство выступает в значительной мере как совокупность племенных территорий, подчиненных власти «русов», сидящих в Киеве и обьезжающих эти территории для сбора дани⁹⁰. Аналогичную картину рисуют и дошедшие в составе летописных сводов записи о событиях X в. В этих записях фигурируют не города и округа, а «племена», которые либо платят дань Киеву и высылают рати для участия в походах киевских князей, либо выступают против их власти. Лишь по отношению к населению центральной части государства вместо старого племенного названия «поляне» начинают употребляться такие термины, как «люди киевский» (ст. 6453 г.), «кыяне» (ст. 6471 г.); можно зафиксировать и единичное появление термина «людие новгородстєи» (ст. 6478 г.)⁹¹.

Своего рода переходный характер носит терминология повествования о борьбе за киевский «стол», развернувшейся после смерти Владимира в первых десятилетиях XI в. Здесь новые понятия — «кыяне», «новгородцы», явно употребляющиеся для обозначения населения всей области, «тянущей» к Киеву или Новгороду, соседствуют со старыми племенными — «словене», «север» (ст. 6523, 6526, 6532 гг. в ПВЛ)⁹². Записи последующего времени знают уже лишь новые термины для обозначения отдельных территорий и их населения — производные от названий городов — политико-административных центров этих территорий. Старые же племенные названия при изложении текущих событий вовсе перестают употребляться.

Обрисованная здесь картина принципиально схожа с тем, что мы проследили выше применительно к территории Древнечешского государства, вплоть до хронологического совпадения этапов.

↑ Определенные поправки позволяет внести анализ вводной части Повести временных лет. Принадлежащая, не-

сомненно, перу создателя этого памятника, вводная часть ПВЛ была написана в начале XII в., тогда же, когда и первые главы Хроники Козьмы.

Летописец, которого отождествляют с киево-печерским монахом Нестором, знает не только названия всех восточнославянских племен (а в отдельных случаях — и смену этих названий во времени: см., например, ряд — дулебы — бужане — вольняне), но и этимологию этих названий⁹³. Ему хорошо известна территория их расселения, он располагает некоторыми данными об их обычаях⁹⁴, известен ему и такой важный элемент племенной традиции, как предания о родоначальниках некоторых племен⁹⁵. При этом стоит отметить, что если названия племен Нестор мог почерпнуть из более ранних летописных записей, то уже о расселении некоторых из них эти записи не давали никакого материала. В этом случае, как и в ряде других, налицо обращение летописца к устной традиции, в которой, следовательно, еще и к началу XII в. известные элементы племенного самосознания отдельных восточнославянских племен продолжали сохраняться.

Более того, есть основания полагать, что с начавшимся в XII в. распадом Древнерусского государства и с обострением в связи с этим отношений между отдельными княжествами произошло временное возрождение племенного самосознания. Это нашло выражение, в частности, в том, что на страницах летописи вновь стали появляться давно переставшие употребляться «племенные» названия. Так, восходящий к киевскому летописанию рассказ о походе группы князей на Полоцкое княжество в 1127 г. открывается словами: «посла князь Мстислав братью свою на кривиче»⁹⁶. В другой записи сосланные в Царьград полоцкие князья также выступают, как «Кривитьстєи князи»⁹⁷. Тогда же, в первой половине XII в., в описании междукняжеских войн появилось и название еще одного восточнославянского племени — «дреговичей»⁹⁸. Хотя речь идет, в сущности, об эпизоде, не имевшем продолжения, он характерен как показатель определенной живучести традиций «племенного» самосознания. Думается, объяснение выявленных различий в быстроте ликвидации традиций племенного самосознания следует искать прежде всего в разной масштабности аналогичных процессов. Следует учитывать, что каждое из восточнославянских племен занимало территорию, едва ли не равно-

великую территории всей Чешской долины, а процесс формирования Древнерусского государства происходил на территории, во много раз превышавшей территорию Чехии. В этих условиях скорее должно удивлять полная аналогичность конечного результата.

Должна она удивлять также и потому, что процесс развития раннефеодальной государственности протекал в разных частях Восточной Европы в неодинаковых условиях. Так, если в южнорусских землях процесс этот, по-видимому, принципиально не отличался от чешского, то по иному обстояло дело на северо-западе Руси. Феодалная государственность в Новгородской земле формировалась на основе соглашения княжеской дружины с местным боярством⁹⁹. Между структурой сложившейся в IX в. федерации «племен» («словене, чюдь, кривичи») и позднейшей «Новгородской землей» прослеживается непосредственная связь¹⁰⁰. Однако эти существенные отличия не сказались на характере интересующего нас процесса. К XII в. старые этнонимы «словене», «чюдь», «кривичи» заменяют производные от городских центров территориальные обозначения: «повгородцы», «псковичи», «ладожане», а сравнение летописных текстов разной традиции показывает, что племенное название «словене» в новгородской традиции перестает употребляться ранее, чем в киевской¹⁰¹.

✦ Вопрос о причинах быстрого исчезновения традиций племенного самосознания на северо-западе Руси — одна из важных насущных задач для исследователей процессов этногенеза восточных славян.

Заключив сопоставление, следует остановиться еще на одном аспекте проблемы, изучение которого позволяет провести определенную связь между древнерусским и чешским материалом. Имею в виду характер и назначение ряда старых племенных названий, появляющихся в летописных текстах во второй половине XII в. Как показал А. К. Зайцев, в этих текстах такие названия, как «вятичи», «радимичи», «дреговичи», употребляются не в своем первоначальном значении, а используются летописцами отдельных феодальных дворов (в данном случае — Черниговского княжества) для обозначения тех частей старых племенных территорий, на которые распространялась их власть после раздела данных территорий между соседними княжениями¹⁰². Таким образом, именно распад старой племенной территории, ее раздел, столкновения из-за нее выз-

вали оживление старых названий, но уже в новом значении. Напрашивается параллель с судьбами племенной территории и названия «голешицов».

Если в целом в наиболее существенных моментах можно говорить о совпадении древнерусского и чешского исторических процессов в интересующей нас области, то польский материал, несмотря на всю ограниченность имеющихся данных (общеизвестна скудность содержания главного источника по истории раннесредневековой Польши Хроники Галла Апопима по сравнению с летописью и Хроникой Козьмы), позволяет выявить некоторые отличия принципиального характера.

Первое наблюдение касается истории такой области, как Мазовия. Старое «племенное» происхождение этого названия не подлежит сомнению¹⁰³. В источниках эта область и ее население — «мазовшане» — появляются сравнительно поздно, в 30—40-х годах XI в., но в такой ситуации, которая ясно говорит о еще слабой связи этой территории с Древнепольским государством. В период так называемого кризиса 30-х годов эта область отпала от Древнепольского государства и, как явствует из свидетельств и Хроники Галла и русских летописей, лишь после упорной и длительной вооруженной борьбы, ряда походов на Мазовию не только польского князя Казимира, но и Ярослава Мудрого она была снова включена в его состав¹⁰⁴. Известно, что затем, во второй половине XI в., Мазовия стала уделом младшего сына Казимира — Владислава-Германа, а после его вступления на польский трон мазовецкий Плоцк на несколько десятилетий стал столицей Древнепольского государства. Все эти перемены, несомненно, должны были оказать значительное воздействие на развитие этой области, способствовать ликвидации ее замкнутости. Однако и после этого, как показывает анализ терминологии Хроники Галла, написанной в начале XII в., эта территория сохраняет свое старое название, а ее население — это по-прежнему «мазовшане» (*Mazovienses*)¹⁰⁵. На фоне терминологии Галла, который, как и Козьма, предпочитает, говоря о тех или иных территориях, просто называть города, являвшиеся их административными центрами, это единственное, по тем более показательное исключение.

С этим фактом следует сопоставить другой: для автора Повести временных лет, современника Галла, «мазовшане» — это особый народ, отличный от поляков —

«ляхов», как и «поморяне»¹⁰⁶. Очевидно, что в этой области мы имеем дело с существенным отклонением от общего пути развития и причины этого отклонения нуждаются в выявлении.

Неменьший интерес представляют собой данные, относящиеся к юго-западным землям Древнепольского государства. Как показано выше, в конце X—начале XI в. здесь существовал ряд «племенных» территорий, объединившихся каким-либо общим названием: две из них — «pagus Silensi» и «pagus Dienesis» — выступают в Хронике Титмара Мерзебургского при описании польско-немецких войн начала XI в. как совершенно равноправные единицы¹⁰⁷. Дальнейшее развитие, как показывают источники второй половины XI в., пошло в направлении слияния этих территорий в один обширный комплекс, центром которого как средоточие церковной (с 1000 г. — резиденция епископа) и, по-видимому, светской власти стал г. Вроцлав.

Уже в свидетельстве Козьмы Пражского под 1051 г. территория юго-западной Польши определена как «город Вроцлав и другие города»¹⁰⁸. Галл Аноним, описывая события междоусобной войны в Древнепольском государстве на рубеже XI—XII вв., неоднократно пользуется для обозначения всей этой территории терминами «Вроцлав» и «вроцлавяне»¹⁰⁹, а также «вроцлавское княжество»¹¹⁰ и «вроцлавская земля»¹¹¹. Все эти данные указывают как будто на то, что процесс смены форм самосознания протекал в этой части Древнепольского государства в соответствии с общими закономерностями.

Однако уже в том же труде польского хрониста начала XII в. появляется, хотя и один раз, название «Силезия» (*regia Zleznensis*), в котором нетрудно узнать уже знакомое название неоднократно упоминавшегося выше племени «слензан». К какой именно территории прилагается это название, Хроника Галла решить не позволяет. Ясный ответ на этот вопрос дает написанный в начале XIII в. труд другого польского хрониста — Кадлубка, где указанное название встречается многократно. Впервые в его труде «Силезия» упоминается в числе завоеваний Болеслава Храброго наряду с «Поморьем», «Пруссам», «Моравией»¹¹². Очевидно, что этим термином обозначается не земля племени «слензан», а значительно более обширная территория. Полностью раскрыть значение термина позволяет пересказ Кадлубком известий Галла о событиях

90-х годов XI в. Там, где Галл говорит о «Вроцлаве», «вроцлавянах» и вроцлавском наместнике Магнусе, Кадлубек говорит о Магнусе — «наместнике силезской провинции», «Силезии» и «силезцах»¹¹³. Таким образом весь комплекс территорий юго-западной Польши, объединившийся вокруг Вроцлава, получил название по имени одного из проживающих на этой территории племен — «слензан». При этом следует особо отметить, что это новое, расширительное значение старое племенное название получило уже после включения земель юго-западной Польши в состав Древнепольского государства. Это совершенно определенно следует из сопоставления описания границ в грамоте 1086 г. с данными Хроники Титмара. Такой для рассматриваемого ареала уникальный случай эволюции географической терминологии говорит, несомненно, о поясной еще для нас специфике изживания здесь традиций племенного самосознания с элементами их частичной перестройки и приспособления к новым условиям вместо их разрушения, которое наблюдается в других случаях.

Если в данном случае мы наблюдаем лишь некоторые отклонения от общего хода развития, то иная картина обрисовывается при сопоставлении этнической ситуации в рассмотренных странах, с одной стороны, и на территории немецкого раннефеодального государства — с другой. В рамках этого политического организма можно проследить на протяжении раннего средневековья, а отчасти и далее сохранение таких этнических общностей, как «швабы», «бавары», «саксы». Эти общности, сложившиеся на базе племенных союзов, а затем племенных княжеств еще до создания на территории Германии единого раннефеодального государства и в его рамках, изменяя свою социальную структуру и превращаясь в феодальные княжества, продолжали сохранять как сознание принадлежности к особой этнической общности, так и своей преемственной связи с лежавшим у ее истоков племенным союзом. Здесь, очевидно, судьбы племенного самосознания оказываются иными, оно не распадается, а входит как важный компонент в сознание этнических общностей уже классового общества. Думается, что контрастное сопоставление двух столь разных типов этнических процессов было бы очень плодотворным для познания закономерностей их обоих.

- ¹ Обоснование такой датировки памятника на основании палеографических и кодикологических наблюдений над рукописью см.: *Nový R. Die Anfänge des böhmischen Staates. Praha, 1968, t. I, roz. III, s. 1—2, 6.*
- ² *Magna Moraviae fontes historici* (Далее — ММФН). Brno, 1969, t. III, s. 287.
- ³ *Dobiaš J. Seit wann bilden die natürlichen Grenzen von Böhmen auch seine politische Landesgrenze? — Historica, 1963, VII.*
- ⁴ *Dobiaš J. Seit wann... , S. 42.*
- ⁵ ММФН, t. III, s. 337—338.
- ⁶ «Убоев жо си мати его смерти, бежа в Хорваты... Послав же, не застиже я Болеслав:» (Сказания о начале Чешского государства в древнерусской письменности. М.: Наука, 1970, с. 38). (Далее — Сказанья).
- ⁷ Сказания, с. 34—35.
- ⁸ См., например, построения В. Ванечка, рассматривающего «civitates» как «hradove obce». — *Vaneček V. Prvních tisíc let: (předstátní společenská organizace a vznik státu u českých slovanů).* Praha, 1949, s. 40—41.
- ⁹ *Łowmiański H. O identyfikacji nazw Geografa bawarskiego. — In: Studia źródłoznawcze. Poznań, 1958, t. III, s. 3—6.*
- ¹⁰ ММФН. Brno, 1961, t. I, s. 89.
- ¹¹ *Łowmiański H. Początki Polski.* Warszawa, 1970, t. IV, s. 39, 396—397.
- ¹² В 805 г. упоминается князь «по имени Лех» (ММФН, t. I, s. 43), 845 г. — 14 «ex ducibus Boemorum» (s. 89), в 857 г. — князь Вистраг (s. 94), в 875 г. — 5 князей — «Zuentislan, Witislan, Heriman, Spoitimar, Moyslan» (s. 107), в 895 г. — «omnes duces Boemorum» (s. 121), в 897 г. — «gentis Behemitarum duces» (s. 124).
- ¹³ ММФН, t. I, s. 43, 56.
- ¹⁴ ММФН, t. I, s. 66—67, s. 80.
- ¹⁵ Разбор соответствующих свидетельств см.: *Łowmiański H. Początki Polski, t. IV, s. 306—308.*
- ¹⁶ *Łowmiański H. Początki Polski.* Warszawa, 1973, t. V, s. 252.
- ¹⁷ *Cosmas Pragensis. Chronica boemorum. — In: Monumenta Germaniae historica: Scriptores rerum Germanicarum: Nova series.* Berlin, 1923, t. II, pt I, 10, S. 13 (Далее — *Козьма*).
- ¹⁸ *Vaňa Z. Vlastislav. Výsledky výzkumu slovanského hradíště v letech 1953—1955 a 1957—1960. — Památky archeologické, 1968, N 1.*
- ¹⁹ См.: *Козьма, I, 3—8.*
- ²⁰ *Novotný V. České dějiny.* Praha, 1912, d. I, č. 1, s. 237—258.
- ²¹ Повесть временных лет. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950, т. 1, с. 14, (далее — ПВЛ).
- ²² *Козьма, I, 3.*
- ²³ *Wenzkus R. Die slavischen Stämme in Böhmen als ethnische Einheiten. — In: Siedlung und Verfassung Böhmens in der Frühzeit.* Wiesbaden, 1967, S. 32, 162.
- ²⁴ *Novotný V. České dějiny, d. I, č. I, s. 228—235.*
- ²⁵ См. с этой точки зрения анализ наиболее сложного из преданий — о Пшемьсле и Либуше — в кн.: *Třeštilik D. Kosmova kronika. Studie k počátkům českého dějepiscectví a politického myšlení.* Praha, 1968, s. 166—170.
- ²⁶ *Kalandra Z. České pohanství.* Praha, 1947.
- ²⁷ *Třeštilik D. Historické povědomí českého raného středověku. — In: Dawna świadomość historyczna w Polsce, Czechach i Słowacji.* Wrocław, 1978, s. 9—10.
- ²⁸ *Turek R. Čechy na úsvitě dějin.* Praha, 1963, roz. Po boku Velké Moravy; *Smětanek Z., Hrdlička L., Blayzerova M. Výzkum slovanského pohřebiště za Jizdnou na Pražském hrade. — Archeologické rozhledy, 1973, t. 25; 1974, t. 26.*
- ²⁹ *Stepanek M. Opevněné sídliště 8—12 století ve střední Evropě.* Praha, 1965, s. 101—105.
- ³⁰ ММФН, t. I, s. 121.
- ³¹ Характеристику этого центра на рубеже IX—X вв. см. в кн.: *Solle M. Stará Kouřim a projevy velkomoravské hmotné kultury v Čechach.* 1966. ММФН, t. I, s. 137.
- ³² *Pekař J. Die Wenzels und Ludmila Legenden und die Echtheit Christians.* Praha, 1906, s. 413—414.
- ³³ *Solle M. Stará Kouřim... , s. 175—176, 225—226.*
- ³⁴ *Видукинд Корвейский. Деяния саксов.* М.: Наука, 1975, с. 89—90, 101, 105—106, 119; *Monumenta Poloniae Historica: Nova series.* Kraków, 1946, t. I, s. 49.
- ³⁵ Сказанья... , с. 36—37.
- ³⁶ Видукинд Корвейский. Деяния саксов, с. 89.
- ³⁷ Упомянутое выше капитальное разрушение Коуржима — один из наглядных примеров этому.
- ³⁸ Об эволюции сказания о Пшемьсле см.: *Třeštilik D. Historické povědomí... , s. 9—10.*
- ³⁹ Хотя предание о Пшемьсле сохранилось в изложении, носящем явные следы его обработки Козьмой, сам рассказ о призвании князя невозможно считать привнесенным хронистом. Об этом свидетельствует тот факт, что некоторые детали рассказа о призвании остались ему непонятными. Так, фигуриро-
- вавшие в этом рассказе Стадицы, откуда пришел Пшемьсл, Козьма отождествил с поселением (villa) Стадицы в северо-западной Чехии, однако в районе этого поселения археологи не обнаружили остатков какого-либо крупного центра, из которого мог бы быть выведен чешский княжеский род. Вместе с тем Баварский географ начала IX в. приводит в своем перечне народов на восток от Каролингской империи и «Stadici in qua civitates DXVI, populusque infinitus» (ММФН, t. III, s. 288). Мы не можем провести локализацию этих Стадид, но очевидно, что в начале IX в. это было племенное объединение, выделявшееся своими размерами и могуществом среди других образований славянского мира. Из этих «великих» Стадид, несомненно, и выводил себя чешский княжеский род. Констатация этого факта показывает, что возникновение предания надо относить к эпохе достаточно далекой от времени Козьмы, когда «Стадицы» Баварского географа были уже прочно забыты.
- ⁴¹ *Třeštilik D. Historické povědomí... , s. 11.* Из этого, однако, нельзя заключать, что «чехами себя первоначально обозначали (вплоть до X в.) только дружинники Пшемьславцев», как полагает В. Ванечек (*Vaneček V. Prvních tisíc let... , s. 53*).
- ⁴² См. в этом плане особо показательные слова древлянских послов, обращенных к киевской княгине Ольге: «Мужа твоего убихом, биеше бо мужь твой аки волк, восхищая и грабя, а наши князи добри суть, иже распустили суть Деревскую землю». — ПВЛ, ч. 1, с. 40.
- ⁴³ ПВЛ, ч. 1, с. 43.

- ⁴⁴ *Видукинд Корвейский*. Деяния саксов, с. 90.
- ⁴⁵ ПВЛ, ч. 1, с. 43.
- ⁴⁶ Последнюю обобщающую характеристику этих аспектов деятельности раннефеодального государства в данном регионе Европы см.: *Krzemieńska B., Třeštik D.* Hospodářské základy raně středověkého státu (Čechy, Polska, Uhry v 10 a 11 století). — *Hospodářské dějiny*, 1978, N 1.
- ⁴⁷ *Козьма*, I, 8.
- ⁴⁸ *Козьма*, I, 19.
- ⁴⁹ *Sommer P.* Archeologický výzkum staroboleslavského hradiště — *Archeologické rozhledy*, 1977, N 4, s. 403.
- ⁵⁰ См. такие выражения, как «церкви же бе устроил по всем градом добре велми» или «бяху же священие церквам во всех градах, Вячеслав же яздыаще по градам» (Сказания, с. 37—38).
- ⁵¹ *Stepanek M.* Opevněné sídliště. . . , s. 107 i nast.
- ⁵² О границах Древнечешского государства во второй половине X в. см.: *Королюк В. Д.* Западные славяне и Киевская Русь в X—XI вв. М.: Наука, 1964, с. 143—149.
- ⁵³ *Lowmiański H.* Początki Polski, t. IV, s. 479—486; *Turek R.* Listina Jindřicha IV. z 29 dubna 1086 (D. IV 390) a její teritoria. — In: *Slavia antiqua*. Warszawa—Poznań, 1975, t. 22, s. 93—97.
- ⁵⁴ *Turek R.* Listina. . . , s. 115. В этой работе дано подробное сопоставление всех списков документа (*Ibid.*, s. 72—89).
- ⁵⁵ *Zemlička J.* Přemyslovska hradská centra a počátky měst v Čechach. — *Československý časopis historický*, 1978, N 4, s. 572.
- ⁵⁶ *Turek R.* Listina. . . , s. 103.
- ⁵⁷ *Ibid.*, s. 85.
- ⁵⁸ О Туроце см.: *Turek R.* Listina. . . , s. 103—104;
- О Седльце см.: *Lowmiański H.* Początki Polski. Warszawa, 1967, t. III, s. 188—189.
- ⁵⁹ Предложить какое-либо решение вопроса трудно в связи с археологической неизученностью «града». — *Zapotocký M.* Slovanské osídlení na Litoměřicku. — *Pamatky archeologické*, 1965, N 2, s. 208—210.
- ⁶⁰ *Schwarz E.* Die Stammesnamen in der Prager Bistumskunde. — In: *Siedlung und Verfassung Böhmens in der Frühzeit*. Wiesbaden, 1967, s. 30.
- ⁶¹ О локализации этой территории см.: *Zapotocký M.* Slovanské osídlení na Děčinsku. *Archeologické rozhledy*, 1977, N 5, s. 544—546. «Град» в Дечине археологически не изучен. — *Ibid.*, s. 546—548.
- ⁶² Принципиальное значение этого факта станет еще более важным, если учесть гипотезу М. Запотоцкого о выделении данного округа Пшемисловцами из состава племенной территории «лемузов». — *Zapotocký M.* Slovanské osídlení. . . , s. 546.
- ⁶³ *Козьма*, I, 15.
- ⁶⁴ *Козьма*, I, 27.
- ⁶⁵ К такому предположению склоняют результаты археологических раскопок в столице княжества Либице, обрившие превращение «града во второй половине X в. в ярко выраженный центр феодальной власти (ликвидация построек внутри «града», строительство здесь дворца и дворцовой церкви). — *Turek R.* Libice — knížecí hradisko X věku. Praha, 1966—1968, s. 97—98.
- ⁶⁶ *Turek R.* Vztah Kouřime a Libice. — *Archeologické rozhledy*, 1977, N 5, s. 513.
- ⁶⁷ ММФН, t. III, s. 191.
- ⁶⁸ *Kronika Thietmara.* Poznań, 1953, s. 203, 395.
- ⁶⁹ Обзор дискуссии см.: *Lowmiański H.* Początki Polski, t. III, s. 114—116.
- ⁷⁰ *Ibid.*, s. 114.
- ⁷¹ *Codex diplomaticus et epistolaris regni Bohemiae.* Pragae 1904—1907, t. I, fasc. I, N 55/A.
- ⁷² *Třeštik D.* Kosmova kronika. . . , s. 50—54.
- ⁷³ *Козьма*, I, 10.
- ⁷⁴ Там же.
- ⁷⁵ *Козьма*, II, 24, III, 14, 42.
- ⁷⁶ *Козьма*, II, 14.
- ⁷⁷ *Козьма*, III, 37.
- ⁷⁸ *Kronika Thietmara.* . . , s. 329.
- ⁷⁹ *Bubenik J., Uhlíková O.* К počátkům města Žatce. — *Pamatky archeologické*, 1977, N 1.
- ⁸⁰ *Козьма*, I, 10.
- ⁸¹ *Козьма*, II, 11.
- ⁸² *Codex diplomaticus.* . . , t. I, fasc. I, N 55, s. 55.
- ⁸³ *Козьма*, II, 19, ср. 15.
- ⁸⁴ *Vaňa Z.* Bilina: Výzkum centra přemyslovské hradské spravy v severozápadních Čechách v letech 1952, 1961—1964 a 1966. — *Pamatky archeologické*, 1976, N 2.
- ⁸⁵ *Козьма*, I, 27.
- ⁸⁶ *Козьма*, III, 1.
- ⁸⁷ *Козьма*, III, 14.
- ⁸⁸ *Козьма*, III, 10: «Et quoniam haec regio primum, longe antequam Satec urbs condita foret, est inhabitata hominibus, recte ejus incolae sunt a regione Luczane nuncipati».
- ⁸⁹ Определенным исключением, которое нуждается в особом пояснении, является сохранение на территории Древнечешского государства (правда, не в Чехии, а в Моравии) области, упоминаемой в документах XII—XIII вв. как «provincia Golessicensis», «Golazisch», «Golazisch». Это название, как давно установлено, является производным от старого племенного названия, известному уже Баварскому географу начала IX в. как «Golensizi» (ММФН, t. III, s. 291). Возможно, причину устойчивого сохранения старого названия в данном случае следует видеть в том, что эта племенная территория в XI—XII вв. было объектом борьбы между Древнепольским и Древнечешским государствами, в конце концов подлившими ее между собой (*Arnold S.* Terytoria plemienne w ustroju administracyjnym Polski piastowskiej (w. XII—XIII). — In: *Arnold S.* Z dziejów średniowiecza. Warszawa, 1968, s. 394—395, 400—401. Постоянное выдвигание обеими сторонами взаимных притязаний на спорную территорию, вероятно, и способствовало сохранению в данном случае старого племенного названия.
- ⁹⁰ *Константин Багрянородный*. Об управлении государством. — Изв. ГАИМК, 1934, вып. 91, с. 8.
- ⁹¹ Эти термины имеются и в Новгородской первой летописи, и в сводах, восходящих к Повести временных лет. Совсем необыком стоит запись о том, как Олег требовал с греков «уклады на руския грады: первое на Киев, та же на Чернигов, на Переяславль, на Полтеск, на Ростов, на Любечь и на прочаа городы» (ПВЛ, ч. 1, с. 24). Однако следует учитывать, что в Новгородской первой летописи этого текста нет. Не исключено, что в данном случае мы имеем дело с работой позднейшего редактора, внесшего в ранние записи терминологию своего времени.
- ⁹² См. также «русин» и «словенин» в ст. 1 Древнейшей правды Ярослава, составление которой исследователи относят к тому же времени.

- ⁹³ См., например, замечания о происхождении названий «древляне», «полочане» (ПВЛ, ч. 1, с. 11).
- ⁹⁴ См., например, рассказ о «баниях» у «словен» (ПВЛ, ч. 1, с. 12), сопоставление обычаев разных племен (Там же, с. 14—15).
- ⁹⁵ См. упомянутый выше рассказ о Радиме и Вятке (ПВЛ, ч. 1, с. 14).
- ⁹⁶ Полное собрание русских летописей. М.: Изд-во вост. лит., 1962, т. I, стб. 297; т. II, М., 1962, стб. 292 (Далее — ПСРЛ).
- ⁹⁷ ПСРЛ, т. II, стб. 304.
- ⁹⁸ Там же, стб. 282, (ст. 1116 г.).
- ⁹⁹ Противопоставление (и во всяком случае разграничение) между княжеской властью и княжеской дружиной, с одной стороны, и местной верхушкой — с другой, наглядно выступают уже в таких текстах, как рассказ о вокняжении Владимира в Новгороде или о конфликте Ярослава с новгородцами в 1016 г., не говоря уже о более поздних свидетельствах.
- ¹⁰⁰ См.: Куза А. В. Новгородская земля. — В кн.: Древнерусские княжества X—XIII вв. М.: Наука, 1975, с. 145—154, ср. с. 169—173
- ¹⁰¹ Ср. с этой точки зрения рассказ о войне между сыновьями Владимира в Новгородской первой летописи и Повести временных лет.
- ¹⁰² Зайцева А. К. Черниговское княжество. — В кн.: Древнерусские княжества. . ., с. 101—108.
- ¹⁰³ Ряд косвенных аргументов в пользу того, что это название было известно уже в VIII в., см.: *Łowmiański H. Początki Polski*. Warszawa, 1963, t. II, s. 78.
- ¹⁰⁴ Об этом см.: *Королюк В. Д. Западные славяне. . .*, глава 9.
- ¹⁰⁵ *Galli Anonymi. Cronica et Gesta Ducum sive Principum Polonorum*. Kraków, 1953 — II, 5, 8, 16, 49 (далее — *Галл*).
- ¹⁰⁶ ПВЛ, ч. 1, с. 11.
- ¹⁰⁷ *Kronika Thietmara. . .*, VI, 57 (s. 395).
- ¹⁰⁸ *Козьма*, II, 13.
- ¹⁰⁹ *Галл*, II, 4, 8, 16.
- ¹¹⁰ *Галл*, II, 13.
- ¹¹¹ *Галл*, II, 24.
- ¹¹² *Галл*, II, 50.
- ¹¹³ *Magistri Vincentii Chronika Polonorum*. — In: *Monumenta Poloniae Historiae*. Lwów, 1872, т. II—II, 12, 21.

А. Н. Саливон

САМОСОЗНАНИЕ ОБОДРИТОВ

(к вопросу об образовании ободритской раннефеодальной народности)

Историческая судьба одной из ветвей полабских славян — ободритов — привлекала внимание ученых-славистов раньше и продолжает сохранять свой научный интерес до настоящего времени. Речь идет о народе, подвергнутом в конце XII в. насильственной германизации и исчезнувшем с исторической карты Европы. Буржуазная исто-

риография, особенно немецкая, выдвинула множество теорий, оправдывающих германский «натиск на Восток». Славянские народы представлялись дикарями-варварами, неспособными к самостоятельному культурному, экономическому и политическому развитию. Завоевание их земель рисовалось едва ли ни благом и для самих славян, и для всего западного мира.

Нет необходимости останавливаться на критике такого рода концепций о славянском прошлом¹. Существует значительная литература, которая воссоздает объективную картину жизни полабских славян, в том числе и ободритов². Ее содержание позволяет утверждать, что полабы прошли длительный и самостоятельный путь общественно-политического развития, прерванный германским завоеванием. К сожалению, до настоящего времени остается незатронутой этническая история ободритов. Между тем ее реконструкция внесет дополнительные штрихи в представление об историческом прошлом народа, характере общественно-политического строя.

В данной статье делается попытка выявить лишь некоторые стороны этнической истории ободритов, в частности уровень их этнического самосознания.

Интерес к проблеме этнического самосознания не случаен. В советской литературе теперь уже достаточно прочно утвердился тезис о самосознании как основном этническом определителе³, «своего рода результате действий всех основных факторов, формирующих этническую общность»⁴. Наличие и сохранение этнического самосознания признается решающим условием существования этноса. В процессе развития этнос может лишиться тех или иных своих свойств-элементов (языка, территории), но он немислим без этнического самосознания, так как «практически этнос существует до тех пор, пока его члены сохраняют представление о своей принадлежности к нему»⁵. Не менее важно и другое заключение исследователей: становление самосознания у славян VII—XII вв. неразрывно связано с процессом формирования феодальной народности и феодальной государственности⁶. Попытка выявления этнического сознания ободритов, таким образом, не может быть удачной без учета их социально-политического строя.

В письменных источниках ободриты фигурируют с конца VIII в.⁷ Они рассеялись в Полабье, от южного побережья Балтийского моря по рекам Лаббе, Траве и Варне.

На востоке их соседями были вилыцы (лютичи), на юге и юго-востоке — лужицкие сербы, на западе — немцы, на северо-западе — датчане. Название племени ободритов стало названием военно-политического союза, куда входил ряд родственников племен. Образовался Ободритский союз, видимо, вскоре после расселения на указанных территориях, в VII—VIII вв.⁸ Вплоть до середины X в. сведения о нем отрывочны, неконкретны. Их интерпретация историками противоречива. Некоторые склонны рассматривать раннеободритскую общественно-политическую структуру конца VIII в. государством раннефеодального типа⁹. По мнению другой группы историков, она в это время отражает скорее развитый этап военной демократии, чем раннефеодальное развитие¹⁰. При невыразительности конкретно-исторического материала трудно быть арбитром в этом споре. Несомненна сложность общественно-политических институтов у ободритов, отражавших тенденцию оформления государственности. Однако считать VIII в. гранью, отделяющей этап военной демократии от оформившейся раннефеодальной государственности сомнительно.

Обстоятельней предстает ободритская общность в источниках с середины X в. Объяснить это можно, с одной стороны, активизацией наступательной политики немцев на восток, в том числе против полабских славян, с другой — серьезными сдвигами внутри славянского общества. Исследователи, опираясь на данные письменных и археологических материалов, не без основания полагают, что именно в этот период у них активно шел процесс становления ранних форм феодализма¹¹. О государстве раннефеодального типа как реальном факте у ободритов можно говорить с середины X в.¹² Г. Ловмянский пишет: «В X в. по всей территории расселения славян процесс образования государственных объединений достигает значительного прогресса, а родоплеменной строй представляет скорее исключение»¹³.

Возникает вопрос, в какой степени население ободритской политической общности осознавало свою принадлежность к определенному этносу. Известно, что этническое самосознание средневековых народов более или менее полно запечатлено в письменных источниках: хрониках, литературных сочинениях, юридических памятниках. К сожалению, мы не располагаем ни одним письменным источником, принадлежащим ободритам.

О них оставили свидетельства апналисты неславянского происхождения. Закономерно рождается сомнение, можно ли по произведениям, созданным представителями чужого этноса, судить о самосознании ободритов? По справедливому замечанию В. Д. Королюка, это обстоятельство хотя и затрудняет решение проблемы, но совсем не исключает возможности выяснения уровня славянского самосознания¹⁴. Необходима одна существенная оговорка: источники иностранного происхождения обязывают нас характеризовать этническое сознание ободритов по его преломлению в сознании чужестранцев. Но и по иностранным источникам нет возможности проследить развитие этнического самосознания ободритов на всем протяжении интересующего нас периода с VIII по XII в. Наиболее ранние из них, Франкские анналы, хроники Видукинда Корвейского, Титмара Мерзебургского, содержат невыразительный материал по ободритской истории. Только сочинения Адама Бременского «Деяния гамбургских епископов» (вторая половина XI в.) и Гельмольда «Славянская хроника» (1117—1177)¹⁵ позволяют установить некоторые черты этнического самосознания ободритов для X—XII вв. Эта статья и посвящена времени складывания этого самосознания.

Франкские и немецкие хронисты ясно представляли славян как единое целое. Для них славянская общность отличается от других народов по языку¹⁶, внешнему виду¹⁷, религии¹⁸, обычаям и нравам¹⁹. В силу тенденциозного отношения к славянам авторы хроник подчеркивают одни черты и совершенно элиминируют другие. К этому добавляется эмоциональное, оценочное отношение хронистов к язычникам-славянам. Тем не менее можно с определенной уверенностью говорить о понимании иностранными авторами совокупности славян с присущими этническими признаками. Возникает вопрос, осознавалось ли славянское единство самими славянами? Некоторые западногерманские авторы, умаляя роль славян и их культуры, считают, что в средние века невозможно обнаружить следы проявления у славян чувства славянской общности. Один из них, М. Хеллманн, утверждает, что понятие славянской общности возникло вне славянского мира²⁰.

Хроники Видукинда, Титмара, Адама, Гельмольда как сочинения иностранные не дают прямых конкретных фактов для опровержения подобных утверждений. Од-

нако в них содержатся косвенные свидетельства. В хрониках употребляются термины *Sclavi* (славяне), *Sclavorum populus* (славянские народы), *Sclavica lingua* (славянский язык). Исследования показывают, что термин «славяне» был распространен у всех славян в качестве самоназвания и выражал объективную общность их происхождения. Самоназвание, по признанию ученых, свидетельствует о наличии самосознания, т. е. осознании членами общности их единства²¹. «Общеизвестный факт наличия единого самоназвания *slovene*, — отмечает О. П. Трубачев, — говорит о древнем наличии адекватного единого этнического самосознания, сознания принадлежности к единому славянству и представляется как замечательный исторический и культурный феномен»²². Можно предположить, что и ободриты как часть славянства обладали чувством славянского единства. Оно поддерживалось сохранением близости общеславянского языка, сходством религиозных представлений, внешним видом. Однако не следует его абсолютизировать и считать определяющим.

Хронисты, говоря о славянской общности, постоянно подчеркивают, что славян было множество²³. Для обозначения полабского славянства они часто употребляют термины *Winithi*, *Winuli* (виниты, винулы)²⁴. Эти термины восходят к названию «венеды», под которыми выступали раннеславянские племена у древних авторов. Имя «виниты», «винулы», как и «венеды», — не самоназвания славян, а обозначения их западными соседями²⁵. Попытки этимологизировать слово «венеды» на славянской языковой почве²⁶ признаются неубедительными²⁷. Наряду с терминами «виниты», «винулы» для полабского славянства хронисты употребляют термин *Sclavania* (Славяния)²⁸, а чаще всего — *Sclavia* (Славия)²⁹. Порой обобщающий характер славянства Полабья означает и термин *provincia Sclavorum* (славянская земля)³⁰. Если принять во внимание общность исторических судеб полабского славянства, их конфронтацию с западными соседями, которая обуславливала политические контакты между отдельными их ветвями, то, очевидно, самосознание единства полабо-прибалтийских славян выражалось четче, чем осознание общеславянского единства. Возможно, что и термины «Славия», «Славяния» являлись самоназваниями для славян между Одрой и Лабой в их взаимоотношениях с другими народами.

Страна вишитов, или Славия, в свою очередь составлялась из ободритов, лютичей, сорбов, поморян и некоторых других славянских народов. Ободриты предстают в хрониках в широком и узком смыслах. Уже Франкские анналы, впервые упоминая имя *Abodriti*, противопоставляют их союзу вильцев, сорбов, имея в виду ободритский военно-политический союз. Он включал в себя ряд племен и представлялся франкским авторам значительным политическим объединением. Немецкие хронисты, говоря об ободритах в широком смысле, тоже имеют в виду политическую общность. Обозначалась она разными терминами: *regnum Obotritorum* (Ободритское государство)³¹, *Sclavia* (Славия)³², *principatus Sclavorum* (княжество славянское)³³, *provincia, terra Sclavorum* (славянская земля, славянская страна)³⁴. Состав Ободритского государства в X—XII вв. не был постоянным. Наибольшего могущества государство достигло при Готшалке, а затем Круте и Генрихе. Согласно Адаму, под властью Готшалка должны были находиться вагры, ободриты, полабы, линоны, варины, хижане, черезпеняне.³⁵ Еще большим предстает Ободритское государство в годы правления сына Готшалка, Генриха (правил с 1093 [?] по 1127 г.). Генрих предпринял ряд походов против соседних славянских племен брежан, стодорян, ран³⁶. «И стали служить племена рап Генриху, — читаем мы у Гельмольда, — платя ему дань, так же как вагры, полабы, ободриты, хижане, черезпеняне, лютичи, поморяне и все другие славянские племена, обитающие между Альбией и Балтийским морем и простирающиеся длинной полосой до самой земли полонов. Над всеми нами властвовал Генрих и во всей земле славянской и пордальбингской его пазывали королем (*rex*)»³⁷. Центром государства были земли вагров, полабов, варпов, собственно ободритов. Их названия чаще всего фигурируют в событиях, описываемых хронистами³⁸. Именно из этих племен, по-видимому, сложился военно-политический союз, который и стал территориальной основой Ободритского государства.

В ряде повествовательных сюжетов, характеристиках действующих лиц, их речах и поступках отражено представление хронистов о жителях Ободритского государства с высокой степенью этнополитического сознания. Можно привести ряд примеров, показывающих (сквозь призму восприятия хронистов) связь ободритского князя с территорией государства. Она являлась для него ото-

чеством (*patria*). По словам Гельмольда, «Мстивой, князь славянский. . . не хотел отречься от христианства и был изгнан из отечества. . .»³⁹ Характерными оттенками наделяет автор хроники речь князя Прибислава. Обращаясь к соотечественникам, он говорит: «Всем вам известно, какие бедствия и гнет лежат на нашем народе (*gentem nostram*) из-за пасильственной власти герцога, злоупотребляя которой он причинил нам много мучений и отобрал у нас наследственное владение отцов наших и поселил во всех землях пришельцев. . . И никого, кроме меня одного, не осталось, кто бы думал о благе нашего народа. . .»⁴⁰ Для Прибислава народ Ободритского государства выглядит единым целым, «его народом». В данном случае чувство родства с народом не ограничивалось собственно ободритской племенной землей, а распространялось на более широкую общность. Несколько ниже хронист отмечает, что поморские князья, оказывая поддержку Прибиславу и предоставив ему убежище, все же напоминают, что он не у себя в стране, а в чужой⁴¹. Элемент этнополитического сознания проявляется и в таком факте, как сопротивление ободритского народа сыну датского короля Кнугу Лаварду в его попытках занять ободритский трон⁴². В Лаварде они видят «чужака».

Ободритский народ для авторов хроник — это славянский народ, и население ободритского политического организма характеризуется теми же чертами, что и остальные западнославянские ветви. Чаще всего это непркрытая тенденциозность, определяемая классовой направленностью хроник. Так, жители за Лабой для Адама и Гельмольда — кровожадное племя (*populi crudeles*)⁴³, разбойники славянские (*latrunculi Sclavorum*)⁴⁴, язычники, варвары. Одновременно отмечается их свободолюбие⁴⁵, гостеприимство⁴⁶, забота о родителях⁴⁷. Имеются указания о присутствии ободритам, как всякому этносу, противопоставления себя другим народам по языку, религии, территориально-политической принадлежности. «Отвергая своих, ты стал почитать саксов, народ вероломный и жадный», — говорят славяне князю Мстивую⁴⁸. В другом месте читаем, что князь Мечислав опасался, как бы «чужеземные обычаи не распространились в стране». Отца своего, Биллуга, он «часто порицал за то, что тот. . . не боится отступать от закона своих отцов»⁴⁹. Из уст славян звучат выражения «народ и земля ваши», «пришельцы», «чужеземцы»⁵⁰. Совокупность приведенных изве-

стий хроник позволяет говорить о понимании хронистами политически целостного ободритского организма с присутствием ему общими этническими признаками.

Попробуем выяснить реальное существование самосознания ободритской общности. Нами отмечалось, что ободриты в широком смысле в источниках, помимо термина *Sclavia*, обозначаются и своим конкретным названием *Obotriti, regnum Obotritorum*. Приведем короткую фразу хроники: «Ибо вся земля ободритов и соседние области принадлежали Ободритскому государству. . .»⁵¹ Название ободритов, как видим, распространялось не только на территорию и народ собственно племени ободритов, но и на государство. В обоих случаях для нас термин «ободриты» — этникон⁵². Но это только на первый взгляд, если исходить лишь из факта наличия его в иностранных источниках. Существует обширная литература лингвистических исследований этого термина. Известный чешский славист П. Шафарик считал название «бодричи» патронимиконом — от «вождя или начальника племени, Бодра, давшего собой название этой ветви»⁵³, что представляется ряду ученых вполне допустимым⁵⁴. А. Ф. Гильфердинг связывал это имя с особым качеством членов племени — «люди бодрые»⁵⁵, а Е. Мошко — от слова «*bedro*», «*vodro*» (долина, впадина), т. е. люди, живущие в долине, вблизи долины⁵⁶. Большинство же исследователей склоняется к мысли, что оно происходит от места первоначального поселения племени — р. Одры⁵⁷. Единого мнения о значении названия «ободриты», как видим, до сих пор не выработано. Споры идут о патронимичности или топографичности его происхождения. Общее, что роднит спорящие стороны, это признание древности, древнеславянского характера названия. Подмечено, что племенные названия зачастую изменялись, особенно в период классообразования. Но в тех случаях, когда племя попадало в ходе переселения в другую среду, племенное имя, наоборот, сохранялось, становилось более устойчивым. Оно превращалось в этническую антитезу противопоставления себя другим этносам, становилось инструментом консолидации местного населения⁵⁸. Это относится и к названию «ободриты». Этникон «ободриты» происходит от этнонима «ободриты». В иностранные хроники он перешел из славянской среды, где являлся самоназванием. Неясно, принималось ли это название всеми членами ободритской политической общности.

Можно лишь предполагать, что оно не ограничивалось в их представлении территорией собственно ободритов. Ободритским именовался племенной союз, и это политическое единство должно было осознаваться ободритскими племенами. Имя племени-гегемона внешне и выражало это единство. Оно же традиционно перешло на образовавшееся государство. По мнению ряда исследователей, собирательные названия в средневековых источниках (ободриты, лютичи, сербы, поляки, болгары) свидетельствуют об образовании на базе племенной интеграции средневековых народностей⁵⁹. Ободритская народность интегрировалась из родственных племен вагров, полабов, варнов, собственно ободритов и некоторых других, более мелких. Общность исторических судеб, столкновения с соседними народами, необходимость защиты своей земли создавали базу для формирования самосознания ободритской общности в широком смысле. В условиях складывания феодальных производственных отношений и оформления государства это самосознание следует рассматривать как самосознание ободритской раннефеодальной народности.

Трудно определить границу между этническим и политическим самосознанием ободритов X—XII вв. По-видимому, на данном этапе на уровне обыденного сознания преобладающим выступало осознание принадлежности к политической общности, к Ободритскому государству. Именно государство сплачивало население в борьбе с непрекращающимися посяблениями иноземцев. Необходимость вести оборонительную войну обостряла чувство солидарности к политической общности, самосознание политического единства, противопоставления себя другим народам. Оно выражалось в отстаивании своей свободы, территории, обычаев, религии. Последний фактор играл особую роль. Славяне оставались язычниками, решительно сопротивляясь распространению христианства. Их «непреодолимое упорство» раскрывается самими хронистами. Они сообщают о жестокости саксонских феодалов, тяжелых даних и поборах, налагаемых на ободритов христианами-немцами. Показательны слова князя Прибислава: «Как приобщимся мы к новой вере, как будем строить церкви и примем крещение, — говорил он, — мы, перед которыми ежедневно возникает необходимость обращаться в бегство?»⁶⁰ Поведение немецких христиан, учинявших в славянских землях грабеж, кровавые наси-

дия, определяли суждения славян о христианской вере. Христианство было ненавистно им как результат иноземного ига, как средство закрепления этого ига⁶¹. Поэтому все попытки отдельных ободритских князей провести христианизацию завершались неудачно. Наиболее отчетливо это видно на примере печального конца Готшалка. В 1066 г. вспыхнуло восстание, в котором Готшалк, «на вечные времена заслуживающий памяти за проявленную им верность богу и государям, был убит язычниками, которых он старался обратить в веру»⁶². Язычество оставалось важным идеологическим оружием, укрепляло самосознание ободритов в их борьбе с неприятелем. Этот факт, как нам представляется, можно рассматривать дополнительным свидетельством наличия и реального существования ободритского этноса.

Существенную роль в развитии самосознания народности играло Ободритское государство. Функционирование государственных органов (сбор дани, привлечение к общественным работам, созыв ополчения и другие) способствовало росту взаимной информации между отдельными частями государства, увеличивало так называемые «информационные связи»⁶³. В результате крепло чувство принадлежности к политической ободритской общности. Территория государства начинала выступать для населения «родной землей».

Рассмотренные здесь соображения, отнюдь не бесспорные, позволяют предположить объективное наличие самосознания у ободритов в широком смысле, самосознания формирующейся ободритской народности. Но ставить на этом точку преждевременно. В хрониках довольно четко отражена история составляющих ободритское государство племенных территорий. Каждая из них представляет этнополитическую общностью с очерченными границами расселения, названиями, обычаями, верованиями. Костяк составляли, как отмечалось выше, земли вагров, полабов, варнов и собственно ободритов.

Ваграская земля (*Wagiorum provincia*) располагалась между Балтийским морем и рекой Травой⁶⁴. Главным городом вагров был Старгард (Альденбург)⁶⁵. Ободриты с главным центром Микилинбургом (Вилиград) расселились в районе оз. Шверин между реками Травой и Варной⁶⁶. Земля полабов (*Polabingorum terra*) простиралась к югу от ободритов между Лабой и Травой. Центр полабов — город Рацебург⁶⁷. Предположительно славян-

ское название его — Ратибор. Варны (Warnabi, Warnavi) занимали земли по среднему течению Варны⁶⁸. Главным их городом, возможно, был Пархим⁶⁹. Хронисты улавливают территориальную обособленность вагров, полабов, ободритов, варнов в рамках государства. Это проявлялось и в наличии названия, и в терминологии. Земли их в территориально-политическом смысле обозначаются Polabingorum provincia, terra Wagirorum, terra Obotritorum. Населяющий их народ — соответственно Polabingorum populo, wagirorum gens, Obotritorum nationes. В литературе чаще всего эти термины переводятся как «племя» — племя вагров, полабов, ободритов, что весьма отдаленно отражает характер их общественно-политического строя. Правильней называть их княжествами в составе Ободритского государства. В каждом из них правят свои династии. Они периодически вступают в конфликты за великокняжеский трон. Длительное время верховными князьями наследственно становились выходцы из рода Наконидов. В XI—XII вв. это Удо, Готшалк, Бутуй, Генрих, Святополк⁷⁰. Они в глазах хронистов выглядели монархами. Для периода правления Готшалка в хрониках отсутствует материал о деятельности местных князей. Видимо, могущество ободритского князя сдерживало их активность, однако вряд ли они были истреблены. Не без участия этих князей совершилось убийство Готшалка и провозглашение верховным князем выходца из земли ран Крута⁷¹. При Генрихе местных князей мы видим в качестве вождей подразделений в ободритском ополчении⁷².

Каждое из ободритских княжеств имело свои празднества и обычаи⁷³, свои религиозные культы. «Не все они (славяне. — С. А.), — отмечает Гельмольд, — придерживаются одних и тех же языческих обычаев» и дальше перечисляет их главных богов: у вагров — Прове, у полабов — Сива, или Жива, у ободритов — Редегаст или Радигаст⁷⁴. Описывая священную рощу с главным богом вагров Прове, хронист замечает, что это место было «святыней всей земли», куда «каждый второй день недели имел обыкновение собираться весь народ с князем и жрецом на суд»⁷⁵. Подтверждением множественности местных божков у ободритских племен служат находки археологами, в частности в Вагрии, сохранившихся деревянных изображений славянских идолов⁷⁶. Вагрская земля, как и другие племенные земли, в пред-

ставлении хронистов выступает, таким образом, культовой общиной со своим местным божеством. Эта религиозная община совпадала с вагрской территориально-политической общиной. Из приведенного отрывка видно, что Прове был «богом этой земли», а сборы в роще всего народа надо понимать как сборы народа вагрского⁷⁷. Хронисты, таким образом, представляют ободритские племенные княжества как этнополитические общины с присущим их населению самосознанием локального единства.

Установить реальные черты самосознания отдельных ободритских племенных земель на имеющейся источниковой основе весьма сложно. Обратимся к их названиям. По Энгельсу, имя — первостепенный признак племени и рода⁷⁸. В. А. Никонов прав, полагая, что положение Энгельса можно отнести ко всем коллективам, которыми занимается этнография, различным по характеру и уровню — от рода до нации. Для каждого из таких едипств имя служит признаком, объединяющим внутри и различающим вовне⁷⁹. Выступая самоназванием определенной общины, имя является свидетельством осознания ее членами своей самобытности, отличия от других общин. Хронисты перечисляют названия ободритских племен. Их происхождение, как отмечалось выше на примере имени ободритов, не до конца ясно. Имя «полабы» большинством исследователей связывается с местом расселения по р. Лабе⁸⁰, а имя «варны» — с р. Варной⁸¹. Некоторые ученые считают название «варны» перенятым славянами у германских варнов, отстаивая тем самым тезис о длительных контактах славян с остатками германского населения в Полабье⁸². Встречаются решительные возражения этому мнению⁸³. Спор может быть решен только в процессе дальнейшей работы лингвистов. Дискуссионным остается значение имени «вагры». М. Фасмер предполагает его скандинавское происхождение (Vágr — бухта) или древнегерманское (Wagwarjos — жители бухты)⁸⁴, связывая его возникновение со временем расселения этого племени на новом месте. Предположение это выглядит шатким, однако у нас нет аргументированных оснований отвергать эту гипотезу и доказывать умозрительно древность и славянское происхождение этнонима «вагры». Нельзя отрицать возможность межэтнических связей, равным образом как нельзя исключать иного самоназвания вагров в раннее время⁸⁵. Важно другое:

истории известны многочисленные факты, когда старые названия вытесняются новыми и закрепляются в сознании как самопознания⁸⁶. Частота и вариантность употреблений названий ободритских племенных княжеств в хрониках, по нашему мнению, свидетельствует, что они для соответствующих групп славян выступали самоназваниями. Их обозначения усваивались иностранными авторами из славянской среды. Учитывая неразрывную связь самоназвания с самосознанием народа можно говорить о наличии локального самосознания у каждого ободритского племени. Элементом этнического сознания, внешней меткой как территориальной обособленности, так и их этнической специфики следует считать также наличие местных культов⁸⁷.

Этническое самосознание ободритов изменялось в процессе развития этнических и политических связей. В основе его в той или иной степени лежало представление об общности происхождения.

В современной литературе об общности происхождения как этническом показателе высказываются разные мнения. Одни ученые признают этот фактор важным компонентом этнической общности, но только для ранних ступеней общественного развития⁸⁸. Другие доказывают, что «общность происхождения во всех своих проявлениях, и в том числе в этническом самосознании, является очень важным и обязательным признаком любого этнического образования»⁸⁹. Согласно Ю. В. Бромлею, «необходимо различать два аспекта проблемы: с одной стороны, объективное существование общности происхождения членов этноса, с другой — представление о такой общности, выступающее как компонент этнического самосознания»⁹⁰. Второй аспект особенно любопытен. Решать его, однако, сложно, ибо мы не располагаем собственно ободритскими письменными источниками. И все же, исходя из имеющихся данных, можно высказать некоторые соображения.

Общность происхождения на уровне обыденного сознания интерпретируется как близкое или отдаленное кровное родство⁹¹. Уровень представлений о единстве происхождения у ободритов имел свои особенности. Их, несомненно, связывало чувство общего происхождения с другими ветвями полабского славянства. В основе его формирования лежали различные факторы, но главным являлась общность исторических судеб. Полабские сла-

вяне после переселения, попав в новую этническую среду, ощущали себя другим народом. Однако первоначально, в процессе расселения чувство общности происхождения с вильцами, лужицкими сербами не было сильным. Основная цель переселенцев — занять землю — решалась без столкновений с иными крупными этносами. Территория Полабья в VI в. была фактически свободной от германцев⁹². Сохранившиеся остатки германского населения были незначительны, и это не требовало от полабских славян концентрации больших сил для завоевания земель, притупляло чувство общеполабского единства. Напротив, данные хроник свидетельствуют о противоречиях между переселенцами, в частности о давней вражде ободритов и вильцев⁹³. Эта борьба была типичным явлением строя военной демократии и отражала политическое, а не этническое противоречие. Чувство славянской общности происхождения ободритов и вильцев в данном случае не сглаживало этих противоречий. Если принять гипотезу, что перемещения ободритов и вильцев происходили в разное время и из разных направлений (вильцы столкнулись с ободритами, когда те уже заняли северные районы Полабья⁹⁴), то можно предположить, что чувство общности происхождения проявлялось в период переселения прежде всего в рамках племенных общностей: ободритской, вильцской, сорбской, но не общеполабской. В дальнейшем картина меняется. Усиление иноземного натиска против всех ветвей полабского славянства заставляло последних объединять свои силы. Острее стало ощущаться общеполабское единство. Ободритов роднили с вильцами, поморянами, сорбами язык, материальная и духовная культура, внешний вид (антропологический облик), т. е. признаки объективной общности славянского происхождения. Общность исторических судеб в совокупности с общими этническими чертами в процессе роста антагонизма с иными этносами обостряли чувства родства происхождения у полабов. Выражением этого единства можно считать название *Scavia*, которым немецкие хронисты, как уже говорилось, называли совокупность полабских славян. Однако чувство общеполабской общности не превратилось в прочное чувство славяно-полабского патриотизма. Отмечаются лишь отдельные случаи военно-политического сплочения полабских славян в борьбе против общего противника. Примером могут служить успешное

общеполабское восстание в конце X в. против немецкого господства; отражение агрессии крестоносцев в 1147 г. Но чаще случалось, что полабы в борьбе с внешней опасностью действовали разрозненно. Так, по словам Титмара Мерзебургского, вскоре после упомянутого восстания лютичи выражали недовольство в отношении ободритов, приписывая неудачу своего похода в Польшу в 1017 г. нежеланию ободритского князя Мстислава помочь им⁹⁶. Точно так же после отражения похода крестоносцев хронист отмечает, что лютичские племена хижан и черезпенян высказывают недовольство властью ободритского князя Никлота⁹⁶. Очевидно, основную роль в разжигании межполабских внутренних конфликтов играла иностранная дипломатия, сталкивавшая между собой полабославянские народы. Несомненно, что межплеменная разрозненность в среде полабских славян питалась чувством племенного патриотизма. Этот местный патриотизм превалировал над чувством общеполабской общности, препятствуя общему политическому сплочению.

Существенную роль в представлениях ободритов общности происхождения имели политические связи. Более действенными они оказывались в пределах ободритских племенных княжеств. Оформившиеся на племенной основе княжества, обладая политическим суверенитетом, сплачивали население, содействуя развитию этнодифференцированных черт локальной территории. Разного рода связи в пределах компактной территории племенных княжеств (экономические, политические, религиозные) воспринимались их населением как связи по кровному родству происхождения. По мнению К. Ваховского, поскольку в Ободритии и в XII в. сохранялись внутриэтнические различия — племенные границы, местные культы и обычаи, локальное самосознание, ободритское население вплоть до завершающего этапа своего существования не может приниматься за один народ⁹⁷. С таким утверждением нельзя согласиться. Ободритские княжества не были полностью изолированными самостоятельными этнотерриториальными и политическими общностями. Процесс их складывания протекал одновременно с формированием большой политической и этнической общности — ободритского государства и ободритской народности. В исторической науке отмечается, что в отличие от нации буржуазного общества народность феодальной эпохи является органическим сочетанием этнической общности

с раздробленностью на более или менее обособленные локальные группы⁹⁸. Экономическая и политическая раздробленность раннефеодального общества определяла, с одной стороны, тенденцию локальных этнических групп к сохранению обособленности, устойчивости пережитков племенного быта; с другой стороны, усиливалась тенденция к объединению, слиянию в единое целое. Это отражалось и в характере самосознания. Исследования показывают, что нередко внутри формирующейся этнополитической общности сказывается сильное самосознание входящих в такую общность этнических групп⁹⁹. У ободритов наряду с локальным племенным самосознанием развивалось самосознание ободритского единства. Ободритское государство укрепляло чувство ободритского отечества, чувство сопричастности к широкой общности. Защита отечества объективно определялась защитой земли как основы материальной жизни, субъективно — как защита «кровной» земли, земли предков. Общность исторических судеб в пределах Ободритского государства содействовала этнической интеграции ободритов, формированию ободритской раннефеодальной народности.

Таким образом, у ободритов существовало этническое самосознание разного таксономического уровня: от локального племенного сознания в пределах племенных княжеств до представлений общеполабского единства. Определяющим вплоть до исхода их исторической жизни оставалось чувство племенной общности, однако прогрессировала тенденция складывания этносоциального ободритского организма, самосознание ободритской раннефеодальной народности.

¹ См.: Грацианский Н. П. Фальсификация истории немецкой агрессии за Эльбу. — Учен. зап. МГУ им. М. В. Ломоносова, 1945, вып. 81; Санчук Г. Э. К вопросу об изучении идеологии Drang nach Osten раннефеодального периода. — В кн.: «Дранг нах Остен» и историческое развитие стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. М.: Наука, 1967, с. 59—71.

² Brankack J. Studien zur Wirtschaft- und Sozialstruktur der Westslawen zwischen Elbe-Saale und Oder aus der Zeit vom 9. bis zum 12. Jahrhundert. Bautzen, 1964; Herrmann J. Siedlung, Wirtschaft und gesellschaftliche Verhältnisse der slawischen Stämme zwischen Oder/Neisse und Elbe. Berlin, 1968; Herrmann J. Zwischen Hradschin und Vineta: Frühe Kultur der Westslawen. Berlin, 1976; Die

- Slawen in Deutschland: Geschichte und Kultur der slawischen Stämme westlich von Oder und Neisse vom 6. bis 12. Jahrhundert: Ein Handbuch/Vom J. Herrmann. Berlin, 1974.
- ³ См.: Кушнер П. И. Национальное самосознание как этнический определитель. — КСИЭ, 1949, вып. 8; Козлов В. И. Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса. — СЭ, 1974, № 2; Шелепов Г. В. Общность происхождения — признак этнической общности. — СЭ, 1969, № 4; Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973, с. 95, сл.
- ⁴ Чебоксаров Н. Н. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых. — СЭ, 1967, № 4, с. 99.
- ⁵ Бромлей Ю. В. К характеристике понятия «этнос». — В кн.: Расы и народы. М.: Наука, 1974, вып. 1, с. 25.
- ⁶ Королюк В. Д. Особенности становления феодализма и формирования раннефеодальных государств и народностей в Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европе. — Сов. славяноведение, 1970, № 5, с. 7; Литаврин Г. Г. Этническое самосознание южных славян в VII—X вв. — В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М.: Наука, 1978, с. 244, 258.
- ⁷ Annales regni Francorum, a. 789. — In: Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte des Mittelalters. Berlin, 1960, Bd. 5.
- ⁸ Вопрос о времени заселения славянами территории между речья Лабы и Одры остается не до конца разрешенным. Наиболее вероятным временем, видимо, следует считать вторую половину VI—VII вв. (Herrmann J.
- Siedlung, Wirtschaft. . ., S. 74; Struve K. Frühe slawische Burgwallkeramik aus Ostholstein. — Zeitschrift für Archäologie, 1968, H. 2, S. 58, 72; Jankuhn H. Die slawischen Besiedlungen des Hannoverischen Wendlandes im frühen Mittelalters. — Slovenska archeologia, 1970, t. 18—1, s. 72).
- ⁹ См., напр.: Королюк В. Д. К вопросу о раннефеодальной государственности у полабо-прибалтийских славян. — В кн.: Славяно-германские отношения. М.: Наука, 1964, с. 8; Bulin H. Pocatky statu obodrickeho. — Pravnehistoricke Studie, 1958, n. 4, s. 9.
- ¹⁰ Müller-Mertens E. Das Zeitalter der Ottonen. Berlin, 1955, S. 92; Brankack J. Studien zur Wirtschaft. . ., S. 152; Die Slawen in Deutschland, S. 200; Weltgeschichte bis zur Herausbildung des Feudalismus: Ein Abriss/Verfasst von einem Autorenkollektiv unter Leitung von J. Sellnow. Berlin, 1977; Labula G. Fragmety dziejów słowianszczyzny zachodniej. Poznań, 1960, t. 1, s. 301; Skowronek J., Tanty M., Wasilewski T. Historia Słowian południowych i zachodnich. Warszawa, 1977, s. 64.
- ¹¹ Herrmann J. Slawen und Deutsche. — In: Germanen—Slawen—Deutsche. Berlin, 1968, S. 24; Brankack J. Studien zur Wirtschaft. . ., S. 46.
- ¹² Prabova L. K otazce vzniku a vyvoje statu u polabskych Slovanu. — Československy časopis historicky, 1955, ročník 3, s. 658, 667.
- ¹³ Ловмянский Г. Социальные преобразования в Европе в VI—XII вв. М.: Наука, 1970, с. 11. По мнению автора, государство у ободри-
- тов было основано в первой половине X в. (Ловмянский Г. Происхождение славянских государств. — ВИ, 1977, № 12, с. 193).
- ¹⁴ Королюк В. Д. К вопросу о славянском самосознании в Киевской Руси и у западных славян в X—XII вв. — В кн.: История, культура, фольклор и этнография славянских народов. М.: Наука, 1968, с. 105.
- ¹⁵ В работе использованы издания: Видукинн Корвейский. Деяния саксов/Пер., вступит. статья, примеч. Г. Э. Сапчука. М.: Наука, 1975. (В издании приведен параллельно латинский оригинал): Гельмольд. Славянская хроника/Пер., вступит. статья, примеч. Л. В. Разумовской. М.: Изд-во АН СССР, 1963; Helmoldi Presbyteri Chronica Slavorum. Hannover, 1868; Adami Bremensis Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum. — In: Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte des Mittelalters: Quellen des 9. und 11. Jahrhunderts zur Geschichte der Hamburgischen Kirche und des Reiches. Berlin, 1961, Bd. II; Thietmari Merseburgensis Episcopi Chronicon. — In: Monumenta Germaniae historica: Scriptores rerum Germanicarum. Berlin, 1935. Nova series, Bd. 9. Сноски в работе даются на указанные латинские оригиналы в сокращении. Напр.: Adam, I, 18, где римской цифрой обозначен номер книги хроники, а арабской — номер главы.
- ¹⁶ Adam, IV, 18; Helmold, I, 1; I, 47; I, 49.
- ¹⁷ Widukind, I, 18; Helmold, I, 1; I, 47.
- ¹⁸ Widukind, I, 35; I, 36; II, 20; Adam, II, 24; III, 54; Helmold, I, 1; I, 52. Харак-
- терна фраза епископа их хроники Гельмольда: «Вы (славяне. — С. А.) от всех отличаются по религии». Helmold, I, 83.
- ¹⁹ Helmold, I, 1: «Во введении к этому сочинению почитаю полезным предпослать в кратком историческом обозрении кое-что о странах славян, об их характере и правах. . .» См., также: Widukind, II, 20.
- ²⁰ Hellmann M. Grundfragen slawischen Verfassungsgeschichte des frühen Mittelalters. — In: Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. München, 1954, Bd. 2, H. 4, S. 403.
- ²¹ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография, с. 98; Хомич Л. В. О содержании понятия «этнические процессы». — СЭ, 1969, № 5, с. 83; Чеснов Я. В. Ранние формы этнонимов и этническое самосознание. — В кн.: Этнография имен. М.: Наука, 1974, с. 7; Козлов В. И. Проблема этнического самосознания. . ., с. 86; Георгиева Ив. Этнос, этносоциален организъм, етнически процес. — Векове, 1972, № 1, с. 45; Гейштор А. Этническая и региональная общность в польском средневековье. — В кн.: Польша и Русь. М.: Наука, 1975, с. 52.
- ²² Трубачев О. И. Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян. — ВЯ, 1974, № 6, с. 60 См. также: Литаврин Г. Г. Этническое самосознание южных славян. . ., с. 246; Бромлей Ю. В. К вопросу об этнографии славян. — Бюл. комиссии СССР по делам ЮНЕСКО, 1973, № 4, с. 8—9.
- ²³ Adam, II, 21 «populi Slavorum multi»; Helmold, I, 1: «Slavorum igitur populi multi sunt habitantes in litore Balthici maris».
- ²⁴ Adam, II, 21; II, 66; II, 74; Helmold, I, 2; I, 6; I, 16.

- ²⁵ Артамонов М. И. Вопросы расселения восточных славян в советская археология. — В кн.: Проблемы всеобщей истории. Л.: Изд-во ЛГУ, 1967, с. 39; Ср.: Рыбаков В. А. Исторические судьбы праславян. — В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М.: Наука, 1978, с. 186—187.
- ²⁶ Lehr-Splawinski T. O pochodzeniu i praocjczyźnie Slowian. *Poznan*, 1946, с. 17.
- ²⁷ Филан Ф. П. Образование языка восточных славян. М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1962, с. 52.
- ²⁸ *Annales regni Francorum*, а. 789; *Adam*, II, 5; II, 16; II, 20.
- ²⁹ *Annales regni Francorum*, а. 780, 789; *Adam*, I, 2; I, 3; I, 7; I, 52; II, 44; *Helmold*, I, 12; I, 15.
- ³⁰ *Helmold*, I, 21.
- ³¹ *Helmold*, I, 49; I, 50.
- ³² *Helmold*, I, 46; I, 47. Термином Sclavia Адам и Гельмольд обозначают не только совокупность полабских славян, но и Ободритское государство. Напр.: *Helmold*, I, 22: «Вследствие милосердия божьего и доблести благочестивейшего мужа Готшалка положение церкви и почитание священников достигло в Славии надлежащего расцвета». Речь здесь идет, несомненно, о совокупности территорий, находившихся под властью Готшалка.
- ³³ *Helmold*, I, 48: «Defecitque stirps Heinrici in principatu Sclavorum, mortuis scilicet filiis et filiorum filiis» («И прекратился род Генриха в княжестве славянском, ибо умерли его сыновья и сыновья его сыновей»). См. также: *Helmold*, I, 49; I, 52.
- ³⁴ Гельмольд для обозначения Ободритского государства Готшалка и Генриха употребляет термин Sclavorum provincia (*Helmold*, I, 24; I, 36), а государство Крута обозначается порой terra Sclavorum (*Helmold*, I, 26). См. также: *Helmold*, I, 53; I, 57.
- ³⁵ *Adam*, III, 20.
- ³⁶ *Helmold*, I, 37; I, 38.
- ³⁷ *Helmold*, I, 36.
- ³⁸ *Helmold*, I, 18; I, 20; I, 53; I, 69.
- ³⁹ *Helmold*, I, 16. См. об изгнании сына Готшалка, Бутуя. Он жалуется герцогу Марнусу, что у него отняли отечество: *Helmold*, I, 25.
- ⁴⁰ *Helmold*, II, 2.
- ⁴¹ *Helmold*, II, 6.
- ⁴² *Helmold*, I, 49.
- ⁴³ *Helmold*, I, 36.
- ⁴⁴ *Helmold*, I, 35.
- ⁴⁵ *Helmold*, I, 25: «... славяне сбросили вооруженной рукой про и с таким упорством старались отстоять свою свободу. . .» См. также: *Helmold*, I, 16.
- ⁴⁶ *Helmold*, I, 82: «... в отношении гостеприимства нет другого народа, более достойного, чем славяне».
- ⁴⁷ *Helmold*, II, 12.
- ⁴⁸ *Helmold*, I, 16.
- ⁴⁹ *Helmold*, I, 13.
- ⁵⁰ *Helmold*, I, 19; I, 38; II, 2.
- ⁵¹ *Helmold*, II, 5: «Omnis igitur terra Obotritorum et finitime regiones que pertinent ad regnum Obotritorum. . .»
- ⁵² Этнокон — название этноса представителем другого народа.
- ⁵³ Шафарик П. Славянские древности. М., 1848, т. 2, кн. 3, с. 146.
- ⁵⁴ См.: Грацианский Н. П. Карл Великий и славяне. — ИЖ, 1945, № 3, с. 22; Urbanczyk S. O pochodzeniu nazwy Obodrytow. — In: *Studia linguistica slavica Baltica*. Lund, 1966, s. 310; Trautmann R. Die slawischen Ortsnamen Mecklenburgs und Holsteins. Berlin, 1950, s. 111—112.
- ⁵⁵ Гильфердинг А. Ф. История балтийских славян. СПб., 1874, т. 4, с. 41.
- ⁵⁶ Mosko E. Ubiedrzy, Obodrowo i Obodryci. — *Jezyk Polski*, 1969, т. 49, п. 3, s. 209. См. также: Rospond S. Obodryci czy Obodrycy? — *Jezyk Polski*, 1971, т. 51, п. 2, s. 140.
- ⁵⁷ Первольф И. Германизация балтийских славян. СПб., 1876, с. 4; Трубачев О. Н. Ранние славянские этнонимы. . . с. 58; Lelewel J. Narody na ziemiach slowianskich przed powstaniem Polski. Poznań, 1853, s. 750; Lehr-Splawinski T. Plemiona slowianskie nad Łaba i Odrą w wiekach srednich. Katowice; Wrocław, 1947, s. 8, 12; Widajewicz J. Niemcy wobec Slowian polabskich. Poznań, 1946, s. 7; Staszewski J. Słownik geograficzny: Pochodzenie i znaczenie nazw geograficznych. Warszawa, 1959, s. 212.
- ⁵⁸ См.: Королюк В. Д. Дулебы и анты, авары и готы. — В кн.: Проблемы типологии в этнографии. М.: Наука, 1979, с. 58.
- ⁵⁹ Б. А. Рыбаков отмечает: «Если группа родственных племен получает у разных соседей одно и то же собирательное имя, то можно ставить вопрос о первичной фазе сложения народности» (Рыбаков В. А. Древние русы. — СА, 1953, т. 27, с. 24). См. также: Королюк В. Д. Западные славяне и Киевская Русь в X—XI вв. М.: Наука, 1964, с. 15; Пекарчик С. К вопросу о формировании и развитии польской народности. — ВИ, 1955, № 8, с. 86—87; Ангелов Д. Формирование болгарской народности. София: Пресс, 1978, с. 37.
- ⁶⁰ *Helmold*, I, 83. См. также: *Helmold*, I, 46; I, 48; I, 25; I, 34.
- ⁶¹ Филиппов П. И. Очерк тысячелетней борьбы балтийско-полабского славянства с немцами до возрождения серболужичского племени. СПб., 1897, с. 7—8; Брежнев М. В. Полабские славяне. Казань: 1915, с. 10.
- ⁶² *Helmold*, I, 22.
- ⁶³ См.: Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества. — В кн.: Расы и народы. М.: Наука, 1972, вып. 2, с. 8—41.
- ⁶⁴ *Adam*, II, 21; *Helmold*, I, 56.
- ⁶⁵ *Helmold*, I, 12.
- ⁶⁶ *Adam*, II, 21; III, 20; III, 51; *Helmold*, I, 53. Славянское название Миклибурга — Виллиград или Мехлин (См.: Державин Н. С. Славяне в древности. М.: Изд-во АН СССР, 1946, с. 31; Nalepa J. Pierwotne brzmienie nazw Meklemburga i Ratzeburga. — *Przegląd Zachodni*, 1953, п. 9-10, s. 266).
- ⁶⁷ *Adam*, II, 21; *Helmold*, I, 2.
- ⁶⁸ *Ibid*.
- ⁶⁹ Павинский А. И. Полабские славяне в борьбе с немцами VIII—XII столетий. СПб., 1871, с. 20.
- ⁷⁰ *Adam*, II, 60; II, 66; *Helmold*, I, 19; I, 25; I, 41.
- ⁷¹ *Helmold*, I, 25.
- ⁷² *Helmold*, I, 38.
- ⁷³ Гельмольд упоминает о праздниках в вагской земле (*Helmold*, I, 83).
- ⁷⁴ *Helmold*, I, 83.
- ⁷⁵ *Helmold*, I, 83. Существует мнение, что Прове идентичен богу Перуну, прозванному так «по причине приданных ему особых свойств наблюдения за наказанием и справедливостью» (Суровецкий Л. Исследования начала народов славянских. М., 1848, с. 56).
- ⁷⁶ *Struve K. Ziel und Ergebnisse von Untersuchungen auf drei*

- slawischen Burgwällen Ostholsteins. — In: Ausgrabungen in Deutschland. Meinz, 1975, T. 3, S. 111—112.
- ⁷⁷ Хронист, очевидно, имел в виду жителей Альденбургского округа, но они в его представлении олицетворяли весь варгский народ.
- ⁷⁸ *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. — В кн.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 89.
- ⁷⁹ *Никонов В. А.* Этнонимия. — В кн.: Этнонимы. М.: Наука, 1970, с. 5.
- ⁸⁰ *Первольф И.* Германизация балтийских славян, с. 25; *Любацкий М. К.* История западных славян. М.: Изд-во Сабашниковых, 1918, с. 22; *Boll E.* Geschichte Mecklenburgs. Neubrandenburg, 1855, Bd. I, S. 28; Die Slawen in Deutschland, S. 11.
- ⁸¹ *Letewel J.* Narody na ziemiach słowiańskich. . . , s. 660; *Trautmann R.* Die slawischen Ortsnamen Mecklenburgs und Pölsteins. Berlin, 1950, S. 160; Die Slawen in Deutschland, S. 10.
- ⁸² *Нидерле Л.* Славянские древности/Пер. с чешского Т. Ковалевой и М. Хазанова. М.: Изд-во иностр. лит., 1956, с. 101; *Kostrzewski J.* Über den gegenwärtigen Stand der Erforschung der Ethnogenese der Slawen in archäologischen Sicht. — In: Das heidnische und christliche Slaventum. Wiesbaden, 1969, Bd. 2/1, S. 20—21; *Wilkowski T.* Über die Sammlung der altpolabischen Stammesnamen. — In: Четвертое заседание на Межнародната комисия за словенска ономастика. Скопје, 1971, с. 72.
- ⁸³ *Кобичев В. П.* В поисках прародины славян. М.: Наука, 1973, с. 53.
- ⁸⁴ *Vasmer M.* Beiträge zur slawischen Altertumskunde: Wikingisches am Südufer der Ostsee. — Zeitschrift für slawische Philologie, 1929, Bd 6, H. 1—2, S. 152—153; *Idem.* Schriften zur slawischen Altertumskunde und Namenkunde. Berlin, 1971, Bd. 2, S. 858—859.
- ⁸⁵ *Fritze W.* Probleme der abdrutschen Stammes- und Reichsverfassung und ihrer Entwicklung vom Stammesstaat zum Herrschaftsstaat. — In: Siedlung und Verfassung der Slawen zwischen Elbe, Saale und Oder. Giessen, 1960, S. 152.
- ⁸⁶ См.: *Генинг В. Ф.* Этнический процесс в первобытности. Свердловск: Изд-во Уральского гос. ун-та, 1970, с. 116; *Никонов В. А.* Этнонимия, с. 9, 13; *Чеснов Я. В.* Название народа: откуда оно? — В кн.: Этнографы рассказывают. М.: Наука, 1978, с. 30.
- ⁸⁷ *Токарев С. А.* Проблема типов этнических общностей. — ВФ, 1964, № 11, с. 45; *Мишлявичус Я. В.* Религия в этнической структуре общества. — ВФ, 1976, № 11, с. 112.
- ⁸⁸ *Токарев С. А.* Проблема. . . , с. 45.
- ⁸⁹ *Шелепов Г. В.* Общность происхождения — признак этнической общности, с. 73; *Итс Р. В.* Века и поколения: Этнографические этюды. М.: Мысль, 1976, с. 12.
- ⁹⁰ *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография, с. 102—103.
- ⁹¹ Там же.
- ⁹² *Lehr-Splawinski T.* Plemiona słowiańskie. . . , s. 7; *Jan-kuhn H.* Die slawische Besiedlung. . . , S. 71f; *Herrmann J.* Zwischen Hradschin und Vlneta, S. 19.
- ⁹³ *Annales regni Francorum*, a. 789, 808, 809
- ⁹⁴ Die Slawen in Deutschland, S. 21.
- ⁹⁵ *Thietmar*, VIII, 5.
- ⁹⁶ *Helmold*, I, 71.
- ⁹⁷ *Wachowski K.* Slowianszczyzna zachodnia. Poznan, 1950, s. 94.
- ⁹⁸ *Лаушк Л. П.* О формах донациональных этнических связей. — ВИ, 1967, № 4, с. 90; *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография, с. 159; *Колесницкий Н. Ф.* Донациональ-
- ные этнические общности. — В кн.: Раса и народы. М.: Наука, 1978, вып. 8, с. 41; *Корсунский А. Р.* Государство и этнические общности в раннефеодальный период в Западной Европе. — В кн.: Средние века. М.: Наука, 1968, вып. 31, с. 132.
- ⁹⁹ *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография, с. 1117.

А. И. Рогов

О ПОНЯТИИ «РУСЬ» И «РУССКАЯ ЗЕМЛЯ» (по памятникам письменности XI—начала XII в.)

Одним из важных вопросов, стоящих перед исследователями, занимающимися проблематикой славянского этногенеза, является развитие и становление этнического и государственного самосознания у славянских народов. Исследовательские возможности здесь по сравнению с другими аспектами общей проблемы увеличиваются за счет прежде всего письменных источников, столь ограниченных или попросту отсутствующих, когда речь идет о чисто этногенетических вопросах. Летописи и хроники, агиографические сочинения, памятники ораторского искусства значительно обогащают источниковедческую базу, делают менее гипотетичными наши выводы и наблюдения по одному из важнейших, узловых вопросов славистики.

Сказанное выше в полной мере относится к изучению самосознания древнерусского народа в период расцвета Киевской Руси, относящегося к X—началу XII в.

Не вдаваясь в вопрос о происхождении названия «Русь», что является совершенно самостоятельной темой, попытаемся раскрыть, что понимали под Русью, Русской землей в означенный период сами ее жители, в каких пределах виделась она им, как представлялось ее место среди других народов и стран мира.

Обратимся прежде всего к памятникам русского летописания. Хорошо известно, что они представляют собой своды, вобравшие в себя как сделанные в разное время записи или отдельные исторические сочинения, так и сведенные воедино различные по месту происхождения известия. Разумеется,

при своем создании своды отражали определенные взгляды их составителя и подвергались переработкам, подчас весьма значительным. И все же это не мешает нам вычлени в них не только известия, но и суждения и представления, относящиеся ко времени, более раннему, чем возникновение того или иного летописного свода.

Анализируя данные о том, что в территориальном отношении под словом «Русь» понимали летописцы, мы сразу же сталкиваемся с удивительным противоречием. С одной стороны, в рассказе, например, о Липецкой битве 1216 г. по Академическому списку Лаврентьевской летописи о Русской земле говорится как о совокупности различных земель, входящих в состав Древнерусского государства («и вся Русская земля, и Галичская, и Киевская, и Смоленская, и Черниговская, и Новгородская, и Рязанская») ¹. В то же время в целом ряде других летописных известий мы замечаем явное противопоставление Руси и Русской земли другим землям, участвовавшим в образовании Киевской Руси. Так, оказывается, что из понятия «Руси» исключается в одном из известий Ипатьевской летописи под 1148 г. Смоленская земля (во всяком случае, ее войско отделяется в предстании летописца от «всех русских сил») ². Может не включаться в понятие Руси и Галицко-Волынская земля. Таково известие Ипатьевской летописи 1152 г. о поездке князя Изяслава из Галича в «Русскую землю» ³. За пределами Руси подчас оказывается и Новгородская земля, поскольку в Новгородской Первой летописи младшего извода под 1135 г. говорится, что новгородский епископ Нифонт «иде в Русь» ⁴. Владимиро-Суздальская земля также может исключаться из понятия «Русь». Это видно из известия Лаврентьевской летописи 1181 г. о разорении г. Дмитрова киевским князем Святославом Всеволодовичем, который, как сказано в летописи, после этого «возвратился опять в Русь» ⁵.

Интересно отметить, что о существовании двух понятий Руси знали и иностранцы. Так, Константин Багрянородный противопоставляет Русь, где правит Игорь, «Руси внешней» с г. Новгородом. В своем знаменитом сочинении «Об управлении Империей» он сообщает: «Однодревки, приходящие в Константинополь из внешней Руси, идут из Немогарды (Новгорода), в которой сидел Святослав, сын русского князя Игоря» ⁶.

Все эти данные, как и ряд других известий, привели исследователей к выводу, что понятие «Русь» употребля-

лось на Руси, судя по памятникам русского летописания, в двух смыслах: широко — как вся огромная территория, заселенная восточными славянами, от Карпат до Дона и от Ладоги до причерноморских степей, и узко — только как часть, ядро этой земли. Первоначально, возможно, это была непосредственно земля вокруг Киева, населенная полянами. Затем возник полянский племенной союз, постепенно включивший в состав этого объединения и земли живших по левому берегу Днепра северян. Это хорошо подтверждается археологическими данными, свидетельствующими, что культура киевских полян все более распространялась на левый берег Днепра ⁷. К середине X в., по-видимому, можно относить слияние территории полян и западных северян, что было важнейшим моментом в складывании политического ядра Древнерусского государства ⁸ и вместе с тем единой древнерусской народности. Далее были покорены восточные северяне, радимичи и вя-
тичи.

Тремя важнейшими центрами образовавшегося объединения «Русской земли» (в узком смысле) являлись Киев и два северянских города: Чернигов и Переяславль. Именно в такой роли они выступают в тексте договора Игоря с греками в 944 г., в той его части, где говорится о выплате месячного содержания русским купцам «первое от города Киева, паки из Чернигова и ис Переяславля» ⁹.

Но возникает вопрос, насколько все отмеченное выше по отношению к Руси в узком смысле слова продолжало быть актуальным в XI—XII вв. Продолжала ли оставаться Русь в этом понимании неким сплоченным ядром, сохранившим то единство, которое сложилось к середине X в? Б. А. Рыбаков совершенно справедливо отмечает, что для X—XIII вв. это географическое определение употреблялось летописцами анахронически, поскольку на территории Русской земли в узком смысле слова существовало несколько враждовавших между собою княжеств ¹⁰.

И все же в исторической памяти, в живой государственной традиции воспоминание о трех древнейших центрах, некогда самостоятельных, а затем сплотивших подвластные им земли в политическое ядро Древнерусского государства, продолжало еще довольно долго существовать. Показательно в этом отношении, что уже после выделения из состава Русской земли самостоятельных княжеств Киевского, Черниговского, Переяславского их князья продолжали сохранять за собой право на дележ доходов от

владения отдаленнейшими землями, подвластными Русской земле¹¹. Показателен и тот факт, что в 1060 г. Смоленск был поделен также между князьями этих княжеств¹².

Но отмеченная только что историческая традиция ни в малейшей степени не ослабляла устойчивого представления о единстве всей Русской земли. Это представление явно преобладало над анахронизмами историко-географических представлений летописцев даже и у них самих. Очень существенной при этом являлась твердая убежденность летописца в едином происхождении всего славянства в целом, как и о его близости и родстве в настоящем. Единство же восточнославянских народов дополнительно утверждалось и осмысливалось через это непоколебимое представление об общеславянском единстве, в котором все «сущее от рода словеньска»¹³, «а словеньский язык и Руский одно есть»¹⁴. Наиболее полно эти представления выражены Нестором-летописцем в его Повести временных лет, в ее вводной части, повествующей о расселении народов.

Понятие о Руси в широком и только в таком смысле, твердую убежденность в единстве всей Русской земли находим мы едва ли не во всем дошедшем до нас древнерусском письменном наследстве. Обозревать все его произведение в этой небольшой статье, конечно, не представляется возможным. Следует обратить внимание на наиболее выдающиеся, прежде всего программные, памятники общественной мысли Руси — те, которые не только отражали ее существо, но и активно способствовали ее дальнейшему росту, решению актуальных задач. К числу таких памятников безусловно можно отнести Слово о законе и благодати киевского митрополита Илариона.

«Слово» Илариона, судя по новейшим его исследованиям, было произнесено между 1037 и 1050 гг., вероятнее всего весной 1049 г.¹⁵ Оно преисполнено не только верой в равенство всех народов, но и чувством глубочайшего патриотизма и гордости за свою страну, «яже ведома и слышима есть всеми четырьмя концы земли»¹⁶. Для Илариона Русская земля — это вся та земля, где есть «наш язык русский». За всю нее как единое целое просит он молиться князя Владимира: «Помолися о земли своей и о людях, в них же благоверно владычествова»¹⁷. Для Илариона неотделимы единая земля, единый язык, единая вера, единое владычество князя. Здесь еще и отдаленно

нет намека на раздробленность Руси, разобщенность ее отдельных земель, но есть только «вся земля»¹⁸.

Настойчивое, подчеркнутое употребление понятия «Русская земля» со словом «вся» находим мы и в другом памятнике XI в. — Памяти и похвале князю Владимиру Иакова Мниха. Это сочинение имело сложную литературную судьбу и дошло до нас в соединении с так называемым другим житием Владимира начала XII в. и Похвалой княгине Ольге начала XIII в. Вероятно, все три сочинения были сведены воедино в XIII в.¹⁹ Мы здесь приводим данные только из первой, древнейшей части. В этой части о св. Владимире Иаков говорит, что он «крести же всю землю Рускую от коньца и до коньца», «всю Рускую землю и гряды вся украси святыми церквами», «без числа душ по всей Руской земли приведены», «всю Рускую землю привед к Богу», «всю землю Рускую крести»²⁰.

Очень близким по смыслу, практически совпадающим с тем, что мы находим в Слове о законе и благодати и Памяти и похвале князю Владимиру, является употребление понятия «Русская земля» и в памятниках борисоглебского цикла, создававшихся во второй половине XI—начале XII в. Первые русские святые, ставшие символом и знаменем борьбы с междукняжескими усобицами, представляют в этих памятниках именно за всю Русскую землю и прославляются как «забрала» ее всей. Это особенно отчетливо звучит в Сказании о Борисе и Глебе, возможно, наиболее раннем памятнике всего цикла, возникшем около 1072 г.²¹: «А вы ни о едином бо граде, ни о дъву, ни о вси попечение и молитву въздаета, нъ о всей земли Рускеи», — восклицает автор «Сказания»²². Ему вторит автор Летописной повести, подчеркивая, что Борис и Глеб своим заступничеством пребывают не только там, где находятся их мощи: «не токмо zde, но и по всей Рустей земли»²³. Равнозначным понятию «Русская земля» в борисоглебском цикле являются понятия «страна Руская»²⁴, область, где живут «сыны руские»²⁵, «правоверные люди руские»²⁶, область владычества великого киевского князя²⁷. Последнее определение особенно созвучно тому, что мы находим в Слове о законе и благодати. Но здесь оно имеет несколько иное содержание. В борисоглебском цикле речь идет о прошлом, а не о том времени, когда цикл создавался. В начале XII в. были уже налицо признаки разобщения единой Русской земли на отдельные феодальные княжества. Жития Бориса и Глеба были призывом

к преодолению этого разобщения. Они, как и Повесть временных лет, опирались в этом своем призыве на славное прошлое единой Руси.

- ¹ Полное собрание русских летописей. М.: Изд-во восточной литературы, 1962, т. 1, стлб. 495 (далее — ПСРЛ).
- ² ПСРЛ, т. 2. М.: Изд-во восточной литературы, 1962, стлб. 369—370.
- ³ ПСРЛ, т. 2, стлб. 454—455.
- ⁴ Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950, с. 208.
- ⁵ ПСРЛ, т. 1, стлб. 388.
- ⁶ *Константин Багрянородный*. Об управлении государством. — Изв. ГАМК, 1934, вып. 91, с. 8—10.
- ⁷ *Рыбаков Б. А.* Поляне и северяне: (К вопросу о размещении племен на Среднем Днепре). — В кн.: Советская этнография. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947, вып. VI—VII, с. 81—105.
- ⁸ *Зайцев А. К.* Черниговское княжество. — В кн.: Древнерусские княжества X—XIII вв. М.: Наука, 1975, с. 68.
- ⁹ Повесть временных лет. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950, т. 1, с. 36.
- ¹⁰ *Рыбаков Б. А.* Древние русы. — В кн.: Советская археология, М.: Изд-во АН СССР, 1953, вып. XVII, с. 98.
- ¹¹ *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М.: Изд-во АН СССР, 1951, с. 47.
- ¹² Там же, с. 48.
- ¹³ Повесть временных лет, т. 1, с. 14.
- ¹⁴ Там же, с. 23.
- ¹⁵ *Розов Н. Н.* Синодальный список сочинений Илариона — русского писателя XI в. — Slavia, (Praha), 1963, г. XXXII, sv. 2, s. 147.
- ¹⁶ Там же, с. 164.
- ¹⁷ Там же, с. 170.
- ¹⁸ Там же, с. 157.
- ¹⁹ История русской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941, т. 1, с. 333.
- ²⁰ *Голубинский Е. Е.* История русской церкви. М., 1902, т. 1, с. 239—242.
- ²¹ *Ильин Н. Н.* Летописная статья 6523 года и ее источник. М.: Изд-во АН СССР, 1957, с. 209.
- ²² *Абрамович Д. И.* Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. М., 1916, с. 50.
- ²³ Там же, с. 89.
- ²⁴ Там же, с. 3.
- ²⁵ Там же, с. 6.
- ²⁶ Там же, с. 11.
- ²⁷ Там же, с. 4, 60, 64.

Я. Д. Исаевич

ВИСЛЯНЕ И ЛЕНДЗЯНЕ в IX—X вв.

Что было колыбелью древнепольской государственности — Великопольша (княжество полян с центрами в Крушвице, Гнезно и Познани) или Малопольша (кня-

жество вислян с центром в Кракове либо Вислице)? Дискуссионность этого вопроса в значительной степени объясняется состоянием источников.

Полянское племенное княжение второй половины IX—первой половины X в. развивалось в стороне от зон экспансии более мощных государственных образований, и это способствовало выполнению полянской династией роли «собирателя польских земель». В то же время изолированность от международных конфликтов привела к тому, что в зарубежных источниках сведения о полянах появились сравнительно поздно. Собственно наименование «поляне» (polani, polenii, poloni) стало широко известно другим народам только тогда, когда племенное самоназвание полян к концу X в. распространилось и на другие племена, вошедшие в государственное объединение с полянским центром. Поэтому о первых князьях полян ныне известно не из внешних по отношению к ним источников, а из чисто местной традиции: на самом гнезненском дворе сохранилась память о Семовите, Лестько, Семомысле — основателях династии, которую позже стали именовать «Пястами»¹.

Совершенно иначе обстоит дело с источниками, относящимися к Малопольше, т. е. южным польским землям. Когда магистр Винцентий, именуемый Кадлубеком, поставил себе задачу подчеркнуть древность исторических традиций Кракова, ему пришлось прибегнуть к искусственно сконструированным легендам малопольского цикла (о Краке и Ванде), не имеющим связи с фактами². Память о реальных представителях первой малопольской династии не сохранялась в первую очередь потому, что это не было выгодно великопольской по происхождению династии (также и после того, когда она стала опираться в основном на феодалов Малопольши.) Но зато сведения о малопольских (вислянских) князьях сохранились в реляциях внешних наблюдателей, которых висляне интересовали, как только они очутились на пути экспансии более сильных соседей. Случилось это около 875—876 гг., когда великоморавский князь Святополк подчинил себе в той или иной степени князя вислян. В Паннонском житии Мефодия это событие объясняется отказом язычников-вислян принять христианство из Великой Моравы: «Поганьскъ князь сильнъ вельми, съдѣя въ Вислѣхъ, ругашеся християномъ и пакости дѣяше». В ответ на это Мефодий: «Посылавъ же к нему, рече: Добро ти ся кръстити,

сыпу, волею своєю на своєй земли, да не плепень пудьми крщень будеши, на чужей земли. . . Еже и бысть»³.

Некоторые историки считают приведенный отрывок доказательством, что еще до проникновения великоморавских влияний в Привисленье там существовало мощное и обширное раннефеодальное государство. Другие полагают, что упоминание о сильном князе не связано с реальностью, а объясняется лишь агиографическим стилем источника, приписывавшего Мефодию как можно более выдающиеся деяния⁴. И та и другая сторона не избежала преувеличений. Как видно из Жития (источника, в целом, сдержанного в оценках), вислянский князь был достаточно сильным, чтобы «пакости деять» великоморавскому государству. Однако эффективного сопротивления Мораве его княжество не смогло оказать, поэтому вряд ли оно было вполне сформированным и обладавшим значительной территорией государством.

Исходя из археологических данных и общей оценки расстановки политических сил в южнопольском регионе, можно думать, что процесс формирования государственности проходил здесь параллельно с постепенным вхождением этой территории в орбиту политического влияния Великоморавского государства. На моравские образцы феодализирующейся племенной верхушка ориентировалась в какой-то мере еще до событий 875—876 гг., а после них этот образец стал еще более привлекательным⁵.

Комплексное рассмотрение всех источников позволяет считать наиболее вероятным, что вскоре после укрепления своих позиций в верховьях Вислы Великоморавское государство распространило сферу своего влияния и на смежные территории — Силезию на западе и Сандомирскую землю — на северо-востоке, Перемышльскую землю — на востоке. Правда, по мнению К. Мыслиньского, версия о политической связи вислян с сандомирской областью должна отпасть, если будет показано, что пражский документ 1086 г. определяет границы не конца IX в., а 973 г. или 80-х годов XI в.⁶ В связи с этим можно заметить, что даже если бы документ говорил о границах конца XI в., это вовсе не значило бы, что самостоятельное вислянское племенное княжество до 875 г. было таким же большим, как область моравского влияния в конце IX в. Однако, если принимать более или менее буквально указанные в документе границы, их более естественно относить не к IX в., а к 973 г.⁷ Очевидно, они указывают пределы поли-

тического влияния Чехии и границу Пражской архиепархии именно в этот период. В то же время ряд исследователей убедительно доказывает, что Чехия в X в. была наследником великоморавских сфер влияния на северо-востоке⁸, хотя пределы территорий, зависимых от Чехии, отнюдь не должны были точно повторять более расплывчатые пределы территорий, ассоциированных с Великой Моравией или ее трибутариями⁹.

Вряд ли правы историки, безоговорочно заявляющие о вхождении Верхнего Привисленья и смежных земель непосредственно в состав Великоморавского государства. Скорее всего имело место установление трибутарной зависимости от Моравы вислянского племенного княжества. Более того, именно в последней четверти IX в., т. е. после утверждения моравской супремации, местное племенное княжение превращается в раннефеодальное государство. Формы вассальной зависимости этого государства от великоморавского центра не были особо тяжелыми. Местные господствующие слои сами были заинтересованы в связях с Моравией, помогавшей им укрепить свои позиции внутри края и в то же время активизировать внешнюю экспансию. Такой вывод подтверждают не только исторические аналогии, но и источники, непосредственно относящиеся к данному региону. Так, английский король Альфред Великий в дополнениях к своему переводу «Истории» Орозия писал: «А к востоку от Моравии находится страна вислян, к востоку от нее Дакия» (And be easten Maroaro lande is Visleland, and be easten tham bidth Datia)¹⁰.

Текст написан после 890 г., т. е. уже после проникновения Моравы в Привисленье. Из него явствует, что в этот период «страна вислян» воспринималась как отдельное политическое образование и что к этому времени оно было обширным, сопоставимым с такими большими регионами, как Великоморавское государство и историческая Дакия. Это говорит в пользу того, что вассальное Вислянское княжество включало не только Краковскую, но и Сандомирско-Люблинскую землю¹¹.

Для решения вопроса о составе племен, ставших базой для образования зависимого от Моравы южнопольского княжества, необходимо установить значение этнонима лендзице — лендзяне (Lendizi — у Баварского Географа, Lenzenionoi — у Константина Багрянородного). Наиболее распространена сейчас гипотеза, выдвинутая и обоснованная Г. Ловмянским, о существовании «больш-

шого племени» (т. е. союза племен или племенного княжения) лендзян в Сандомирско-Люблинской земле¹². Размещение лендзян где-то на востоке подтверждают слова Константина Багрянородного о политической связи лендзян с Киевом (об этом ниже) и об их близости к печенегам¹³. Концепция о лендзянах как юго-восточном польском племени не только была поддержана многими авторитетными историками, но и стала принятой в учебниках, энциклопедиях и других справочных изданиях¹⁴.

Гипотеза Ловмянского, хотя она и лучше других согласуется со всем комплексом источников, имеет и противников. Большинство их по-старому размещает лендзян-лендзичей в Великопольше, идентифицируя их либо с полянами, либо с их предшественниками на этой территории. Наиболее полно великопольская локализация лендзичей аргументирована в работе К. Тыменецкого. По его мнению, на присутствие этого племени в Великопольше свидетельствует сосредоточение здесь топонимов типа Lad, Ladek¹⁵. Однако связь таких названий с этнонимами «лендзянин — лях» отнюдь не бесспорна. Но даже если бы такая связь существовала, то это скорее было бы аргументом не в пользу великопольской концепции, а против нее: этнонимные наименования чаще всего экстерриториальны (за исключением тех, которые относятся к центрам племенных территорий: Бужеск — у буржан, Волян — у волянян, возможно, и Вислица — у вислян)¹⁷.

В настоящее время почти все лингвисты и историки, которых интересует этот вопрос, слово «лендзяне» выводят от физиографического понятия leda (ляда). К этому же корню относят и слово lech («лях»), вероятно, являющееся производным от ledzianin. На связь слова «лях» с корнем Led или содержащим его этнонимом ledzianin указывает, в частности, восточнославянская форма прилагательного лядский (ledskii)¹⁶. От бытовавшего на Руси наименования «ляхи» заимствовано литовское название поляков «ленкас»; венгерская форма «лендьел» (из «лендьен») могла произойти и непосредственно от *ledenin. Очевидно, на Руси и в Венгрии название наиболее близкого к ним племени лендзян перенесли на все польские племена. Приметы такого переноса названия соседнего племени на всю родственную группу племен общеизвестны (например, французское название Германии — Allemagne — от алеманнов).

Обращает внимание, что исследователи, согласно выводящие этнонимы «лях» и «лендзянин» от слова lech, это слово толкуют по-разному: одни — как целину или передел, другие — как выкорчеванные или выжженные участки среди лесов, третьи — как черноземы на месте болот или просто как сухие земли¹⁸. Этимологические словари дают на первом месте противоположные слова — «ляда» (leda) — «поле, поросшее молодым лесом» (родственно украинское «лядо» — «место в лесу, заросшее сосной») ¹⁹. Ввиду неоднозначности лесов «ленда» трудно согласиться с теми авторами, которые исключают возможность пребывания лендзян на Сандомирской возвышенности, поскольку хозяйство в этом районе не было связано с использованием выжженных среди лесов ленд²⁰. Во-первых, трудно доказать, что в раннесредневековый период термин «ленда» имел на данной территории оттенок значения, зафиксированный в более поздних источниках. Во-вторых, нельзя исключать возможности миграции этнонима, вызванной перемещением населения, политическими или культурными влияниями. Этнонимы физиографического происхождения нередко распространялись на территории, где физиографические условия были совершенно отличными от тех, которые отражает этимология этнонима. Тот же термин «ляхи», обозначавший первоначально «лендзян», восточные их соседи, как уже указывалось, распространили на все польские племена.

Версия о генетической связи и первоначальной однозначности этнонимов Led-ianin и Led-ch (лях) не вызывает ныне возражений. При этом второй вариант применялся восточными соседями «ляхов» сначала в более узком значении, а потом и в более широком. Это обстоятельство позволяет считать решающим источником по вопросу об ареале лендзян Повесть временных лет. В историко-географическом очерке славянского мира, принадлежащем киевскому летописцу, сказано, что часть славян «сѣдоша по Висль и прозвашася ляхове, а от тѣх ляхов прозвашася поляне, ляхове друзии лутичи, ини мазовшане, они поморяне»²¹.

«От тех ляхов прозвашася поляне» следует понимать так, что именем привислинских ляхов стали называть на Руси также живущих далее полян, как и другие польские племена («ляхове друзии»). В целом процитированное место не оставляет сомнения, что для киевского летописца «ляхове» — это и специфическое наименование

польского племени, «сидящего по Висле», и общее наименование всех польских племен.

Из всех племен, отнесенных к ляшским, не установлена окончательно локализация только одного — «лутичей». А. Малецкий видел в них лэнчичан (от города Лэнчица в Центральной Польше), другие авторы отождествляют лутичей с полабскими лютичами — велетами. Последняя идентификация общепринята, но далеко не бесспорна²². Т. Лер-Сплавинский справедливо обратил внимание, что шигде в других местах летописи не упомянуты полабские славяне. Добавим к этому, что трудно было бы понять, почему полабское племя названо в перечне между полянами и мазовшанами, а не после поморян: как правило, в летописи племена перечисляются (тем более в пределах одного предложения) в географической последовательности. Лер-Сплавинский выдвигает и лингвистический аргумент: отождествлению с лютичами противоречит применение во всех списках формы «лутичи». Поэтому выдающийся лингвист предполагает, что в данном случае имеется в виду «какое-то малопольское племя. Название его по-польски должно бы звучать *lecisce*, и скорее всего оно связано с наименованием реки *Leta*, локализация которой нам неизвестна»²³. Весьма заманчиво было бы видеть в этом «малопольском племени» лутичей-лэнтичей сандомирских лендзян-лэндичей. Напомним, что при установлении связи этнонимов «ляхи» и «лендзяне» филологи исходили из формы прилагательного «лядський». Но ведь на Руси бытовала и параллельная форма — лятский, которую можно было бы связывать с вариантом *letici* — лутичи, означающим то же, что *ledici* — лендяне. Такая гипотеза вовсе не противоречит концепции о происхождении этнонима «лях» от «лендзянин». Дело в том, что «лендзяне» — название более древнее — могло дольше сохраниться в своем узкоплеменном значении, а производное от него «лях», став более широким по смыслу, отделилось от своего источника и ввиду наступившего семантического разграничения не вытеснило его. Случай подобного «разветвления» этнонимов известны.

Оставляя вопрос о значении этнонима «лутичи» открытым, отметим, что независимо от того или иного его толкования, остальные названные в этой записке этнонимы перекрывают всю Польшу. Поляне — Великопольша, мазовшане — Мазовия, поморяне — Поморье, наконец «ляхове», кроме общего наименования всех поляков, обозначали жителей Малопольши (или ее вислянской части, если

принять толкование лутичи — лендзяно). То, что «ляхи» для летописца это первоначально именно малопольские племена, видно из указания об их проживании в той части Привисленья, которая не была занята поморянами и мазовшанами. Прямое свидетельство Повести временных лет, что ляхи-лендзяне жили по Висле, исключает возможность искать район их расселения в других местах — в Среднем Побужье (А. Новаковский)²⁴, в верховьях Сана и Днестра (Я. Котлярчик)²⁵ или даже еще дальше на восток²⁶. Карта польских больших племен почти полностью совпадает с картой основных польских диалектов: лингвисты выделяют в Польше пять весьма древних по происхождению диалектных зон — малопольскую, великопольскую, мазовецкую, силезскую, поморскую. Таким образом, только племя, говорившее на силезском диалекте (или на группе диалектов), не названо киевским летописцем в перечне «ляшских» племен. Это не случайно: только в Силезии, по всей видимости, до включения ее в состав других государственных организаций не успела выработаться отдельная политическая организация в виде союза племен или общесилезского племенного княжения. Поскольку в политическом отношении Силезия разделяла судьбы Малопольши, естественно предполагать, что в понятие «ляхи» летописец включил не только собственно малопольские племена, но и тесно с ними связанных силезцев («слензян»).

За исключением Мазовши, в каждом из ареалов «больших племен» можно выделить две составные части: Верхнюю и Нижнюю Силезию, Западное и Восточное Поморье и т. д. Разумеется, деление во всех случаях именно на две части, а не на три или более — чисто случайно. Мы обращаем на него внимание, так как этой дихотомии часто сопутствовали любопытные процессы миграции наименований, ознакомление с которыми проливает некоторый свет на взаимоотношение понятий «висляне» и «лендзяно-ляхи».

Начнем с Великопольши. У Баварского географа названо огромное («400 градусов или более») племя гоплян (*glopeani*) но совершенно отсутствуют поляне. Это может отражать тот этап, когда в гоплианско-полянском объединении ведущая роль принадлежала гоплианам и по их названию именовали весь великопольский племенной союз. После перемещения центра тяжести на земли полян уже их наименование распространилось на всю Великопольшу (а позже и на все польские племена, объединившиеся вокруг Великопольши).

Поучительна миграция этнонима «кашубы» в Поморье. Именно этот этноним был самоназванием населения Поморья или его части, а наименование «поморяне» происходит от соседей этой племенной группы. В источниках слово «кашубия» появляется лишь в XIII в. в титулатуре князей Западного Поморья. По мнению исследователей, на Восточное Поморье это название было перенесено лишь во время принадлежности части Восточного Поморья западно-поморским князьям — с 1455 по 1637 г.²⁷

Такое объяснение не очень убедительно, так как вряд ли титул сильно германизированных к тому времени западно-поморских князей мог быть серьезным стимулом для принятия автохтонными жителями Восточного Поморья нового самоназвания (которое позже уже не было вытеснено и сохранилось до наших дней). Не исключена возможность, что «кашубы» сначала было самоназванием всех поморян. В источниках оно зафиксировалось сначала на западе в связи с процессом кристаллизации западнопоморской государственности, но сохранился этот этноним лишь в тех частях Восточного Поморья, которые избежали денационализации. Так или иначе внешним наблюдателям были известны наряду с наименованиями Поморье — поморяне и наименования Кашубия — кашубы, причем последние в ранних источниках относятся к Западному Поморью, а в более поздних — и к Поморью Восточному.

На две части — краковскую и сандомирскую — делилась и Малопольша. В пражском документе, применяющем к жителям Малопольши древний этноним хорваты, указано и разделение малопольских хорватов на две части: *Chrowati et altera Chrowati*²⁸. Баварский географ различает вислян и лендзян, но король Альфред, когда говорит о крае вислян, имеет в виду и краковских вислян, и жителей Сандомирского Повисленья. Наоборот, Повесть временных лет говорит только о ляхах, сидящих по Висле, включая сюда и краковских вислян.

Таким образом, если и принять, что висляне в узком смысле связаны с Краковским краем²⁹, а лендзяне — с Сандомирским, то нельзя не признать, что каждый из этих этнонимов мог обозначать также всю Малопольшу. То, что слово «лендзяне-ляхи» стало употребляться на Руси, в Литве и Венгрии как синоним всех поляков, объясняется не только тем, что соседи лучше всего знали наиболее близкое к себе племя, но и тем, что лендзяне проявляли

значительную политическую активность, особенно на ранних этапах феодализации общества.

Как уже отмечалось, на формах эволюции политической организации малопольских вислян-лендзян сказалась их связь с Великой Моравией. Период после распада Велико-моравского государства (вскоре после его разгрома венграми в 907 г.) совпал с периодом бурного подъема Киевской Руси. Учитывая это и исходя из сообщения Масуди о непосредственном соседстве Киевского и Пражского государств (ад-Дир и Фраг), К. Потканский, Л. Гауптман, Ф. Дворник и некоторые другие ученые пришли к выводу, что Краковская земля очутилась под властью Киева³⁰. Другие авторы полагают, что граница Пражского и Киевского государств совпадала с восточными рубежами лендзян. Более осторожно было бы говорить о столкновении на территории лендзян политических влияний, идущих из Праги и Киева. Наиболее правдоподобным является не вхождение лендзянской территории в состав одного из мощных соседних государств, а лишь союзническо-трибунтарная связь местной феодализирующейся верхушки с одним из государств или с обоими сразу. Дань соседям могла посылаться не только для того, чтобы в случае необходимости иметь возможность заручиться их поддержкой, но и для обеспечения невмешательства покровителей во внутренние дела вассального «полугосударства». Конечно, в Киеве эта дань воспринималась как признание его власти. Но вспомним, что присылаемые в XV—XVI вв. Крымскому ханству «упоминки», последнее толковало как признание приславших данниками ханства, хотя это не соответствовало действительности. Зафиксированный Константином Багрянородным факт наличия определенной зависимости лендзян от Киева не исключает, а предполагает весьма эфемерный характер этой зависимости. Рассказ Багрянородного о поставке лендзянами лодок в Киев не следует понимать слишком буквально. Византийского императора особенно интересовало, откуда «русы» берут лодки, на которых добираются до берегов Византии, поэтому услышанный им рассказ о получении лодок Киевской Русью от ее данников он мог толковать расширительно, перенося то, что относилось к части зависимых племен, и на другие племена.

Мы не знаем, распалось или сохранилось после упадка Великой Моравии вислянско-лендзянское объединение. Поэтому трудно сказать, относятся ли слова Багрянород-

ного только к сандомирским лендзянам или ко всем привислинским ляхам-лендзянам, включая краковских вислян. Эфемерный характер зависимости от Киева позволяет допускать, что она распространялась на значительную территорию.

Г. Ловмянский считает невозможной политическую связь Киева с Малопольшей, так как в последней не дрянялся термин «боярин» (свойственный Литве и Молдавии, на политическую организацию которых влияла Киевская Русь). Но ведь великоморавское влияние предшествовало киевскому и сравнительно краткий контакт с Киевом отнюдь не должен был вытеснить социально-политическую терминологию, сложившуюся ранее.

Все же повторяем, остается открытым вопрос, кого имел в виду Константин Багрянородный — лендзян в узком смысле (сандомирско-люблинских) или в более широком (краковско-сандомирское объединение). Но совершенно искусственной представляется гипотеза, что дань Киеву платили не все, а небольшая часть лендзян, которая якобы утвердилась в Червенских городах³¹. Если бы Киевская Русь брала дань с лендзян за то, что они владеют частью древнерусских земель, то получилось бы, что владычество Руси над древнерусским населением этого района осуществлялось при посредничестве иноязычных лендзянских гарнизонов. Это само по себе не очень вероятно. Далее, Константин называет лендзян в ряду больших племен, и лендзяне, проникшие на весьма ограниченную область Червенских городов, вряд ли бы привлекли его внимание³². Наконец, политическое влияние лендзян в Червенских городах (осуществляемое скорее всего не через лендзянские гарнизоны, а путем покровительства над местной феодализирующейся верхушкой) стало возможным и вероятным не в период экспансии Киевской Руси, а позже, когда ее влияние на западных рубежах ослабло.

Сокращение сферы влияния Киева на западе связывают с древлянским восстанием 945 г., дальнейшее ослабление киевского государства наступило после смерти Святослава Игоревича. Чехия в таких условиях прочно овладела Краковом, а вместе с ним и всей землей лендзян. Но и в этот период надо говорить не о включении лендзян в Чешское государство, а о подчинении ему государственного образования ляхов-лендзян. Политическое влияние Чешского государства распространилось и на западные окраины Руси — Червенские города (по Бугу) и Пере-

мышльскую волость (примерно по р. Стрый)³³. Однако влияние Чехии в Червене и Перемышле осуществлялось при помощи ляхов-лендзян, с которыми и пришлось столкнуться Владимиру Святославовичу во время похода 981 г.

В результате похода на Червен и Перемышль граница Киевской Руси с зависевшими от Чехии ляхами-лендзянами установилась по западному рубежу Червенской и Перемышльской волостей. Эти рубежи совпали с мало-заселенной полосой лесов, разделявшей земли восточных славян от славян западных³⁴. В этом одна из причин стабильности этого рубежа. После того как в самом конце X в. Малопольша вошла в состав объединенного Древнепольского государства, тот же рубеж стал границей этого государства с Киевской Русью.

Вхождение лендзянского политического объединения в состав Древнепольского государства было заключительным этапом его формирования³⁵. В силу ряда факторов именно великопольской гнезненской династии судилось сплотить в единый государственный организм все польские племена. В то же время лендзяне, имевшие опыт длительного политического развития, способствовали укреплению молодой государственности.

У лендзян-ляхов, как и других родственных племен, образовавших древнепольскую народность, еще в догосударственный период прослеживается наличие сознания родства всей польской группы племен (наряду с сознанием общего происхождения и языковой общности всех славян). Это обстоятельство весьма облегчило распространение Древнепольского государства на всю этническую территорию предков поляков. С другой стороны, и в раннегосударственный период сохранялись рецидивы племенного самосознания³⁶. Однако это, как правило, не препятствовало укреплению общепольского самосознания социально-активной части общества. Примечательно, что названия «висляне» и «лендзяне» исчезли из обихода раньше, чем названия других племен, княжения которых были предшественниками польского государства. Осознанию польской общности все более широкими кругами населения способствовало как укрепление государственного аппарата внутри страны, так и внешнеполитическая конфронтация польского государства с его соседями. Позже, в период феодальной раздробленности рецидивы «племенной» идеологии использовались носителями центро-

бежных тенденций. Однако за время существования ранне-средневекового объединенного государства общепольское самосознание настолько укоренилось, что оно не только сохранилось в условиях распада Польши на удельные княжества, но и стало существенным компонентом идеологии объединительного движения.

- 1 Аргументы в пользу достоверности считавшегося ранее легендарным списком полянских князей — предков Мешко I см.: *Королюк В. Д.* Древнепольское государство. М.: Изд-во АН СССР, 1957, с. 122; *Buczek K.* Zagadnienie wiarygodności dwu relacji o początkowych dziejach państwa polskiego. — In: *Prace z dziejów Polski feudalnej ofiarowane Romanowi Grodeckiemu w 70 rocznicę urodzin.* Warszawa, 1969.
- 2 *Stabinska J.* Mistrz Wincenty. Kraków, 1973, s. 122; *Lowmiański H.* Początki Polski. Warszawa, 1973, t. 5, s. 313, 319—320.
- 3 *Monumenta Poloniae Historica.* Leopoli, 1864, t. 1, p. 107.
- 4 *Mysliński K.* Southern Poland from the 9th to the 11th century. — In: *L'Europe aux IXe—XIe siècles: Aux origines des Etats nationaux.* Varsovie, 1968, p. 482.
- 5 *Lowmiański H.* Początki. . . , 1970, t. 4, s. 464, 466.
- 6 *Mysliński K.* Southern Poland. . . , p. 481.
- 7 *Королюк В. Д.* Западные славяне и Киевская Русь в X—XI вв. М.: Наука, 1964, с. 150; *Havlik L.* Tri kapitoly z nejstarsich cesko-polskych vzlahu. — In: *Slovanske historické studie.* Praha, 1961, t. 4, s. 125.
- 8 *Lowmiański H.* Początki. . . , t. 4, s. 487, 494; *Dostal B.* Das Vordringen der grossmährischen materiellen Kultur in die Nachbarländer. — In: *Magna Moravia.* Praha, 1965, p. 368.
- 9 Полагаем, что сфера влияния Великой Моравы в Верхнем Побужье и Поднепровье могла быть более обширной, чем область чешской экспансии столетием позже. См.: *Исаевич Я. Д.* Грады червенские и Перемышльская земля в политических взаимоотношениях между восточными и западными славянами (конец IX — начало XI в.). — В кн.: Исследования по истории славянских и балканских народов: Эпоха средневековья. М.: Наука, 1964, с. 116, 119.
- 10 *Monumenta Poloniae Historica.* t. 1, p. 13.
- 11 Другие аргументы в пользу этого предположения изложены Г. Ловмянским.
- 12 *Lowmiański H.* Ledzianie. — *Slavia Antiqua*, 1953, 4, s. 97—111.
- 13 Из слов Константина не следует делать вывод, что земли ледзян непосредственно стыкались с печенежскими. Имелось в виду только то, что ледзяне — ближайшее славянское племя за печенежской фемой Явдертим. Тот же Константин Багрянородный отмечал наличие незаделанного пространства между печенегами и славянами.
- 14 *Gieysztor A.* Kształtowanie się społeczeństwa klasowego i pierwsze organizacje państwowe na ziemiach polskich od VI do połowy IX w. — In: *Historia Polski.* Warszawa, 1957, t. 1, cz. 1, s. 136; *Lowmiański H.* Ledzianie. — In: *Słownik starożytności słowiańskich.* Wro-

claw; Warszawa; Kraków, 1967, t. 3, s. 52—53.

- 15 *Tymieniecki K.* Sprawa Ledzian. — *Slavia Antiqua*, 1964, 11, s. 195.
- 16 *Lehr-Splawiński T.* Ledzice—Ledzianie — Lachowie. — In: *Opuscula Casimiro Tymieniecki septuagenario dedicata.* Poznań, 1959, s. 195—209.
- 17 *Melich J.* Archiv für slavische Philologie, Bd. 32, S. 92.
- 18 Обзор разных толкований слова «leda» см.: *Persowski F.* Lachowie, Lendzi, Lenzaninoi w nazewnictwie X wieku. — *Rocznik Przemyski*, 1958, t. 9, z. 1, s. 15.
- 19 *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1967, т. 2, с. 549.
- 20 *Mysliński K.* Polityczna problematyka pograniczna polsko-ruskiego do końca X wieku. — *Rocznik Lubelski*, 1972, t. 15, s. 136.
- 21 Повесть временных лет. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950, ч. 1, с. 11.
- 22 *Sielicki F.* Powieść minionych lat. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1968, s. 89.
- 23 *Lehr-Splawiński T.* Najstarsze nazwy plemion polskich w obcych źródłach. — In: *Język Polski.* Kraków, 1961, t. 44, s. 208.
- 24 *Nowakowski A.* Górne Pobuże w wiekach VIII—IX: Zagadnienia kultury. Łódź, 1972, s. 138.
- 25 *Kotlarczyk J.* Grody Czerwińskie a karpaccy system obronny we wczesnym średniowieczu. — *Acta Archeologica Carpatica*, 1969—1970, t. 11, fasc. 2, s. 268.
- 26 См. наши рецензии на работы Ю. Скрипника, Ф. Персовского, С. Кучинского (Научно-информационный бюллетень Архивного управления УРСР, 1964, № 6, с. 84—87; Украинский исторический журнал, 1965, № 2, с. 140—144; Архив України, 1969, № 2, с. 84—87).
- 27 *Sulowski Z.* Kaszubi. — In: *Słownik starożytności słowiańskich.* Wrocław—Warszawa—Kraków, 1964, t. 2, s. 391.
- 28 *Lowmiański H.* Początki. . . , 1967, T. 3, s. 117.
- 29 Мы не касаемся здесь вопроса, была ли первоначальным центром вислян Вислица.
- 30 *Potkański K.* Kraków przed Piastami. — In: *Rozprawy Akademii umiejętności, wydział historyczno-filozoficzny*, 1898, t. 35, s. 242; *Dvornik F.* The Making of Central and Eastern Europe. London, 1948, p. 298.
- 31 *Lowmiański H.* Studia nad wczesną Słowianiszczyzną. — *Kwartalnik Historyczny*, 1960, N 3, s. 750.
- 32 См.: *Исаевич Я. Д.* До питання про західний кордон Київської Русі. — *Історичні джерела та їх використання.* Київ: Наукова думка, 1971, вип. 6, с. 90.
- 33 См.: *Исаевич Я. Д.* «Грады Червенские» . . . , с. 119. Еще Ф. Палацкий считал, что «Bug et Ztir» пражского документа означают Буг и Стрый. Тот факт, что истоки Буга и Стрия близки друг к другу, вовсе не делает менее странным определение границ «по Буг и Стырь». Достаточно взглянуть на исторические карты, где в направлении верховий этих рек в конфигурации границы образуются клин, никак не обоснованных анализом местности; ср.: *Monumenta Poloniae Historica*, t. 1, p. 147.
- 34 Несмотря на наличие малозаселенной промежуточной полосы отдельные группы западных славян проникли довольно далеко на восток, а не-

которые группы восточных славян углублялись на запад. В работах о порубежье Киевской Руси с Польшей почти не обращают внимания на районы, расположенные на запад от рубежа (т. е. западнее линии Вислок — Сандомирская пуца — Вепрь).

³⁵ *Lowmiański H.* The problem of the origins of the Polish state in recent historical research. — In: *Questiones Me-*

dii Aevi. Varsovie, 1977, v. 1. p. 69.

³⁶ По мнению Г. Ловмянского, в быту Польши до сих пор частично заметны контуры бывших польских племен. См.: *Ловмянский Г.* Основни риси плъноплеменного та равньодержавного устрою слов'ян. — *Український сторичний журнал*, 1969, № 11, с. 47.

Г. Г. Литаврин

НАРОДЫ БАЛКАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА В СОСТАВЕ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ в XI—XII вв.

Византийская империя как особая форма организации государственной власти была непосредственной приемницей Римской империи. Из всех европейских и переднеазиатских империй средневековья именно Византия проявила наибольшую устойчивость. Вместе с тем именно для нее был характерен такой непреходящий «имперский» признак, как множественность этнически разнородных народов, проживавших на ее территории.

В период с начала XI до конца XII в., помимо греков, составлявших, несомненно, наиболее многочисленную этническую группу подданных¹, в состав балканских провинций временно или постоянно входили также болгары, влахи, албанцы, романизированные жители городов Адриатики. В Южной Фракии и в Южной Македонии, на Халкидике, в Фессалии и на Пелопоннесе имелись значительные славянские поселения. В окружении греков или славян существовали, кроме того, менее многочисленные колонии арабов, армян, печенегов, узов, половцев, вардарских турок (венгров или персов²). В разной степени зависимости от империи на разных этапах находились также сербы и хорваты.

Задача данной статьи — рассмотреть тенденции этнополитического развития подвластных империи балканских народов на фоне постепенно нарастающего ослабле-

ния политической структуры Византии, приведшего к ее развалу в 1204 г.

Оставим в стороне слабо связанные с империей сербско-хорватские земли и адриатические города, где положение осложнялось вмешательством нескольких внешнеполитических сил. Не будем задерживать внимание и на ряде мелких этнических групп. Нас будут интересовать прежде всего болгары, влахи, албанцы, армяне и славянские поселенцы названных выше регионов.

Положение всех этих народов в пределах балканских провинций (как и прочих народов империи в целом) юридически не отличалось от положения греков: совокупность прав и обязанностей подданных не зависела от их этнического происхождения. Определенная дискриминация имела место лишь постольку и до тех пор, поскольку и до каких пор входившие в состав империи народы оставались приверженцами неправоверия (язычниками, мусульманами, еретиками) или отказывались повиноваться властям. Этот тезис, по-видимому, не нуждается в доказательствах, хотя и здесь с ходом времени между официальной теорией и практикой проявились противоречия: права иноплеменников (негреков) стали нарушаться, пожалуй, несколько чаще, чем права греческих подданных императора³.

Итак, исключая рабов, все подданные были равны перед законом. И тем не менее наиболее крупные восстания против центральной власти в X—XII вв. вспыхивали именно в тех провинциях и районах, где преобладало негреческое население.

Ряд современных исследователей (К. Каэн, Ж. Лоран, П. Каранис, Сп. Врионис, Р. А. Гусейнов и др.) приходит к выводу, что Византии так и не удалось до конца интегрировать второй по численности после греков народ империи — армян, в особенности армян-монофиситов. При этом полагают, что взаимная враждебность между армянами-монофиситами и православным населением империи была одной из важных причин успехов турецкого наступления в Малой Азии⁴.

Не были до конца XII в. интегрированы также и армяне на Балканском полуострове, по крайней мере их колония в Северной Фракии, хорошо известная с середины VIII и значительно увеличившаяся в X в. Поселенные здесь на статусе стратиотов, армяне с их семьями находились даже в несколько более привилегированном

положении, чем жившие по соседству с ними крестьяне-греки и славяне⁵.

Призванные защищать от болгар северные границы Фракии, т. е. подступы к столице, эти армяне неоднократно проявляли враждебность к империи. Достаточно упомянуть о самовольном уходе армянских отрядов с театра военных действий против норманнов в 1082—1083 гг.⁶; достаточно напомнить также и о дружеских контактах армян с крестоносцами во главе с Фридрихом I Барбароссой, который вел в 1189 г.⁷ свои войска по провинциям империи, как по вражеской земле; нельзя забывать и о роли этих армян в распространении дуалистических ересей на Балканах⁸.

Мы не думаем, однако, что на этом основании можно говорить о каких-либо этно-политических причинах движения армян Фракии. Эти причины лежали в основном в экономической и конфессиональной сферах. Повстанцы не претендовали на обособление своей территории и образование здесь собственной политической организации. Удаленность фракийской колонии от армянских княжеств у восточных границ империи (как затем и от Киликийского царства) имела, конечно, при этом значение.⁹

Иными были положение, позиция и судьбы славянских поселенцев упомянутых выше районов. К концу XII в. эти славяне еще сохраняли свою этническую индивидуальность, хотя процесс ассимиляции в их среде постепенно углублялся. В IX в. большинство славян, проживавших в пределах империи, уже были христианами. Наиболее быстро растворялись среди окружающего греческого населения такие изолированные от компактных славянских контингентов группы, как славянские поселенцы в низовьях р. Марица.

Медленные ассимиляционные процессы протекали в Южной Македонии, даже вблизи второго по значению городского центра империи — Фессалоники, так как славянские поселения здесь независимо от менявшихся границ с Болгарией составляли лишь южную оконечность лежащего к северу и к северо-западу от города густо заселенного славянами массива. Трудности подчинения империей славян в Македонии в VII—IX вв. общеизвестны. О позиции славянских архонтов, непокорных вассалов империи, уклонявшихся в 904 г. от помощи осажденной арабами Фессалонике, сообщает Иоанн Кампат¹⁰. Вряд

ли случайно именно в направлении к этому городу особенно упорно дважды на протяжении X столетия отодвигали границы своего царства болгары. Сюда же подступили весной 1041 г. ополчения Петра Деляна во время восстания в Болгарии против византийского господства. Этническая устойчивость славян Южной Македонии найдется, по нашему мнению, в определенной связи с фактом существования по соседству Болгарского государства и фактами борьбы за его возрождение, когда это государство было завоевано Василием II Болгаробойцей.

В какой-то степени, видимо, справедливо это заключение и в отношении славян Фессалии. Этот район также временно входил в состав Болгарии при Симеоне и Самуиле; неизвестно нам и о каком-либо сопротивлении прошедшим здесь отрядам Петра Деляна. Четвертью века позже, в 1066 г., Фессалия стала очагом восстания против центральной власти. Основную массу восставших составляли, по словам Кекавмена, местные болгары, влахи и горожане Лариссы (ее население тоже не было исключительно греческим)¹¹. Кекавмен называет славянскую часть повстанцев «болгарами»¹², по цели восставших состояли, как мы теперь считаем¹³, скорее всего не в восстаповлении Болгарского царства, а в свержении Константина X Дуки. А если это верно, то поведение этих болгар является показателем определенных успехов интеграции и ассимиляции местного славянства, ибо решающим фактором, цементирующим этническую общность и определяющим ее позицию, является этническое самосознание. Болгары Фессалии сознавали себя, кажется, не столько родственными жителям Болгарии поселенцами, вынужденными подчиниться властям империи, сколько «ромеями», хотя и недовольными политикой Константина X. Поэтому в 1066 г. они вели себя лишь как мятежные ромеи, намеревавшиеся вместе с другими ромеями иного этнического происхождения (греками и влахами) посадить на константинопольский трон нового императора.

Особую позицию занимали славяне Пелопоннеса, обосновавшиеся здесь, как ныне все увереннее признается, в конце VI в.¹⁴ и сохранявшие свои этнические особенности вплоть до XIV—XV вв.¹⁵ Составляя удаленный и изолированный от основных славянских поселений селтмент, славяне Пелопоннеса проявили тем не менее чрезвычайное упорство в борьбе за независимость от империи.

Став лишь через 200 лет (в IX в.) христианами и подданными империи, они в течение еще одного столетия восставали неоднократно. Наибольшую стойкость обнаружили при этом утвердившиеся в горах Тайгета мелинги и езериты. Даже при Романе I Лакапине империя была вынуждена идти им на уступки, предоставляя некоторые налоговые привилегии¹⁶.

В ходе длительной дискуссии о славянах Пелопоннеса¹⁷ в историографии не был, на наш взгляд, специально и основательно рассмотрен вопрос о причинах и целях их борьбы за независимость. Столь длительное сопротивление славян войскам империи предполагало мобилизацию значительных материальных и людских ресурсов на сравнительно ограниченной территории. Эта борьба предполагала также организацию власти, гражданской и военной, на не подчиненных империи землях. «Варвары» Пелопоннеса за 300 лет своего пребывания на полуострове к X столетию прошли длительный путь социального и культурно-политического развития, испытав при этом и в материальной, и в духовной сфере мощное влияние более развитого местного греческого общества. При рассмотрении вопроса о целях антивизантийского движения славян Пелопоннеса представляется, по нашему мнению, наиболее правдоподобным вывод о том, что они стремились к основанию своего независимого государства. Силы оказались слишком неравными, и около середины X в. произошел решающий перелом в их общественно-политическом поведении. Источники более не сообщают об их попытках освободиться от власти империи, несмотря на длительное сохранение ими и в последующем характерных этнических признаков.

Весьма своеобразным этническим феноменом на Балканах были влады. Здесь не место для рассмотрения проблемы их происхождения. Позволим себе, однако, заметить, что первые письменные свидетельства о влады, относящиеся к X—XI вв., ни в коей мере не дают права на вывод, что и сами влады появились в пределах провинций империи лишь в это время или столетием ранее. Отсутствие упоминаний о них в источниках предшествующей эпохи можно объяснить слабой социальной и политической активностью влады в тот период. Обитание по преимуществу в глухой горной местности, традиционный и мало изменчивый тип занятий — полукочевое скотоводство (пастушество), патриархальный быт, слабая социаль-

ная дифференциация, эпизодичность общения с оседлым населением и представителями власти — все это обусловило гомогенность владского общества, чрезвычайный консерватизм их общественных порядков, слабую осведомленность об этом народе в среде образованных византийцев. Романизация на Балканах не была, разумеется, характерной лишь для контингента населения, который был занят традиционным пастушеством. Круг романизированных автохтонов был здесь во II—VIII вв., несомненно, значительно более широким, но он существенно сузился в IX—X вв. в силу процессов ассимиляции (эллинизации и славянизации) прежде всего городского и земледельческого романизованного населения. Этническую индивидуальность в качестве романского элемента пока сохраняли лишь две группы жителей Балкан, находившиеся к X столетию на полярно противоположных концах шкалы социально-экономического и культурно-политического развития, а именно обитатели уцелевших после славянского вторжения городов Адриатики, с одной стороны, и пастухи-горцы, получившие, вероятно, с IX в. устойчивое наименование «влады» — с другой. Само появление этого наименования можно расценить как свидетельство возрастания общественной роли влады, обусловленное углублением имущественной дифференциации в их среде и появлением социально и политически активной высшей прослойки¹⁸.

Прогресс этот был, однако, относительным. Ничто до конца XII в. не дает права на вывод о какой-либо особой политической позиции влады в империи, даже в ходе восстаний в провинциях против центральной власти. Об участии влады наряду с болгарскими и греками в восстании 1066 г. уже было сказано. Есть основание думать, что они участвовали и в восстаниях Петра Деляна и Георгия Войтеха (1072 г.) в Болгарии¹⁹. Их роль в восстании Петра и Асеня с целью освобождения Болгарии от византийского господства (1186 г.) была особенно серьезной. Политически, однако, влады примыкали при этом к болгарам, не ставя перед собою собственных целей²⁰. Лишь в XIII в. владская знать в Фессалии («Великой Владии») предприняла попытку создания здесь своей политической организации²¹.

Сходные процессы этнополитического развития были свойственны, по всей вероятности, и албанскому обществу. Потомки древних иллирийцев, они сохранили, особенно

в горах и на юге их этнокультурной территории (район Диррахия), яркую этническую индивидуальность²². На историческую арену они вышли, однако, лишь в XI в.²³, а появление первых албанских княжеств датируется только концом XII—началом XIII в.²⁴

Теперь коротко о болгарях, положение и позиция которых наиболее отчетливо прослеживаются в источниках. Ко времени завоевания Болгарии Византией, в 1018 г. это был славянский народ в соответствии со всеми его этническими признаками, в том числе и по его самосознанию²⁵. Весьма существенно при этом подчеркнуть, что самосознание болгар было к этому времени неразрывно связано с представлением о подданстве независимому от империи Болгарскому государству и было свойственно не только светской болгарской знати и духовенству, но и широким слоям рядового населения страны. Доказательства этого мы усматриваем в самом ожесточении 40-летней войны с империей и в той жестокости, с которой Василий II расправлялся с рядовыми болгарскими военнопленными и с захваченными в походах императора болгарскими крестьянами (например, в районе Палагонии²⁶).

Именно это обстоятельство сделало процесс ассимиляции болгар в период византийского господства неизмеримо более трудным сравнительно с ассимиляцией иных славянских контингентов на территории империи. Историческая память населения о существовавшем более 300 лет независимом от Византии государстве, пантеон народных героев, в том числе борцов с империей, своя письменность и литература, как духовная, так и светская, ставшая привычной и постоянной насущной потребностью литургия на родном языке, — все это было могущественным фактором, влиявшим на социальное и политическое поведение подчиненного отныне византийской администрации болгарского народа.

Все это нашло отчетливое проявление во всех названных выше крупных восстаниях на территории Болгарии в эпоху византийского господства. Не будем приводить здесь соответствующие доводы в пользу этого тезиса. Самый веский из этих доводов — факт освобождения Болгарии в 1186—1187 гг.: сами современники этих событий — и болгары и византийцы — расценивали падение власти империи не как следствие возникновения некоего нового государства, а как возрождение бывшего Болгарского царства, некогда уничтоженного Василием II Болгаро-

бойцей²⁷. Год назад греческий исследователь Федон Малингудис, вновь критически рассмотревший причины и цели упомянутых восстаний болгар, признал совершенно справедливым старый вывод о том, что главным лозунгом движения болгар в эпоху византийского господства было восстановление независимого Болгарского государства²⁸.

В историографии давно дебатруется проблема так называемой «ромеизации» Болгарии в XI—XII вв., причем особая важность придается двум аспектам проблемы: во-первых, вопросу о характере правительственного курса империи в болгарских провинциях — отличался ли он здесь какими-то специфическими чертами и преследовал ли специально цели ассимиляции болгарского населения; во-вторых, вопросу о том, имели ли место действительно феномены ассимиляции на территории бывшего Болгарского государства и если имели, то в чем они выражались и каковы были их масштабы²⁹.

Отвечая на первый вопрос, мы убеждены в том, что византийские государственные деятели отдавали себе ясный отчет в этническом своеобразии и в политических симпатиях покоренного силой оружия населения Болгарии. Об этом свидетельствует целая система правительственных мероприятий, осуществленных на территории бывшего Болгарского государства. Еще в IX в., в период острой борьбы империи с Болгарией за обладание населенной славянами Македонией, Никифор I насильственно переселял на отвоеванные им здесь земли значительные контингенты своих подданных из самых различных провинций Византии³⁰. Мы уже упоминали о расширении при Иоанне I Цимисхии колонии армян в Северной Фракии, поселенных здесь на статусе стратиотов. Сходными мотивами диктовалось и переселение в X в. в Македонию пленных арабов и вардарских «турок» (видимо, не венгров, как считалось ранее, а персов³¹) и размещение здесь же в XI—XII вв. вплоть до Ниша, а затем и в в Паристрионе печенегов и половцев³².

Напротив, часть болгарского населения из районов, где Василий II встретил особенно упорное сопротивление, была выселена в старые византийские фемы (Волероп)³³. Переселению в Малую Азию подверглись и представители последней болгарской династии³⁴. Конечно, наиболее боеспособная часть регулярного войска Болгарии после

завоевания страны была переведена на восток, в подвластные империи армянские земли³⁵.

Территория некогда единого Болгарского государства была раздроблена на несколько административных областей, земли Северо-Восточной Болгарии составили особую фему³⁶. Еще в 971 г., захватив столицу Болгарии Преслав, Иоанн I Цимисхий переименовал ее в Иоаннополис³⁷. Овладев новой столицей Болгарии — Охридом, Василий II приказал скрыть до основания ее укрепления³⁸. Вряд ли можно считать случайностью, что с 1018 по 1186 г., хотя многие представители болгарской знати несли службу императору, ни один из них не получил сколько-нибудь крупного военного или гражданского поста в болгарских землях. Исключение составляет лишь некий Нестор, отправленный в начале 70-х годов XI в. управлять фемой поддунайских городов и, кстати говоря, изменивший империи³⁹. Но славянское происхождение и вестарха Нестора «родом из Иллирии» не является доказанным⁴⁰.

Об учете константинопольским двором этнополитических особенностей завоеванных славянских земель свидетельствуют и меры, так сказать, противоположного свойства, которые следует расценить как уступку местному населению. Представители болгарской светской и духовной знати, занявшие на последнем этапе войны благоприятную для империи позицию или даже прямо перешедшие на сторону Василия II, были обласканы и награждены императором⁴¹. Почти до середины 30-х годов XI в. в Болгарии были сохранены прежние, существовавшие до завоевания налоги и некоторые нормы общественной жизни, сложившиеся еще при Петре и Самуиле⁴². Болгарской церкви была предоставлена независимость (автокефалия) от константинопольского патриарха; ей были подчинены все те епархии, которыми она владела в последние 18 лет правления Самуила; пост архиепископа оставался на первых порах в руках представителя болгарского духовенства⁴³; сама Охридская архиепископия продолжала именоваться «Болгарской», как и фема («Болгария»), включившая западноболгарские земли. Кстати говоря, организуя новые административные области на иных славянских территориях, константинопольский двор присваивал этим областям наименования по названию местных племен (Драгувития⁴⁴, Смолены⁴⁵).

Нельзя, на наш взгляд, с определенностью утверждать, что византийские власти непосредственно преследовали именно славянскую (болгарскую) культуру, если ее проявления не носили еретического характера (богомилство). Появление славянских рукописей в период византийского господства — достаточное тому доказательство⁴⁶. Феофилакт Охридский, как известно, перевел на греческий язык житие Климента Охридского, вводя, таким образом, этого болгарского духовного деятеля в пантеон общеимперских святых⁴⁷.

Однако в то же время, начиная с 30-х годов XI в., все высшие иерархи в Болгарии были людьми неславянского происхождения⁴⁸. Весьма важно то, что сами политические деятели Византии и Болгарии тех времен тесно связывали вопрос об этническом происхождении высшего духовенства и об отправлении культа на родном для болгарского населения языке с вопросом о прочности устоев болгарской или византийской власти на данной территории. Когда Калоян распространил свое господство на юго-западные болгарские земли, он заменил греческих иерархов болгарскими; когда же в 1217 г. власть Византии в этих районах была восстановлена, греческое духовенство вновь заняло место болгарского⁴⁹.

Да, славянская письменность не прекратила своего существования в эпоху византийского господства, но она утратила значение в официальной жизни общества: болгарский язык перестал быть языком церкви и государства, а следовательно, болгарская литература лишилась столь могущественного в средние века фактора развития, как всемерная поддержка — и материальная, и политическая, со стороны властей и высшего духовенства.

В этой связи требует убедительного объяснения такое явление, как организация литургии на греческом языке в новообращенной Болгарии в 865—893 гг., т. е. в годы, когда уже была создана славянская письменность, переведен на славянский необходимый для церковнослужения круг книг и успешно проповедовалось христианство в Великой Моравии на понятном для неопитов языке. Византийская империя была, таким образом, инициатором этого культурно-исторического события в далекой славянской стране (Великой Моравии), но она же воздержалась от подобного шага в соседнем славянском государстве (Болгарии).

Полагаю, достаточно примеров. Названные выше мероприятия вполне оправдывают, на наш взгляд, вывод о том, что константинопольское правительство, учитывая особенности завоеванных болгарских земель, стремилось к всемерному упрочению здесь власти империи. Эта политика не была изобретением византийцев — она диктовалась как наиболее целесообразная самими обстоятельствами дела: удерживать в повиновении новым властям население иноязычного завоеванного государства. Эти мероприятия не могут быть, по нашему мнению, с достаточной степенью убедительности истолкованы как проявления официального правительственного курса, направленного на ассимиляцию болгарского населения. Доктрина ассимиляции — явление нового времени, она была чужда политической мысли империи.

И тем не менее процессы ассимиляции — феномен, хорошо известный всем эпохам, даже весьма отдаленным. Имел место он и в пределах балканских провинций империи в IX—XII вв. Указанный выше политический курс на упрочение господства империи содействовал, создавая благоприятные предпосылки развитию процесса ассимиляции, в особенности изолированных и не столь крупных этнических групп, о которых шла речь выше.

Подверглась в XI—XII вв. не только ромеизации, но и ассимиляции также часть завоеванного болгарского населения. Мы сознательно подчеркиваем различие между этими двумя понятиями. Ромеизация (эллинизация, а точнее, грецизация) отнюдь не всегда равнозначна ассимиляции. Принятие христианства восточного (византийского) толка, овладение греческим языком, усвоение производственной культуры империи, эстетических идеалов византийской литературы и искусства, даже имперской доктрины «христианской ойкумены» — все эти факторы огромного и для того времени, несомненно, благотворного культурного влияния Византии на окружающие народы. Все эти факторы, однако, сами по себе, будучи несомненным признаком ромеизации, являлись лишь предпосылками к ассимиляции: их действие находилось в прямой зависимости от конкретных исторических условий. Все перечисленные факторы, как известно, были свойственны общественно-культурному развитию Болгарии эпохи правления царя Симеона. Но они трансформировались в тенденцию, в определенном смысле противоположной ассимиляционной: болгарский царь, всемерно развивая болгар-

скую славяноязычную письменность и культуру своей страны (хотя и на основе византийской культуры), стал оспаривать трон у константинопольского императора, завязав длительную вооруженную борьбу с империей.

Ассимиляция как ромеизация в полном смысле слова предполагала перестройку самосознания болгарских подданных империи: в иерархической системе их духовных и идейно-политических ценностей, даже при сохранении болгарскими черт своего этнического своеобразия конфессионально-политический фактор должен был приобрести решающий перевес над фактором этнокультурным.

Именно это явление мы можем, как нам кажется, также констатировать на территории бывшего Болгарского царства. Прежде всего ассимилировалась часть болгарской знати, навсегда влившись в состав византийской. Самое главное: даже сохраняя некоторые прежние этнические черты (в том числе личные славянские имена), эти бывшие знатные болгары стали ромеями по самосознанию. Византийские авторы довольно точно, по нашему мнению, отразили это явление в выражении *οἱ τὰ τῶν Ῥωμαίων φρονούτες*, т. е. «заботящиеся об интересах ромеев»⁵⁰.

Более того, признаки ассимиляции прослеживаются и среди части простого населения пограничных южных районов бывшего Болгарского государства, в контактной болгаро-греческой зоне.

Однако мы не располагаем сведениями источников о том, что подобно рода явление было широко распространено в массах болгарского населения вообще и во внутренних районах болгарской территории в частности. Скорее, напротив, процесс этнополитического развития протекал там в противоположном направлении. Согласно сообщению Никиты Хониата, болгары и вlahи после недолгих колебаний, вызванных сознанием «величия дела», решиться на которое их побуждали Петр и Асень, все, наконец, постановили бороться с оружием в руках за «свободу народа», чтобы «сбросить с шеи долговременное ярмо» и соединить воедино, «как было встарь», свою власть над северо-восточными и юго-западными территориями бывшего Болгарского государства⁵¹.

В условиях антивизантийского брожения в Болгарии политика подавления и репрессий содействовала скорее не интеграции и упрочению власти императора, а росту этнополитического самосознания болгар, вlahов и албанцев и усилению тенденций к их выходу из состава империи.

Подобного рода ход событий был характерен и для самого Второго Болгарского государства, когда особо жестокие меры Калояна, именовавшего себя «Ромеобойцей» (в противоположность покорителю болгар Василию II Болгаробойце), по укреплению своей власти над областями, населенными по преимуществу греками, лишь уменьшали планы болгарского царя на удержание этих территорий в составе подвластного ему государства⁵².

Период X—XII вв. был эпохой консолидации средневековых народностей Европы, оформление которых было неотделимо от развития этнополитического самосознания, включавшего в себя представление о независимом государственном существовании. Это самосознание все более широко фиксировалось в феноменах народной культуры. Идеино-политическое оформление оно находило в общественной деятельности представителей высшей знати и духовенства этих народов. В ходе XI—XII вв. в настроениях привилегированной прослойки болгарского, владшского и албанского обществ совершалась постепенная эволюция: от стремления к сотрудничеству и слиянию с имперской аристократией — к преследованию собственных этнополитических интересов, тем более настойчивому и смелому, чем более росла уверенность, что широкие круги этнически родственного населения поддержат борьбу за освобождение от власти Византийской империи. Видимо, не случаен тот факт, что с середины XII в. представители болгарской знати на службе империи упоминаются все реже; мало того — теряют в это время свое былое значение и известные ранее среди служилой знати эллинизированные семьи, славянское происхождение которых несомненно.

Процесс дезинтеграции империи на исходе XII—в начале XIII в. протекал одновременно с постепенной консолидацией самосознания самой ведущей греческой народности Византии и находился во взаимобусловливающей связи с этим явлением: духовный пастырь Болгарии, греческий архиепископ Феофилакт, еще в начале XII в. называл своих болгарских прихожан «издеваемыми над нами иноплениками», и это чувство не могло в условиях византийского господства не вызывать у местных жителей чувства ответного⁵³.

Процесс дезинтеграции империи, кроме того, совпал с развитием тенденций к феодальной раздробленности самих исконно греческих территорий. Мы не решились

бы, однако, утверждать, что между теми факторами, которые обусловили это явление, и теми, которые привели к освобождению сербов от вассальной зависимости, возрождению Болгарского государства и образованию албанских княжеств, можно поставить знак равенства. Среди прочих важных причин упадка империи как изжившей себя в новых условиях государственной системы существенную роль сыграл, по нашему мнению, и процесс этнополитического развития подвластных империи народов, стремившихся к независимому государственному существованию.

¹ Charanis P. Observation on the Demography of the Byzantine Empire. — In: Proceedings of the XIIIth Intern. Congress of Byzantine Studies. London; Oxford, 1967, p. 445 sq.

² Cf.: Laurent V. 'Ο Βαρδαριωτῶν ἤτοι Τούρκων, Perses, Turcs asiaticques ou Turcs-hongrois? Пр.: Сборник в память на проф. Петъръ Никовъ. София, 1940, с. 275—288; *Oikonomidēs N. W. l. nd. r.* — V. n. nd. r. — Hongrois installés dans la vallée du Vardar en 934. — In: *Südost-Forschungen*, 52, 1973, p. 1—8.

³ Некоторые факты в подтверждение этого см.: *Литаврин Г. Г.* Византийское общество и государство в X—XI вв. *Проблемы истории одного столетия: 976—1081 гг.* М.: Наука, 1977, с. 163—171.

⁴ Cahen C. La campagne de Mantzikert d'après les sources musulmanes. — In: *Byzantion*, 9 (2), 1934, p. 634; Laurent J. Les origines médiévales de la question Arménienne. — In: *Revue des études arméniennes*, I, 1940, p. 47; Charanis P. The Armenians in the Byzantine Empire. — In: *BS*, 22 (2), 1961, p. 237—238; *Vryonis Sp., Jr.* The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor. Berkeley; Los Angeles, 1971,

p. 67; и *Гусейнов Р. А.* Из истории отношений Византии с сельджуками: (По сирийским источникам). — В кн.: Палестинский сборник, 23, 1971, с. 161.

⁵ *Анна Комнина.* Алексиада/Вступительная статья, пер., коммент. Я. Н. Любарского. М.: Наука, 1965, с. 395—398, 612—614. См. также: *Svoronos N.* Essais sur quelques formes de la vie rurale à Byzance. — In: *Annales*, 11 année, juillet — septembre 1956, N 3, p. 329 sq; *Литаврин Г. Г.* Византийское общество... с. 48—49.

⁶ *Анна Комнина.* Алексиада, с. 146, 160.

⁷ *Nicetae Choniatae Historia.* Vopnae, 1835, p. 527.

⁸ См., например: *Ангелов Д.* Богомилство в България. София, 1969, с. 136 сл.; *Драгојловић Д.* Богомилство на Балкану и у Малој Азији. I. Богомилски родоначалници. Београд, 1974, с. 100 сл.

⁹ См. об этих славянских поселенцах: *Литаврин Г. Г.* Болгария и Византия в XI—XII вв. М.: Наука, 1960, с. 242 сл.; *Търкова-Займова В.* Les nome de lieux dans le typicon du monastère de la Kosmosotira. Балканское языкознание, — II., 1960, с. 123—127.

- ¹⁰ *Иоани Камениата*. Взятие Фессалоники/Предисл. Р. А. Наследовой, пер. С. В. Поляковой и И. В. Феленковской, коммент. Р. А. Наследовой. — В кн.: Две византийские хроники X века. М.: Наука, 1959, с. 150, сл., 171—172, 185, 220—225, 230—232.
- ¹¹ Советы и рассказы Кекамена: Сочинение византийского полководца XI века/Подгот. текста, введ., пер. и коммент. Г. Г. Литаврина. М.: Наука, 1972, с. 252—268, 515—555.
- ¹² Там же, с. 258.14, 260.8.
- ¹³ Там же, с. 524—525, 531 сл.; *Литаврин Г. Г.* Византийское общество. . . , с. 278—281. Ср.: *Он же*. Восстание болгар и влахов в Фессалии в 1066 г. — В кн.: Византийский вестник, 11, 1956, с. 123—134.
- ¹⁴ *Prochova V.* Problèmes des agglomérations slaves au Peloponnèse. — In: *Etudes balkaniques*, 1976, N 1, p. 128—130.
- ¹⁵ *Медведев И. И.* Мистра: Очерки истории и культуры поздневизантийского города. Л.: Наука, 1973, с. 11, сл.
- ¹⁶ *Constantine Porphyrogenitus: De administrando imperio*/Ed. Gy. Moravcsik, R. J. H. Jenkins. Budapest, 1949, p. 234, 59—70.
- ¹⁷ *Charanis P.* The Chronicle of Monemvasia and the question of the Slavonic settlements in Greece. — In: *Dumbarton Oaks Papers*, 5, 1950, p. 139—166; *Ферджанчић Б.* О упаду Склависииана на Пелопонез за време Романа Лакапина. — В кн.: ЗРВИ, 3, 1955, с. 37—48; *Jenkins R.* The date of the slav revolt in Peloponnese under Romanus I. Late classical and medieval Studies in honor of Albert Mathias. New Friend; Princeton, 1955, p. 204—211; *Lemerle P.* La chronique improprement dite de Monemvasie: le contexte historique et légendaire. — In: *Revue des études byzantines*, 24, 1963, p. 5—49; *Barisić F.* «Monemvasijska» hronika o doseljavanju Avaro-Slovena na Peloponez. 587. — In: *Godisnják Centra za balkanološka ispitavanja*, I. Sarajevo, 1965, s. 95—109; *Karayannopoulos J.* Zur Frage der Slavenansiedlung auf dem Peloponnes. — In: *RESEE*, t. 9, N 3, 1971, s. 443—460; *Zasterova B.* Zu einigen Fragen aus der Geschichte der slavischen Kolonisation auf dem Balkan. — In: *Studien zum 7. Jh. in Byzanz*. Berlin, 1976, S. 59—65.
- ¹⁸ См. об этом: *Литаврин Г. Г.* Влахы византийских источников X—XIII вв. — В кн.: Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев; Штинца, 1972, с. 91—138.
- ¹⁹ См.: *Советы и рассказы Кекамена*, с. 270, 564.
- ²⁰ *Malingoudis Ph.* Die Nachrichten des Nicetas Choniates über die Entstehung des Zweiten Bulgarischen Staates. — In: *BYZANTINA*, t. 10, Thessaloniki, 1978, S. 73—77, 129.
- ²¹ *Литаврин Г. Г.* Влахы византийских источников. . . , с. 118.
- ²² *Buda A.* La place des Albanais dans l'histoire européenne du VIIIe au XVIIIe siècle. — In: *Actes du Ier Congrès Intern. des études balkaniques et sud-est européennes*. III. Histoire. Sofia, 1969, p. 57—74.
- ²³ *Ibid.*, p. 57—58; Cf. *Luka K.* Le nome d'Albeigne—Albanie et l'extension de l'Arbanon durant les XIe—commencement du XIIe siècles. — In: Deuxième conférence des études albanologiques. A l'occasion de la mort de Georges Kastriote-Skanderbeg, II. Tirana, 12—18 janvier 1968. Tirana, 1970, p. 199—201; *Anamali S.* Le problème de la civilisation Haute médiévale Albanaise à la lumière de nouvelles découvertes archéologiques. — In: *Studia Albanica*, I, IIIe année. Tirana, 1966, p. 210—211; *Pollo St., Pulo A., Frasheri K.* Histoire de l'Albanie des origines à nos jours. Roanne, 1975, p. 36—42; *Ducellier A.* L'Albanais et les Albanais au XIe s. — In: *Travaux et mémoires*, 3, 1968, p. 353—368.
- ²⁴ *Buda A.* La place. . . , p. 63; *Luka K.* Le nome. . . , p. 202.
- ²⁵ *Ангелов Д.* Образуване на българската народност. София, 1971, с. 283—314.
- ²⁶ *Georgius Cedrenus.* Ioannis Scylitzae op. v. II. Bonnae, 1839, p. 458, 13—16, 462, 22—25.
- ²⁷ *Nic. Chon.*, p. 485, 488.
- ²⁸ *Malingoudis Ph.* Die Nachrichten. . . , p. 61—62.
- ²⁹ *Ibid.*, p. 64, 67—68.
- ³⁰ См. об этом: *Antoljak St.* Die makedonischen Sklavien. — В кн.: Македония и македонцы в прошлом и настоящем. Скопје, 1970, с. 40.
- ³¹ *Oikonomidès N.* Op. cit., p. 1—8.
- ³² *Cedr.*, II, p. 584, 587.
- ³³ *Ibid.*, p. 453.
- ³⁴ *Златарски В.* История на Българската държава през средните векове. София, 1972, т. II, с. 33 сл.
- ³⁵ См. об этом: *Литаврин Г. Г.* Армянский автор XI столетия о Болгарии и болгарях. — В кн.: Славяне и Россия. М.: Наука, 1972, с. 27—31; *Бартикаян Р. М.* О болгарском войске в Васпуракане и последних годах царства Арцрунидов. — *Вестн. обществ. наук АП АрмССР*, 1973, № 10, с. 88—96.
- ³⁶ *Литаврин Г. Г.* Болгария и Византия. . . , с. 250—276.
- ³⁷ *Leonis Diaconi Caloënsis historiae libri decem.* Bonnae, 1829, p. 138, 17—19.
- ³⁸ *Prokić B.* Zusätze in der Handschrift des Io. Skyllitzes. München, 1906, S. 37.
- ³⁹ *Michaelis Attaliotae historia.* Bonnae, 1853, p. 205—206, 208—209, 303.
- ⁴⁰ *Гънкова-Займова В.* Долни Дунав — гранична зона на византийския запад: Към историята на северните и северозточните българските земи края на X—XII в. София, 1976, с. 91—92.
- ⁴¹ *Литаврин Г. Г.* Болгария и Византия. . . , с. 254—255.
- ⁴² Там же, с. 259.
- ⁴³ Там же, с. 351—356.
- ⁴⁴ *Ангелов Д.* Образуване. . . , с. 162.
- ⁴⁵ Там же; *Литаврин Г. Г.* Болгария и Византия. . . , с. 268.
- ⁴⁶ *Malingoudis Ph.* Die Nachrichten. . . , s. 68.
- ⁴⁷ *Литаврин Г. Г.* Болгария и Византия. . . , с. 366.
- ⁴⁸ Там же, с. 367 сл.
- ⁴⁹ *Златарски В.* История. . . Фототипно издание. София, 1972, т. III, с. 171 сл.
- ⁵⁰ *Τσολάνη Εθ. Θ.* Π συνέχεια τῆς χρονολογίας τοῦ Ἰωάννου Σκυλιτζῆ. Θεσσαλονίκη, 1968, σελ. 165. 5, 166. 10.
- ⁵¹ *Nic. Chon.*, p. 485—486, 489.
- ⁵² *Цанкова-Петкова Г.* България при Ассеневиц. София, 1978, с. 68.
- ⁵³ *Patrologiae cursus completus. Series Graeca.* Paris, 1864, col. 436 A.

ПРОЦЕССЫ ФОРМИРОВАНИЯ
СРЕДНЕВЕКОВОЙ СЕРБСКОЙ НАРОДНОСТИ
И БАЛКАНСКИЕ ВЛАХИ в XII—XIII вв.

Проблемы образования и развития сербской средневековой народности, как известно, до сих пор остаются все еще недостаточно исследованными в югославской и советской историографии.

По нашему мнению, это вызвано целым рядом причин. Во-первых, разумеется, нужно сказать о скудости и фрагментарности тех свидетельств письменных памятников, которые говорят нам о прошлом сербских земель вплоть до XII в., более того — о почти полном преобладании в данном случае сообщений иностранных источников, крайней малочисленности материалов сербского происхождения. К тому же некоторые из этих источников в литературе нередко считаются подложными, интерполированными либо составленными гораздо позже (таковы, например, так называемые докрумские фальсификаты, Летопись попа Дуклянина)¹.

Не менее важно и другое обстоятельство. В связи с тем, что в литературе обычно при анализе исторических процессов феодальной Сербии обращалось внимание преимущественно на развитие средневековой государственности, вплоть до настоящего времени остались неизученными важнейшие вопросы истории древней сербской народности, в частности проблема периодизации этнических процессов наиболее точной терминологии применительно к разным этапам развития сербской народности, наконец, вопрос о роли неславянских этнических элементов (романских и др.), участвовавших в процессе складывания сербского народа, о соотношении в ходе этого сложного и длительного процесса разных этнических общностей, общностей разного уровня².

Вместе с тем, говоря о неизученности данного круга проблем, необходимо подчеркнуть также и тот факт, что выяснению этих процессов и этапов развития сербской народности эпохи феодализма во многом препятствует наличие противоречащих друг другу точек зрения в литературе, что, в свою очередь, говорит нам о существовании разной методологии, неодинаковых теоретических основ

исследования данных явлений средневековой этнической истории, находящихся свое выражение, между прочим, и в разной терминологии, о чем уже говорилось выше. Все это заставляет нас остановиться на наиболее важных тезисах, которые уже были выдвинуты в югославской и советской историографии относительно образования сербской народности и развития ее в первый период ее истории (т. е. с VIII и вплоть до XII—XIII вв.).

Рассмотрим вначале трактовку данной проблемы в буржуазной сербской и в послевоенной югославской литературе. Так, например, видный представитель сербской буржуазной историографии Ст. Станоевич (1874—1937) в своей неоднократно переиздававшейся и получившей широкое распространение «Истории сербского народа» относил начало процесса формирования средневекового сербского народа «возможно еще к VII, во всяком случае к VIII веку». Однако при этом Станоевич обращал внимание и на длительность этого объединения племен нынешней Сербии, на появление определенных трудностей, «приливов» и «отливов». Примечательно, что Станоевич, датировав, таким образом, начало процесса становления единого сербского народа ранним средневековьем, попытался также наметить и основные этапы этнического развития сербов в ту эпоху. В частности, он писал, что «борьба сербского имени т. е. («этнического») наименования в его трактовке. — Е. Н.) с разными другими племенными и провинциальными именами и названиями в конце VIII—начале IX в. в основном была решена в пользу сербского имени. В то время некоторые окрестные племена уже приняли сербское имя и слились с центральным сербским племенем в этническое, а временно — и в политическое целое, которое, впрочем, вероятно, больше всего содействовало и этническому соединению»³.

Таким образом, по мнению Ст. Станоевича, уже к началу IX в. на Балканах, наряду с болгарским и хорватским «государственными центрами», возникает и аналогичный политический и этнический сербский центр. Однако и в это время, несмотря на появление на данном этапе «сознания общности — и этнической, и политической» среди славянского населения Балкан, рядом с названными центрами, в частности «вокруг уже расширившегося сербского племени, было еще много племен, которые этнически были еще самостоятельны»⁴. Иными словами, согласно мысли автора, дальнейшим путем этнического

развития сербов (как и других жителей Юго-Восточной Европы) было объединение «в более крупные единицы, в особенности вокруг сильных центров».

В частности, если говорить о развитии сербского народа в IX—X вв., то в этом случае Ст. Станоевич считал немаловажным рубежом создание крупного сербского государства в середине X в. (при князе Чаславе). По мнению Станоевича, именно тогда *впервые* были объединены «в одно государственное целое почти все сербские племена и почти все сербские земли». Более того, по его словам, впервые при Чаславе начала производиться «*этническая нивелировка*» сербских племен, однако правление его было слишком кратким, чтобы полностью уничтожить сепаратистские устремления отдельных областей, племен, представителей местных династий⁵.

Между тем, несмотря на распад державы Часлава, сербский народ (как единое целое) продолжал существовать, по словам автора; изменилось лишь его политическое положение: вместо внутренних областей (т. е. Рашки) на первый план выступает Зета⁶. Заметим, что этот же вывод о решающей роли данного этапа в процессе становления сербской народности мы находим и в некоторых других работах сербских историков⁷. В то же время следует признать, что Станоевич вовсе не считал процесс этнического развития сербов после середины X в. целиком последовательным и прямолинейным. Так, например, он отмечал, что в Зетском государстве Стефана Воислава (середины XI в.) «был представлен» почти весь сербский народ, что тогда было приложено немало стараний, чтобы «сгладить различия, которые существовали между отдельными племенами и областями. Но правление Воислава было слишком недолгим, чтобы произвести полную *этническую*, культурную и политическую нивелировку»⁸. Точно так же и позднее, через сто лет (т. е. примерно в 40-х годах XII в.), при анализе судеб сербских земель Станоевич констатировал, что «стремление к единству в сербском народе исчезало все более, а сепаратизм укреплялся все сильнее», что нашло свое выражение в обособлении Боснии⁹. Сложная политическая обстановка той поры привела к тому, что с этого времени, как писал Станоевич, «сербский народ был разделен на несколько держав и областей», главными из которых были Босния, Зета и Рашка¹⁰. Это подчеркивание *единства* сербского народа, несмотря на политический полицентризм, на

наличие «разных пластов» и местных особенностей¹¹ весьма примечательно для характеристики взглядов Ст. Станоевича, для понимания им задач сербской буржуазной историографии начала XX в.

Несколько иначе оценивал проблемы средневековой этнической истории Сербии известный сербский ученый Стоян Новакович (1842—1915), работа которого («Несколько трудных вопросов сербской истории», 1912) посвящена преимущественно образованию средневековой сербской народности и ее развитию. Правда, Новакович, как и Станоевич, датирует появление ядра сербской народности («небольшой сербской группы» или «народности целого с известной силой притяжения») концом VIII—началом IX в.¹², однако он обращает внимание на другие аспекты этих сложных этнических процессов, а именно на определение главных признаков средневековой сербской народности, равно как и на роль взаимоотношений сербов с неславянским населением этих областей Балканского полуострова — прежде всего с романскими далматинцами и влахами, на проблему славянизации влахов¹³.

Вполне понятно, что постановка данных вопросов представляет большое научное значение, несмотря на то что трактовка их Новаковичем не всегда последовательна, нередко не связана с конкретной периодизацией истории развития сербской народности. Так, например, Новакович считал особенно важным настаивать на «тождественности народности и веры у сербов», подчеркивал, что для придания племенам или народностям «сербизма» необходима была «моральная сила», существовавшая у сербской автокефальной церкви¹⁴. Иными словами, в данном случае оставалось не вполне ясным, считает ли сам автор решающим фактором для окончательного формирования сербской народности христианизацию сербов в IX в. или же создание автокефальной церкви в начале XIII в.

Заметим также, что действительная роль церкви и религии как признака народности (в данном случае — сербской) представлялась не совсем понятной и потому, что Новакович, всячески подчеркивая тождество народности и веры у сербов, тем не менее признавал и наличие католиков-сербов в ту эпоху; более того, выдвигал в качестве важных признаков народности и наличие языка и обычаев, существование литературы, дворянской или феодальной политической организации¹⁵. Наконец, яв-

ная незавершенность и противоречивость заметна и в его анализе сербо-влашских отношений, проблемы сербизации владов.

В данной связи достаточно сказать, например, о том, что Новакович считал преувеличенными представления о романизации на Балканах, а термину «влахи» он придавал лишь социально-экономическое, но не этническое значение (даже в период заселения славянами Балканского полуострова)¹⁶. Между тем, однако, он признавал, что «романцы на юге Балканского полуострова были явно многочисленнее (чем в Сербии. — *Е. Н.*), поэтому и сохранили свой язык», а в результате постоянных кочевок и перемещений они «поддерживали мелкие романские колонии и в северных районах полуострова». Естественно, мы можем согласиться с выводом Новаковича, что «общий славянский характер этих земель» (т. е. и Сербии) поэтому не мог испытать значительных изменений, однако прибавим, что сам факт контактов и связей сербских владов и южнобалканских «романцев» (аромунов, цинцаров) не придает особой убедительности словам Новаковича, что термин «влах в старой Сербии *уже в XIII в.* означал преимущественно социальную прослойку, а не народность»¹⁷. Иными словами, по нашему мнению, постановка Новаковичем данных «трудных вопросов» формирования и развития сербской народности выдвигала на первый план необходимость дальнейшего и всестороннего анализа этих этнических процессов, в частности проблемы сербо-влашских взаимоотношений и связей.

Между тем, к сожалению, в современной югославской историографии эти проблемы не нашли надлежащего освещения, в особенности в смысле проверки на материале сохранившихся источников выводов Станоевича, Новаковича и других буржуазных историков. В известной мере, правда, затрагивалась проблема становления сербов как «народа в феодальном смысле», т. е. «политического народа» эпохи феодализма¹⁸, истории формирования особой черногорской народности и ее соотношения с сербской¹⁹, истории распространения термина «сербы» и его этнического значения²⁰.

В ряде работ рассматривались и материалы средневековых памятников о сербских влахах²¹, однако зачастую при этом снова приводился вышеназванный вывод Ст. Новаковича и констатировалось, что влахи на

территории Сербского феодального государства «уже в XIII в. теряли свой этнический облик и сливались с сербской этнической массой»²². Впрочем, данный вывод не подкреплялся подробным разбором влашских имен из сербских грамот XIII—XIV вв.²³

В данной связи нужно указать, что этническая проблематика эпохи феодализма была рассмотрена в докладе югославского историка Б. Графенауера, подготовленном для I Международного конгресса балканских исследований (1966). Примечательно, что автор использует иную терминологию для характеристики этнических процессов раннего средневековья, нежели те определения, которые применялись в вышеназванных работах (Станоевича и др.), однако некоторые его выводы и датировки совпадают с уже приводившимися в литературе. В частности, уже в IX в., по словам Графенауера, в западной части Балканского полуострова образовались «три более крупных этнических ядра» (ниже он называет их также «основными пунктами» или «ядрами национальностей»): карантанцы, хорваты и *сербы*²⁴. Впрочем, он признает, что процессы формирования сербского «ядра» еще не вполне ясны, что лишь в XI в. происходит «действительное укрепление исторических элементов формирования этнических подразделений»²⁵, однако в истории сербской этнической общности наблюдаются и противоположные тенденции, т. е. с конца XI в. в качестве особого «ядра» или этнического образования выступает Босния²⁶.

В советской историографии этих проблем касался Н. С. Державин, который был склонен к весьма ранней датировке начального этапа становления сербской народности. В своей книге «Славяне в древности» он писал о первых упоминаниях сербов и хорватов в исторических источниках как о существовании их тогда (в VIII и IX вв.) в качестве самостоятельных «балканских народов»; позднее же, с X в., названные народы уже широко входят в историю», причем Державин здесь, на первом этапе их развития, считает возможным отождествить эти ранне-средневековые этнические образования и «героические народы в прошлом и настоящем»²⁷. В то же время автор прослеживал и определенное развитие в рамках этого «сербского народа». Он различал «область сербского народа в древнейшее время» (с центром в Рашке) и «вошедшие впоследствии в состав сербского народа следующие родственные с ним племена», а именно: перечал, захлум-

лян и др.²⁸ Но уже позднее, со второй половины XII в., в рамках единого сербского народа Державин отмечал появление двух новых (по сравнению с Зетой) политических и культурных центров (Боснии и Рашки), что, вероятно, следовало расценить как показатель дальнейшего развития и разделения прежней сербской этнической общности²⁹.

В данной связи необходимо отметить, что Г. Г. Литаврин дает иную оценку этнических процессов, указывая на заметные различия в темпах складывания народностей в разных частях Балканского полуострова. Если уже в начале X в., по его словам, в Болгарии и Хорватии появляются самостоятельные народности, то более «медленно протекала консолидация и государства, и народности в сербских землях — примерно такая же степень их зрелости, как в Хорватии, здесь была достигнута лишь в XII в.»³⁰

Вместе с тем в советской литературе, посвященной этническим процессам на Балканах (в том числе и на территории современной Сербии), отмечалась роль автохтонного населения в этногенезе южных славян, в частности и болгар, и сербов, обращалось внимание на сохранение на Балканах романских этнических групп (влахов-аромунов, далматинцев) и албанцев, на необходимость проверки распространенных в научных изданиях утверждений о малочисленности дославянского населения и тем самым — о незначительности его роли в процессах становления современных югославянских народов³¹.

Вполне понятно, что даже такое сжатое рассмотрение наличной литературы по вопросам формирования ранне-средневековой сербской народности свидетельствует о настоятельной необходимости подробного исследования всего этого круга проблем, тщательного анализа всех сохранившихся исторических источников, внимательного продумывания вопросов периодизации и терминологии с учетом достижений советской и югославской науки и результатов, полученных на материале *иных* этнических процессов, *других* регионов, разных этнических общностей.

Нам представляется, что в данном случае необходимо использовать имеющиеся исследования антропоники³², билингвизма в средние века³³, определенные материалы по истории других средневековых народностей³⁴, периодизации их развития и, пожалуй, в особенности получен-

ные результаты по проблеме соотношения народности и «протонародностей» в процессе их становления и переплетения. По нашему мнению, при оценке истории сербской народности весьма целесообразно учесть высказанные советскими учеными соображения о наличии народностей разных уровней, т. е. высшего и низшего, о существовании *одновременно* таких народностей разного уровня, более того, о возможности таких вариантов этнического развития, когда какая-то народность на одном этапе своей истории выступает в качестве этнической общности одного уровня, на другом — уже как народность другого уровня³⁵.

Любопытно, что в этой связи наглядным примером может служить история средневековой немецкой народности, в процессе формирования которой возникли весьма сложные соотношения и взаимосвязи этой общенемецкой общности и более узких, локальных, или «племенных» народностей низшего уровня, т. е. «протонародностей», в том числе баварской, саксонской и т. д. Вероятно, такое многоплановое и вовсе не одинаково последовательное развитие и переплетение процессов становления этой (общей) народности и «протонародностей» может представить полезные аналогии и параллели и при оценке этнических процессов в сербских землях, где также намечалось и развитие локальных общностей, а наличие политической раздробленности, без сомнения, оказывало в данной связи немалое влияние.

Вместе с тем, по нашему мнению, было бы целесообразно также продумать вопрос о соответствующей терминологии применительно к этническим процессам в сербских землях в эпоху феодализма. Так, например, следует поставить вопрос о введении термина «сербы» в эту сложную картину формирования и развития сербской народности, наверное, не только в качестве определения для народности высшего и низшего уровня, но и в виде дополнительного уровня этой этнической иерархии, т. е. «наднародностного» названия, служившего для родственных *народностей* и «протонародностей» и объединявшего их в широкую этническую общность. В данном случае мы подразумеваем хотя бы наличие наряду с общесербской народностью также «протонародностей» или даже формирующихся особых народностей (вроде боснийской, о чем мы приводили выше мнение Б. Графенгауера). В свою очередь, то обстоятельство, что в лите-

ратуре понятие «сербская народность» может применяться для этнических общностей *трех* различных уровней (т. е. для обозначения первоначальной «протонародности» в Ранике, далее — единой народности вплоть до XI—XII вв., наконец, общесербской «наднародности» или группы народов), заставляет нас применить *разные* термины для отдельных этапов этнического развития в сербских землях.

В частности, представляется возможным (по аналогии с названиями «древнерусская народность» и «русская народность»³⁶) предложить для этнических процессов с IX—X и до XI—XII вв. наименование периода становления *древнесербской* народности, а более поздний период (с начала выделения Боснии в этническом плане) называть уже эпохой формирования и развития *сербской* народности. Предлагая рассматривать в качестве рубежа между двумя данными периодами эти два столетия (т. е. XI—XII вв.), мы считаем необходимым обратить внимание на чрезвычайно интересное свидетельство одного из современников-византийцев, весьма осведомленного о южно-славянских землях писателя Иоанна Киннама. Так, в 80-х годах XII в. Киннам писал, что «Босния не подчинена архиэупану сербов, а народ ее (в оригинале — этнос. — *Е. Н.*) имеет *особый образ жизни и управления*»³⁷.

Вполне понятно, что оба эти периода этнического развития сербских земель обладают конкретными особенностями, отличающими их друг от друга, и одновременно — общими чертами, в числе которых нужно назвать, в частности, роль неславянского населения в процессе складывания средневековых сербских этнических общностей. Например, говоря о специфических особенностях каждого периода, мы можем назвать для второго этапа проблему взаимоотношений и ассимиляции сербским населением того неславянского этнического элемента, который появляется на территории современной Сербии в XI в. (т. е. тюрков-печенегов и др.)³⁸. Как известно, следы печенегов сохранялись в антропонимике и топонимике до XIII—XIV вв. (упоминания имен Печенег и Печенежич³⁹, «ливады Турьчкской» в окрестностях нынешнего г. Вране⁴⁰).

Между тем, разумеется, в качестве общей для обоих периодов черты (применительно к оценке роли неславянского населения) можно расценить значение *влахской* проблемы, хотя, естественно, значимость сербо-влахских

связей и взаимоотношений не была одинаковой на разных этапах этнической истории Сербии и зависела, вероятно, от темпов складывания сербских общностей, консолидации славянского населения, внутривидовой и внешнеэтнической обстановки и, наконец, от возможного притока неславянского населения (как романского, так и пероманского).

В соответствии с этим нам представляется необходимым остановиться здесь на вопросе о сербо-влахских взаимоотношениях в XII—XIII вв. и значении их для процессов формирования сербской народности в ту пору. Если проблемы складывания сербских этнических общностей в то время, как уже отмечалось выше, в той или иной мере освещены в имеющейся историографии, то роль и численность влахского населения в Сербии к XII в. остаются во многом неизученными и неясными.

Так, например, по мнению сербских историков Л. Ковачевича и Л. Йовановича, еще в середине X в. в пограничных районах Сербского княжества Часлава (в горных местностях, в недоступных чащах лесов) жили «старожилы-влахи», приходившиеся там со времен заселения славян на Балканах. Уже тогда влахи, сохраняя особый образ жизни «по сравнению со своими сербо-славянскими соседями, стали *живой преградой* между пограничными краями. Этим увеличивалась сербская раздробленность, и еще тяжелее ее можно было преодолеть». В книге этих авторов подчеркивается, что столь значительной была роль владов на сербо-болгарской границе, «где влахи держали два таких пояса — первый в горах между Дриной и Ибром, а второй — на Копаннике и его отрогах, а с другой стороны — на водоразделе между загорскими и приморскими областями»⁴¹.

Иными словами, уже в тот период, по словам Ковачевича и Йовановича, роль владов (притом негативная) в процессе складывания сербской этнической общности была весьма велика. Однако эта точка зрения требует тщательной проверки по всем наличным средневековым источникам (византийским, латинским и др.), поскольку, как известно, первое упоминание владов в сербских грамотах относится лишь к концу XII в.

Такая проверка по данным письменных источников XI—XII вв. необходима и потому, что в литературе мы встречаем и прямо противоположные утверждения, согласно которым влахи появляются в Сербии (или же по-

селяются большими группами) лишь в XII или XIII в. Иными словами, если следовать этой точке зрения, сербо-влашские связи вплоть до XII или XIII вв. оказываются, таким образом, весьма маловажными для этнических процессов в Сербии.

Так, например, югославский историк И. Божич полагал, что «влахи в течение XIII в. распространились по всей Сербии, Зете и Герцеговине»⁴², хотя и не указывал центра их расселения и не касался вопроса о наличии влахов в Сербии до XIII в. В свою очередь, видный югославский этнограф М. Филипович утверждал, что таким эпицентром передвижений влахов по Балканскому полуострову были горные районы Пинда, где «со временем образовался особый народ», т. е. романская пародность влахов-аромунов, или ципсаров. Именно отсюда, по его словам, «с XII по XIV в. происходило значительное распространение влахов по тогдашней Сербии, Боснии и Хорватии», хотя и в XIII—XIV вв. их центром по-прежнему оставалась Фессалия⁴³.

Чтобы проверить эти тезисы на материале первоисточников, обратимся вначале к византийским памятникам, которым применительно к влахам X—XIII вв. уже были подробно рассмотрены Г. Г. Литавриным⁴⁴. В частности, как показал Литаврин, влахи в XI—XIII вв. упоминаются византийскими источниками в разных областях Балканского полуострова (от северо-восточной Болгарии — на одном его краю и до Эпира и Фессалии — на другом), однако таких византийских свидетельств о влахах в Сербии нет⁴⁵. Разумеется, делая такой вывод, мы не должны переоценивать осведомленность тех или иных византийских авторов, не учитывать фрагментарность и даже случайность некоторых сохранившихся сообщений и материалов⁴⁶, однако тем не менее возможно и предположение, что «умолчание» византийских источников о влахах в Сербии в какой-то мере было обусловлено малочисленностью и не столь значительной их ролью в сербских землях вплоть до XII в.

Весьма примечательно в данной связи, что о влахах в Сербии «молчат» и такие осведомленные и проявлявшие интерес к южным славянам византийские авторы, как Кекавмен и Кипнам. Кекавмен, как известно, посвятил специальный раздел происхождению, расселению и повадкам влахов, которых он хорошо знал, в своих «Советах и рассказах» (70-е годы XI в.)⁴⁷. Отождест-

вляя влахов с древними даками и бессами, Кекавмен пишет, что «раньше они (т. е. даки или влахи. — *Е. Н.*) жили близ рек Дуная и Саоса, который ныне мы называем рекой Савой, где теперь живут сербы, в безопасных и недоступных местах»⁴⁸. Любопытно, что здесь у Кекавмена, как и прежде, происходит, видимо, ненамеренное противопоставление пределов расселения сербов и влахов, причем из его слов как будто вытекает, что Кекавмен (или его источники) считали местности южнее (?) Дуная и Савы в XI в. районом обитания сербов, по воле не влахов⁴⁹. Как нам представляется, такое истолкование подтверждается и следующими словами Кекавмена: «Уйдя из тамошних мест (т. е. в бассейне Дуная и Савы — после разгрома Дакии римлянами. — *Е. Н.*), влахи рассеялись по всему Эпиру и Македонии, а большинство их поселилось в Элладе»⁵⁰. Иными словами, и в данном случае Кекавмен, достаточно хорошо представлявший карту Балканского полуострова, не говорит о поселении влахов в сербских землях.

Не менее показательным и то обстоятельство, что свидетельства о влахах на территории Сербии и Хорватии нет в югославянском нарративном памятнике, известном под названием Летопись попа Дуклянина и доводящем описание событий до середины XII в. Единственное упоминание влахов (притом как «мавровлахов»⁵¹) в Летописи содержится в рассказе о вторжении на Балканы болгар (конец VII в.), которые тогда захватили Силлодуксию и всю Македонию, а затем «всю провинцию *латинов*, которые тогда назывались романами, а теперь же именуется *моровлахами*, т. е. черными латинами»⁵². Таким образом, как видно из этого рассказа Летописи, здесь речь идет о территории Болгарского государства, которая, согласно прямому указанию Летописи, сохранялась и позднее (т. е. еще до IX в.) во власти болгар⁵³, но не о территории, лежавшей к югу от Савы (т. е. Сербии или Боснии)⁵⁴.

Между тем другой латинский источник (на этот раз — германского происхождения), относящийся к концу XII в., говорит нам о *влахах* в северных районах современной Сербии, где тогда проходила сербо-византийская граница. Речь идет об известной «Истории похода императора Фридриха», или так называемой хронике Лисберта⁵⁵, которая, между прочим, описывает путь по Балканам крестоносцев Фридриха Барбароссы. В частности, хро-

писет, описывая переход немецкого войска в начале июля 1189 г. по северной Сербии (от Браничева до г. Равно, пынешней Чуприи), указывает, что «божких воинов» на этом пути подстерегали в засадах «греки, болгары, сербы и *влахи полуварвары*», нападавшие по приказу византийских властей⁵⁶.

Это указание хрониста, объяснявшее «коварные» засады и убийства крестоносцев распоряжениями византийского наместника г. Браничева и даже самого императора, представляет для нас особый интерес, поскольку дает нам основание предположить, что здесь речь идет именно об отрядах местных византийских властей, набранных главным образом из жителей этой дальней византийской провинции (се границами тогда, видимо, были реки Дунай, Морава и Тимок). Поэтому нам представляется недостаточно убедительным замечание И. Дуйчева, что эти «влахи» были жителями северной Болгарии, болгарами по своему происхождению⁵⁷. Не случайно, по нашему мнению, сам хронист различает этих воинов византийского наместника: он говорит не только о греках, влахах, сербах, но и о *болгарах*, таким образом проводя четкую и заметную грань между названиями этих народов, при этом вовсе не смешивая воедино болгар и владх.

Обратимся, наконец, к сообщениям сербским, т. е. к сведениям сербских грамот конца XII—XIII в. Впервые в этих источниках влахи упоминаются на исходе XII в. — в Хиландарской грамоте Стефана Немани, бывшего великого жупана Сербии и основателя Хиландарского монастыря. Неманя в числе селений, земельных участков и крепостных крестьян, даруемых им Хиландарю (в конце 1198 или 1199 г.), называет также «и от владхов Радово судство и Гюрьево, а всего владхов. ЁО.» (т. е. 170)⁵⁸.

Где же находились эти влашские общины («судства», возглавлявшиеся старейшинами-судьями)? Этот вопрос имеет немалое значение для того, чтобы изучить распространение владхов в средневековой Сербии. Однако, разумее, решение этого вопроса нельзя считать легким, поскольку вплоть до XIV в. в сербских грамотах нет прямых указаний на район расселения тех или иных влашских «судств» (вначале) и «катупов» (это название затем стало общепринятым в данных источниках).

Поэтому как, известно, в данном случае приходится использовать сведения о локализации других земельных

владений, которые зафиксированы в соответствующей грамоте, в особенности о местонахождении тех горных пастбищ («планины»), которые должны были использоваться упоминаемыми в той или другой грамоте владхами⁵⁹. В литературе можно найти упоминание, что эти 170 (семей?) владхов из Хиландарской грамоты находились в Прилепско-Битольской области⁶⁰. Однако эта точка зрения не может быть признана надлежащим образом аргументированной, поскольку Прилеп и Битоль не входили тогда в состав Сербского феодалного государства.

Примечательно также, что названные в Хиландарской грамоте селения (Хоча, Момуша и др.) находились в южной Сербии, севернее Призрена, причем эта локализация наглядно подтверждается текстом памятника⁶¹. По нашему мнению, определить примерное расположение хиландарских владхов помогает не только это обстоятельство, но также и упоминание (вместе с влахами) «планины Богачи». На наш взгляд, здесь вполне допустимо отождествление Богачи с «планиной Богдачей» (упоминается вместе с с. Трпези в грамоте Хиландаря 1348 г.⁶² Село с таким названием существует и теперь в северо-восточных районах СР Черногории, близ Иваградца) или же с планиной Богдачей между Плавом и Печи⁶³.

Иными словами, и в том и в другом случае планина Богача находилась скорее всего в горных районах на южной окраине средневекового Сербского государства, недалеко от тогдашней сербо-византийской границы. Быть может, предпочтительнее локализация Богачи (и тем самым хиландарских владхов) именно близ с. Трпези, поскольку в этом же селении по грамоте 1198—1199 гг. Хиландарю была передана пасека с зависимыми «улиярами»⁶⁴.

Таким образом, влахи в пределах средневекового Сербского государства, как показывают рассмотренные нами источники, зафиксированы лишь на его рубежах, т. е. в северо-восточной Сербии, на границе с Византией, и в юго-западной Сербии, там, где в тот период соединялись границы Зеты, Сербии и Византии. Как нам представляется, это обстоятельство указывает только на масштабы распространения владхов в пределах государства Неманичей в конце XII—начале XIII в. (т. е. на локальный, даже окраинный характер их поселений), но одновременно и на возможность каких-то передвижений вла-

хов с византийской территории (т. е. Эпира, Албании, Болгарии) в пределы Сербии⁶⁵.

Это предположение, вероятно, в известной мере подтверждается и рассмотрением сербских грамот XIII в., пожалованных Жичскому монастырю, Хумской епархии и Хиландарю⁶⁶. В частности, судя по этим источникам, возможно локализовать упоминаемых там владов в тех же двух главных районах, которые назвали уже нами, а именно на *севере* державы Неманичей и на юго-западе (т. е. в районах современной Герцеговины, Черногории и южной Сербии). Иными словами, оценивая роль сербо-владовских контактов и связей в процессе формирования сербской народности, мы должны учитывать и сам факт наличия определенных, локальных рамок распространения владов, равно как и отсутствие каких-то прямых указаний на появление владовского населения в других частях средневекового государства, в рамках которого развивалась сербская народность.

Вполне понятно, что проведенный анализ источников XI—XIII вв. позволяет нам предложить уточнения и исправления некоторых точек зрения, встречающихся в историографии. Так, например, эти материалы не позволяют признать достаточно обоснованным тезис о наличии своего рода владовских «коридоров» (или даже малых «Влахий») между Сербией и Зетой, с одной стороны, и Сербией и Болгарским царством в X в. — с другой, и о немаловажной (негативной) роли этих владовских поселений в процессе формирования сербской народности. Разумеется, можно допустить существование (и до XII в.) на территории средневековой Сербии владовского населения, которое, быть может, было тогда не столь многочисленно, как позднее, т. е. в XIII—XIV вв., и поэтому могло быстрее ассимилироваться и сливаться с окрестным славянским населением. Правда, в данной связи допустима и оговорка, что на раннем этапе консолидации сербской этнической общности славянизация романского населения могла быть очень медленной.

Показательно также, что и в XIII в. влады в Сербии носили не только романские имена, но и славянские (т. е. точно так же, как и влады в Фессалии во второй половине XI в.)⁶⁷. Все это, по нашему мнению, делает необходимым для возможно более полного исследования сербо-владовских связей и роли их в процессе складывания и развития сербской народности подробное рассмотрение опоманиче-

ских сведений, которые содержатся в сохранившихся в Дубровнике средневековых актах — так называемых локрумских фальсификатах (с учетом результатов анализа владовских имен XIII в.) и в других дубровницких документах XII в. Вместе с тем в данном случае было бы весьма целесообразно и специальное изучение данных топонимики, имеющихся в сербских грамотах XIII в., в комплексе локрумских документов. Все это позволит полнее представить разнообразные и весьма сложные этнические процессы, протекавшие на территории Сербии в XII—XIII вв.

¹ См., напр.: *Наумов Е. П.* Новое издание «Летописи попа Дуклянина» (Пересмотр прежних представлений и гипотез). — Сов. славяноведение, 1969, № 4, с. 105—108; *Он же.* К вопросу о подлинности некоторых сербских грамот XIV в. — В кн.: Славянское источниковедение. М.: Наука, 1965, с. 114—115.

² Ср.: *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография. М.: Наука, 1973, с. 140—141.

³ *Станојевић С.* Историја српскога народа. Београд, 1908, с. 49.

⁴ Там же, с. 49—50.

⁵ Там же, с. 62—63.

⁶ Там же, с. 63, 65, 72, 75.

⁷ Ср., напр.: *Ковачевић Л., Јовановић Л.* Историја српскога народа. Београд, 1894, св. 2, с. 155.

⁸ *Станојевић С.* Историја. . . , с. 76.

⁹ Там же, с. 101.

¹⁰ Там же, с. 103.

¹¹ Там же, с. 127.

¹² *Новаковић С.* Из српске историје. Нови Сад; Београд, 1966, с. 64, 70.

¹³ Подробнее о трактовке С. Новаковичем владовской проблемы см.: *Наумов Е. П.* Балканские влады и формирование древнесербской народности. — В кн.: Этническая

история восточных романцев. М.: Наука, 1979.

¹⁴ *Новаковић С.* Из српске историје, с. 61, 68, 91, 94.

¹⁵ Там же, с. 94.

¹⁶ Там же, с. 86—87.

¹⁷ Там же, с. 88.

¹⁸ См., напр.: *Ђурђевић В.* Uloga crkve u starijoj istoriji srpskog naroda. Sarajevo, 1964, с. 33, ср. там же, с. 29.

¹⁹ См., напр.: *Јовановић Ј.* Стварање црногорске државе и развој црногорске националности: Историја Црне Горе од почетка VIII вијека до 1918 г. Цетинь, 1948; *Живковић Др.* Најновија историја црногорског народа. — Стварање (Титоград), 1977, № 6, с. 932; *Brković S.* O postanku i razvoju crnogorske nacije. Titograd, 1974. Ср. выступления в дискуссии на тему: «Проблеми етнического развития в Боснии и Герцеговине». — В кн.: Прилози, год. XI—XII, №№ 11—12, Сарајево, 1975—1976, с. 263—273.

²⁰ См., напр.: *Ćirković S.* Srbi. Etnički razvoj. — In: Enciklopedija Jugoslavije. Zagreb, 1968, t. 7, s. 505—506.

²¹ Подробнее см.: выступление С. Чирковича (Прилози, год. XI—XII, №№ 11—12, с. 268—269); *Наумов Е. П.* Волошская проблема в совре-

- менной югославской историографии Проблема этнической и социальной истории средневековых владов. — В кн.: Славяно-волонские связи. Кшишев: Штимица, 1978, с. 199—217.
- ²² См., напр.: Историја народа Југославије. Београд, 1953, с. 451, ср. там же, с. 390—391.
- ²³ Подробнее см.: *Наумов Е. П.* Балканские влады. . .
- ²⁴ *Grafenauer B.* Die ethnische Gliederung und geschichtliche Rolle der westlichen Südslawen in Mittelalter. Ljubljana, 1966, S. 33—34.
- ²⁵ Там же, с. 37.
- ²⁶ Там же, с. 43.
- ²⁷ *Державин Н. С.* Славяне в древности. М.: Изд-во АН СССР, 1945, с. 47, ср. там же, с. 207, 211.
- ²⁸ Там же, с. 49.
- ²⁹ Там же, с. 213.
- ³⁰ *Литаврин Г. Г.* Этническое самосознание южных славян в VII—X вв.: К проблеме формирования раннефеодальных народностей. — В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов: VII международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М.: Наука, 1978, с. 258.
- ³¹ *Алексеев В. П., Бромлей Ю. В.* К вопросу о роли автохтонного населения в этногенезе южных славян. — В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов: VII Международный съезд славистов: Доклады советской делегации. М.: Наука, 1973, с. 231—234 и др.
- ³² См., напр.: *Наумов Е. П.* Балканские влады. . .
- ³³ См., напр.: *Бромлей Ю. В.* Этнос. . ., с. 223; *Базиев А. Т., Исеев М. И.* Язык и нация. М.: Наука, 1973, с. 190 сл.; *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь: Сказания, былины, летописи. М.: Изд-во АН СССР, 1963, с. 141—142 (о близнестве торков и берендеев на Руси); *Мауродин В. В.* Происхождение русского народа. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978, с. 115—116 и др.
- ³⁴ См., напр.: *Мауродин В. В.* Происхождение. . ., с. 65—67, 119 и др.; *Беркович М. Е.* К вопросу об особенностях процесса формирования немецкой народности. — В кн.: Средние века. М.: Наука, 1965, вып. 27; *Он же.* О характере немецкой средневековой этнической общности в XI—XIII вв. — В кн.: Средние века. М.: Наука, 1973, вып. 36 п др.
- ³⁵ См., напр.: *Бромлей Ю. В.* Этнос. . ., с. 140—141.
- ³⁶ *Мауродин В. В.* Происхождение. . ., с. 132—133.
- ³⁷ Византијски извори за историју Југославије. Београд, 1971, т. IV, с. 28.
- ³⁸ *Острогорски Г.* Историја Византије. Београд, 1959, с. 317.
- ³⁹ Сборник Константина Јиречка. Београд, 1962, т. II, с. 192, 323.
- ⁴⁰ *Соловьев А. В.* Повесть краља Душана о манастиру св. Николе у Врању. — Прилог за књижевност, језик, историју и фолклор, 1927, кн. VII, с. 112.
- ⁴¹ *Ковачевић Л., Јовановић Л.* Историја. . ., с. 170—171 (ср. также карту владских перекочевков в кн.: Симпозијум о средњовековном катуну. Сарајево, 1963, с. 29).
- ⁴² Преглед историје југословенских народа. Београд, 1960, д. 1, с. 43.
- ⁴³ *Filipović C.* Cincari (Aromuni). — In: Enciklopedija Jugoslavije. Zagreb, 1956, t. 2, s. 379.
- ⁴⁴ *Литаврин Г. Г.* Влахы византийских источников X—XIII вв. — В кн.: Юго-Восточная Европа в средние века. Кшишев: Штимица, 1972, с. 91—138.
- ⁴⁵ Там же, с. 100, ср. с. 102.
- ⁴⁶ Ср. там же, с. 99.
- ⁴⁷ Советы и рассказы Кекамена: сочинение византийского подколвда XI века/ Подгот. текста, введ., пер. и комм. — Г. Г. Литаврину. М.: Наука, 1972, с. 268—271, ср. с. 113.
- ⁴⁸ Там же, с. 268—269.
- ⁴⁹ Ср. там же, с. 561—562, примеч. 1066 (быть может, здесь нужно учесть возможность воспоминаний о провинции «Дакция рипензис»).
- ⁵⁰ Там же, с. 270—271.
- ⁵¹ О термине «мавровлах» см.: *Литаврин Г. Г.* Влахы. . ., с. 119, 132; ср.: *Наумов Е. П.* Новое издание «Летописи. . .», с. 107.
- ⁵² *Шишић Ф.* Летопис попа Дукљанина. Београд; Загреб, 1928, с. 298; ср.: *Мијушковић С.* Летопис попа Дукљанина. Титоград, с. 183—184.
- ⁵³ *Шишић Ф.* Летопис. . ., с. 298.
- ⁵⁴ *Литаврин Г. Г.* Влахы. . ., с. 132.
- ⁵⁵ См., напр.: *Заборов М. А.* Современники — хронисты и историки крестовых походов. — В кн.: Византийский временник. М.: Наука, 1965, т. 26, с. 142—143.
- ⁵⁶ *Chroust A.* Quellen zur Geschichte des Kreuzzuges Kaisers Friedrich I. Berlin, 1928, S. 28. Ср.: *Златарски В. П.* История на българската държава през средните векове. София, 1940, т. 3, с. 4.
- ⁵⁷ *Златарски В. П.* История. . ., т. 3, с. 620.
- ⁵⁸ *Попаковић С.* Законски споменици српских држава средьего века. Београд, 1912, с. 384; ср.: Споменици за средновековната и поновата историја на Македонија. Скопје, 1975, т. 1, с. 272 (см. о дате грамоты: *Баришић Ф.* Хронологички проблеми око године Немањине смрти. — В кн.: Хиландарски зборник, 1971, кн. 2, с. 48).
- ⁵⁹ См., напр.: *Наумов Е. П.* Балканские влады. . .
- ⁶⁰ *Литаврин Г. Г.* Влахы. . ., с. 120.
- ⁶¹ *Шкриванић Г.* Именик географских назива средњовековне Зете. Титоград, 1959, с. 81, 107 (см. также карту); *Лурковић М. А.* Попис села у средњовековној Србији. — Годишњак Скопског философског факултета, 1940, IV, 2, с. 71, 103 п др.
- ⁶² *Попаковић С.* Законски споменици. . ., с. 421.
- ⁶³ *Шкриванић Г.* Именик. . ., с. 44.
- ⁶⁴ *Попаковић С.* Законски споменици. . ., с. 384.
- ⁶⁵ Ср.: *Литаврин Г. Г.* Влахы. . ., с. 99, 112, 138.
- ⁶⁶ Подробнее см.: *Наумов Е. П.* Балканские влады. . .
- ⁶⁷ Советы и рассказы Кекамена, с. 257, 265, 527 (примеч. 937) и 543 (примеч. 999).

С. А. Иванова

БОЛГАРЫ И РУССКИЕ В ИЗОБРАЖЕНИИ ЛЬВА ДИАКОНА

Представления поданных Византийской империи об окружающем их страну «варварском» мире имели долгую предысторию. Еще далекие предки византийцев —

эллины классической эпохи — четко противопоставляли себя всей массе пегреков, «дикарей», говорящих на каком-то пеленом языке (слово *barbaros* — звукоподражательное, как русское «тарбарщина»). В античной литературе параллельно существовали две тенденции — негативного изображения «варваров» и их идеализации. Чем ближе к закату античности, тем сильнее начинала превалировать последняя традиция: иноземцам приписывались та природная простота и мудрость, те здоровые качества, которые павсегда утратила цивилизованная ойкумена. Глубочайший духовный кризис, сопровождавший падение Западной империи, еще сильнее поколебал господствовавшую систему взглядов на окружающий мир. Отношение к иностранцам ранневизантийских авторов изменялось в довольно широком диапазоне — от некоторой идеализации их у Агафия Мирпнейского, через доброжелательность Приска Панийского и терпимость Менандра Протиктора к настороженности Прокопия Кесарийского и, далее, открытой враждебности Аммиана Марцеллина и Феофилакта Симокатты¹. Однако канон византийской литературы последующего периода в отношении к варварскому миру сформировался на основе античной традиции «жесткого примитивизма», только к постулату культурно-государственного превосходства над чужеземцами добавилось представление о превосходстве профессиональном. Варвар паделялся самыми негативными чертами: он дик, не умеет обуздывать своих порывов, вспыльчив (византийские книжники возводили слово *Skythes* — скиф — к глаголу *skythizomai* — гневаться), склонен к бессмысленной жестокости, алчен, ради выгоды способен на все, вероломен, не признает законов, он пемьт, грязен и оборван, он труслив и хвастлив — таков примерно образ иноземца, ставший уже вполне стереотипным к X в., когда начал писать свой труд Лев Диакон.

Наши сведения о личности этого византийского историка ограничиваются тем, что он сам рассказывает о себе в своей «Истории»: Лев родился в местечке Калое в Малой Азии², по-видимому, около 950 г.³ Учился в Константинополе, где был свидетелем народного возмущения против императора Никифора Фоки весной 967 г.⁴ В 985 г. Лев присутствовал в столице при смещении временщика Василия Нофа⁵, а в 986 г., находясь при императоре Василии II в качестве придворного диакона, участвовал в его неудачном походе на болгар и чудом

спасся от смерти 17 августа этого года во время страшного поражения в Ихтиманском проходе⁶. Все предположения о дальнейшей судьбе Льва Диакона так и остаются предположениями⁷.

Среди исторических исследований по русской, болгарской и арабской истории, среди трудов по истории Византии второй половины X в. вряд ли найдется такое, где бы не использовался материал из «Истории», но Лев Диакон как писатель не привлек еще к себе достаточного внимания.

Мы рассмотрим упоминания о чужих народах, преимущественно болгарах и русских, в «Истории» Льва, попытаемся отыскать в них систему и сравнить ее со стереотипом, нарисованным выше.

Первое, на что следует обратить внимание, это отсутствие видимого различия в отношении к болгарам и русским. Ведь, казалось бы, одни были христианами и многолетними союзниками ромеев, а другие, напротив, язычниками и врагами (по крайней мере на рубеже 60—70-х годов X в.). Но подобная уравнищность отношения не покажется такой уж странной, если вспомнить, что к моменту создания «Истории»⁸ русские уже крестились и стали друзьями Византии, которая к тому времени 20 лет вела с болгарами кровопролитную войну. Хотя Болгария пребывала в лоне православной веры свыше 130 лет, в глазах многих византийских писателей ее варварская сущность не особенно изменилась⁹. О единстве веры в Константинополе вспоминали, лишь когда на то были политические причины¹⁰. Это дает нам право рассматривать фрагменты «Истории», касающиеся болгар и русских, без какой-либо дифференциации. В свою очередь, эти славянские народы не обладают у Льва Диакона особыми отличиями от прочих «варваров», на образы которых мы позволим себе иногда ссылаться.

Следует ли наш автор в изображении окружавших Византию народов сложившемуся стереотипу? Многие упоминания и характеристики чужеземцев, рассеянные в тексте «Истории», побуждают к утвердительному ответу. «Варвары» у Льва Диакона «бесстыдно дерзки», «наглые и неумные», «не знающие меры и хвастливые»¹¹. Они «ревут, как звери, и издают неслыханный и ужасный вой»¹². Скифский народ, «вечно бедный и грязный»¹³, «алчен сверх меры и жаден невероятно и падок на любое обещание прибыли или добычи»¹⁴. Недостатка в при-

мерах нет¹⁵. Реальные, хорошо известные византийцам народы наделяются у Льва Диакона сказочными чертами¹⁶. Чужестранцам в «Истории» доступны вредоносные заклинания¹⁷ и таинственные обряды¹⁸. Все это как будто свидетельствует о том, что наш автор в полном соответствии со стереотипом рассматривает «варварский» мир как что-то гетерогенное, чуждое и страшное.

Но у Льва Диакона есть не только это: он сполна отдал дань шаблону, однако цитированные общие места столь трафаретны, что производят впечатление именно отданной дани. Это становится заметно там, где Лев к машинально отштампованному клише прибавляет свое собственное живое отношение. Он будто не замечает, что зачастую дает одним и тем же людям противоречащие друг другу характеристики — настолько стерлось для него звучание стереотипа. Приведем несколько примеров.

В ответ на требование дани со стороны болгар император Никифор Фока в речи, вложенной ему в уста Львом Диаконом, презрительно называет болгарского царя Петра «предводителем, одетым в тулуп и грызущим сырую кожу, трижды рабом по рождению»¹⁹. А несколько ниже тот же Петр охарактеризован как «муж набожный и всеми почитаемый»²⁰. Русский князь Святослав, с одной стороны, «высокомерно возгордившийся по варварской своей самонадеянности»²¹, «охваченный скифским безрассудством»²² человек, а с другой — «муж пылкий и отважный, храбрый и деятельный»²³, который «понимал, что главной задачей благоразумного полководца является попытка во что бы то ни стало спасти своих людей и никогда не падать духом перед лицом несчастий, с какими бы непреодолимыми бедами он ни столкнулся»²⁴. Подобная противоречивость свойственна не только образам славян: например, арабский эмир Хамдан охарактеризован как «кличащийся и высокомерный. . . , надутый и напыщенный»²⁵ и одновременно как «муж сообразительный и энергичный, с юных лет несомненно превосходивший всех соотечественников опытом в военных делах»²⁶, «острый и проницательный ум которого мог подсказать ему правильное решение и в самых безвыходных обстоятельствах»²⁷.

Не зная наперед, о ком идет речь, мы по одной характеристике героя ни за что не сможем сказать, византиец

он или «варвар». Эпитетом *drasterios* (действительный), основным для императора Никифора, награждены не только Варда Склер и Василий Ноф, но и вышеупомянутый эмир Хамдан. Понятием *rectes* (предприимчивый) охарактеризован, наряду с Никифором и патриkiem Петром, Святослав. *Theorhiles kai sebasmios* (боголюбивый и достойный) — такими оказываются и болгарский царь Петр, и епископ Николай, и патрикий Никита. *Tolme* (дерзковенность) присуща императору Цимисхию в той же степени, что и Симеону Болгарскому. *Neanikos* (храбрым) показали себя и Лев Фока, и русский военачальник Сфенкел. Равным образом и негативные эпитеты иностранцев вполне приложимы к ромеям. *Thermoугos* (безрассудный) — это Святослав, Симеон, но также и Цимисхий, патрикий Калокир, Мануил, Торник. *Brenthyomenos* (напыщенный) — не только Хамдан, но и Мариан, Дукс и т. д.

Воинская доблесть во второй половине X в. становится одним из важнейших достоинств в византийской иерархии добродетелей: необыкновенно почитаемым становится культ святых воинов — Димитрия, Феодора Стратилата. И у Льва Диакона основное внимание переключено с гражданских деяний императоров (как это было, например, в «Жизнеописании Василия Македонянина») на воинские подвиги. Важно поэтому выяснить, как оценивает историк боевые качества «варваров». Везде, где только возможно, отмечая мужество и храбрость ромеев, автор «Истории» не может в то же время скрыть восхищения перед доблестью врагов Византии. Нередко похвал Льва Диакона удостаиваются арабы²⁸, с еще большим уважением пишет он о русских. Книги VIII и IX его труда целиком посвящены войне императора Цимисхия со Святославом. В описании Льва эта война предстает как единоборство равных, достойных друг друга противников. Много раз он пишет, что в кровопролитных сражениях до последней минуты ни одна из сторон не могла получить перевеса²⁹. Историк неоднократно повторяет, что ромеи добивались успехов «против всех ожиданий»³⁰. Признает он победы и за русскими³¹. Некоторые пассажи Льва Диакона трудно определить иначе, чем панегирик русской доблести. Приведем один пример: «Отчаянно сопротивляясь изнутри, скифы перебили тех, кто проскользнул через ворота, истребив так до 150 храбрых воинов. Узнав об этой неудаче, император. . . приказал

метать через стены огонь. Когда сильное пламя заполняло и поглотило вмиг все, что встретилось на его пути, россы числом свыше 7 тысяч вышли из цитадели и плотно встали на открытом пространстве, готовясь отразить нападение. Против них император выслал магистра Варду Склира с доблестным отрядом. Окружив их, Склир завязал бой. Когда пошла рукопашная, россы бились мужественно, не показывая врагам спины. Но ромеи перебили их всех».

Итак, ни «варварские» пароды, ни вожди в принципе ничем не уступают вождям и пароду византийскому. «Скифская» кровь, текущая в жилах паракимомена Василия Нофа, ничуть не умаляет в глазах Льва Диакона его выдающихся качеств³². Наконец, наш историк, превыше всего ценящий античность³³, считает гомеровского Ахилла русским: он якобы родился в местечке Мирмекии на Азовском море; изгнанный с родины «за дикий, жестокий и запосчивый характер», он переселился в Фессалию, оттуда отправился под Трою, а когда погиб, его спутники вернулись в родные места, принеся туда греческие мистерии³⁴. Культ Ахилла издавна был распространен в Северном Причерноморье, и Лев Диакон не был первым, кто заинтересовался «скифским происхождением» мирмидонцев и самого Ахилла³⁵; но гипотезы, бытовавшие до него, либо совсем отрывали Ахилла от Эллады, либо допускали существование двух разных, ничем друг с другом не связанных Ахиллов. Новаторство Льва Диакона в том, что он своей версией связал воедино греческий и варварский мир: Ахилл у него принадлежит Скифии и Фессалии одновременно. Значит, непроходимой пропасти между двумя мирами нет.

Совершенно иначе представлялось дело современникам Льва. Здесь можно было бы сослаться на Иоанна Камениату или Продолжателя Феофана³⁶, но наиболее рельефным кажется сравнение с коллегой Льва, писавшим не только в одно с ним время, но и об одних и тех же событиях, — с Феодосием Диаконом. В поэме Феодосия «Покорение Крита» варвары предстают как нелюди. Они — дикие звери³⁷, чудовища³⁸. Их нужно истреблять всеми средствами, не щадя ни младенцев, ни стариков³⁹. «Если кто примет кровавое омовение и искупается в крови дерзких варваров и окатит тело кровяными потоками, встанет с земли блестящим победителем»⁴⁰. Варварский мир — это миречи, только под ее покровом и покрови-

тельством варвары способны одерживать верх, они стремятся остановить наступление дня и с первым светом обращаются в бегство⁴¹. Конфликт двух миров имеет космический уровень⁴². Вселенная для Феодосия расколота пополам, и самая мысль о каком бы то ни было взаимодействии и взаимопереходе кощунственна. Два мира лежат в разных измерениях, а их встреча может привести лишь к полному уничтожению одного из них. У Льва же Диакона эти два мира конвергируют: в лице реального вельможи и мифического героя, в равной доблести и одинаковых эпитетах. Они измерены одной мерой и уже одним этим признаны до какой-то степени равноправными.

Об источниках Льва Диакона нам доподлинно ничего не известно⁴³, но мы наверняка знаем, кто послужил для него образцом стиля: это Агафий Мирипейский. Уже первый издатель и исследователь «Истории» Ш. Б. Газе отметил, что Лев многое заимствовал у этого историка VI в.⁴⁴ Кроме того, один пассаж у Льва Диакона является аллюзией на Приска Панийского — есть совпадающая деталь в описании одним Святослава, а другим — Аттилы, вождя гуннов⁴⁵. Вспомним, в какой связи были упомянуты выше два этих автора: оба они отличались симпатией к варварскому миру. Однако в византийской литературе последующих веков было капопизировано совсем иное отношение к соседям империи.

Люди в древности прочитывали за свою жизнь немного, но зато крепко запоминали прочитанное. Византийцы же, находясь под жестким контролем государственной власти, с особой чуткостью воспринимали намеки и нюансы. Заимствование в этих условиях означает не духовную скудость, но особое обращение к читателю с целью вызвать в нем определенные ассоциации⁴⁶. Так что выбор Львом Диаконом образца для стилистического подражания сразу бросался в глаза его читателям. Подобный выбор уже был для писателя заявкой на многое — значит, подмеченные нами у Льва особенности, отличающие его от всех современников, не случайны; они являются частью продуманной системы. В чем она?

У Агафия и Приска положительная оценка варваров сопряжена с некоторой неудовлетворенностью внутренней ситуацией в самой Византии⁴⁷. Можно утверждать, что одно представляет собой коррелят для другого. Тем настойчивее идеализирует Агафий порядки варварских государств, чем глубже его разочарование в имперских поряд-

ках. То же находим и у Льва Диакона: система его образов, отношение к своим героям, принципы отбора и организации материала, восстановление аутентичности в качестве образца, восприятие судьбы — все то, изложение чего увело бы нас слишком далеко от поставленной темы, убеждает в глубоко пессимистическом характере мироощущения Льва. Не вполне ясно, приводил ли историк прямые аналогии своего времени с эпохой Агафия⁴⁸, но душевный настрой этого автора, безусловно, гармонировал с настроением Льва Диакона: нет оснований чваниться превосходством над варваром, когда в самой Византии нечем и нечем гордиться, когда с каждым днем все становится только хуже, так что впереди — разве что конец света⁴⁹.

Время, в которое жил Лев Диакон, было переходным. Наступавший XI в. нес с собой большие перемены в жизни Византии. Дал трещину господствовавшей доселе литературный канон. Сочинение Льва Диакона несет на себе печать этого перелома. Поэтому у него мы встретим много такого, что было забыто или вообще не существовало в литературе трех предыдущих столетий. В значительной мере это относится и к принципам описания «варварского» мира, в частности мира славян.

В литературе неоднократно высказывалось мнение, что известия Льва Диакона о чужих народах не заслуживают серьезного внимания, поскольку якобы целиком строятся на стереотипе⁵⁰. Выше мы пытались показать, что мироощущение Льва располагало не к самодовольному пренебрежению, знаком которого часто и является стереотип, а скорее, к заинтересованному вниманию. Приведем в заключение несколько примеров того, насколько достоверным источником сведений о «варварах» является труд Льва Диакона.

В «Истории» есть следующий пассаж о загробных представлениях русских: «... рассказывают еще и то, что они вплоть до нынешних времен, даже побежденные, не сдаются в плен врагам, но, отчаявшись в спасении, воззывают в себя меч и так копают с собой. Делают они это потому, что среди них бытует такое поверье: они говорят, что убитые в бою врагами после смерти и отделения души от тела прислуживают в аду своим убийцам. Опасаясь этого рабства, не желая быть в подчинении у своих убийц, тавроскифы погибают от собственной руки. Вот какое мнение господствует среди них»⁵¹. Высказывалось пред-

положение, что Лев перенес на русских литературную традицию о древних гето-даках⁵², и предположение это — результат отмеченного уже недоверия к историку. Между тем видный венгерский ученый Д. Моравчик убедительно показал, что описанные Львом поверья действительно существовали у многих кочевых народов, представители которых входили в войско Святослава⁵³: «Лев Диакон... не переносит в современность сюжет старых сочинений, но рисует реальные, живые в его время представления»⁵⁴.

Данью, заплаченной стереотипу, считаются и многие известия нашего историка о неславянских народах. Например, пикто до сих пор не усомнился, что его рассказ о том, будто печенеги питаются вшами⁵⁵, есть всего лишь заимствование из Геродота⁵⁶. Однако живший в том же X в. арабский путешественник Ибн-Фадлан, уж явно не имевший представления о геродотовской традиции, сообщает, что башкиры, которых он лично наблюдал во время своей поездки на Волгу, едят вшей⁵⁷. Топнотворные подробности описания развеивают всякие сомнения в его подлинности. Может быть, и здесь Лев Диакон опирается не на стереотип, а на факты?

И, наконец, последний пример. О похоронных обрядах русских историк повествует так: «...они вышли на равнину и стали искать тела своих убитых. Потом, собрав их к стене (осажденного Доростола. — С. И.), разожгли много костров и предали их огню, по обычаю предков заклад там множество пленников, мужчин и женщин. Когда были совершены жертвоприношения теням усопших, они стали дупить грудных младенцев и петухов, топя их в водах реки»⁵⁸. Советский исследователь М. Я. Сюзюмов считает, что «сообщение Льва Диакона о похоронах русских воинов представляет собой экскурс в схоластическую ученость, и потому все подробности... можно считать недостоверными»⁵⁹. Посмотрим, однако, есть ли у обрядов, описанных Львом Диаконом, параллели в других источниках, не зависящих от византийской схоластики. Расчленим его сообщение на части и разберем каждую отдельно. Первое: русские сжигают своих покойников. Об этом, кроме Льва, пишут Ибн-Фадлан, Ал-Бекри, Истахари, Ибн-Хадис, Масуди, Мубарак-шах и другие арабские писатели⁶⁰. Тот же обряд засвидетельствован и для других ветвей славянства⁶¹. Второе: славяне приносят в жертву пленных. Мы находим упомина-

ния об этом в хрониках Длугоша, Титмара, Гельмольда⁶². Третье: принесение в жертву женщины⁶³. Такие свидетельства посят массовый характер, даже если не брать собственно византийскую литературу, где подобный обряд также отмечен⁶⁴, об убийстве жены покойного на его могиле рассказывают Титмар, Боппфацц⁶⁵, Ибн-Фадлан, Ал-Бекри и многие другие⁶⁶. Четвертое: удушение жертвы. Лев Диакон мог ограничиться словами, что русские топили жертвуемых в Дунае, но сверх того он еще замечает, что жертвы были задушены (αερπίχαν). На этот нюанс, кстати, не обратил внимания автор немецкого перевода «Истории»⁶⁷. Именно такой способ ритуального убийства у славян засвидетельствовал Ибн-Русте, Исхаканом Ибн-ал-Хусаином, Худудом-ал-Аламом, Ибн-Фадланом и т. д.⁶⁸ Пятое: принесение в жертву младенцев. Это — единственный мотив, которому мы могли подыскать лишь греческую параллель⁶⁹ и который поэтому нельзя защитить от обвинений в схоластицизме. Шестое: приношение в жертву петухов отражено не только во многих источниках (Константин Багрянородный⁷⁰, Ибн-Фадлан⁷¹, «Слово христороубца»⁷² и др.), но и в мифологии, где образ петуха неразрывно связан со смертью⁷³. Это подтверждается как археологами⁷⁴, так и этнографами⁷⁵ — у многих славянских народов подобный обряд существует и по сей день.

Не обязательно все перечисленные действия совершались именно в ночь на 21 июля 971 г., как это представлено в «Истории». Лев Диакон мог для вящего драматизма сконцентрировать все, что ему было известно, на кульминационный момент повествования⁷⁶. Но нет никаких оснований обвинять его в несамостоятельности — известия историка являют собой плод большого интереса к чужим народам и особенно к славянам. Интерес этот, как мы старались показать выше, возник не на пустом месте и не случайно.

¹ Удальцова З. В. Идеино-политическая борьба в ранней Византии. М.: «Наука», 1974. с. 70—72, 108—109, 187—189, 228—231, 261, 284.

² Leonis Diaconi Caloensis Historiae libri X ex recensione Hassii. Bonnae, 1828 (далее — *Leo.*), р. 5.4—5.

³ О времени жизни Льва Диакона — см.: Карышковский П. О. Балканские войны Святослава в византийской исторической литературе. — В кн.: Византийский временник. М.: Наука, 1953, т. 6, с. 37; Сюзюмов М. Я. Мировоззрение Льва Диакона. — В кн.: Ап-

тичная древность и средние века. Свердловск, 1971, т. 7, с. 141—142; *Panaiotakis N. M. Leo ho Diakonos.* Athenae, 1965, s. 4—5.

⁴ *Leo.*, р. 65.8—9.

⁵ *Leo.*, р. 172.14—15.

⁶ *Leo.*, р. 172.24—173.7.

⁷ Карышковский П. О. Балканские войны... с. 47; Сюзюмов М. Я. Мировоззрение... с. 127, 138—141; *Panaiotakis N. M. Leo ho Diakonos.* ... с. 39.

⁸ Последнее точно датированное событие в «Истории» относится к 13 мая 994 г. (*Leo.*, р. 176.4—7). Нет оснований считать этот пассаж интерполяцией.

⁹ См., напр.: *Scriptores post Theophanem.* — In: *Corpus scriptorum historiae byzantinae.* Bonnae, 1838 (далее — *CSHB*), р. 342; 388.

¹⁰ См., напр.: *Leo.*, р. 79.5—8; 16—18.

¹¹ *Leo.*, р. 19.14—15; 21.20—21.

¹² *Leo.*, р. 133.18—19.

¹³ *Leo.*, р. 61.20.

¹⁴ *Leo.*, р. 77.7—9.

¹⁵ *Leo.*, р. 105.3—9; 126.8—9; 139.5—7; 141.3—5; 150.15; 159.4—5.

¹⁶ *Leo.*, р. 35.5—7; 157.17.

¹⁷ *Leo.*, р. 24.19—25.4.

¹⁸ *Leo.*, р. 149.21—150.4.

¹⁹ *Leo.*, р. 62.5. 8.

²⁰ *Leo.*, р. 78.11.

²¹ *Leo.*, р. 105.2—3.

²² *Leo.*, р. 139.5.

²³ *Leo.*, р. 77.20.

²⁴ *Leo.*, р. 155.17—19.

²⁵ *Leo.*, р. 22.7—10.

²⁶ *Leo.*, р. 17.8—18.2.

²⁷ *Leo.*, р. 23.1—2.

²⁸ *Leo.*, р. 15.13—16.14; 25.10; 26.10—15; 52.12—14; 59.22—24; 60.6—17; 82.12—14.

²⁹ *Leo.*, р. 110.10—11; 133.21; 140.15—16; 144.16—18.

³⁰ *Leo.*, р. 132.24—133.1; 159.3.

³¹ *Leo.*, р. 148.23—24; 152.16—19; 153.9—14.

³² *Leo.*, р. 46.19—47.1; Сюзюмов М. Я. Мировоззрение... с. 135.

³³ Сюзюмов М. Я. Мировоззрение... с. 133.

³⁴ *Leo.*, р. 150.4—8.

³⁵ См.: Васильевский В. Г. Труды Спб., 1899, т. 1, вып. 1., с. 286—289; Карышковский П. О. Лев Диакон о Тмутарканской Руси. — В кн.: Византийский Временник. М.: Наука, 1961, т. 17, с. 50—51.

³⁶ См., напр.: *Scriptores post Theophanem.* — *CSHB*, р. 512.5—13.

³⁷ *Theodosius Diaconus. De Creta capta/ Ed. Criscuolo H. Leipzig, 1979. 110; 208—209; 413; 734; 849; 922.*

³⁸ *Ibid.*, 114—124; 680; 812.

³⁹ *Ibid.*, 332—244; 1002—1020.

⁴⁰ *Ibid.*, 89—92.

⁴¹ *Ibid.*, 626—632; 651—662.

⁴² *Ibid.*, 918—929.

⁴³ См.: Сюзюмов М. Я. Об источниках Льва Диакона и Скилицы. — В кн.: Византийское обозрение. Юрьев, 1916, т. 2, с. 139—162.

⁴⁴ Правда, нам представляется, что Лев не так уж безоглядно списывает с Агафия, как это казалось Газе: из 48 мест, которые Газе рассматривает как заимствованные у Агафия, бесспорными нам представляются лишь 7.

⁴⁵ Сюзюмов М. Я. Об источниках... с. 143.

⁴⁶ *Beck H.-G. Byzantinistik heute. München, 1976. S. 16.*

⁴⁷ Удальцова З. В. Идеино-политическая борьба... с. 118—121, 209—212.

⁴⁸ Отношение Агафия к императорам Юстиниану и Юстиниу столь же неоднозначно, как и отношение Льва к императорам Никифору и Цимисхию. Это породило противоречивые оценки исследователей. См.: Карышковский П. О. Балканские войны... с. 50; *Tinnefeld F. H. Kategorien der*

Kaiserkritik in der byzantinischen Historiographie. München, 1971, S. 185.

М. Я. Сюзюмов в разное время приходил к разным выводам на этот счет (см.: *Сюзюмов М. Я.* Об источниках. . ., с. 140—143; *Он же.* Мировоззрение. . ., с. 131).⁴⁹ *Leo.*, p. 169.7—13; p. 176.7—12. Об асхатологизме Льва см.: *Сюзюмов М. Я.* Мировоззрение. . ., с. 132; примеч. 9 на с. 142.

⁵⁰ *Геденов С. П.* Варяги и Русь. СПб., 1876, ч. II, с. 43, примеч. 130; *Ламбин Н. П.* О годе смерти Святослава Игоревича. — Записки Академии наук, 1876, т. 28, кн. 1, с. 131 и др.

⁵¹ *Leo.*, p. 151.22—152.7.

⁵² *Grecu V.* La valeur litteraire des oeuvres historiques byzantines. — *Byzantinoslavica*, 1953, XIII, 2, p. 257.

⁵³ *Moravcsik Gy.* Zum Bericht des Leo Diaconos über den Glauben an die Dienstleistung in Jenseits. — In: *Studia Antiqua*. Praha, 1955, S. 74—76.

⁵⁴ *Ibid.*, S. 76.

⁵⁵ *Leo.*, p. 157.17.

⁵⁶ Слово *phtheig* имеет в греческом языке два основных значения — «вошь» и «шишка». Лев Диакон, очевидно, имеет в виду первое значение, а что здесь хотели сказать Геродот, Страбон, Арриан и другие античные авторы, для нас сейчас неважно. Отметим все же, что аргументы, приведенные в статье В. Ф. Беляева в пользу второго значения *phtheig*, не совсем убедительны (см.: *Беляев В. Ф.* К вопросу о толковании и этнической принадлежности древнегреческого этнонима *phtheiro phagoi*. — ВДИ, 1964, № 3, с. 130—136). Перечисляя упоминания о фтирофагах, автор статьи не называет Льва Диакона.

⁵⁷ *Ковалевский А. П.* Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков: Изд-во ХГУ, 1956, № 37, с. 130.

⁵⁸ *Leo.*, p. 149.19—24.

⁵⁹ *Сюзюмов М. Я.* Вспомогательные науки и внутрениая критика источника при датировке событий. — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. Свердловск, 1974, т. 1, с. 8.

⁶⁰ *Ковалевский А. П.* Книга. . ., § 100, с. 143; *Куник А., Розен В.* Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. СПб., 1878, ч. 1, с. 62; *Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М.: Наука, 1967, т. II, с. 103—104.

⁶¹ *Нидерле Л.* Славянские древности. М.: Изд-во иностранной литературы, 1956, с. 207.

⁶² *Срезневский И. И.* О языческом богослужении древних славян. Харьков, 1846, с. 77—78.

⁶³ «Пленные женщины» — это, видимо, паложницы русских воинов, взятые ими среди болгарок. В русском переводе «Истории», выполненном 160 лет назад, данное место в обход буквального смысла передано как «пленных и женщин» (История Льва Диакона Калойского и другие сочинения византийских писателей, изданные в первый раз с рукописей королевской парижской библиотеки, переведено с греческого Д. Поповым. СПб., 1820, с. 93).

⁶⁴ *Mauricius.* *Acta militaria*, ed. Mihaescu H. Bucuresti, 1970, p. 278.10—13; *Leonis Tactica sive de Re militari liber*, 1612, p. 301.

⁶⁵ *Нидерле Л.* Славянские древности. . ., с. 209.

⁶⁶ *Ковалевский А. П.* Книга. . ., § 102, с. 143; *Куник А., Розен В.* Известия. . ., с. 56, 64;

Заходер Б. П. Каспийский свод. . ., с. 103—104, 112—114.

⁶⁷ *Nikephoros Phokas* «Der bleiche Tod der Sarazenen» und *Johannes Tzimiskes: Die Zeit von 959 bis 976 in der Darstellung des Leo Diaconos/ Übersetzt von F. Loretto.* Styria, 1961, S. 137.

⁶⁸ *Заходер Б. П.* Каспийский свод. . ., с. 113; *Срезневский И. И.* О языческом богослужении. . ., с. 78.

⁶⁹ *Pseudo—Caesarii Dialogus*, II. — in: *Patrologia Graeca*. Paris, v. 38, 1858, p. 985.

⁷⁰ *Constantini Porphyrogenniti De administrando imperio.* Budapest, 1949, v. 1, p. 60, 73—78.

⁷¹ *Ковалевский А. П.* Книга. . ., § 107; 110, с. 144.

⁷² Памятники древнерусской церковноучительной литературы. СПб., 1897, вып. III, с. 224, 227.

⁷³ *Gajek J.* Kogut w wierzeniach ludowych. Lwow, 1934, s. 56, 94—105, 151.

⁷⁴ *Lewicki T.* Les rites funeraires paiens des slaves occidentaux et des anciens Russes d'apres les relations — remontant surtout aux IX—X siecles — des voyageurs et des ecrivains arabes. — *Folia Orientalia*, 1963, V, p. 58.

⁷⁵ *Дуйчев И.* К вопросу о языческих жертвоприношениях в Древней Руси. — В кн.: Культурное наследие Древней Руси. М.: Наука, 1976, с. 33—34.

⁷⁶ Поэтому вопрос, имело ли место в ту ночь полнолуние, не играет той роли, которую ему уделяет М. Я. Сюзюмов. Видимо, с полнолунием были связаны какие-то из описанных обрядов, и Лев Диакон, не будучи очевидцем событий, спокойно отнес его на 21 июля

О. В. Иванова

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СЛАВЯН В ДОЛИНАХ СТРУМЫ И ВАРДАРА в VII—VIII вв.

История славянских народов, обосновавшихся в конце VI в. в долинах рек Струмы и Вардара, и в настоящее время продолжает привлекать внимание исследователей. Основательно разрабатываются вопросы политической истории славян в этом регионе, главным образом их взаимоотношения с Византией¹. Однако до сих пор ни в советской, ни в одной из балканских историографий нет специальной работы, рассматривающей социально-экономическое развитие славянского общества в долинах Струмы и Вардара в VII—VIII вв. Поэтому мы поставили своей задачей попытаться воссоздать на материалах письменных источников и данных археологии картину хозяйственной жизни македонских Склавиний в период после окончательного утверждения на завоеванных землях до включе-

ния их в состав Византийской империи и Болгарского государства. Исследование данной проблемы имеет большое значение. Оно позволило бы определить стадию общественно-экономического развития славянского общества, выявило бы основные тенденции социального и политического развития Склавиний в рассматриваемый период.

Выделение указанного региона в нашем исследовании совершенно не означает, что обосновавшееся в долинах Струмы и Вардара славянское население оказалось замкнутым обществом, оторванным от основной массы родственных им племен на Балканском полуострове. Есть достаточно свидетельств письменных источников, подтверждающих их связи, в том числе и торговые отношения, со славянами, жившими к северу от Балканского хребта и в южной Фракии. Однако, как уже отмечалось в историографии, славянские народы, называемые в источниках стримонцами, ринхинами, сагудатами, драгувитами, велегезитами, вайюпитами и верзитами, захватив экономически более развитые и не так сильно пострадавшие от набегов «варваров» провинции империи, оказались в лучших по сравнению с другими славянами Балканского полуострова условиях для развития хозяйственной и культурной жизни². В силу ряда политических и исторических причин македонские, фессалийские и пелопоннесские Склавинии не смогли стать единым самостоятельным государством, однако они сыграли важную роль в судьбах народов Балканского полуострова.

Крайняя скудость источниковедческого материала не позволяет в настоящее время решить ряд вопросов, связанных с характером и уровнем развития культурно-хозяйственного типа славянского общества в VII—VIII вв., а решение ряда других вопросов возможно лишь в форме гипотезы. Самым важным и почти единственным письменным источником для изучения социально-экономической истории славян данного региона в VII—VIII вв. является византийское агиографическое сочинение VII в. «Чудеса св. Димитрия»³. Подробно рассказывая о нападениях славян на Фессалонику, авторы первой и второй книг сообщают нам ряд прямых и косвенных сведений о хозяйственной жизни этих народов.

Большая роль в изучении материальной культуры народов принадлежит археологии. Для изучения многих вопросов рассматриваемой проблемы археологический

материал является единственным источником. Необходимо отметить, однако, что исследования памятников материальной культуры славян в данном регионе археологами начались сравнительно недавно и ведутся неравномерно в разных областях. К сожалению, полученный археологами материал недостаточно изучен и систематизирован, некоторая его часть пока недоступна для широкого круга исследователей, интерпретация находок археологами часто бывает различной. Значительным препятствием в разработке поставленной проблемы является отсутствие труда, обобщающего археологический материал, полученный хотя бы на данном этапе исследования региона⁴.

Плохое состояние письменных источников делает дискуссионным вопрос о времени расселения славян в южной части Балканского полуострова и не позволяет определить примерную численность и плотность славянских поселений в отдельных местах. Большинство исследователей сходится во мнении, что в последней четверти VI в. переселения славян носили массовый характер и достигли южных областей Греции⁵. Относительно территорий, занимаемых славянами в VII—VIII вв., немногочисленные сведения нарративных памятников сводятся к следующему. К западу от Фессалоники на плодородной Солунской равнине, по нижнему течению Вардара и вдоль Бистрицы до г. Верия, располагались селения драгувитов и сагудатов. Учитывая, что сагудаты осаждали город со стороны моря⁶, можно предполагать, что они также занимали прибрежную полосу вдоль Солунского залива. К северу от драгувитов и сагудатов, где-то по среднему течению Вардара или вдоль его притоков, находилась упоминаемая в Хронографии Феофана (вторая половина VIII—начало IX в.) Верзития⁷, точное местонахождение которой указать трудно. По мнению некоторых исследователей, верзиты занимали область в районе современных городов Битола—Прилеп—Титов Велес—Кичево—Охрид—Дебар⁸. На равнинах по среднему и нижнему течению Струмы и ее притока Струмицы вплоть до впадения реки в Орфаский залив жили стримонцы. Население именно этой группы, вероятно, освоило и горные области в междуречье Струмы и Месты, где, по сообщению автора второй книги «Чудеса св. Димитрия», славяне преградили путь византийскому войску, выступившему против Склавиний в 80-х годах VII в.⁹ Педалеко

от стримонцев по течению р. Ринхип, пока с точностью не идентифицированной исследователями, располагалось сильное племя ринхинов, выступившее инициатором пятой осады Фессалоники. Владения их имели выход к морю. Вероятно, первоначально ринхины жили к востоку от Фессалоники, в районе оз. Бешик, и занимали часть Халкидики¹⁰. В VIII в. ринхины и сагудаты переселились в южную часть п-ова Халкидика и оказались вблизи Афона, как сообщает поздняя легенда¹¹.

На плодородных равнинах Фессалии обосновались велегезиты, территория их поселений охватывала и прибрежные области в районе городов Фивы и Димитриада. В Эпире, где-то в районе г. Янины, находились вайюпиты¹². Из пелопоннесских славян нам известны только имена милипгов и эзеритов, поселившихся в южной части полуострова на склонах горных хребтов Тайгета.

Изучение славянской топонимики на Балканах показало, что топонимы являются ценным источником по истории южных славян. Результаты этих исследований во многом дополняют и уточняют скупые данные письменных источников. Болгарский ученый И. Заимов, исследовав древность и географическое распределение славянских топонимов, сделал вывод о путях проникновения и расселения славян на Балканском полуострове в VI—VII вв. и о миграции отдельных групп населения в последующих столетиях¹³. Наиболее древним и широко распространенным видом топонимов (не только в болгарском, но и в других славянских языках) являются названия на -яне, -ане типа «доляне», «горичане» и пр. (особый интерес представляют имена этого типа, образованные от исчезнувших или редких основ), поэтому главные пути расселения славян, по мнению автора, до какой-то степени совпадают с распространением этого типа топонимов¹⁴. Исходя из этого положения, И. Заимов сделал заключение, что один из главных путей славянского потока проходил по Тимоку и Мораве на юг, делясь там на два рукава: один — по Струме к Солуни, к побережью Белого моря и Халкидике, другой — в Македонию, Албанию, Фессалию и далее в Центральную Грецию, Пелопоннес, Крит¹⁵. В северной части полуострова движение проходило по рекам и долинам, а в южной, где противодействие византийских гарнизонов было сильнее, — по горам. Такое наблюдение сделали и исследователи славянских географических названий в Греции: в горных областях

Ахайи и Лаконии славянские названия встречаются каждые три мили¹⁶.

Изучение географического распределения древней части топонимов позволило сделать вывод о том, что первоначально наиболее густо была заселена территория Македонии с прилегающими областями, в том числе и район вокруг Фессалоники, причем наличие славянских поселений здесь отмечено как на равнинах, так и в горах. И. Заимов также установил, основываясь на топонимике и учитывая сходство солунских и родопских говоров, что, спустя некоторое время, часть населения из окрестностей Фессалоники, нижней Струмы и Халкидики переселилась в область Родопских гор¹⁷.

Выводы лингвистики (принимая, конечно, во внимание условность датировки возникновения топонимов, а следовательно — и самих поселений) можно сопоставить со свидетельствами византийских авторов о славянах в районе Фессалоники во второй половине VII в. Пятая осада города, предпринятая славянами в 675—677 гг. и описанная во второй книге «Чудеса св. Димитрия», значительно превосходила все предшествующие: в течение двух лет славяне непрерывно осаждали с суши и с моря второй по величине город империи, окруженный мощной крепостной стеной. Строительство множества кораблей и осадных орудий, почти постоянные боевые действия и четкая их организация — все это требовало больших материальных и людских ресурсов, обеспечить которые могло только оседлое, хорошо наладившее свою экономическую жизнь население. По замечанию автора второй книги «Чудеса св. Димитрия», славянские деревни были хорошо видны со стен города¹⁸.

Два более сильных славянских народа (стримонцы и ринхины), вероятно, обладавшие и наибольшей степенью политической организации в сравнении с другими славянами этого региона, ко второй половине VII в. утратили свои племенные названия (возможно, в результате смешения на Стримоне ряда племен) и именовались по рекам, в долинах которых жили уже в течение нескольких десятков лет. Все это позволяет говорить о том, что славяне, заняв долины Струмы и Вардара, Фессалию и прилегающие области, в начале VII в. прочно осели здесь и успешно осваивали завоеванные территории. Их поселения вплотную подходили к окрестностям Фессалоники.

Основная часть славянского населения, можно предполагать, была занята земледельческим трудом. Зерновое хозяйство составляло главную традиционную отрасль сельскохозяйственного производства славян. Об этом говорят византийские авторы Прокопий, Псевдо-Маврикий, Менаандр, описывающие славянские поселения VI в. на левом берегу Дуная. Псевдо-Маврикий называет просо и пшеницу основными сельскохозяйственными культурами славян¹⁹.

Зерновое хозяйство сохранило свое значение доминирующей отрасли производства и в местах новых поселений славян, где они занимали, как уже говорилось выше, главным образом территории, удобные для земледелия. По данным второй книги «Чудеса св. Димитрия», относящимся к 70-м годам VII в., велегезиты в Фессалии, драгушиты, сагудаты и другие в окрестностях Фессалоники выращивали хлеб, а пшеничку даже продавали городу²⁰. В этом же источнике есть и другое упоминание, относящееся к более раннему времени (к концу VI—началу VII в.), что славяне, опустошая окрестности Фессалоники, захватывали у местного населения «орудия, необходимые для жатвы» (*τῶν ἐπὶ ἐργασίᾳ τοῦ ἀμπελοῦ σκευῶν*)²¹. Это сообщение источника говорит в пользу того мнения, что уже в начале VII в. славянские поселенцы занимались мирным сельскохозяйственным трудом на завоеванных землях, охотно используя технику местного населения, а не вели паразитический образ жизни, получая основной доход от грабежа, как иногда утверждалось в литературе²².

Во время археологических раскопок славянских поселений VIII—X вв. в верхнем и среднем течении Струмы и Месты было найдено несколько зернохранилищ, содержащих большое количество зерен пшеницы и проса²³.

Занимая плодородные равнины в Фессалии, в долинах Струмы, Вардара и Месты, славянские племена получали не запущенные или целинные, а хорошо обработанные земли со сложившимся сельскохозяйственным комплексом. Можно предполагать, что в изучаемом регионе они рано вошли в контакт с местным населением и быстро усвоили его производственный опыт и материально-производственную культуру²⁴. Почва для мирных контактов была подготовлена в период длительного пребывания славян на левобережье Дуная²⁵: кроме общения с местным романизированным и эллинизированным населением, не-

обходимо учитывать и тот факт, что славяне, нападая на византийские земли в VI в., захватывали и уводили за Дунай тысячи пленных, труд которых они использовали в своем хозяйстве, перенимая, несомненно, их производственные навыки.

Влияние более развитой материальной культуры могло привести, по мнению югославских археологов, к сглаживанию специфики бытового материала, орудий труда и т. д. у славян в южной и центральной части полуострова, что объясняет в какой-то степени почти полное отсутствие чисто славянского археологического материала VI—VII вв. в исследуемом регионе. По их мнению, на Балканах не следует искать славянскую культуру, полностью идентичную той, которую они принесли со своей родины²⁶.

Мы не располагаем данными о системе землепользования у славян в VII—VIII вв. в долинах Струмы и Вардара, а также данными о сельскохозяйственной технике. Находки орудий труда во время археологических раскопок редки, ограничиваются почти исключительно железными серпами, косами и каменными жерновами²⁷. Изучение свидетельств более поздних источников позволило Н. Кондову сделать общий вывод об использовании славянами в период раннего средневековья двухпольной системы пашенного земледелия с различным сочетанием культур для разных районов Балканского полуострова в зависимости от почвенных и климатических условий²⁸.

Наряду с зерновым хозяйством развивались и другие отрасли земледелия. Многочисленные находки в славянских поселениях пряслиц для веретен²⁹ свидетельствуют о выращивании льна (возделывание которого ведет свое начало на балканских землях с древнейших времен), возможно, и хлопка. Имелись и другие технические культуры, в частности, конопля. Особенности климатических и почвенных условий, наличие сложившихся отраслей сельскохозяйственного производства на землях новых поселений славян определили своеобразие их культурно-хозяйственного типа. Важными отраслями земледелия у славян в Македонии и Фессалии стали огородничество, садоводство и виноградарство.

В «Чудесах св. Димитрия» есть рассказ о том, что во время пятой осады Фессалоники жители города, измученные голодом, отправили посольство к велегезитам, жившим в районе городов Фивы и Димитриада, с просьбой продать

им хлеб, овощи и сушеные фрукты: «И тогда римские правители города и горожане отпраздновали оставшиеся суда. . . в области Фив и Димитриады к пароду велегезитов, чтобы, наконец, достать себе пропитание. Они должны были купить [у велегезитов] сушеные фрукты для небольшого облегчения городу»³⁰. И ниже: «А через несколько дней и те, кто уходил к велегезитам, [вернулись] с хлебом и овощами. . .»³¹. Из крепких виноградных лоз осаждающие снимали лестницы и другие «оборудования», необходимые для штурма стен города³². В другом месте повествуется о том, что при отступлении из окрестностей Фессалоники славяне забирали из своих хижин хлеб, овощи и фрукты,³³ составлявшие, вероятно, главные продукты питания славянского населения.

В источнике X в. — сочинении Иоанна Камениата «На взятие Фессалоники» — говорится о том, что к западу от Фессалоники, там, где располагались селения драгувитов и сагудатов, город окружали сады и виноградники³⁴. Запродажная 897 г. также содержит упоминание виноградников в селении Драгунитов, находящемся к востоку от города³⁵. Среди разнообразных предметов из металла, открытых в славянских поселениях в Пиринской Македонии, найдены кривые садовые ножи и ножи для подрезывания винограда³⁶.

К сожалению, трудно определить соотношение различных отраслей земледелия у славян в изучаемом регионе, но мы можем, однако, предполагать, что у некоторых племен виноградарство и плодоводство играли не менее важную роль, чем зерновое хозяйство, являясь более интенсивной отраслью для определенных географических районов.

Второй важной отраслью сельскохозяйственного производства славян было скотоводство. Разводили крупный рогатый скот и лошадей, необходимых в сельскохозяйственных работах, молочный и мясной скот, овец, коз, свиней. Костные остатки этих животных находят в кухонных ямах почти повсеместно на Балканском полуострове в славянских поселениях VI—X вв. Псевдо-Маврикий писал, что у славян «многожество всяких животных», козкретно называя волов и коз³⁷. Богатые табуны у славян в VI в. отмечает Иоанн Эфесский³⁸.

О наличии скотоводства у племен, поселившихся в долинах Струмы и Вардара и в Фессалии в VII—VIII вв., мы можем судить лишь на основе косвенных известий

византийских источников. Так, в «Чудесах св. Димитрия» есть упоминание о том, что во время осад Фессалоники славяне покрывали осадные машины и корабли, чтобы они не воспламенялись, большим количеством свежесодраных шкур волов³⁹. А в эпизоде с пленением славянами епископа Киприана говорится, что они заставили епископа чистить свои конюшни⁴⁰. Захвачен епископ был скорее всего велегезитами («где-то в землях Эллады» по пути в Фессалонику), населявшими, как уже говорилось выше, долины Фессалии, которая с древнейших времен славилась коневодством. О развитии коневодства у славян говорят и многочисленные находки подков, шпор и остатков конской сбруи на территории расселения славян в VII—VIII вв.⁴¹ Лошадь использовалась не только как тягловое животное: по свидетельствам византийских историков Прокопия Кесарийского (VI в.) и Феофилакта Симокатты (к. VI—н. VII в.), отряды конницы имелись в славянском войске еще в VI в. Славянскую конницу византийцы использовали в войне против готов в Италии⁴².

К сожалению, археология не дает нам более точных данных о развитии скотоводства у славян в долинах Струмы и Вардара, поэтому нам представляется возможным привлечь в сравнительном плане результаты изучения процентного соотношения костных остатков домашних и диких животных в пищевых отбросах из раннего славянского поселения в северной Болгарии, открытого в с. Попино в районе г. Силистры (принимая во внимание, что заселение этих областей происходило приблизительно в одно время и что уровень социально-экономического развития этих групп славянства был также приблизительно одинаковым): более 99% составляют кости домашних животных и птиц (крупный рогатый скот, овца, коза, свинья, лошадь, собака, курица) и менее 1% — кости диких животных. Вероятно, охота занимала незначительное место в жизни населения этой деревни. Среди домашних животных около 70% составляют кости крупного рогатого скота, 14 — кости свиньи, почти 10 — мелкого рогатого скота, 7,6% — лошади (лошади, видимо, редко употреблялись в пищу, так как большое количество их требовалось для сельскохозяйственных работ и на военные нужды). Сравнительное изучение различных пластов показало тенденцию к возрастанию со временем употребления населением в пищу мяса крупного рогатого скота⁴³.

что, в свою очередь, свидетельствует о прогрессивном развитии животноводства у славян.

В горных областях в междуречье Струмы и Месты, в Эпире, где было много лугов и пастбищ, пастушество играло важную роль в жизни славянского населения⁴⁴.

Рыбные остатки в кухонных ямах очень невелики (0,18%), что побудило некоторых археологов сделать вывод о том, что рыба редко употреблялась в пищу даже у тех славянских племен, которые жили на берегах полноводных и богатых рыбой рек⁴⁵. Однако наличие большого количества судов у славян, засвидетельствованное в «Чудесах св. Димитрия» и в других источниках, а также найденные археологами в славянских поселениях на Струме и Месте рыболовные крючки, удочки, остатки сетей и грузила для них⁴⁶ позволяют все же предполагать, что рыболовство было важной, хотя и подсобной, отраслью у славян Македонии.

Несколько славянских поселений, датируемых VIII—X вв., было открыто болгарскими археологами в результате раскопок, проведенных в южной и юго-западной частях страны (Перник и Долно Церово на Струме, Абланица — на Месте, Хасково, Пловдив — на Марице и ее притоках и др.). Исследованные археологами поселения располагались на высоких берегах рек или над болотистыми низинами, были укреплены валом или рвом, а иногда и каменными стенами⁴⁷. Такой выбор места и система укрепления, как показали работы советских и румынских археологов, были традиционными для многих славянских племен⁴⁸. Часто славяне оспывали свои поселения на местах старых античных крепостей, разрушенных во время предшествующих нападений варваров на византийские земли (как, например, в Долно Церово и в Пернике на Струме) или на местах поселений фракийцев⁴⁹.

В византийских источниках славянские жилища именуются *καλύβαι*, *φύλακοί*, *κασι*, *εκηραί*⁵⁰, т. е. шалаши, шатер, хижина. Греческий ученый Д. Георгакас собрал и проанализировал несколько десятков названий деревень в Македонии и Греции, в которые входит слово «каливия». Автор не связывает возникновение этих деревень со славянами, но для нас важен другой его вывод. В период раннего средневековья термин «каливия», утратив свое первоначальное значение «шалаши», употреблялся для обозначения постоянных зимних жилищ, а затем и целых

деревень, состоящих из таких каливий и возникших, возможно, на основе летних поселений пастухов⁵¹.

Основными типами жилища славян, как показали исследования археологов, были полуземлянка или наземное жилище, построенное из дерева или камня на глиняном растворе. В изучаемом регионе они мало отличаются от жилищ автохтонного населения. Около жилищ или внутри находились хозяйственные ямы для хранения зерна и других продуктов сельскохозяйственного производства; найдены специальные цистерны для хранения дождевой воды. Вероятно, среди хозяйственных построек были конюшни, хлев, помещение для крупного рогатого скота, клеть для хранения инвентаря. Из предметов быта археологи почти в каждом доме находят кухонные пожи, обручи или ручки от ведер, железные огнива, ножицы, молотки, железные гвозди, скобы, ключи, замки и пр.⁵²

Таким образом, славянская деревня в рассматриваемый период состояла скорее всего из индивидуальных дворов, представлявших собой небольшие хозяйственные комплексы. Можно предполагать, что каждая семья вела индивидуальное хозяйство, доставляя урожай в свой собственный дом (после провала V-й осады Фессалоники славяне, отступая, забирали хлеб и овощи из «своих хижин»). На наличие индивидуальных дворов в славянских деревнях указывают и многочисленные находки замков и ключей в поселениях VIII—X вв. Следовательно, вполне возможно, что земельные участки в пределах общинной земли, во всяком случае приусадебные, в этот период находились в индивидуальном пользовании.

Есть все основания говорить о том, что к VII в. у славянских поселенцев на территории Византийской империи уже произошло отделение ремесла от земледелия. Можно назвать следующие отрасли ремесленного производства, получившие развитие у славян, живших в долинах Струмы и Вардара: деревообработка, судостроение, металлообработка, гончарное производство, ткачество (как домашнее производство), ювелирное и оружейное ремесла.

Как искусные плотники строители мостов, плотов и легких деревянных судов славяне были известны византийцам и другим народам еще в VI в., когда они жили на левом берегу Дуная. Феофилакт Симокатта описывает их как умелых мастеров и говорит, что аварский каган часто призывал подвластных ему славян строить суда и плоты для переправы через Дунай⁵³. Во время осады Констан-

типополя в 626 г. аварами, славянами и персами славяне по приказу кагана должны были на своих однодеревках переправить из Малой Азии целую персидскую армию. Насколько их флот был огромным, ясно и из образного замечания автора «Слова об аваро-славянской осаде Константинополя в 626 г.»: после снятия осады «из-за тел умерших и пустых однодеревек. . . можно было идти по всему заливу, как по суше. . .»⁵⁴. В этой осаде, вероятно, принимали участие и славянские народы, жившие в долинах Струмы и Вардара. Сведения, сообщаемые в «Чудесах св. Димитрия», говорят о наличии у них большого количества судов и лодок. Славянские суда — «однодеревки» (основание выдалбливалось из одного целого бревна) имели сложную конструкцию и вмещали до 40 человек⁵⁵. По описанию Константина Багрянородного, славянские суда имели мачты и паруса⁵⁶. Для скрепления отдельных частей применялись железные болты и скобы, находки которых нередки в славянских поселениях на берегах рек. Мореплавание было основным занятием какой-то части стримонцев и ринхинов.

Другой отраслью ремесла деревообработки было строительство сложных и разнообразных осадных машин, подробно описание которых содержится в «Чудесах св. Димитрия»⁵⁷. Данные письменных источников подтверждаются находками орудий для обработки дерева (скребков, долот, пил, молотков, топоров) во время раскопок славянских поселений (сами изделия не сохранились) и даже некрополей в долине р. Струмы (вероятно, существовал обычай класть в могилу ремесленника орудие его труда)⁵⁸.

Богатые залежи руды в Македонии создавали благоприятные условия для развития ремесел, связанных с обработкой металла. Кроме уже перечисленных выше орудий труда и предметов быта, в славянских ремесленных мастерских изготавливались оружие и разнообразные украшения. Искусные мастера-ювелиры делали из железа, бронзы, меди и серебра серьги, перстни, гривны, мониста, фибулы, брошки, пряжки для поясов и пр. Эти украшения являются самым массовым археологическим материалом в славянских некрополях VIII—X вв., открытых на Струме, Месте, Брегалнице, в Демир Капия на Вардаре, в Охриде и др.⁵⁹ Значительное число хорошо сохранившихся изделий позволило археологам выявить серийность производства отдельных видов. Аналогии многим из них (луновидные серьги, серьги с подвесками в виде звезды, не-

которые типы фибул и пр.) находят в славянских некрополях VI—VIII вв. на территории СССР, Румынии, Венгрии, Чехословакии, Албании, Греции, Югославии.

Сохраняя в целом самобытность славянской традиции, ювелирное ремесло в этой части полуострова испытало на себе влияние византийской и автохтонной культур: оно выразилось в заимствовании техники обработки металла, форм и системы декорирования некоторых изделий⁶⁰. Например, часто встречающиеся в средневековых некрополях в долинах Струмы, Вардара и в Родах гривны с замкнутыми и незамкнутыми концами, имитирующими змеиные головки, отражают позднеантичную и фракийскую традиции, а некоторые виды серег являются подражанием византийским моделям⁶¹.

Влияние местного фракийского и иллирийского населения на славян проявилось также, по мнению некоторых археологов, в строительстве жилища, в обрядах захоронения (труположение, строительство гробниц, огораживание могилы каменными плитками, ритуальное битье посуды над гробом), в технике изготовления и декорирования керамики⁶². Отметим, что в славянских некрополях и поселениях в изучаемом регионе не встречается посуда салтовского типа, приписываемая протоболгарам⁶³.

Славяне из окрестностей Фессалоники и из Фессалии вели торговлю с городом, продавая его жителям хлеб, овощи, фрукты, а покупали, вероятно, предметы роскоши, посуду, орудия труда. Огромное количество пленных, которых они захватывали во время нападений на византийские владения, продавали другим славянам, жившим к северу от них⁶⁴, или обменивали византийцам на предметы роскоши (шелковые одежды и другие товары)⁶⁵.

О значительном прибавочном продукте, производимом в славянских деревнях, свидетельствуют следующие факты: 1) продажа продуктов земледелия жителям Фессалоники; 2) факт длительной осады города (два года), требующей мобилизации огромных материальных ресурсов (славяне не страдали от голода, хотя большая часть трудоспособного мужского населения была занята в непрерывных военных действиях против города); 3) драгувиты по приказу императора снабжали продуктами питания войско Кувера, которое расположилось рядом с их селениями⁶⁶.

Развитие земледелия, ремесла и торговли, ускоренное в условиях постоянного контакта с более высокой византийской культурой, значительный прибавочный продукт,

производимый в хозяйствах славянских поселенцев, частые войны с Византией, приписавшие богатую добычу одним и разорение другим, — все это способствовало углублению процесса имущественной и социальной дифференциации в Склавиниях, начавшегося, по мнению многих исследователей, еще до расселения славян на Балканском полуострове⁶⁷.

Захватывая много пленных, славяне частично использовали их труд в своем хозяйстве, однако эксплуатация в форме рабства развития не получила. Сосредоточивая в своих руках значительные запасы движимого имущества, славянская племенная аристократия — рексы, игемоны, архонты и экзархонты — постепенно утверждали свои социальные и политические привилегии. В славянских некрополях VIII—IX вв. есть богатые захоронения с золотыми украшениями⁶⁸.

Таким образом, можно предполагать, что в рассматриваемый период (VII—VIII вв.) славянские поселения в социальном отношении были неоднородны. Факт перехода какой-то части славян на сторону византийцев во время пятой осады Фессалоники⁶⁹ свидетельствует об обострении социальных противоречий в славянском обществе. Однако эта проблема лежит за рамками данной статьи.

¹ *Tărkova-Zaimova V.* Sur quelques aspects de la colonisation Slave en Macédoine et en Grèce. — *Etudes Balkaniques*, 1964, I, p. 117—122; *Idem.* La ville de Salonique et son hinterland Slave (jusqu'au X-e siècle). — In: *Actes du II-e Congrès International des Etudes du Sud-Est Européen.* Athènes, 1972, t. II, p. 356—362; *Antoljak S.* Die Makedonischen Sklavinien. В кн.: *Македония и македонци в прошлом.* Скопье, 1970, с. 27—44; *Ferluga J.* Byzantium on the Balkans: Studies on the Byzantine Administration and the Southern Slavs from VII-th to the XII-th centuries. Amsterdam, 1976.

² *Литаверин Г. Г.* Темпове и специфика на социално-икономическото развитие на средне-

вековна България в сравнение с Византия (от края на VII до края на XII в.) — *Исторически преглед*, 1970, № 6, с. 26.

³ *Lemerle P.* Les plus anciens recueils des Miracles de Saint Démétrius et la pénétration des slaves dans les Balkans. Paris, 1979, t. I, Le texte. (далее — *Lemerle*).

⁴ Изучение славянских некрополей и поселений в Пиринской Македонии обобщено в работах: *Въжарова Ж.* Славянски и славянобългарски селища в българските земи от края на VI—XI век. София, 1965; *Она же.* Славяни и прабългари (по данни на некрополите от VI—XI в. на територията на България). София, 1976.

⁵ *Брайчевский М. Ю.* К истории расселения славян на византийских землях. — В кн.: *Византийский временник.* М.: Наука, вып. XIX, с. 120—137; *Олайош Т.* К вопросу об истории заселения балканских земель славянами. — In: *Oikumene.* Budapest, 1976, I, p. 239—245.

⁶ *Lemerle*, p. 211.

⁷ *Theophanis Chronographia/Rec.* C. de Voog. Lipsiae, 1883, v. I, p. 447.

⁸ *Паюв В.* Охрид и охридската област во првите векови по словенската колонизација (VI—VIII век). — В кн.: *Годишен зборник (Филозофски факултет на универзитетот — Скопје).* Скопје, 1978, книга 4 (30) томе, с. 119—136.

⁹ *Lemerle*, p. 220.

¹⁰ Византијски извори за историју народа Југославије. Београд, 1955, 1, с. 200.

¹¹ *Порфириј Успенский.* История Афона. Киев, 1877, ч. III, с. 21, 311.

¹² Византијски извори. . . , с. 189.

¹³ *Займов И.* Заселване на българските славяни на Балканския полуостров. Проучване на жителските имена в българската топонимия. София, 1967 (далее — *Займов*).

¹⁴ *Займов*, с. 100.

¹⁵ *Займов*, 88—89.

¹⁶ *Georgacas D.* Place and other names in Greece of various Balkan origins. — In: *Zeitschrift für Balkanologie*, 1965, Bd. III, S. 77.

¹⁷ *Займов*, с. 101—103.

¹⁸ *Lemerle*, p. 108.

¹⁹ *λέγχρον και έλόμου* — Извори на българската история. София, 1959, т. III, с. 281. (Далее — *Извори*). Относительно значения έλομος ведутся споры: некоторые ученые считают, что это ячмень или разновидность проса. Наиболее убедительным нам кажется мнение Г. Цанковой-

Петковой, показавшей, что сорт пшеницы — полбу (соврем. болг. «лимец», что этимологически соответствует греческому слову) возделывали в этом районе с древнейших времен. См.: *Цанкова-Петкова Г.* Материална култура и военното изкуство на дакийските славяни според сведения на Псевдо-Маврикий. — В кн.: *Известия на Института за българската история.* София, 1957, т. 7, с. 340—341.

²⁰ *Lemerle*, p. 214, 218, 220.

²¹ *Lemerle*, p. 185.

²² *Tărkova-Zaimova V.* La ville de Salonique. . . , p. 355.

²³ *Стоянова-Серафимова Д.* Раскопки крепости в с. Долно Церово. — *Археология (София)*, 1963, № 4, с. 22.

²⁴ *Литаверин Г. Г.* Темпове и специфика. . . , с. 28.

²⁵ *Королюк В. Д.* Основные проблемы формирования контактной зоны в Юго-Восточной Европе и бесписьменного региона в Восточной и Центральной Европе. — В кн.: *Проблемы социально-экономических формаций: Историко-типологические исследования.* М.: Наука, 1975, с. 159—160.

²⁶ *Ljubinković M.* Ka problemu kontinuiteta iliri-sloveni. — In: *Posebna izdanja XII: Centar za balkanološka ispitivanja.* Sarajevo, 1969, kn. 4, s. 204.

²⁷ *Въжарова Ж.* Славянски и славяно-български селища. . . , с. 170.

²⁸ *Кондов Н. К.* К вопросу о системе полеводства в болгарских и соседних с ними землях Балканского полуострова в средние века. — В кн.: *Византийский временник.* М.: Наука, 1961, вып. XX, с. 3—13. Здесь же дана дискуссия по вопросу о системе полеводства на Балканах в период раннего средневековья, в ходе кото-

- рой Е. Э. Липшиц, основываясь на некоторых статьях Земледельческого закона, высказала точку зрения о господстве в VIII в. у славян на землях Византийской империи подсечной или огневой системы земледелия. Это мнение вызвало серьезные возражения в работах Д. Ангелова и Н. Кондова.
- ²⁹ *Въжарова Ж.* Славянски и славяно-български селища. . . , с. 170.
- ³⁰ *Lemerle*, p. 214.
- ³¹ *Lemerle*, p. 218.
- ³² *Lemerle*, p. 214.
- ³³ *Lemerle*, p. 220.
- ³⁴ Две византийских хроники X века. М.: Изд-во вост. литературы, 1959, с. 163.
- ³⁵ *Липшиц Е. Э.* Из истории славянских общин в Македонии в VI—IX вв. н. э. — В кн.: Академику Б. Д. Грекову ко дню 70-летия. М.: Наука, 1952, с. 51.
- ³⁶ *Стоянова-Серафимова Д.* Раскопки крепости. . . , с. 22.
- ³⁷ Извори, III, с. 281.
- ³⁸ *Лигулевская Н. В.* Сирийские источники по истории народов СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941, с. 141.
- ³⁹ *Lemerle*, p. 218, 148, 152, 218.
- ⁴⁰ *Patrologia cursus completus. Seria graeca/Ed. J.-P. Migne*, Paris, 1864, t. 116, col. 1377.
- ⁴¹ *Стоянова-Серафимова Д.* Раскопки крепости. . . , с. 22; *Въжарова Ж.* Славяни и прабългари. . . , с. 354.
- ⁴² *Prosopii Caesariensis Opera omnia/Rec. J. Haury. Lipsiae*, 1905, v. II, p. 130; *Theophylacti Simocattae Historiae/Ed. C. de Boor. Lipsiae*, 1887, p. 252.
- ⁴³ *Въжарова Ж.* Славяно-българското селище край село Попина Силистренско. София, 1956, с. 91—93.
- ⁴⁴ *Королью В. Д.* Перемещение славян в Подунавье и на Балканы (славяне и волохи в VI—середине VII в.). — Сов. славяноведение, 1976, № 6, с. 43—54.
- ⁴⁵ *Въжарова Ж.* Славянски и славяно-български селища. . . , с. 180.
- ⁴⁶ *Стоянова-Серафимова Д.* Раскопки крепости. . . , с. 22.
- ⁴⁷ *Въжарова Ж.* Памятники Болгарии конца VI—XI в. и их этническая принадлежность. — СА, 1968, № 3, с. 154.
- ⁴⁸ *Третъяков П. Н.* Восточнославянские племена. М.: Изд. АН СССР, 1953, с. 162, 264; *Седов В. В.* Происхождение и ранняя история славян. М.: Наука, 1979, с. 119; *Кожиа М.* Новые сведения о расселении славян на территории РНР. — In: *Romanoslavica. București*, 1963, IX, p. 505—529.
- ⁴⁹ *Чангова И.* Проучвания в крепостта Перник. — Археология, 1963, № 3, с. 66; *Въжарова Ж.* Славянски и славяно-български селища. . . , с. 131.
- ⁵⁰ *Lemerle*, p. 220.
- ⁵¹ *Georgacas D.* Place and other names. . . , p. 54—56.
- ⁵² *Стоянова - Серафимова Д.* Раскопки крепости. . . , с. 23—24.
- ⁵³ *Theophilact Simocatta*, p. 225—227.
- ⁵⁴ Извори, VI, с. 52.
- ⁵⁵ *Воронин Н. И.* Средства и пути сообщения в истории культуры Древней Руси. — В кн.: История культуры древней Руси. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948, т. 1, с. 280—295.
- ⁵⁶ *Constantinus Porphyrogenitus. De Administrando imperio/Ed. Gy. Moravcsik; R. Jenkins. Budapest*, 1949, p. 59—60.
- ⁵⁷ *Lemerle*, p. 218, 219.
- ⁵⁸ *Въжарова Ж.* Славяни и прабългари. . . , с. 398.
- ⁵⁹ *Въжарова Ж.* Славяни и прабългари. . . , с. 398; *Алексова Б.* Материјална култура на словените во Македонија. — В кн.: Словенска писменост: 1050-годишнина на Климент Охридски. Охрид, 1966, с. 143—147.
- ⁶⁰ *Алексова Б.* Материјална култура. . . , с. 143; *Ljubinković M.* Ka problemu. . . , с. 208—210.
- ⁶¹ *Георгиева С.* Средновековни некрополи в Родопите. — В кн.: Родопски сборник. София, 1965, т. 1, с. 166; *Въжарова Ж.* Славяни и прабългари. . . , с. 399.
- ⁶² *Ljubinković M.* Ka problemu. . . , с. 209—211.
- ⁶³ *Въжарова Ж.* Славянски и славянобългарски селища. . . , с. 140.
- ⁶⁴ *Lemerle*, p. 213.
- ⁶⁵ *Sancti Nicephori patriaechae Constantinopolitani Breviarium rerum post Mauricium gestarum/Red. I. Bekkerus. Bonnae*, 1847, p. 86.
- ⁶⁶ *Lemerle*, p. 229.
- ⁶⁷ *Третъяков П. Н.* Восточнославянские племена, с. 174—176.
- ⁶⁸ *Въжарова Ж.* Славяни и прабългари. . . , с. 340, 439.
- ⁶⁹ *Lemerle*, p. 220.

ЯЗЫЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА СЛАВЯН И ЭТНОГРАФИЯ

О. А. Терновская

О НЕКОТОРЫХ СХОДСТВАХ И РАЗЛИЧИЯХ В ЖАТВЕННОЙ ОБРЯДНОСТИ СЛАВЯН

Дни сельского, святого торжества!

Е. Баратынский

Традиционные народные ритуалы, в особенности в тех случаях, когда они выражены терминологически и связаны определенной, достаточно жестко детерминированной предметной формой, могут отражать историю создавшего их этноса, если будут рассматриваться как явления некоторого ограниченного географического пространства. Это хорошо известно в отношении погребальной обрядности, всегда служившей источником этногенетических исследований в археологии, но справедливо и применительно к другим ритуалам, прошлое которых недоступно непосредственному наблюдению и должно быть реконструировано тем или иным образом.

Жатва представляет собой одно из наиболее значительных достижений технологии. С ней связано рождение культурного символа, вводящего технологический опыт земледелия в сферу языка и таким образом завершающего культурную эволюцию этой хозяйственной отрасли.

Среди ритуалов жатвенного цикла всегда выделяется та их группа, которая образует обряд окончания жатвы. Объектом его у славян выступают последние колосья. Их оформление составляет стержневое действие обряда. Посвященный колосьям ритуал состоит из двух частей. Он включает изготовление того или иного магического предмета, с одной стороны, и некоторое обрядовое действие — с другой. Список имеющих религиозно-магическое значение изделий из колосьев и соломы в настоящее время очень неполон (часть из них рассмотрена в монографии: *Северин, 1932*). Он включает разнообразные типы так называемой бороды, которая делается из колосьев, оставляемых незрелыми (подробнее см.: *Терновская, 1977, с. 103*), и

обрядового снопа; круглые и дугообразные венки; смыкающиеся с венками-коронами дожиночные пирамиды; дожиночные солища; дожиночные кресты; плетеные всевозможными способами плоские треугольники, квадраты, многоугольники и сооружаемые из них конструкции; объемные формы плетения (например, в виде спирально закрученного веретена); особые букеты из цветов, колосьев и веток; антропоморфные чучела; соломенные связки на трех или четырех ножках, которые, возможно, следует интерпретировать как десемантизированные зооморфные изображения; украшенные колосьями деревья, шести, серпы и т. д. Обрядовая терминология позволяет выделить из существующего многообразия форм релевантные с точки зрения этнического сознания славян типы реалий.

Если терминологию ритуальных предметов славянского дожинального обряда определить как совокупность их наименований, имеющих те или иные межславянские соответствия (исключаются единичные, а также локальные, типа польск. *plon, perpek* названия), то сюда войдут пять групп терминов: 1) зооморфные наименования; 2) наименования, восходящие к прасл. *borda; 3) антропоморфные наименования; 4) наименования, связанные с названиями венков (фонетические и словообразовательные соответствия русск. *венок, корона*); 5) наименования, восходящие к дериватам *žeti. Последние благодаря своей семантике не зависят от предметно-мифологического уровня обряда, в то время как наименования первых четырех групп имеют отчетливо наблюдаемые предметно-мифологические соответствия, а именно: антропоморфные наименования известны практически исключительно в функции наименований снопа или сделанной из него куклы; зооморфные наименования характерны преимущественно для колосьев, оставляемых несжатыми в полях; названия, восходящие к прасл. *borda, охватывают ряд генетически связанных друг с другом реалий; наименования, происходящие от названий венков, типичны именно для венков, под которыми в данном случае понимается род ритуального головного убора.

Терминологически отмеченные виды магических предметов соответствуют набору обрядовых действий, в форме которых выступает ритуал окончания жатвы у славян. Это значит, что термины в данном случае выделяют те или иные обрядовые реалии в качестве функциональных единиц, представленных рядом аллоформ. Таковыми являются:

«борода» в своих разновидностях, оставляемая несрезанной (ей соответствует так называемый ритуал завивания «бороды»); «борода», срезаемая после исполнения всего ритуала первого типа (ей соответствует ритуал срезания «бороды»), сноп в своих разновидностях (ему соответствует ритуал последнего снопа, где срезание колосьев предшествует обряду, что делает исполнение ритуала завивания «бороды» необязательным); венки в своих разновидностях (ему соответствует ритуал дожиночного венка).

В то время как венки, будучи по своей природе реалией межобрядовой, в составе дожинок у славян появляются под влиянием свадебного ритуала (дожинки в форме свадьбы, подробнее см.: *Терновская*, 1977, с. 115 и далее), «борода» и снопы представляют собою образования, возникающие в недрах самого обряда окончания жатвы, и составляют, таким образом, его специфику.

* * *

Наименования ритуальных предметов дожинального обряда, восходящие к прасл.* *borda*, которые имеют максимальную амплитуду семантического колебания, представлены у славян восточных и южных и отсутствуют у славян западных, за исключением территорий, граничащих с восточнославянскими землями (ср. распространение слова *broda* в значении 'последняя полоса при жатве' в МАПГ, карта № 542). При этом как у южных, так и у восточных славян они обладают значением 'ритуальная борода, оставляемая в поле'. Благодаря тому что у южных славян, очевидно, в большей мере на востоке, чем на западе, в противоположность славянам восточным развит ритуал срезания «бороды» (ср.: «Днес ние отрязахне брадата», т. е. «Сегодня мы окончили жатву» — с. Младово Сливенского окр., информант К. А. Василев), термин *брада* используется здесь также для наименования тем или иным образом оформленного пучка колосьев, приносимого в жилище, например: «Несжатые колосья называются *брада*. Их связывают красной ниткой, как букет. В этот букет («китка») вставляют цветы, также связанные красной ниткой. Под бороду кладут хлеб с солью и молотый красный перец, а вокруг поливают водой. Верхушку бороды вместе с цветами срезают серпом, и одна из женщин передает ее хозяину поля с пожеланием здоровья и богатого урожая» — восточная Болгария (собственные

материалы, корреспондент Д. Василева, анк. 4, с. Бяла Черква Велико-Тырновский окр.); «... Напоследок оставляется несжатой горсть колосьев («китка»), вокруг нее очищается земля, и в эту «китку» вставляется стебелек василька. Вокруг раскладываются серпы. Потом колосья перевязываются красной ниткой и срезаются. С этого момента их называют *брада*» — Македония (*Филипович*, 1939, с. 492). «По окончании жатвы оставляется горсть... несжатого жита, возле которой каждый из жнецов кладет свой серп, так что серпы образуют круг. Самая красивая девушка или хозяйка поля... подходит к несжатому пучку колосьев, перевязывает его красной шерстяной ниткой и украшает лучшими цветами. Затем берет один из серпов, срезает *божју браду* и несет ее домой» — западная Сербия (*Антониевич*, 1971, с. 164). Такая «борода» выступает в двух основных формальных разновидностях — она бывает либо с длинными, либо с короткими (одна верхушка) стеблями, поскольку существуют два способа ритуального срезания колосьев: их срезают либо поверх узла, стягивающего стебли, либо под корень.

Однако ритуальные колосья в южнославянской зоне не только срезаются с помощью серпа, но и выдергиваются из земли с корнями (по всей вероятности, в большей мере на западе, чем на востоке). По свидетельству СМР (с. 38), этот ритуал распространен в большинстве районов Сербии. Таким образом, если при срезании верхушки «бороды» у слова *брада* обрядом актуализируется значение 'верхние концы стеблей, колосья' (ср. русск. *борбдка* 'концы соломы с колосьями, отделенными узлом' — СРНГ, вып. 3, с. 111), то в последнем случае — значение 'корни' (макед., болг. *брада* 'тонкие волокна корня растения или сам корень, если он состоит из мелких жилок'. — ЭССЯ, вып. 2, с. 197; Геров, т. 1, с. 67).

Слово *брада* у южных славян употребляется также для наименования особых южнославянских форм сложного плетения (плоские треугольники или четырехугольники с изображением треугольников) благодаря существованию таких вариантов обряда, в которых они изготавливаются из колосьев, над которыми был исполнен ритуал завивания «бороды». Например: «В середине поля всегда оставляют несжатыми несколько колосков. Они называются *божја брада*. Одна из девушек связывает их и украшает цветами. Когда выжнут поле, и вечером возвращаются домой, эти несколько колосков вырывают из земли

с корнями и несут в дом. Дома хозяин или хозяйка красиво сплетают их и оставляют где-нибудь в сухом месте» — район Болевца (*Грбич*, 1909, с. 265). Эти варианты обряда позволяют думать, что плетение геометрических фигур такого рода (они не отмечены у западных и восточных славян) в свое время как бы наложилось на ритуал срезания или выдергивания «бороды», что является аргументом в пользу возникающего предположения о субстратном характере южнославянских форм плетения.

Будучи характерной этнодифференцирующей чертой болгаро-сербского региона, ритуал срезания (выдергивания) «бороды» относительно последовательно фиксируется в полесско-мазовецкой зоне, а также на севере и западе великорусской территории (здесь он встречается, очевидно, лишь sporadически). Например: «В Гродненской губернии повсеместно стебли ржи, предназначенные для последнего снопа, также не связываются до тех пор, пока хозяйка, при песнях жней, не завьет так называемой *бороды*, для чего и оставляются нарочно недожатыми немного стеблей, в промежутке которых тщательно выпальвается трава и кладется маленький ломтик хлеба с солью. Затем стебли хозяйка перевязывает красной ниткой и подрезывает серпом при с а м о м к о р н е, после чего она, держа пучок ржи в левой руке, правой бросает серп вверх и немного в сторону и кладет этот пучок в середину несвязанного снопа. . .» (*Шейн*, Мат., т. 1, ч. 1, с. 269, «бородатый сноп»). «Когда дожинают рожь, то оставляет женщина горсть ржи с колосьями и с в я з ы в а е т ее в пучок, а з а т е м в е р х н и е к о л о с к и с р е з ы в а е т, и горсть эта расставляется за нивой на земле, и под пустой уже кокошник из срезанной соломы кладет хлеб и затем идет домой, приносит колосья домой, обмолачивает их и всыпает в лукошко на семена, когда будет сея, то сеют первое это лукошко» — с. Улошпань Борисоглебской в. Нерехтского у. (КНСХ, № 1071). Соответственно именно у части северных великорусов по рекам Мологе, Шексне, Сухоне (до Тотьмы), Ваге, Северной Двине и Онеге, а также в верховьях р. Костромы слово *борода* употребляется в значении 'последний сноп', причем на севере этого ареала оно зафиксировано также в значении 'окончание работ', засвидетельствованном и у восточных болгар («Последний день жатвы называется *брада*» — с. Сотира Сливенского окр., корр. Д. Василева, анк. 2).

В Полесье термин *борода* может иметь значение южнославянского типа ('пучок колосьев, срезанный после исполнения ритуала пожинальной бороды'): «Св'атѣты [несли колосья] з снопа, а хто схоче, бороду зр'ї же» — д. Сушицы Пинского р-на Брестской обл. (ПА, зап., Ф. Д. Климчука, 1974 г.). Аналогичные формы встречаются, по-видимому, и на прилегающих польских землях, хотя рассуждения Быстроия в данном случае не совсем ясны (с. 49, 57). В целом создается впечатление, что у северных великорусов лучше сохраняется термин, чем реалья (соответственно значение слегка меняется), а в полесско-мазовецкой зоне — наоборот (развита междиалектная синонимия). Тем не менее существование южнославянско-полесско-севернорусского соответствия в данном случае достаточно наглядно. При этом ритуально выраженное отождествление дожиночной «бороды» с бородою хозяина поля, являющееся следствием характерного мифологического неразличения собственно мифических и реальных персонажей обряда (козел, полевой дед, пророк Илья, бог, хозяин поля), засвидетельствовано пока лишь для Полесья и восточной Болгарии. Так, в д. Осовой Малоритского р-на Брестской обл. при передаче связанного из колосьев креста (*крѣжык* или *винѣчек*) жница должна была подергать хозяина за бороду со словами: «Вѣдку йды шукай, бо я жыто вже дожала» (соб. зап., 1977). У болгар же «этнографической группы капанцев (северо-восточная Болгария) хозяин, получая от жниц «бороду», прикладывал ее к подбородку. . .» (Календарные обычаи, 1978, с. 228).

К сожалению, часть великорусской территории, на которой термин *борода* выступает в значении 'ритуальный сноп', плохо описана в этнографическом отношении. Однако, очевидно, нельзя считать случайностью тот факт, что в опубликованных словарях (СРНГ, вып. 3, с. 109—110) и картотеке «Архангельского словаря» слово *борода* в значении 'сноп' не отмечается там, где оно фиксируется в значении 'пожинальная борода'. Видимо, ареал распространения термина *борода* в значении 'сноп' на самом деле является зоной ритуального срезания колосьев, поэтому специальное выявление здешних особенностей обряда представляет большой интерес с точки зрения южнославянско-севернорусских соответствий.

Следует обратить внимание на одну особенность рассматриваемого ритуала в тех восточнославянских обла-

стях, где встречаются его южнославянские формы. Она состоит в том, что он контаминирует здесь с ритуалом последнего снопа, причем именно эта его разновидность характерна для указанных территорий. Сноп в данном случае выступает в функции «бороды», так как часто «бородку» делают из снопа или же прячут в сноп как в случае гродненского «бородатого снопа» (ср. выше). Именно поэтому, очевидно, болгарским гаданиям о замужестве, основанным на захватывании колосьев несрезанной «бороды» (связывали бороду девушки; верили, что девушка, которая первой успеет схватить бороду внизу и завяжет красную нитку, первой из всех выйдет замуж) — с. Сотира Сливенского окр., соб. матер., корр. Д. Василева, анк. № 2), соответствуют западно- и севернорусские гадания с вытягиванием или выхватыванием срезанных колосьев из снопа («последний нажатый сноп долгое время не связывается, так как по нему участвующие в жатве крестьянские девушки гадают: разбегаются в стороны и хватают из снопа каждая себе по горсти овса, а потом и смотрят, у кого оказалось овса больше, — та и выйдет замуж за богатого жениха» — с. Мамошки Поречского у. Смоленской губ., Тен.; также неточно *Добровольский*, Сл., с. 31). Кроме того, как у болгар, так и у северных великорусов горсти ритуальных колосьев могут соотноситься с *овинами* или *амбарами* хлеба; и в этом случае у болгар захватывание колосьев будет связано с «бородой», а у великорусов — со снопом: «Когда окопчится жатва, на последней полосе каждый из жнецов захватывает горсть колосьев и говорит: «Пѣна рѣка, пѣн амбар». Последний, кто схватит колосья, оставляет несжатými десяток колосьев, связывает их красной ниткой и говорит: «И догодина сос здравье, ето и на дедо Гдспод брада» (*Стоилов*, 1903, с. 7); «При окончании жатвы последнего ярового хлеба оставляют на поле горсть несжатого овса, которую обжигают кругом горстями и считают их: сколько окажется горстей нажатых вокруг оставленной в середине горсти, столько, полагают, будет на другой год у хозяина овинов овса. Все горсти завязываются в сноп. . .» — Авнегская в. Грязовецкого у. Вологодской губ. (Тен., № 211, л. 78, корр. С. Староверов).

В целом, если для южнославянской разновидности ритуала характерна его организация оппозицией верх — низ (колосья — корни), то для восточнославянских контаминированных форм типична замена этой оппозиции оппозицией центр — периферия: «бородка» вытягивается

из середины снопа (вкладывается в его середину), колосья для снопа обжигаются вокруг «бороды» (последняя разновидность обряда особенно распространена у северных и западных великорусов, встречаясь и западнее, т. е. на белорусских землях); ср. только что приведенный пример из Грязовецкого у. Термин *борода* приобретает здесь, таким образом, семантический компонент — 'сердцевина'.

Ритуал бороды в своей основной (несрезанные колосья) разновидности с точки зрения статистической наиболее характерен для восточных славян, слабее выражен у славян южных и еще слабее — у славян западных (особенно у чехов и словаков), так что иногда рождается мнение, будто его там нет. Например: «У чехів і словаків, де обряд зав'язування «бороди» цілком зник, зберігся фразеологізм «залишатися на козі», тобто відставати від інших» (*Круть*, 1973, с. 36). При этом в то время как у восточных славян засвидетельствовано большое число форм этой реалии (*Терновская*, 1977, с. 103), для южных и западных славян актуальным оказывается, видимо, лишь связывание стеблей (исключая в данном случае «бороду» в виде участка никак не оформленных колосьев и редкий спорадический архаизм — «бороду» в виде косы¹), формально сближающее «бороду» и сноп. Различие между восточными и южными славянами с точки зрения рассматриваемого ритуала становится особенно наглядным, если вспомнить о восточнославянской традиции так называемых заломов, которые формально представляют собою ту же «бороду» (исключая некоторые сложные ее формы, вроде костромской *пожинальницы*), а функционально являются ее прямой противоположностью (употребляются во вредоносной магии).

Таким образом, наименования ритуальных предметов, восходящие к прасл. *borda, противопоставляют восточных и южных славян славянам западным, что позволяет предполагать здесь различие, относящееся к эпохе формирования древнейших западных и восточных диалектных особенностей праславянского языка (I—II вв. н. э., *Бернштейн*, 1961, с. 68). При этом лексема *borda охватывает два основных первичных типа реалий, за которыми стоит два типа дожинального ритуала, противопоставляющих в свою очередь восточных славян южным: собственно ритуал «бороды» (особенно развит у восточных славян, где употребляется как в продуцирующей обрядности, так и во вредоносной магии) и ритуал срезания «бороды» (типичен для южных славян), с формальной точки зрения яв-

люющийся своего рода переходным образованием между ритуалом завивания «бороды» и ритуалом последнего снопа, который, осложняясь, а иногда и вытесняясь ритуалом дожиночного венка, имеющим свою географию, начинает преобладать у западных славян и уходит далее на запад.

* * *

Ритуал последнего снопа, с которым у славян связываются антропоморфные наименования², помимо западнославянских территорий, представлен на западе южнославянской зоны (западная группа южных славян по некоторым признакам тяготеет, как известно, именно к западным славянам), а также на указанных северных и западных восточнославянских землях, где он имеет ряд особенностей, сближающих его с ритуалом «бороды» южнославянского типа. При этом его чистые формы как бы затухают по мере движения к югу и юго-западу восточнославянского региона. В районе Полесья антропоморфные названия и соответствующие им ритуалы отсутствуют. Лишь одно свидетельство, относящееся к Пружанам (Брестская обл.), содержит обычное описание обряда последнего снопа, где сноп этот носит название «бабы» (архив Федоровского, хранящийся в отделе рукописей Варшавского университета, № 442, сообщение С. М. Толстой).

К славянским антропоморфным названиям ритуальных предметов дожинального обряда можно отнести два из них, совпадающие с терминами родства, которые наиболее распространены в функции наименований представителей старших поколений. Это слова *baba и *dědъ. К ним приемыкают субстантивированные формы прилагательного с корнем **star-*. В функции замены первого названия они встречаются реже, чем в функции замены второго названия, очевидно, потому, что для лексемы *baba в отличие от лексемы *dědъ характерна соотнесенность с обоими старшими поколениями (старшим и средним).

Относительно подробно рассматриваемая группа названий описана поляками. Я. Быстронь, автор единственного монографического исследования жатвенной обрядности славян, располагая обширным фактическим материалом (помимо опубликованных описаний обряда, им использовались сведения, собранные анкетным методом, а также архивы Карловича и Лопачинского), считал наиболее характерным польским антропоморфным названием

последнего снопа слово *baba* (Быстронь, 1916, с. 57). Именно этой лексеме, однако, нет ни на карте «последняя полоса при жатве» в МАПГ (карта № 542), ни в примечаниях к атласу (МАПГ, т. XI, ч. 2, с. 135). Между тем слова *stary*, *dziad*, *bęks*, *bękart*, также выступавшие в роли наименований последнего снопа, имеют здесь весьма выразительные ареалы (собственно Поморье, с одной стороны, кашубская диалектная зона — с другой). Отсутствие у термина *baba* значения «несжатые колосья» ставит его, таким образом, в исключительное положение среди иных антропоморфных наименований ритуального снопа. Этот факт вызывает тем большее удивление, что в значении «последняя полоса» засвидетельствовано даже слово *równianka* (в одном пункте), имеющее весьма определенное предметное соответствие (особой формы дожиночный букет), локальное и потому, очевидно, относительно позднее. Не обладая значением «последняя полоса», слово *baba* в то же время лишь однажды засвидетельствовано в значении «дожиночный венок» (МАПГ, т. XI, ч. 2, с. 142), что также говорит об определенности его предметного коррелята.

То же самое наименование снопа в качестве основного для Чехии и Моравии пазывает Зибрт: «У нас и в Моравии этот сноп называется *bábou*, в других местах его называют *děd*, а также *nevěsta*, *barbara*, *starý*, *žebřák*» (Зибрт, 1950, с. 395). С ним же мы сталкиваемся в архаичном ходском регионе: «Poslední vůz požátýcho vobjílil se vočepíl vjenci z klasů, lipovyjch ha inyjich kotváču, s listím, peručím, kytkama ha papírúvyjma fáborama. Vobzvlášt *bába* (poslední snop) se pjekně vzdobíla» (Ииндржих, 1959, с. 62). У белорусов и великорусов не засвидетельствовано случаяев, когда бы снопу придавали мужской облик или наряжали его в мужскую одежду. Соответственно здесь отмечены лишь антропоморфные названия, имеющие женскую природу³. Например: «Овес собирается всегда после всех прочих родов хлеба. Последний остаток его всеми жнеями дружно срезывается с корня и вяжется в один сноп, который, разумеется, выходит более прочих, верх этого снопа повязывается платком⁴. Тогда головная жнея берет этот сноп, называемый *кумушкою*, и идет к дому своего помещика» — Вологодский у. (*Кумушка*, 1846); «Последний яровой сноп называют *пожинальной бабой*. Его уносят домой и в Покров... закармливают скот на зиму» — Лъзичская в. Боровичского у. Новгородской губ. (Ген. № 710, л. 11, корр. А. Иванов); «Богатому крестьянину,

который не постоит по окончании жатвы угостить жней дочкой, из последнего снопа наряжают куклу *Солоху*, продевают сквозь него палку, которая изображает руки, и надевают куртку, а колосья повязывают платком. . . Принесенная *Солоха* ставится сначала на стол, а потом переносится на кут» — с. Мамошки Поречского у. Смоленской губ. (Тен., № 1642, л. 17—18, корр. И. Я. Шермаков; без указания села — *Добровольский*, 1901, с. 163); «Оставляется коса, клок необранного, в данном случае нескошенного овса. Из овса же сооружается кукла *Спорынья*, наряженная в тряпки. . . В красный главный угол, под образа, сажают Спорынью» — Куньинский р-н Псковской обл. (КПС). При этом, если в богатых материалах Костромского научного общества представлено всего одно свидетельство о придании снопу антропоморфного облика («Празднование сножинок происходит после окончания жнивва. Выражается в том, что наряжается последний сноп в платок или в одежду, несут домой и хранят до Покрова, а затем дают съесть скоту в знак зимней заготовки», д. Шокша Бычихинской в. Галичского у. — КНСХ, № 247), то в «Словаре смоленских говоров» слово *баба* в значении 'последний сноп' отмечено неоднократно (Холм-Жирковский, Духовщинский, Хиславичский, Ярцевский р-ны), а в картотеке «Архангельского словаря» оно не зафиксировано.

У словенцев последний житный сноп повсюду называется *baba*, лишь в восточной Штирии и далее на восток его называют *ded* или *dedek* (*Орел*, 1952, с. 147). В Погорьях последняя жница «под смех и восклицания женщин подбрасывает «бабу» высоко в воздух, потом начинает гоняться за другими жницами и ударяет их снопом». В Каринтии «*babo ubije* — тот, кто во время молотбы последним ударит в вымолоченный сноп» (Там же). В Хорватском Загорье «когда жатва уже подходит к концу, женщины торопятся, соревнуясь друг с другом, — одна опережает другую, работая серпом, чтобы не «убить бабу» (*da ne bi babu hbila*). *Babu hbiije* — та, которая срезает серпом последнюю горсть и завяжет ее в сноп. Сноп связывается крестообразно, после чего та жница, которая его доделывала, первой подбрасывает его вверх, за ней это делают остальные» (Шпиляк, 1909, с. 298). У сербов соответствующее название отмечено в функции наименования венка Зечевичем (к сожалению, во французском переводе): «A Kaludjerica, village situé près de Belgrad, cette couronne

était désignée par le nom de *petit ikône*, tandis que dans les environs de Stara Pazova on l'appelait *veilleuse*» (Зечевич, 1972, с. 154).

Западная локализация лексем *dziad*, *stary* в значении 'последняя полоса' на карте 542 МАПГ (также три разрозненных случая на востоке), наличие их в Силезии (*Заремба*, т. 2, ч. 1, № 97 — *dziad*, *na dziada*) и характерность их (разумеется, в виде соответствующего эквивалента) для немецкой территории (СНС, т. 5, вып. 2, стлб. 276—278)⁶ позволяют обратить внимание на то, что эти наименования в функции названий ритуальных предметов дожинального обряда засвидетельствованы лишь у западных славян и восточных словенцев, причем на границе с восточнославянской областью отмечаются своего рода контаминированные формы; ср. вост. словц. *dědova brada* 'пожинальная борода' (*Находил—Робек*, 1959, с. 78). Соответственно у живущих в немецком окружении лужичан о том, кто сделал последний удар во время молотбы, говорят: «*Wón je stareho bil*», а не «бабу» (*Шнеевайс*, 1961, с. 162).

Таким образом, слово *baba является наиболее широко известным у славян антропоморфным названием последнего снопа, что подтверждается и преобладанием соответствующего типа ряжения снопа. Отсутствие среди его значений 'пожинальная борода', 'последняя полоса' (т. е. 'несрезанные колосья') и практическое отсутствие соотносительности его с иными ритуальными предметами обряда свидетельствуют о необычной для мифологической лексики определенности его семантики. Среди дифференцирующих признаков снопа, которые противопоставляют его несрезанным колосьям, в этой связи обращает на себя внимание наличие у него некоторого веса: колосья на корню не имеют веса. Этот признак наделяется магическим значением и лежит в основе характерного ритуала утяжеления снопа, например: «В окрестностях Бродницы и Мальборга «бабой» называют тяжелый сноп, связанный из восьми (или более) снопиков, утяжеляемых камнями, с заткнутой в верхушку ветвью; иногда ему придается вид человека» (*Быстронь*, 1916, с. 55), или: «Уходя с поля по окончании всей жатвы, жницы берут с собой в село самый крупный сноп (обыкновенно последний), надевают его на палку. Самая высокая из жниц, взявши палку со снопом и подняв его высоко над головой, идет впереди прочих» — Медынский, Мосальский у. Калужской губ. (Тен., № 554, л. 7, корр. Н. Аврамов) и т. д. В системе связанных с жат-

вой верований и представлений ему принадлежит гораздо более значительная роль, чем ритуалу ряжения снопа, которое как ряжение (в противоположность покрыванию) само по себе не имеет определенной функции, а следовательно, и значения. В обрядовом *baba* наиболее полно выявляется признак, на основе которого у этого слова возникли значения типа 'тяжелый или плотный округлый, реже продолговатый предмет', например 'большой шарообразный комок горшечной глины, образованный для перевозки глины с места добывания в мастерскую горшечника', и т. п. (ЭССЯ, вып. 1, с. 105—108, вып. 2, с. 148); ср. современное русск. *чугунная баба*. Интересен в этой связи пример Быстроны (с. 54), где наряженную мужской куклу все же называют «бабой» (но не наоборот). Случай употребления слова **baba* в значении 'венки', не отмеченный у иных (не только межславянских, но и локальных) антропоморфных наименований ритуальных предметов (за исключением свадебных терминов *млада, млади*⁶), может обуславливаться, в частности, тем обстоятельством, что, помимо снопа, намеренно тяжелыми иногда бывают именно венки. Таким образом, традиционная трактовка лексемы **baba* в составе дожинального ритуала как термина родства (практика человеческих жертвоприношений, культ предков и т. п.) и мифологического («житный демон») антропоморфного образования правомерна, очевидно, лишь в каких-то разумных пределах. Более правдоподобно предположение, согласно которому это название снопа как некоторого тяжелого предмета простой формы, сделанного руками человека (причем выражение *житная баба* можно рассматривать по аналогии с выражением *чугунная баба*). Создается впечатление, что ритуал ряжения снопа вырастает из ритуала его утяжеления благодаря общезыковой полисемии термина — обычное значение 'женщина' привносится наблюдающим обряд носителем языка извне, поскольку более специальное обрядовое значение термина для него не актуально. Если **baba* 'сноп' или 'большой сноп' это номинация, то **baba* — 'сноп в виде женщины' — это интерпретация. Реальное существование народного ритуала поддерживается взаимодействием языковых процессов номинации и интерпретации (народной этимологии).

Как уже отмечалось, слово **dědъ* (соответственно **starъjъ*) в функции наименования ритуальных предметов дожинального обряда (преимущественно снопа), за исклю-

чением восточных словенцев, отмечено лишь у западных славян. Таким образом, в качестве диалектной черты оно оказывается противопоставленным слову **borda*. Будучи засвидетельствовано в этнографических описаниях как название ритуального снопа или сделанного из него чучела, оно в противоположность слову **baba* способно выступать также в значении 'несрезанный колос'; ср. МАПГ, карта № 542 ('последняя полоса') и комментарий к ней ('ритуальная борода', в двух пунктах), что позволяет сделать предположение о существовании у него в противоположность слову **baba* общего основания со словом **borda* и отражении в пространственной противопоставленности **borda* — **dědъ* некоторого семантического различия мифологического характера. Редкие, но все же фиксируемые выражения типа белорус. *переганяць бароду*, сев. рус. *хватать бороду* позволяют думать, что в тех случаях, когда термин **borda* не является составной частью фразеологических сочетаний, представляющих обряд как жертвенный акт⁷, он может служить табуистическим соответствием термина **dědъ* (это относится в первую очередь к той севернорусской традиции, где представлено слово *борода* 'сноп'); ср. наименование снопа *хозяином* в севернорусских заговорах ритуала изгнания мух (*Терновская*, 1977, с. 93). Наиболее отчетливые следы существовавшей некогда табуистической ситуации носит связанный с изготовлением или перенесением «бороды» и снопа ритуал молчания, отмеченный на русском западе (Смоленск), в некоторых (более южных) севернорусских областях и у южных славян. Например: «За полгоны до конца никто не говорит, все начинают молча жать и вязать, чтобы коровы не были бодливы. Наконец, начинают последний сноп жать. Ставят для этого четыре снопика рядом бронью кверху и кладут на него пояс (у нас вяжут все больше дерганным овсом, а не соломой, как принято в других местах). Наконец, дожинают последние гороти и *завивают* так называемую *бороду Илье*. . . Затем вяжут последний сноп на руках над поставленными четырьмя снопиками, втыкают в него все жнецы снопы (очевидно, описка, следует: серпы. — *О. Т.*) и идут домой молча до тех пор, пока не сойдут с полосы. Когда же выйдут на дорогу, девицы начинают петь песни, какие вздумается и какие знают» — Вологодский у. Вологодской губ. (Тен. № 141, л. 6—7, корр. Я. Кузнецов); «Уже почти забыт обычай носить *богу брада*. Тот, кто ее несет, не должен ни смеяться, ни

говорить, ни обращаться, пока не принесет ее в амбар» — район Призрена (Филипович, 1967, с. 71). В Костромской губернии ритуал молчания отражается самими названиями обрядового снопа: «После овсяной жниввы жнут последний молчальный сноп, припроят его домой за икону и закармливают им на зиму скотину, чтобы она не кричала» — с. Пеженга Архангельской в. Кологривского у. (ККНСХ); «По окончании пожинок все заканчивается молчанным снопом, который жнут молча, колосья кладут в разные стороны» — Каликинская в. Чухломского у. (ККНСХ).

Таким образом, лексемы *dědъ и *borda в роли наименования мифического персонажа, имеющего функцию подавателя урожая, противопоставляются иногда как прямое и табуистическое его названия. При этом, однако, сочетание лексемы *borda со значением 'дед' является одновременно результатом интерпретации термина *borda обыденным языковым сознанием, для которого конкретные обрядово-технологические значения термина ('корни', 'концы колосьев', 'сердцевина снопа' и т. д.) неактуальны (подобно тому как сочетание лексемы *baba со значением 'сноп в виде женщины' результат интерпретации термина *baba 'сноп' или 'большой (обрядовый) сноп'. Пользуясь аналогией с термином *baba, можно предполагать, что образ мифического «деда» рождается, в частности, процессом народноэтимологического осмысления термина *borda в его обрядово-технологическом смысле. Это значит, что рассматриваемые антропоморфные персонажи низшей земледельческой мифологии славян в том виде, как они выступают в жатвенной обрядности, имеют технологическое основание и языковую природу. Комплекс верований, связанных с общемифологическими (т. е. принадлежащими системе высшего порядка) образами «деда» и «бабы», подключается к рассматриваемой подсистеме представлений как бы вторично, когда узко специальным терминам приписывается обыденное значение. Впрочем, как уже отмечалось, процесс смены технологических и обыденно-мифических значений имеет, судя по всему, циклический характер — целое не столько развивается, сколько перемещается во времени.

В настоящее время известен всего один ритуально-мифический (т. е. сопровождающий и описывающий исполняемый ритуал и при этом являющийся пересказом имеющего самостоятельное существование текста мифа) славянский текст жнивной песни, позволяющий строить ка-

кие бы то ни было предположения относительно того, какой мифологический сюжет мог лежать в основе ритуала, разыгрывавшегося «дедом» и «бабой»: «Сыділа баба ў бобі, клікала діда собі: «Ходы, дыдусю, сюды, то ны матымыш быды. Будымо бобок йісты, одна на друга лісты». (д. Речица Ратновского р-на Волынской обл., соб., зап., 1979 г.)

Текст этот, с одной стороны, примыкает к текстам, сопровождавшим некогда известную белорусскую игру в Терешечку (*жаницьба Цярэшкі*), а с другой стороны, может интерпретироваться как отражение сюжета типа «Небесная хатка» (№ 218), в некоторых вариантах которого встречаются все мифические персонажи земледельческой обрядности славян — «дед», «баба» и коза (или козы).

* * *

В то время как антропоморфные наименования ритуальных предметов дожинального обряда в полесской зоне отсутствуют, зооморфные наименования концентрируются именно в районе Полесья и на прилегающих польских землях (ср. МАПГ, карта № 542). Сюда относятся два названия, совпадающие с наименованиями козы и перепелки. Такая терминологическая активность выделяет эти мифологические образы среди прочих зооморфных персонажей, наименования которых в рассматриваемой функции у славян не засвидетельствованы. Их можно, однако, встретить среди наименований способов укладки снопов в поле, часто строящихся на основе скотоводческой лексики. Например: пинежск. *свинья* 'способ постановки на поле снопов хлеба' (*Подвысоцкий*, 1885), петрозаводск. *рѣткач* 'десять ржаных снопов, сложенных в кучу', *баран*, *боран* 'то же, что *бабка*', пудожск. *кобылка* 'скирд из 20 снопов ржаных или овсяных' (*Куликовский*, 1898) — аналогично и *коза*, *козочка* 'малая укладка снопов зерновых и технических культур в поле для просушки' (СРНГ, вып. 13) и т. д.

Особенностью образа перепелки как мифического персонажа является его принадлежность серии контекстов, мотивирующих обряд «бороды» (колосья оставляются в поле «для перепелки») ⁸. Название козы в этих контекстах не встречается, вероятно, как относящееся к животному домашнему и жертвенному по происхождению. Таким образом, с точки зрения синхронного описания перепелка в противоположность козе попадает в ряд мифических участников обряда, состоящий из птиц («для птиц»)

и мышей («для мышей»), с одной стороны, и полевых духов («для полевого», «для полудницы», бога («богу»), святых («Илье», «Николе» и т. п.) — с другой. Она имеет также общие контексты с *купалой*, что связывает ее с группой образов, наиболее известных под названием «русалок», которые, как правило, не бывают в функции домашних духов: «Летняя перапёлка, дзе лета летавала, дзе зімачку зімаваць будзешь? — Летавала ў шноніцы, зімавала ў крыніцы» — «А дзе же ты, купала, зімавала? — Зімавала я ў крыніцы, а летаваць буду па вуліцы» (*Лис*, 1974, с. 96). Выступая в двух ипостасях — как летняя (ср. только что приведенный пример) и зимняя («*Zimowa przepióreczko, gdzie ty będziesz zimowała?*» — *Быстронь*, 1916, с. 132), она (как все птицы) имеет отношение к чередованию времен года и дождям: «Перапёлка — пташечка, па яру лятаеш, дабро аглядаеш, жнейкам памагаеш, стому ўдаляеш, вадзічку пасылаеш, дзень укарачаеш» (*Гилевич*, 1974, с. 239). Имитации ее голоса у всех славянских народов связываются с приближающейся жатвой; полагают, что она своим криком созывает жнецов: «*Jak żytni kôłas stânie naliwâcsa, to pierpielica nie môže wycierpieć pókul došpiêje, da zaraniêj kruzçûc: Kiń pańôc, para żâc! Kiń palôc, para żâc! Tahdy wiesielêj rôbicsa na sêrcy, dûmajesz — oś oś skôro bûdzie nôwy chleb*» (*Петкевич*, 1938, с. 61). Будучи мифической хозяйкой полей и жатвы, перепелка, подобно другим мифическим персонажам жатвенных ритуалов, постоянно сравнивается с реальными хозяевами поля: «Ой, рада, рада шэра перапелка, што лета даждала, рада, рада. . . Ой, рада, рада наша гаспадынька, што жыта пажала» (*Лис*, 1974а, с. 501); «Ой, лігала перепёлка по полю и збирала дрібні пташкі до бору. . . Ой, ходила наша пані по полю и збирала челядоньку по двору» (*Дей*, 1963, с. 492); «Ой, ці вышла наша пані з вялікага двору? Ой, не вышла, да выслала жнейкі — соколкі, дочкі — перапелкі» (*Лис*, 1974а, с. 517). Параллелизм рассматриваемых образов может приводить к их слиянию, так что перепелка оказывается в функции трудолюбивой жницы: «*Perepylyczka maľuj ptach, maľuj ptach, po pod meżeju liłała, liłała, i kłosońky zbierała, zbierała, i w snopoczku wiazała, wiazała, i w korońky składała, składała*» (*Кольберг*, Хелм., ч. 1, с. 171). Посвященные перепелке ритуальные песни носят на себе отпечаток обряда, где коллектив жнецов выступал нерасчлененно: наименование ее никогда не переходит на последнего

жнеца, противопоставляющегося этому коллективу в нежном ритуале с козой и антропоморфными ритуальными предметами, которые часто обязаны своими названиями соответствующим прозвищам или наименованиям внеобрядовых функций последнего жнеца (так, например, последний жнец или молотильщик целый год может оставаться «дураком», и сноп тоже будет называться «дураком»; последний сноп жнет девушка на выданье, готовящаяся вступить в брак, — он будет «невестой» и т. п.)⁹.

Посвящение ритуальной «бороды» птицам, частным вариантом которого является мотивировка «для перепелки», наиболее характерно для белорусов, поляков (очевидно, восточных), части западных украинцев и сербов: «*Koľi us'ô сожнут', трі колоска перев'азајут' красној ниткој, тó спâсова борода, дл'а птїцы*» (ЛП, с. 93). Ритуальные песни о перепелке в составе обрядов жатвенного цикла имеют сходное распространение, однако они отмечены также в Словакии и Моравии и не засвидетельствованы описаниями сербского обряда. В Воеводине (Фрушка Гора) *перепелица* — «што косци на едашпуд искосе» (*Шкарнич*, 1939, с. 6). Посвящение «бороды» перепелке отмечено на северо-востоке Польши (Подлясье, Мазовше — *Быстронь*, 1916, с. 44, 47, 72) и в Полесье. Наименование «перепелкой» «бороды» характерно для Мазовья, особенно для Гродненской губ. (*Срезневский*, 1843, с. 53; *Зеленин*, ОР, т. 1, с. 469; *Материалы*, 1911, вып. 1, с. 160; *Зеленин*, 1929, с. 118; *Быстронь*, 1916, с. 46). В некоторых местах Бельского у. Гродненской губ. «перепелкой» «называют несколько снопиков, которые связываются сверху, расставляются на трех либо на четырех ножках и приносятся в жилище» (*Быстронь*, 1916, с. 46—47). В СПЯ отмечено *przepiórka* «дожиночный венок» (т. 5, с. 162), однако на карте названий дожиночного венка в МАПГ это название его отсутствует. По данным последнего, термин *przepiórka* в значении «последняя полоса» характерен для восточного Мазовья.

Поскольку перепелка в качестве мифического персонажа выступает в контекстах, мотивирующих обряд «бороды», происхождение этого наименования «бороды» связано, очевидно, прежде всего с усечением мотивирующей конструкции; ср. новейший пример действия этой модели: «Заканчивая жатву, жнеи *оставляют* небольшой клочок несжатой ржи *Илье на бороду*, при этом приговаривают:

«Илья — седая борода! Ходи сюда, береги мою силу к яровой жниве». И этот последний шлох носит название *Ильи* — Жиздринский у. Калужской губ. (Ген., № 509, л. 13—14, корр. А. Лебедев). Использование рассматриваемого наименования в функции названий ритуальных предметов обряда, приносимых в жилище, — по всей вероятности, явление вторичное и позднее, так как соответствующий мифологический образ локализуется в поле, лесу и источниках.

Посвященные перепелке жатвенные ритуалы имеют три формы, отражаемые в сопровождающих обряд текстах песен. Это ритуал изгнания перепелки («Му rójdziem do domu, ty rójdziesz do lasa» — *Быстрынь*, 1916, с. 138), которому, очевидно, соответствует представление о перепелке как существе, причастном механизму смены времен года (ср. русский жатвенный ритуал изгнания мух, а также обычаи, связанные с прилетом и отлетом птиц), ритуал задержания перепелки в поле (перепелка как хозяйка полей) и, давший начало некоторым играм и танцам, ритуал ее ловли, сопряженный с запретом касаться перьев и повреждением ножки (он носит на себе отпечаток жатвенных ритуалов, посвященных домашним сакральным животным и состоящих в ловле животного с последующим приготовлением из его мяса ритуального блюда): «В некоторых местах, когда жнут уже последнюю гряду (а напоследок оставляют гряду самой лучшей ржи) и остается только раз последний и единственный занять серпом, оставшуюся рожь не сжинают, а притаптывают с пением следующих слов: Ой вылень, перепелко, бо уже у нас жита только! Як не будешь вылетати, будем в поле зимовати» (*Крачковский*, 1873, с. 145—146, Брестский у.); «Когда кончают жать рожь у известного хозяина, то оставляют на полосе горсти две-три несжатых колосьев; тщательно очищают их от сорных трав, чтобы в следующем году была чистая рожь; затем поливают водой, дабы рожь не страдала от засухи. Тогда связывают колосья лентой и украшают цветами. . . Их оставляют на поле, говоря, что это будет приют для перепелки. При этом поется следующая песня: Вылиць, пэрыпылко, бо вжо в нас жита тылко — нэ буду вылетаты, буду тут зимоваты! . . . Потом присутствующие здесь девушки идут собирать цветы на венки и заготовляют колосья ржи, а замужние женщины плетут венки и поют песню: До кола, мой женчики, до кола, нэ выпускаймо пэрыпылоньку с поля. . .» (Мате-

риалы, 1911, вып. 1, с. 160, Брестский у.); «Vyletela křepelenka z prosa, a já za ňu bosulenka bosá. Mosím sa já našej mamky pytat, mám-li já tu křepelenku chytat. «Chytaj si ju, můj synečku, chytaj, enom sa jí pérek nedotykej! Jak sa ty jěj jednu pérka dotkneš, hnedky její pravú počku potkneš» (*Перница*, 1951, с. 273, Моравия) и т. д.

Таким образом, представление о перепелке как хозяйке полей и жатвы наиболее дифференцировано на исконных славянских землях, где до последнего времени сохраняются посвященные ей ритуалы и соответствующие им обрядовые песни. Эта территория как бы очерчивается ареалом распространения рефлексов лексемы *pelpelʹ 'ритуальная борода'.

* * *

Коза в качестве мифического персонажа дожиночного обряда, как уже отмечалось, отчетливо противопоставляется перепелке: ей как животному домашнему (сакральному) и жертвенному по происхождению не посвящается основной ритуал обряда — ритуал завивания «бороды». Использование наименования козы в функции названия обрядовых предметов не может поэтому объясняться усечением соответствующей мотивирующей конструкции. Употребление наименования козы в роли названий ритуальных предметов дожинального обряда является следом той эпохи в становлении этой обрядности, когда функцию ритуального предмета обряда выполняли сакральные животные, а не колосья, причем обряд был скорее жреческим, чем народным в собственном смысле слова.

На славянской почве жатвенный ритуал, связанный с козой, остается достаточно неясным. Общеславянскими являются лишь обращенные к последнему жнецу («вот *козэ м'екажет* на того жанца, какэм, хто ззади остајоца — д. Спорово Брестской обл. ПА, зап. Д. А. Бейлиной, 1974 г.) и упоминающие козу песенки-дразнилки или песни-советования отставшей жницы, из которых выкристаллизовывается соответствующая фразеология: «Ой чие то ковеня, що задрало хвостеня, позаду бїжить, аж земля дрижить, бїжить та реве, що не дожене?» (*Круть*, 1971, с. 97); «Того, кто отстанет, называют *коза* или *на козу* и дразнят его. . . : Остана, постана. . . (имя парня) на козу, дојди, појди (имя девушки), збери га!» (*Филипович*, 1939, с. 492). Главной мифологической деталью образа козы оказывается хвост (ср. легенды о козьем хвосте, приводи-

мые Джорджевичем, 1958, с. 193—195). Кончающие жатву жницы поют: «Nebodo na kozi, aj, det' mně to mrzí, nebo každá koza vocas zhůru drží» (*Зибрт*, 1950, с. 383) или: «Я думала зажалася, а ж я с казой осталася, я думала — дуда игратиь, ажну мене за хвост лають, я думала пирог дають, ажну мене к хвосту ведуть» (*Щецко*, 1903, 30 окт.). Соответственно может случиться, что «хозяин одаривает поstadницу деньгами, а во время угощения вручает ей хвост, как и косарю во время покоса. Хвост — почетный (явно вторично. — *О. Т.*) кусок» (*Филипович*, 1949, с. 202).

Названия хвоста могут заменять наименование козы как в соответствующих текстах, так и во фразеологии (соответствия фразеологизма *быть в хвосте*). При этом для жатвенного по происхождению фразеологизма характерен, видимо, предлог *на* (типа словацк. *zostát' na chvoste* 'отстать в жатве'), поскольку поле само мыслится как нечто зооморфное и имеет «голову» и «хвост». Так, в д. Речица Ратновского р-на Волынской обл. крестьяне говорят, что *голова́* — это самое близкое по отношению к дому место, а *хвост* (*xvíst*) — самое отдаленное. Если с *головы* начинают и сеять, и жать, и копать картошку, то кончают работу всегда *на хвосте*. «Хвостом» дразнят иногда и последнего жнеца (например, в гор. Сунгурларе Бургасского окр. и с. Константин Великотырновского окр., где хвост называется *кайрук*).

Целостное описание облика ритуальной козы можно встретить лишь на западе славянского этнодиалектного континуума. Здесь встречаются тексты, рисующие ее как соответствующее всем канонам жертвенное животное: «Švagerovy žničky dómu idú, dómu idú, vedú za sebú kozu bílú, kozu bílú. A majú na ní hrkávěnyku, hrkávěnyku, za to dostanú gořalenku, gořalenku, gořalenku» (*Валек*, 1895, с. 24). Память о масти козы сохраняется также во фразеологии; ср. русск. *я ему — ближе к делу, а он про козу белу* (аналогично выражению *сказка про белого бычка*). Белорусские тексты позволяют выделить мотив поврежденных ног козы, тождественный подобному же мотиву, связанному с перепелкой (ср. ритуальную хромому жницы, несущей последний сноп, у Фрезера, 1977, с. 461): «Жартуйт, коз'і ногы трéба обр'і заты, гэто жж'аты козú» — д. Симоновичи Брестской обл. (ПА, зап. Ф. Д. Климчука, 1973). На уровне общеязыковой фра-

зеологии он представлен выражениями типа *на крывой, храмой, дзікай казе ездзіць, пахаць, скарадзіць* (*Юрченко*, 1974, с. 121), которые, возможно в какой-то мере сберегли черты самого ритуала, точнее, некоторой его части (обхода с исполнением сельскохозяйственных работ), поскольку чешск. *kozu odřiti* 'дожать последние колосья' (*Зибрт*, 1950, с. 380), *odřel kozu* — «dal při domlaticích poslední ránu seret» (*Заоралек*, 1963, с. 181) связывают жатвенный ритуал, посвященный козе, со сказочным сюжетом *kozy-дерезы* (на уровне общеязыковой фразеологии ему соответствует фразеологизмы типа белорусск. *на лулленай казе пад'язджаць* — *Юрченко*, 1974, с. 125) и соотносимыми с ним играми (*Фишер*, 1910). При этом для белорусов, жатвенная обрядность которых особенно разнообразна с точки зрения сопровождающих обряд текстов ритуальных песен, типично устойчивое уподобление исполняющих обряд жнецов рою пчел (в наиболее явном виде в текстах типа «Ляцеў рой дарогай, дарогай шырокаю»), являющемуся, очевидно, ритуальным соответствием образу пчелы в сказках упомянутой разновидности (об этом сказочном мотиве см.: *Топоров*, 1975). С другой стороны, характерный и неясный мотив смолы в белорусских песнях о «бороде» («Чья ж гэта барада смалой, дзегцем уліта, дратваю ушыта?») позволяет предполагать здесь возможность существования рефлексов другого представленного текстами сказок сюжета — *соломенный бычок — смоляной бочок* (№ 156, *Бараг*, 1978, с. 34), тем более, что для участия в обряде призываются те же дикие животные, что упоминаются в сказке («Ваўкі, мядзведзіцы, ідзіце бараду па лоць» и т. п.), а некоторые ритуальные предметы обряда, как уже отмечалось, могут оказаться пережиточными формами соломенных зооморфных изображений. На уровне общеязыковой фразеологии это отражается в выражениях типа белорусск. *на стрыжанай, смаленай казе пад'язджаць* (*Юрченко*, 1974, с. 142).

Лексема *коза* в сочетании с одним из взаимосвязанных значений — 'пожинальная борода', 'последняя полоса', 'полоса', 'постать' и т. п. отмечается у всех славянских народов. Однако характер ее распространения в настоящее время остается недостаточно ясным. Так, например, у великорусов слово *коза* 'пожинальная борода' отмечено, насколько нам известно, лишь однажды в Зарайском у. Рязанской губ. (*Селиванов*, 1902, с. 49), а также у Даля без указания места (*Даль*, т. 2, с. 132); в нечетко опреде-

ленном значении 'оставшаяся несжатой полоска хлеба или льна' оно представлено шире, о чем свидетельствует «Словарь русских народных говоров». Аналогичное положение вещей наблюдается и в других зонах славянского мира. По словам Быстрона, термин *koza* 'борода' характерен «прежде всего для Любельской губ., хотя встречается и в южных повятах Седлецкой губ., а также на левом берегу Вислы в Вашавской губ.; следы его можно обнаружить даже в Краковском воеводстве и в Галиции» (*Быстронь*, 1916, с. 47). На юге Польши он распространен наряду с названием «бороды», восходящим к наименованию перепелки. По данным «Малого атласа польских говоров», слово *koza* в значении 'последняя полоса' выступает «zwarcie na Lubelszczyźnie, poza tym w rozproszeniu» (МАПГ, т. XI, ч. 2, с. 138), что вполне согласуется с картиной, нарисованной Быстроном. Основная группа островков ареала лексемы *koza* располагается здесь вдоль южной окраины области инновационного распространения дериватов корня *per-*, которым принадлежит большая, центральная, часть Польши. А. Крымский считал это название «бороды» характерным для Волыни, оно неоднократно фиксировалось в Полесье.

Таким образом, по своим внешним признакам 'ареал рассматриваемого термина относится к разряду ареалов архаичных явлений. Этим вероятно, можно объяснить, почему за отрывочными сообщениями о слове *koza* в функции наименования последних колосьев у славян не угадывается ничего определенного. Наличие большого числа островков отличает его ареал от ареала терминов, обязанных своим происхождением лексеме *pelpeľь, которые, как уже отмечалось, концентрируются в восточном Мазовье и на прилегающих землях Белоруссии и не имеют такого большого числа отголосков в других зонах славянского мира.

* * *

Таким образом, жатвенная обрядность славян демонстрирует значительное разнообразие форм. Выявляется близость восточно- и южнославянской обрядовых традиций, которые противопоставляются тяготеющей к западноевропейскому культурному типу западнославянской традиции. Для южнославянского варианта рассматриваемой обрядности в целом характерен ряд черт субстратного происхождения; западные области этого региона примы-

кают к западнославянскому этнодиалектному массиву. Особая связь существует между болгаро-сербской, полесско-мазовецкой, западно- и севернорусской зонами, обнаруживающими много сходств. В некоторых ритуалах сохраняются архаизмы дославянского происхождения.

Реконструкция явлений, относящихся к области традиционной духовной культуры народа, в настоящее время затруднительна даже в отдельных своих звеньях прежде всего из-за отсутствия разработанной методики самой процедуры анализа (она не может быть тождественна методике языковой реконструкции, так как законы истории языка и культуры различны), а также из-за отсутствия удовлетворительной типологии феноменов подобного рода. Поэтому намеченная картина сходств и различий, существующих в жатвенной обрядности славян, имеет достаточно общий характер.

¹ Эта форма имеет, очевидно, значение начинающегося от земли колоса, каким он был, по преданию, во времена золотого века человечества. Легенды о таком колосе (в текстах он может заменяться своим более реальным эквивалентом — многоколосым стеблем) и манне небесной известны не только индоевропейским народам, поэтому есть основания предполагать здесь глубокий архаизм, который, впрочем, может оказаться ложным, так как архаичный текст (в данном случае текст легенды) постоянно сохраняет способность к спорадическому порождению сходных форм.

² В загадках снопы всегда осмысливаются как люди, например: «На поле погайском, на рубеже татарском, лежат люди побиты, у них головы обриты» (*Даль*, т. 4, с. 265).

³ Исключая сообщение из д. Большемедвежьевской Ростовской в. Вельского у. Вологодской губ., где «при конце жатвы *хватат бороду*» (выделено автором. — *О. Т.*), и

последний сноп приносят под иконы, где он стоит целую неделю, а всем соседям, помогавшим *имать бороду*, устраивают ужин с обязательным дежем при конце» (Состояние, л. 21). Контекст в данном случае позволяет думать, что под *бородой* здесь подразумевается существо, которое могло бы быть названо *дедом*. Намеренно опускаются данные поэтических текстов и заговоров, поскольку установить значение некоторых слов в составе этих текстов иногда принципиально невозможно (ср., например: *Терновская*, 1977, с. 93).

⁴ Устойчивость употребления платка, оказывающегося у великорусов порою единственным атрибутом паряда снопа — «Все горсти завязывают в один сноп, обвязывают его платком, унесут домой и встанят под иконы и хранят впредь до самого заставления скота на зимний корм», Аввеевская в. Грязовецкого у. Вологодской губ. (Тен., № 211, л. 78—79, корр. С. Староверов) — поз-

воляет предполагать здесь не столько собственно ряжение снопа, сколько его покрываше. Терминологическое соответствие этого неясного обряда отмечено Шпилевским для северо-восточной Белоруссии — *пакрыць ніўку* (в значении 'обернуть полотном или куском нового полотна сжатый первым снопом'); интересно, что у северных великорусов последнее действие с обрядовым снопом (*закармливать сноп*) повсюду практически без исключений приурочивается к празднику Покрова.

⁵ «Die männliche Gestalt... gewinnt in Ernteschlußbrauch so stark an Häufigkeit und geographischer Ausdehnung, daß sie in ganz Deutschland gefunden wird, besonders aber (unter dem Namen der Alte) als breiter Streifen das Gebiet vom Nordosten nach dem Südwesten durchzieht. Als stary oder stary dziad (Großvater) setzte sie sich in den slawischen Grenzgebiet fort» (СНС, т. 5, вып. 2, столб. 276).

⁶ Упоминаются в общих работах по сербской этнографии, авторы которых основываются на одном и том же свидетельстве С. Трояновича (Главни српски жртвени обичаји, с. 18), в значении 'последние колосья и сплетаемый из них венок в форме свадебного головного убора'.

⁷ Существует четыре основных типа устойчивых сочетаний такого рода: *богова* и т. п. *борода*, *борода бога* и т. п., *богу* и т. п. *борода*, *оставить на бороду богу* и т. п. Все они представляют собою мотивировки обряда.

⁸ У поляков отмечено несколько случаев использования в этой функции названий курицы и петуха (*Быстрынь*, 1916, с. 44,

56). В МАПГ лексема *kokot* в сочетании со значением 'последняя полоса' и 'дожинки' отмечена лишь в одном пункте (крайний юго-запад Великопольши, граница с Силезией), причем в этом же пункте в значении 'последняя полоса' употребляется и немецкая по происхождению форма *suqa* (МАПГ, т. XI, ч. 2, с. 135, 139). Петух и курица в славянских обрядах жатвенного цикла используются тройко. Основной формой является применение их мяса в ритуальной трапезе. Оно не сопровождается никакими обрядами, сочетается с ритуалом заклания, основанном на магии крови («Хозяйка приносит на гумно живого красного петушка. Хозяин закалывает его на столбе, вбитом посередине тока, так, чтобы жито облилось кровью и было красным на будущий год» — Фольклор Бот., с. 153) или ритуалом скрывания (так называемые игры с петухом). Ритуал первого типа в той или иной мере отмечен у всех славянских народов; ритуал второго типа характерен для славян южных; ритуал третьего типа представлен у западных славян (преимущественно у живущих в немецком окружении лужицан, в значительно меньшей степени — у поляков и чехов). Кроме того, куры входят в число животных, которых кормят зерном последних колосьев и режут при начале сева, закапывая в поле кости и яйца. Наименование петуха встречается во фразеологизмах, имеющих значение 'окончание жатвы': в.-луж. *kokota lapaś*, н.-луж. *kokota lapić* 'die Ernte beschließen' (Шнеевайс, 1961, с. 159—161), болг. *ще колим петела*, *заклажме петела* (Вакарельский, 1974, с. 621).

⁹ Названия снопа «дедом» и «бабой» также связаны со внеобрядовыми характеристиками последнего жнеца. В том случае, когда ритуальное срезание колосьев подготавливается заранее, действующее лицо обряда выбирается, как

правило, на основе оппозиции старый — молодой. Названия «дед» и «баба» соответствуют тому случаю, когда обряд совершается старшим членом коллектива (семьи по преимуществу).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Антониевич*, 1971 = *Антонијевић Д.* Алексиначко Поморавље. — В кн.: Српски етнографски зборник: Живот и обичаји народни. Београд, 1971. Књ. 35.
- Бараг*, 1978 = *Бараг Л. Р.* Сюжэты і матывы беларускіх народных казак. Мінск, Наука і тэхніка, 1978.
- Бернштейн*, 1916 = *Бернштейн С. Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
- Быстрынь*, 1916 = *Bystroń J. S.* Zwyczajе żniwiarskie w Polsce. Kraków, 1916.
- Вакарельский*, 1974 = *Вакарелски Хр.* Етнография на България. София: Наука и изкуство, 1974.
- Валек*, 1895 = *Válek J.* Valašské písně «o dožatej» ze Vsacka na Moravě. — *Český lid*, 1895, Т. 4.
- Геров* = *Геров Н.* Речник на български език. София: Български писател, 1975—1978. Т. 1—5.
- Гилевич* 1974 = Песни народных свят і обрадаў. Выдавецтва БДУ, 1974/ Сост. Гілевіч Н. С.
- Грбич*, 1909 = *Грбић М.* Српски народни обичаји из Среза Бовљачког. — В кн.: Српски етнографски зборник. Обичаји народа српскога. Београд, 1909. Књ. 2.
- Даль* = *Даль В. М.* Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Гослитиздат, 1935, т. 1—4.
- Дей*, 1963 — *Ігри та пісні: Веснянолітня поезія трудового року/ Сост. А. Ц. Дей.* Київ: Видавництво АН УРСР, 1963.
- Демо-Грabalова*, 1969 — *Žatevné a dožinkové piesne/ О. Demo, О. Hrabalová.* Bratislava, 1969.
- Джорджевич*, 1958 — *Ђорђевић Тих. Р.* Природа у веровању и предању нашего народа. 1 книга. — В кн.: Српски етнографски зборник: Живот и обичаји народни. Београд, 1958. Књ. 32.
- Добровольский*, Сб. = *Добровольский В. Н.* Смоленский этнографический сборник. СПб., 1891—1903. Т. 1—4.
- Добровольский*, 1901 = *Добровольский В. Н.* Насекомые и черви в народной жизни. — Этнографическое обозрение, 1901, № 2.
- Добровольский*, Сл. = *Добровольский В. Н.* Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.
- Заоралек*, 1963 = *Zaorálek J.* Lidová rčení. Praha: Nakladatelství Československé Akademie Věd, 1963.
- Заремба* — *Zaręmba A.* Atlas językowy Śląska. Kraków, 1976, т. 2, cz. 1. Mapy 1—250; cz. 2. Wykazy i komentarze do map 1—250.
- Зеленин*, ОР = *Зеленин Д. К.* Описание рукописей Ученого архива Императорского Русского Географического Общества. Пг., 1914—1916. Вып. 1—3.

- Зеленин*, 1929 = *Зеленин Д. К.* «Спасова борода», східньослов'янський хліборобський обряд жнивварський. — Етнографічний вісник, 1929, кн. 8.
- Зечевиц*, 1972 = *Zečević S.* La barb de Dieu. — В кн.: Ethnologia slavica. Bratislava, 1973, Т. 4.
- Зибрт*, 1950 = *Zibrt C.* Veselé chvíle v životě lidu českého. Praha, 1950.
- Жиндржих*, 1959 = *Jindřich J.* Chodsko. Praha, 1959.
- Календарные обычаи, 1978 = Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: Летне-осенние праздники. М.: Наука, 1978.
- КАС — Картотека Архангельского областного словаря. МГУ.
- ККНСХ = Картотека по анкете «Культ и народное сельское хозяйство». Кострома, Ипатьевский монастырь, ОРКФ, № 339.
- КНСХ = Культ и народное сельское хозяйство: Анкета, изданная Антрополого-этнографической станцией Костромского научного общества по изучению местного края. Кострома, Ипатьевский монастырь, ОРКФ, № 339.
- КПС = Картотека псковского областного словаря. Псковский Государственный педагогический институт.
- Кольберг*, Хелм. = *Kolberg O.* Dzieła wszystkie: Chełmskie, cz. 1. Wrocław; Poznań, 1964.
- Корнев*, 1975 = *Корнев А. И.* Северные и северо-западные русские говоры как источник семантического развития (слово *борода*). — В кн.: Севернорусские говоры. Л.: Изд-во ЛГУ, 1975. Вып. 2.
- Крачковский*, 1873 = *Крачковский Ю. Ф.* Быт западнорусского селянина. — В кн.: Чтения в Обществе Истории и Древностей Российских. М., 1873, Кн. 4.
- Круть*, 1971 = *Жнивварські пісні*/ Сост. Ю. З. Круть. Київ: Наукова думка, 1971.
- Круть*, 1973 = *Круть Ю. З.* Хліборобська обрядова поезія слов'ян. Київ: Наукова думка, 1973.
- Крымский*, 1973 = *Крымский А. Ю.* «Волосова борода»: 3 учено-кабинетної міфології XIX віку. — В кн.: *Крымский А. Ю.* Твори в п'яти томах. Київ: Наукова думка, 1973. Т. 3.
- Куликовский*, 1898 = *Куликовский Г.* Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.
- Кумушка*, 1846 = *Кумушка*, или последний с поля снег. — Вологодские Губернские Ведомости, 1846, № 39 (часть неофициальная).
- Лис*, 1974 = *Лис А. С.* Купальські пісні. Мінск: Навука і тэхніка, 1974.
- Лис*, 1974а = *Жніўныя пісні*/ Сост. А. С. Лис. Мінск: Навука і тэхніка, 1974.
- ЛП = Лексика Полесья/ Отв. ред. Н. И. Толстой. М.: Наука, 1968.
- МАПГ = *Mały atlas gwar polskich*, t. XI, cz. 1. Mapy 501—550; cz. 2. Wykazy i komentarze do map 501—550. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1968.
- Маринов*, 1914 = *Маринов Д.* Народна вяра и религиозни народни обычаи. — В кн.: Сборник за народни умотворения, 1914. Кн. 28.
- Материалы, 1911 = *Материалы по этнографии Гродненской губ.* Вильно, 1911, вып. 1.
- Находил* = *Робек*, 1959 = *Nahodil O., Robek A.* České lidové pověry. Praha, 1959.
- Нижнянский*, 1958 = *Nižňanský J.* Brestovianské žatvy a mladby v minulosti. — Slovenský národopis, 1958, ročn. 6, č. 3.
- Орел*, 1952 = *Orel B.* Narodopisje slovencev. Ljubljana, 1952. Del. 2.
- ПА — Архив полесских экспедиций, проводимых под руководством Н. И. Толстого. Институт славяноведения и балканистики АН СССР.
- Перница*, 1951 = *Pernica B.* Rok na Moravském Horácku a Podhorácku. Havlíčkův Brod: Krajské nakladatelství, 1951.
- Петкевич*, 1938 = *Pietkiewicz Cz.* Kultura duchowa Polesia Rzeczyckiego. Warszawa, 1938.
- Плицка — Вольф — Сволышский, 1950 = *Plicka K., Volf F., Svolinský K.* Český rok v pohádkách, písních, hrách a tancích, rikadlech a hádankách. Praha, 1950. Sv. 2.
- Подвысоцкий*, 1885 = *Подвысоцкий А.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
- Попеску*, 1974 = *Popescu A.* Rumänische Erntebrauche. Bonn, 1974.
- Пущко*, 1903 = *Пущко А.* Зажинки и обжинки. — Витебские Губернские Ведомости, 1903, 19 сент., 30 окт. и 24 дек.
- Рантасало*, 1919—1925 = *Rantasalo A. V.* Der Ackerbau im Volksaberglauben der Finnen und Esten mit entsprechenden Gebräuchen der Germanen verglichen. Sortavala, 1919—1920, Bd. 1—3. Bd. 4—5. Helsinki, 1924—1925 (FFC, N 30—33, 55, 62).
- Сазонов* = *Сазонов М.* Состояние обрядов и песен в деревнях Заонежья Олонецкой губ. Петрозаводского у. — Архив ГО СССР, р. 25, оп. 1, № 47, б. г.
- Северин*, 1932 = *Seweryn T.* Podłazińniki. Krakow, 1932.
- Селиванов*, 1902 = *Селиванов В. В.* Год русского земледельца. — Соч. Владимир, 1902. Т. 2.
- СМР = *Кулишић Ш., Петровић П. Ж., Пантелић Н.* Српски митолошки речник. Београд, 1970.
- СНС — Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens: Herausgegeben unter besonderer Mitwirkung von E. Hoffmann—Krajer und Mitarbeit zahlreicher Fachgenossen. Berlin, Leipzig, 1927—1942. Bd. 1—10.
- Состояние = Состояние народной песни и обряда в д. Большемедвежьевской, Ростовской вол., Вельского у., Вологодской губ. — Архив ГО СССР, р. 7, оп. 1, № 104.
- СПЯ = *Słownik języka polskiego/ Red. naczelny W. Doroszewski.* Warszawa, 1958—1969. Т. 1—11.
- Срезневский*, 1843 = *Срезневский И. И.* Дополнения к замечаниям о праздниках у малороссиян. — Маяк, 1843, т. 11, гл. 3.
- СРНГ = *Словарь русских народных говоров/ Ред. Ф. П. Филин.* М.; Л.: Наука, 1964—1978. Вып. 1—14.
- Стоилов*, 1903 = *Стоиловъ А.* Брада на шивата: Жетварски обредъ. Отпечатъкъ отъ «Българско Сбирка». София, 1903.
- Тен. = *Тешинский фонд.* Архив Гос. музея этнографии народов СССР, ф. 7, оп. 1.
- Терновская*, 1977 = *Терновская О. А.* Лексика, связанная с обрядами жатвенного цикла: (Материалы к словарю). — В кн.:

ОПЫТ АРЕАЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ
СЛАВЯНСКОГО СВАДЕБНОГО ОБРЯДА
И ЕГО ТЕРМИНОЛОГИИ

- Славянское и балканское языкознание. М.: Наука, 1977, с. 77—131.
- Топоров, 1975 — Топоров В. Н. К объяснению нескольких славянских слов мифологического характера в связи с возможными древними ближневосточными параллелями. — В кн.: Славянское и балканское языкознание. М.: Наука, 1975.
- Топоров, 1978 = Топоров В. Н. Русск. *зоби(ва)ть козла*. — *Studia linguistica Alexandro Vasiliij filio Issatschenko a collegis amicisque oblata*. Liss, 1978.
- Филипович, 1939 = Филиповић М. С. Обичаји и веровања у Скопској Котлини. — В кн.: Српски етнографски зборник: Живот и обичаји народни. Београд, 1939. Књ. 24.
- Филипович, 1949 = Филиповић М. С. Живот и обичаји народни у Височкој Нахији. — В кн.: Српски етнографски зборник: Живот и обичаји народни. Београд, 1949. Књ. 27.
- Филипович, 1967 = Филиповић М. С. Различна етнолошка грађа. — В кн.: Српски етнографски зборник: Одељене друштва. наука. Расправе и грађа. Београд, 1967. Књ. 5.
- Фишер, 1910 = Fischer A. *Vajka o kozie obdartej*. — *Lud*, 1910, zes. 4.
- Фолклор Бот. = Фолклор и народни обичаи от Ботевград/ Ред. от проф. Ц. Романска. Ботевград, 1968.
- Фрезер, 1977 = Fraizer J. G. *Zlata ratolest*. Praha, 1977.
- Шейн, Мат. = Шейн П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. СПб., 1887—1902. Т. 1—3.
- Шкарич, 1939 — Шкарић М. Живот и обичаји «Плапинаца» под Фрушком Гором. — В кн.: Српски етнографски зборник: Живот и обичаји народни. Београд, 1939. Књ. 24.
- Шлюбский, 1927 — Шлюбскі Ал. Матар'ялы да вывучэньня фальклёру і мовы Віцебшчыны. Менск: Выданьне Інстытуту Беларускае культуры, 1927, ч. 1.
- Шнеевайс, 1961 — Schneeweis E. *Serbokroatische Volkskunde, erster Teil: Volksglauben und Volksbrauch*. Berlin, 1961.
- Шпилак, 1906 — *Spičak M. Žetva. Običaje i pjesme u Pavlovcu*. — In: *Zbornik za narodni život i običaje južnih slovena*. Zagreb, 1906. Knj. XI, d. 2.
- ЭССЯ = Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд/ Ред. Д. Н. Трубачев. М.: Наука, 1974—1979. Вып. 1—6.
- Юрченко, 1974 = Юрчанка Г. Ф. І сячэ і паліць: Устойлівыя слова-злучэнні ў гаворцы Медзіслаўшчыны. Мінск: Навука і тэхніка, 1974.

Современная славистика все чаще обращается к проблемам, связанным с народной духовной культурой и ее историей, в частности к проблемам, лежащим на стыке таких смежных дисциплин, как лингвистика, этнография и фольклористика. Их развитие, как указывает Н. И. Толстой, «ставит ряд новых задач, решение которых возможно лишь на основании комплексного подхода к предмету исследования». Такое всестороннее изучение несомненно «обогащает славистику новыми фактами, ценными во многих отношениях и в первую очередь для решения извечной славянской проблемы этногенеза славян в целом и отдельных славянских этнических групп в частности»¹.

Особенно актуальным в этом плане оказывается лингвогеографическое изучение обрядовой лексики как наиболее архаичной. Изоглоссы, которые определяются обрядовыми терминами, играют вообще особую роль, так как, по мысли Н. И. Толстого, сам по себе такой термин как бы совмещает стороны лингвистическую и этнографическую.

Из лингвистических исследований, в которых бы рассматривалась свадебная терминология славян в целом, мы можем назвать лишь небольшую работу Р. Эккерта². В этой статье в сравнительно-историческом плане анализируется довольно узкий круг свадебных терминов, имеющих соответствия в разных славянских языках³. Это термины, обозначающие свадьбу в целом, и названия некоторых ее частей: *pirъ*, *brakъ*, *kvazъ*, *veselъje*, *gody*, а также *svatъba*, *snub-* и *porъka*.

Автор приходит к выводу, что рассмотренные им термины для обозначения свадебного обряда в целом и его частей — относительно позднего происхождения, хотя лексический инвентарь, служащий для создания этой терминологии, сам по себе очень древний (в доказательство Р. Эккерт приводит параллели из германских и балтийских языков).

В отличие от лингвистических исследований этнографическая литература о свадебном обряде сравнительно богата. Среди работ обобщающего характера, посвящен-

ных свадьбе, особо следует отметить недавно появившуюся книгу Я. Коморовского «Традиционная свадьба у славян»⁴. Это первый и единственный труд, в котором в сопоставительном плане рассматривается свадебный обряд всех славянских народов. До сих пор такой широкий сравнительный анализ свадебной обрядности не предпринимался. Лишь в работе Н. Ф. Сумцова «О свадебных обрядах, преимущественно русских», значительно устаревшей в методологическом отношении, приводится ряд инославянских параллелей к свадебному ритуалу восточных славян⁵.

Рассмотрение восточнославянской свадебной терминологии в свете диалектной классификации показывает, что географическое распределение свадебных терминов в целом соответствует существующему диалектному членению восточнославянской территории. При этом выявляемые изоглоссы подкрепляются и этнографическим материалом. В общеславянском плане проделать такую работу сложнее, но все же и в таких масштабах удается установить целый ряд лексических и обрядовых параллелей.

Так, например, можно выделить ряд терминов, общих для восточных и западных славян: укр. *староста* (это название одного из главных действующих лиц встречается также в южнорусских районах, прилегающих к Украине), полес. *староста*, бел. *староста* (редко), олон. *староста*, *староста поставленный* и польск., словац. и чеш. (морав.) *starosta*; зап.-укр. и бел. *барыши*, зап.-полес. *барыш* и польск. *borysz* (вышивка по случаю свадебного стовора); укр. *придани*, *приданки*, *приданне*, полес. *приданы*, *придані(е)*, *приданкі*, *приданкі*, бел. *приданья*, *приданкі* (участницы обряда со стороны невесты), ю.-в.-р. *приданка* (подруга невесты, обычно из близких ее родственниц — в Рязанском р-не) и польск. *przydanki* (помощницы старшей дружки невесты), *przydankowie* (помощники старшего дружки жениха), кашуб. *předóni*, *předónki*, *předanki*, *předonki* (ассистенты жениха и невесты), словин. *przedanki* (две замужние молодые женщины, ассистентки жениха и невесты); с.-в.-р. *сластить*, *слатить* (целоваться) и польск. *ślodzić* (то же); укр. *посаг*, *посага*, *посяг*, *посяга*, полес. *посаг*, *посага*, бел. *пасаг*, *пасага*, рус. *посаг* и польск. *posag*, *pusog*, кашуб. *posog* (названия приданого); смол. *тройной хлеб* (рожь, ячмень и овес, которыми осыпают жениха), укр. *трийчатка* (свадебный хлеб) и польск. *troiste pieczywo* (три вида хлебных изделий на свадебном

столе: пироги, коровай и ржаной хлеб); укр. *слово* (обряд стовора, ответ невесты на сделанное ей предложение), полес. *идти за словом* (за окончательным решением родителей невесты), бел. *верное слово* (окончательное согласие невесты на замужество), ю.-в.-р. *доброе слово* (согласие родителей невесты на брак), с.-в.-р. *положиться на слово* (договориться сторонам о дарах и т. п.) и верх.-луж. *na slowo pšnić* (официальное сватовство); ср. также сходные по внутренней форме термины, относящиеся к периоду брачного стовора: рус. *сговор*, укр. *змовини*, бел. *змовіны* и польск. *zmówinu*, чеш. *námluvu* (ср. еще макед. *зговор*).

У западных славян, как и у восточных, существует осмотр хозяйства жениха: в польском Мазовше (*opatry*), у кашубов (*vipatrě, viglądë, oglądë, oglądženë, obzórki, obzérki, obezdřěně, omóvině*), словаков (*prepački, obzeranie ohniska*) и лужичан. Отмечен он и у сербов (*гледати кућа*). Обычай жечь на свадьбе огонь и перепрыгивать или переезжать через него существует в Польше, на Украине, в Белоруссии и в западной зоне русского Севера (в Петроградской губ., в Онежском у. Архангельской губ., в Вельском у. Вологодской губ. и в Костромской губ.). У поляков, лужичан и восточных славян (особенно белорусов и украинцев) существует обычай сажать невесту на квашню. В севернорусском свадебном обряде невесту иногда сажают на ступу (в Пудожском у. Олонецкой губ., в Кадниковском у. Вологодской губ.). У кашубов и восточных славян встречается ряжение конем и козой на свадьбе: кашуб. *kón, koza*, полес. *конь, кабула*, влад. *коза*. Следы обрядовой вражды между девушками и замужними женщинами отмечены у моравских словаков, в польском Мазовше и у русских на Севере (в Тотемском и Великоустюгском уездах Вологодской губ.). У восточных славян встречается использование в свадебном обряде бороны как фаллического символа. При этом особенно интересно отметить катание на бороне (или плуге), которое встречается на свадьбе у русских в Орловской, Калужской губерниях и на Севере, в зоне новгородской колонизации (в Заонежье и Пудожском у. Олонецкой губ., в Холмогорском у. Архангельской губ., на Пинеге и Мезени), а также в Моравии, Словакии и у литовцев; ср.: в Волынской губ. известно катание на бороне повитухи после крестинного обеда у роженицы.

Ряд соответствий имеет восточнославянский свадебный обряд с южнославянским; ср.: вост.-слав. *коровай* и болг.

кравай, кумов кравай, булченски кравай, словен. *kravalj*, серб. *крaвaль, краваљноша, краваљноша* (термины *kočovaj* и *kočovajl*, обозначающие свадебный хлеб, встречаются также в Польше, но лишь в восточных районах и являются в данном случае восточнославянскими заимствованиями). Можно сопоставить также восточнославянские термины с корнем *лад-*, относящиеся к сватовству (полес. *лад*, ю.-в.-р. *лавы, ладило, ладинки, ладковать*) или исполнению свадебных песен (зап.-укр. *ладкати, ладканя, латкане*) и болг. *ладване* (обряд, заменявший прежде венчание); рус. *тысяцкий воевода* и серб. *војвода* (одно из главных лиц в свите жениха).

Представление о том, что невестственность невесты имеет магическую силу и пагубным образом влияет на хозяйство молодых, распространено на Украине и в Болгарии. Русское поверье о том, что коням тяжело возить свадьбу, находит соответствие в болгарском свидетельстве из Софийского округа: считается, что волы плачут, когда возят свах на свадьбе. Демонстрация брачной сорочки невесты происходит у сербов, черногорцев, македонцев, болгар (в том числе переселившихся в Россию), украинцев и южновеликорусов. Смотрины невесты известны у восточных славян (особенно у русских) и у части южных (в хорватском Загорье они называются *ogledi*; ср. также словен. *ogledi* 'смотрины', 'предварительное сватовство', *ogledniki* 'сваты'). Возвращение от венца домой другой дорогой отмечено у русских в Вологодской, Владимирской, Калужской губерниях и у сербов; ср.: в Полесье другим путем возвращаются с кладбища. Обычай ставить на стол свиную голову, в большинстве случаев украшенную, известен в восточнорусской зоне. В Полесье свинина передко считается обязательным угощением на свадьбах, а в Черногории к свадебному столу подают целую свинью.

Из широких славянских терминологических параллелей укажем еще в виде списка следующие.

**svatъb-*. В эту группу входят названия всего обряда в целом или центральной его церемонии — собственно свадьбы, а также группы главных участников обряда или отдельных основных представителей этой группы: (1) болг. *свадба, сватба*, болг., макед. *сватбари*, макед. *свадба, свабда*, серб.-хорв. *свадба*, словен. *svatba, svatbici* (группа женских действующих лиц); польск. *swadźba*, словин. *swadzba*, чеш. (морав.) *svatba*, чеш. *stará svatbi* (обрядовая заместительница матери невесты), словац. *svadba*, ниж.-

луж. *swadźba, swajźba, swajźbafе*; рус. *свадьба*, бел. *свадзьба (швадзьба)*; (2) словен. *poscarbici* (группа женских действующих лиц); чеш. *svarba*, чеш. (морав.) *stará sv(a)rbí* (обрядовая заместительница матери невесты), с.-в.-р., моск., пенз., тульск. *свар(ь)ба* (на Севере встречается в Бокситогорском и Киринском р-нах Ленинградской обл.; в Кашиинском у. Тверской губ.; в Шекснинском р-не, Вологодском, Грязовецком уездах, в Междуреченском р-не, Кадынковском у., Харовском р-не, Тотемском и Никольском уездах Вологодской губ., с.-в.-р. *сваребный* (в Никольском р-не, Тотемском и Никольском уездах), с.-в.-р. *сваребничать* (в Вологодском у.), *сваребжана* (в Никольском р-не), *сваребцики* (в Кирилловском у. Новгородской губ.), *сваребьяна* (в Кирилловском, Белозерском и Тотемском уездах); (3) укр. *сваляба* (в Харьковской губ. и Закарпатье), с.-в.-р. (вост.) *сваляба* (в Яранском у. Вятской губ., Арбайском и Полинском р-нах Кировской обл., в Соликамском р-не Пермской обл. и в Царевококшайском у. Казанской губ.); (4) укр., ю.-в.-р. (на Дону) *свайба*, с.-в.-р. *сваебьяна* (в Тотемском у.).

**svat-* (в основном терминология действующих лиц): болг. *сват, сватя*, макед. *сват, сватници* и *сваја* (свадебный хлеб), серб.-хорв. *сват* (собр. *sva'а*), словен. *svat, svatevci*; польск. *swat, swatka* и *swaty* (игровой танец на свадьбе), кашуб. *szwat*, чеш. *starosvat, starosvatka*, чеш. (морав.) *svat, svata, svatka, svatičky*, словац. *svat, svatovské*, верх.-луж. *swat*, мн. ч. *swatojo*, ниж.-луж. *swat, swato*; вост.-слав. *сват*, рус., бел. *сватья*.

**svax-* (названия одной из основных участниц обряда): болг. *сваха*; польск. *swacha, swachna, swaszka (swaska)*, ниж.-луж. *swaška*; вост.-слав. *сваха*, с.-в.-р. *свах* (мужчина, который сватает невесту), укр., бел., ю.-в.-р. *свашка*.

**vesel-*. Сюда относятся названия отдельных обрядов свадьбы, церемоний и участвующих в них лиц: серб. *веселье*; польск. *wesele (weszele), weselni, weselnicy*, кашуб. *veselò, òesele, poveselè, povesòlko, òeselnik*, чеш. *vesele, veselí, veselka*, чеш. (морав.) *rozveselky*, словац. *vesel'e*, ниж.-луж. *wjasele*; укр. *весілля, весілл(я)с*, бел. *вяселля, вяселле*, ю.-в.-р., ср.-в.-р. (зап.), с.-в.-р. (редко) *веселье*, укр. *червоне весілля, веселувати, весельні, весільні, весільний, весілічане, весіляни, весільний уряд, весільний батько, весільна матка*, зап.-полес. *высільнык, дружина весілля*, бел. *вясельны поест, пір вясёлы*, ю.-в.-р. (южн.) *весельство*,

веселое утро, с.-в.-р. *веселишничек* (в песне), *веселый пир*, *веселый стол*.

**snub-* (*slub-*, *sl'ub-*). Все эти термины связаны с заключением брачного стовора (сватовством и обручением) и самим бракосочетанием (венчанием) и обозначают обряды и церемонии, реже — действующих лиц: болг. *девисноп*, *девоснопове*, *слубаре* (названия сватов жениха), хорв., словен. *snubiti* (свататься), словен. *snubljenje* (сватанье), *snobok*, *snubec* (сватающийся), *snuboke* (сватовство); польск. *dziewostąb*, *dziewostęb* (сват), *dziewostąbka* (сваха), *osłęby* (стовор), *ślub*, *ślub*, *zaślubiny* (венчание, бракосочетание), кашуб. *ślubinë*, *ślubiny* (окончание стовора, помолвка, приглашение на свадьбу после заключения стовора), чеш. *snoubiti*, чеш. (морав.) *snub* (свадьба, бракосочетание), словац. *snubiti'*, *snúbenec*, *snúbenica*, *slúbenec*, *slúbenica*, *zasnubení*, *v sl'ube* (термины, относящиеся к обрученным жениху и невесте), верх.-луж. *slubić*, *slub*, *slubjena*, *slubjenu*, *slubeńc*, *slubeńca* (также терминология, связанная с обручением и обрученными женихом и невестой), ниж.-луж. *snubiś*, *złub* (обручение, помолвка); укр. *дівоснуб*, *дівослюб* (сват), *шлюб*, *слюб* (венчание), зап.-полес. *дівослюби*, *бывоснубы*, *злюбини* (церемония, связанная со стовором), *шлюб* (венчание), подляс. *дівоснубы* (церемония договора о свадебных расходах), *девоснубный сыр*, бел. *девоснубы* (девичник), *дзевасноб*, *дзеваснобіны*, *дзеваснобіца*, *дзеваснобье* (термины, относящиеся к стовору), *шлюб*, *шлюба* (венчание), *шлюбавіны* (собственно свадьба).

**грк-*. Разнообразные термины и фразеологизмы, включающие этот корень, обозначают в основном действия, скрепляющие свадебный стовор сторон, исполнителей этих действий, обряды и церемонии, в ходе которых эти действия осуществляются (т. е. помолвку, обручение), а также помолвленных жениха и невесту: болг. *обръкы* (помолвка, стовор), *ръченик* (свадебное деревце), серб. *заручити*, серб. (черногор.) *заручена*, *заручница* (о невесте), хорв. *zaruke*, *zaruki* (помолвка), хорв. (славон.) *zaruke* (сватовство), словен. *poročati*, *poroka* (венчать, венчание), *zaročiti*, *zaroča* (помолвить, помолвка), *поворогоџен*, *поворогоџенка*, *zaročenes*, *zaročenka* (названия жениха и невесты); польск. *zrękowiny*, *zręczyny* (помолвка), *zręczone* (помолвленные жених и невеста), *zrękowinowy* (танец после обручения), *obrączki* (обручальные кольца), кашуб. *zrąkavinë* (приглашение на свадьбу после заключения стовора), чеш. *ruč-níkový* (свадебный танец с выбором брачной пары), сло-

вац. *ist' po ruku*, *rukovanka* (помолвка), *zrukovaní* (о помолвленных), *záručnô* (подарок невесты в знак согласия на брак); смол. *рука у руку бить*, влад. *ударить руку об руку*, с.-в.-р. *бить (ударить, хлопнуть) по рукам*, смол. *ударить по рукам*, закарпат. *ударити по рукам*, гамб. *руки класть*, с.-в.-р. *положение рук*, *дать руку*, *сдавать с рук невесту* (название действий, окончательно закрепляющих брачный стовор), *рукобидник* (подарок невесты жениху на помолвке), *рукобитно*, *руководно*, *рукобитный день* (окончательное скрепление стовора, помолвка), рус., бел. *рукобитье* (то же), зап.-укр. *руковины*, *зруквини* (то же), с.-в.-р. *порученье* (то же), *порученица* (невеста), *порука* (неустойка в случае расторжения брака), рус. (зап.) *поручить* (помолвить), рус. *порученка* (невеста), зап.-укр. *поручники* (участники процессии жениха в дом невесты), с.-в.-р. (южн.) *запоручать*, *запоручивать*, *запоручи*, *запоручины*, *запоручка*, *запоручки* (помолвка), с.-в.-р., рус. (зап.) *запоручить* (помолвить), с.-в.-р. *запорученка* (невеста), *запорученье* (помолвка), вост.-слав. *заручать*, *заручить* (помолвить), *зарученая* (о невесте), с.-в.-р. *заручельщики* (лица, выводящие помолвленную невесту к жениху), *зарученный пир*, *заручка* (угощение в честь помолвки), вост.-слав. (преимущественно зап.) *заручины* (помолвка), бел. *заручанне*, *заручены* (то же), *заручальные песни* (на помолвке), ю.-в.-р. *зарученочка* (невеста), с.-в.-р., ю.-в.-р., полес. *зарученье* (помолвка), смол., подляс. *заручники* (участники процессии жениха в дом невесты), с.-в.-р. *обруч*, *обрученье* (помолвка).

**věr-* (также названия, связанные со стовором и помолвкой): серб. *vjerenik* (помолвленный жених), серб. (черногор.) *веридба* (помолвка), *вереница* (помолвленная невеста), хорв. (далм.) *vjerená djevojka* (то же); словац. *verenes*, *verenica*, *zverení*, *vo vere* (о помолвленных женихе и невесте), верх.-луж. *wjerować dać* (венчаться); закарпат. *вірники* (помолвленные жених и невеста), витеб. *верное слово* (окончательное согласие невесты на брак), с.-в.-р. (на Мезени) *вера* (залог, предмет, который сват берет у невесты в знак ее согласия на брак).

**čyt-*. Часть этих терминов связана с девственностью невесты, часть — с некоторыми, особо значимыми сторонами обряда, например с главным свадебным торжеством, наиболее привилегированными чинами и т. п.: болг. *нечесна*, макед. *чесна*, *нечесна* (о девственной или недевственной невесте); польск. *uczta*, *uczta weselna* (свадебное уго-

щению), *uczłować* (участвовать в таком угощении), луж. *poćesna* (о невесте, сохранившей девственность); вост.-слав. *честь, честная, нечестная, честный, нечестный, честность, честить* (терминология, связанная с девственностью), с.-в.-р. *девичья честная красота* (поэтический термин, определяющий девичество), *по чести* (о браке с согласия родителей), *наложитъ честь на себя* (приобрести успех у молодых людей путем умывания водой, которой мылась невеста), *честны* (участники свадебной процессии жениха), зап.-укр. *честь* (угощение, которое приносят гости на свадьбу), полес. *чэсьць* (послебрачная церемония с угощением), уральск. *честный суд* (проверка невинности невесты после брачной ночи), полес. *почостка* (свадебное угощение у жениха, на которое приезжает мать невесты), бел. *почостка* (угощение для коровайниц в доме невесты накануне дня венчания), укр. *почесна* (такое же угощение для родни невесты), ю.-в.-р. *почетные* (родственники невесты, привозящие приданое в дом жениха; главное свадебное торжество), *почетной пир* (главное свадебное торжество), ср.-в.-р. *почесье* (предбрачный вечер у невесты с участием ее ближайших родственников), с.-в.-р. *почесье* (послебрачное угощение, устраиваемое для молодых), *почетный брат* (брат невесты в качестве шафера), *почетный стол, почетный стол* (главное свадебное торжество), *быть в почете, почетники* (о родственниках невесты, приезжающих на это торжество), *почесье, процесье* (послебрачное угощение у жениха).

**brat(r)*-. К этой группе терминов относятся названия мужских главных действующих лиц как со стороны жениха, так и со стороны невесты, которые по преимуществу исполняют роль шафера: болг. *побратим*, макед. *братими, побратим, побратимица* (жена побратима), хорв. (далм.) *pobratim*; верх.-луж. *braška*, ниж.-луж. *pobraška, pobrašk, pobratš, pobratška, pobratša*; с.-в.-р. *большой брат, брат почетный, братнее место*, ср.-в.-р. (зап.) *посаженный брат, братица, братеник, братка*, с.-в.-р., ср.-в.-р. (зап.), бел., полес. *брат, братья, браты*.

*star-. Слова с этим корнем обозначают главных участников свадьбы (чаще мужских со стороны жениха), которые исполняют различные, преимущественно руководящие функции: (1) болг. *стари сват, стара сватя*, серб.-хорв. *стари сват*; польск. *starsza swacha*, чеш. *stara svatbí*, чеш. (морав.) *starý svat (svata), stará svatka, stara svarbí*, словац. *starý svat*; укр. *старший староста*, с.-в.-р., полес.,

зап.-укр. *старший сват*, полес., укр. *старша сваха*; (2) макед. *старосват*; чеш. (и морав.) *starosvat, starosvatka*; (3) серб. *старац*, хорв. *starešina, starješina*, словен. *starišica*; польск. *starosta, starościanka, starościna*, кашуб., словин. *stary*, чеш. (морав.) *starosta*, словац. *starosta, starejší, stárek*; укр., бел., с.-в.-р. (зап.) *староста*, ю.-в.-р. (вост.) *старший*.

*pros-. В основном это названия действующих лиц и обрядов, среди которых выделяются термины, связанные со сватовством и приглашением на свадьбу: болг. *прошка* (просьба молодых идти на брачное ложе; обряд снятия с невесты обета молчания), серб.-хорв. *просци* (сваты), *прошья* (сватовство), серб. *прошевина* (то же), хорв. *prosilba* (то же); польск. *prosace* (участники обряда, приглашающие на свадьбу), *zaprosiny* (приглашение гостей на свадьбу), верх.-луж. *na kwas prosyc, na kwas prošenje* (то же), ниж.-луж. *pšepšoseńe* (то же); с.-в.-р., ю.-в.-р. *запрос* (сватовство; выкуп за невесту), сиб. *запрос запрашивать* (назначать выкуп за невесту), *запросит невесту* (посвататься, просить руки невесты; заплатить выкуп за невесту), бел. *просильник* (мальчик, приглашающий на коровай), *просильницы* (женщины, просящие молодиц печь коровай), укр. *прошак* (приглашающий родню невесты на угощение к жениху), *просатый* (приглашающий на свадьбу), *спросини* (обход родственников накануне бракосочетания), зап.-укр. *просатары* (сваты).

**zvъ-/zov*-. Многие из терминов этой группы обозначают действующих лиц, которые приглашают гостей для участия в тех или иных обрядовых церемониях: макед. *зовачка*, серб. *носити званицу* (ходить с украшенной флягой с вином, приглашая гостей на свадьбу), *занице* (гости, приглашаемые на свадьбу), *звач*, хорв. *rozović*; чеш. *zvač* (калач, даваемый за приглашение на свадьбу), *zovčí*, словац. *zvač, zvačka*; зап.-укр. *звачи*, ю.-в.-р. *звальщицы, зазывальщик*, уральск. *зваты, -ов*, с.-в.-р. *зватые* (приглашаемые гости), *зватый, звата, зватая, зазыватька, позыватка, званье* (приглашающие на свадьбу), *званный обед* (послебрачное угощение), *званенные пироги* (пироги, передаваемые молодым в знак приглашения в гости), бел., ю.-в.-р. *позыватые*, рус. *позыватая, ехать с позывом* (о молодых, едущих к родителям невесты после свадьбы), ср.-в.-р. (вост.) *ехать зваными* (о родственниках невесты, едущих к молодым в послебрачный период), укр. *зазови* (послебрачное угощение), укр., бел. *перезва, перезвы*,

*перезов, перазоў, перезовы, перезовки, пярэзаўкі, перезы-
вать, перез'яни, перезване, пэрэзвяны, перезвянки* (после-
брачное взаимное посещение сторонами друг друга и лица,
носящие такие визиты).

**vi-/voj-/vě-*. Термины этой группы обозначают в основ-
ном головной убор невесты, обряд перемены головного
убора и лиц, осуществляющих этот обряд: болг. *венец*,
зенчило, макед. *венец*, *венчавка*, серб. *вјенчаница* (венчаль-
ная рубашка невесты), *вјенчани кум* (один из главных сва-
дебных чинов, часто крестный); польск. *wiano* (приданое),
wianowanie (одаривание молодых), *wianek*, *więć wianek*,
wieniec, *więć wieniec*, кашуб. *wińc'ėnė* (предсвадебный вечер),
więć wińce, чеш. *věnes*, чеш. (морав.) *rovíjan*, *zavíjení*, сло-
вац. *vešes*, *vitie venca*, *vyberat' do venca* (собрать деньги
за венки), луж. *wěnk*; бел., укр. *завіваць, завивати*, бел. *за-
вівальніцы*, укр., полес. *завивало*, полес. *завівальний пла-
ток, повівала, сповивати, оповіваць, оповіванье*, подляс.
уповивать, вповить, подляс., смол. *повиванне, повиванье*,
бел. *повівальніца*, ср.-в.-р. (зап.), ю.-в.-р., бел. *повивать*,
ю.-в.-р. *повивальная сваха*, рус. *повой*, *повойник*, вост.-
слав. *вить венки* (или *ёлку, вильце, гільце*), *вено, вена*
(приданое), *венок, венец, венчать, венчальный батька*
и *венчальная matka, вінчальна матір* (обрядовые замести-
тели родителей), ср.-в.-р. *в्यों, вьюнец, вьюница* (названия
молодых после брака) и др.

**ri-/roj-*. Относящиеся сюда термины связаны с «про-
пиванием» невесты, т. е. совместной выпивкой сторон,
скрепляющей брачный договор и означающей, что невеста
окончательно определена в замужество: болг. *запив, пре-
пив*, макед. *пиєње*, хорв. (славон.) *veliki zarojki*; польск.
zarojny; рус., бел., полес. *запить*, рус. *запивка, запивки*,
ю.-в.-р. *запои, запойна*, бел. *запівіны*, зап.-полес. *запэвы*,
рус., вост.-полес. *запой*, ср.-в.-р. *запойка*, сиб. *запоина*,
запоинки, укр., бел., ю.-в.-р. *запоины, запоіны, запоіны*,
укр., полес. *перепивати, пэрэпіты* (может относиться
и к другим случаям свадебного винопития), с.-в.-р. *пере-
пиваться, перепивка* (о поочередном угощении гостей ви-
ном на свадьбе), *перепивки* (послебрачное угощение с вы-
пивкой), ср.-в.-р. (вост.) *перепойка* (взаимное угощение
свах вином по приезде к невесте), с.-в.-р., бел., зап.-полес.,
подляс., укр. *перепой, тырапой, пэрэпой, пэрэпій* (*пере-
пій*), *пирипой* (различные обряды с угощением вином или
водкой в связи с брачным договором, одаривание молодых,
выкупом проезда свадебному поезду), укр. *перепієць* (сва-

дебный хлеб), вост.-слав. *пропить, пропивать, пропой*,
пропой (зап.-укр. *пропій* — первое посещение родней не-
весты молодых; послебрачное угощение в доме невесты
или в доме жениха; участники этих церемоний), с.-в.-р.
пропиванье, пропивала (лицо, пропивающее невесту), ср.-
в.-р. (вост.) *пропивало* (то же), с.-в.-р. *пропивки, пропи-
вышки*, ср.-в.-р. *пропивка*, ю.-в.-р. *пропиванки*, зап.-укр.
пропойниці, пропойці, пропійці (участники *пропоя*
(см. выше)).

Последние две группы терминов непосредственно свя-
заны с браком, т. е. забираем женихом невесты (его же-
нитьбой) и выдачей невесты жениху (ее выходом замуж).

**by-*: макед. *отбратки* (предсвадебный прием жениха
с родней в доме невесты); словац. *bralta* (невеста; ср. назва-
ние невесты *бралка* у украинцев словацкого Спиша)⁶;
укр. *бранки* (свахи, которые ведут молодых в дом жениха),
староста бранський (сват жениха, который сватает не-
весту), *побрати хустки* (сговорить, просватать), с.-в.-р.
бранье (сговор; перевоз невесты с приданым к жениху),
ср.-в.-р. *брать* (сватать; жениться), южн., зап. *браться*,
побраться (сочетаться браком, жениться), рус. (зап.)
брать замуж (сватать; жениться), сиб. *закон брать* (вен-
чаться; вступать в брак), *убегом брать* (жениться без согла-
сия родителей невесты), с.-в.-р. *брать в животы* (о выходе
замуж с переходом мужа на житье в дом жены), полес.
брать в прыймы (то же), а также термины, образованные
от ц.-сл. *брак* (*брачить, брачиться, брачные, брачный день*
(вечер, бал), *под брак, звать в законный брак*).

**dad-*: болг. *зададена, зададен* (о помолвленных), *да-
деница, сдаденица, сдаванка* (невеста), *даване нишан* (обру-
чение, помолвка), *придав, придан* (приданое), серб. *удадба*,
удаја (свадьба), словен. *dotina* (приданое); польск. *zdawiny*
(обручение, помолвка), кашуб. *wědac* (выдать замуж),
чеш. *oddavky, vdavky* (свадьба), чеш. (морав.) *oddavky*
(то же), *zdavka* (венчание), словац. *oddavač* (лицо, передаю-
щее невесту жениху), *zdaní* (о помолвленных); с.-в.-р.
данье, данница (названия приданого), *отдаванница* (не-
веста, вышедшая замуж в другую деревню), *сдавать с рук*
невесту (передавать ее жениху, соединяя их руки плат-
ком), *продажа в неволю* (согласие родителей на выдачу
невесты замуж), *дача* (выдача замуж), укр. *староста*
данський (сват невесты), *продайниці* (свахи, сопровождаю-
щие невесту при ее переезде к жениху), *продавать молоду*
(брать выкуп за вручаемую жениху невесту), ср.-в.-р.

(вост.) *продавать невесту* (то же), *продавец* (свадебный чин, берущий выкуп за невесту или за ее косу), а также вост.-слав. *приданое, дары* и производные, *продавать косу, продажа косы, продавец косы, отдавать (сдавать, продавать) красу, отдавать красы, отдавать (сдавать) красоту, долю, сдача красоты* (терминология, связанная с утратой звичества).

Не только в терминологии, но и в самом свадебном обряде у различных славянских народов обнаруживается немало сходства. Так, в той или иной мере и у западных, и у восточных, и у южных славян встречается свадебный хлеб, например: *меденик, тиквеник, правен гляб, кукла* у болгар, *свака, калесник, колач, гургурички* у македонцев, *погача, краваљ* у сербов, *kolač, pir, čorba* у хорватов, *kołacz* у поляков, *calta, hranička, plaček* у чехов, *kolač, hřebec, výslužka* у моравян, *radostník, calta, poklona* у словаков, *коровай* у восточных славян, *лежень* у украинцев, *перепеча* у белорусов, *столовик, кроенник* у русских и т. д. Общеславянское распространение имеют и такие обрядовые атрибуты, как венок и свадебное деревце (болг. *ела, дъб, бор, бахча, кумово дърво*, макед. *камара, словен. kralvalj*, польск. *jabłonka, różga, baba, palma weselna*, чеш. *stromek rajský, rosolka, ratolest'*, словац. *druška, družka, lipka*, рус. *красота, куст, сад, цветник, роца*, бел. *ёлка, шышка*, укр. *деревце, гільце, вильце, різка* и т. п.). Деревце может выступать в обряде как самостоятельно, так и в сочетании со свадебным хлебом или сосудом.

У всех славян встречается свадебное знамя: у сербов, черногорцев и далматинцев (*барјак, barјak*), хорватов (*zastava, handera*), словенцев (*bandirar, banderaš, korjaš, zastavnjak* 'свадебный знаменосец'), македонцев (*бајрак, знаме, препора, фруглица*), болгар (*прапор, пряпор, препорец, прапорица, стяг, хоругва, зруглица, феруглица*), чехов (*прапор, прапорец*), моравян (*sulica*), словаков (*zástava* 'знамя', *šáfolka, trakóka, kožmanický ručník* 'полотнище знамени'), угорских русинов (*kuraho*), поляков и лужичан, а также у украинцев (*хорогва, корогва, хоруговка, курагов, застава* — зап. Украина, платок на палке — Дрогобычский пов., красный пояс на хате — Вольнь, *корогва* — Полтавская губ., *маяка* — Киевская губ., *знамя* — Екатеринославская губ., красный платок на шесте — Грайворонский у. Курской губ.), в Полесье (*хоронга, хоронка* — зап. Полесье, *хлак* — вост. Полесье), в западной и центральной России (*знамя* — окрестности

Великих Лук в Псковской губ., *флаг* — Вознесенский посад Владимирской губ.), у уральских казаков (полосатая юбка на длинном шесте) и на русском Севере (шест с красным лоскутом — Кирилловский у. Новгородской губ., *флаг* — Никольский р-н Вологодской обл., *флаги* — Онежский у. Архангельской губ.). Свадебное знамя различно по своему внешнему виду и назначению. В ряде случаев оно функционально сближается со свадебным деревцем или с жезлом одного из главных свадебных чпнов. Нередко использование знамени, как и брачной сорочки, связано с супружеским актом: знамя кладут у брачной постели молодых, вывешивают после первой ночи в знак невинности невесты или идут с ним к родителям невесты с извещением о «честности» молодой. Иногда оно служит знаком удачного сватовства или водружается на доме, чтобы показать, что там происходит свадьба.

Из обрядовых действий, встречающихся во всех славянских этнических зонах, можно назвать следующие: ритуальный подмен невесты, непускание свадебной процессии жениха в дом невесты, приход сватов вечером или ночью, смена невесте прически и головного убора, обрядовое приглашение на свадьбу, различные формы сведения жениха с невестой, осыпание новобрачных зерном (чаще рожью или пшеницей, но также и ячменем, овсом, гречихой, льняным семенем, коноплей, хмелем, семенами дыни, подсолнечника, горохом, маком, орехами, сушеными фруктами, различными сладостями, конфетами, солью, перьями, монетами), ритуальное битье невесты (иногда жениха, обоих новобрачных или взаимное битье женихом и невестой друг друга), подавание невесте ребенка (чаще всего сажание ей на колени мальчика, чтобы первым у нее родился сын), стрельба из ружья, разбивание посуды, сосудов, выливание воды или бросание предметов через плечо назад, свадебные величания новобрачным и некоторые другие действия.

В свадебном обряде восточных, западных и южных славян имеются действующие лица, замещающие родителей новобрачных. Часто в этой роли выступают крестные. Таковы, например, у восточных славян *тысяцкый, большой боярин, венчальный батька и венчальная матка, вінчальна матір (мама), посаженный отец и посаженная мать*, иногда *дружко* или *дружба*, у поляков — *družba, družka*, у чехов (и моравян) — *rečnik, stará svatka, staro-svatka*, у словаков — *široká*, у верхних лужичан — *stoňka*,

у болгар — *кум, кума, помайчина*, у македонцев *кум*, у сербов — *вјенчани кум*, у словенцев — *velika (debeli) mati, rjušna, starišica, vojarna*. Имеются также парные действующие лица, составляющие аналогию с брачной парой: *дружка (дружко)* и *сваха* (или *сватъя, свашка, брудга*) у русских, *družba* и *družna* (или *družka*) у поляков, *mládenec* в Моравии, *družba* и *družica* в Чехии, *družba* и *družka* (или *swato* и *swaška, towariš* и *towariška*) у нижних лужичан, *кум* и *кума* (или *кумица*) у южных славян, *побратим* и *побратимица* у македонцев и т. п. Иногда это молодая пара, иногда — свадебные заместители родителей новобрачных. В Пудожском у. Олонецкой губ. *брюзга* (сестра тысяцкого, т. е. крестного отца, или какая-то другая его родственница) считается на свадьбе как бы его невестой, а в некоторых районах Польши (например, в Силезии) и в Лужице такой паре положено вместе провести ночь.

У всех славян более или менее четко выделяется канун брака как особая свадебная церемония, например: рус. *девичник, вечерина*, бел. *паненский вечер, девослубы, полес. коровай, дзевочки запоіни, вінкы*, укр. *дівч вечор, гуски*; польск. *dziewiczy wieczór, rozpleciny*, кашуб. *ograbině, viňčěňě*, чеш. (морав.) *rozveselky, svica*, словац. *obigrofka, vitie venca*; у русинов в Бачке *svađin večar*, макед. *замес, засеки*, болг. *месене квас, медник* и т. д. Сравнительный анализ совершавшейся в это время обрядности позволяет выявить набор основных обрядов и обрядовых актов, закрепленных в разных местах за этой церемонией, и определить в общих чертах их географию: обрядовое мытье невесты — русский Север, Сербия, Хорватия, Славония, Македония; прощание невесты с девичеством в кругу друг (или вообще молодежи) — Россия (преимущественно Север), Белоруссия (не повсеместно), Словакия⁷; расплетение косы невесты — русский Север, Полесье (отчасти), Украина (в Киевской губ.), Польша (восточные районы, Великопольша, Мазовше), Болгария; изготовление и/или украшение свадебного деревца — Русский Север (лишь его южная окраина), центральная и южная Россия, Белоруссия, Украина, Польша, Словакия; плетение венков — западное Полесье, западная Украина, Польша (Мазовше), Чехия, Моравия (в Валахии делают букетики из розмарина и надевают невесте венец), Словакия, Сербия (Неготинская обл.); изготовление свадебного знамени — восточная Словакия, Болгария, Македония (Кукуш, Костурско), Бачка (у русинов в Руском Крстуре); изготовле-

ние свадебного хлеба — южная Россия, Белоруссия, Полесье, Украина, Польша (лишь восточные районы), Болгария (Тракия, восточные и западные районы Болгарии) и болгары-переселенцы в России — просеивание зерна, замешивание теста и печение хлеба), Македония (Скопска Котлина, Кукуш, Костурско, Демир-Хисарско).

Некоторые из указанных обрядов в ряде славянских регионов могут иметь иную приуроченность (например, прощание невесты с подругами, родным домом (в Польше и в Полесье может происходить позже — перед отъездом невесты в дом жениха, т. е. на самой свадьбе) или же, хотя происходят в канун брака, но имеют при этом бытовой, а не обрядовый характер (например, печь свадебный хлеб на Севере могут накануне дня венчания, но его изготовление не сопровождается особыми обрядовыми действиями).

В заключение приведем еще некоторые результаты сопоставительного анализа структуры славянского свадебного обряда. Одно из основных обрядовых действий на свадьбе — перемена невесте прически и головного убора — происходит не везде в одно и то же время. Этот обряд может совершаться в доме невесты в канун брака (в восточном Полесье), в доме невесты в день свадьбы, после венчания (в Смоленской губ., Белоруссии, на Украине, в Полесье, Подлясье и Польше), в церкви сразу же после венчания (на Русском Севере), в доме жениха между возвращением от венчания и брачной ночью (частично на Севере, в Белоруссии, на Украине, в Польше и Лужице) и, наконец, в доме жениха после брачной ночи (встречается у русских, за исключением Севера, украинцев, в центральном и западном Полесье, в юго-восточной Польше, Словакии, у болгар и хорватов).

Для севернорусского свадебного обряда характерно довольно устойчивое строение главной обрядовой церемонии — собственно свадьбы: приезд жениха за невестой, отъезд их к венчанию и приезд молодых в дом жениха. В такой же последовательности могут происходить события свадебного дня у лужичан, поляков и болгар. Встречаются и другие типы строения этой обрядовой церемонии, например: приезд жениха за невестой, отъезд их к венчанию, возвращение новобрачных в дом невесты (в Польше — с заездом в корчму) и переезд молодых в дом жениха. Такая последовательность действий наблюдается в Белоруссии (в Борисовском у.), в западном По-

лесье и Подлясье, в некоторых районах Украины (на Во-
лыни, в Галиции, у бойков и в Киевской обл.), а также
у поляков, кашубов и хорватов.

Выявленные на нашем материале соответствия носят
пока еще слишком общий и во многих случаях предвари-
тельный характер. Выводы, полученные на основании
ареального анализа, становятся вполне надежными лишь
при сплошном обследовании территории. Состояние изу-
ченности славянского свадебного обряда в настоящее
время не позволяет выявить многих изоглосс с достаточ-
ной степенью точности. Материал по славянской свадьбе
настолько обширен, что его трудно обозреть полностью.

Не менее сложно отграничить генетическое от типоло-
гического во всем этом круге сходжений, среди которых,
по-видимому, немало элементов универсальных, и их не
следует недооценивать. Кроме того, предстоит выяснить,
какие моменты свадебного обряда, общие для разных сла-
вянских этнических групп, являются поздними заимство-
ваниями (например, восточнославянские заимствования
у поляков, западнославянские заимствования у западных
украинцев и белорусов и т. п.). Для реконструкции пра-
славянского свадебного обряда необходимо также устано-
вить и внешние заимствования, например германские —
у лужичан и кашубов, угрофинские — на Русском Се-
вере, тюркские — на Балканах, и т. д.

Многие из элементов обряда, которые мы наблюдаем
у всех славян, могут и не быть общеславянским насле-
дием. Такие элементы могли аналогичным образом раз-
виться и сложиться позже, вполне самостоятельно, а их
сходству, внешней близости могла способствовать та ми-
фологическая среда, в которую помещен обряд и которая
в своих истоках является общей для всех славян, а также
сама прагматика обряда, которая в значительной степени
определяла принципиальную одноплановость элементов
его структуры.

Проблема реконструкции праславянского свадебного
обряда приобретает особую сложность, если рассматри-
вать свадьбу в общеобрядовом аспекте, как часть всего
комплекса обрядности в целом. Результаты такого со-
поставления показывают, что в значительной своей доле
обрядовые действия, совершаемые во время свадьбы,
не являются специфически свадебными. Они встречаются
в составе различных календарных обрядов или известны
также как окказиональные действия, не приуроченные

к пародному календарю. Особенно много межобрядовых
элементов в свадебном, похоронном и родинном обрядах.
Таким образом, встает вопрос, насколько широк был круг
обрядности, изначально присущей свадебному обряду и
только ему. В настоящее время такая проблема может быть
лишь поставлена, а ее разрешение зависит от общего со-
стояния изученности народной духовной культуры. По-
видимому, в своем развитии свадебный обряд постоянно
вбирал в себя и осваивал многие «неприуроченные» бра-
додые действия.

Если сравнить свадебный обряд Русского Севера и та-
кой архаической славянской зоны, как Полесье, то не-
трудно заметить разницу между ними. При наличии
отдельных глубоко архаичных моментов севернорусский
свадебный обряд имеет особенности, которые сложились
на территории Русского Севера самостоятельно в сравни-
тельно позднюю эпоху. Для севернорусской свадьбы ха-
рактерна усложненность и вместе с тем устойчивость и
единство структуры, разветвленность системы свадебных
чинов вследствие специализации целого ряда ритуальных
функций участвующих в обряде лиц, детальная разра-
ботка побочных свадебных церемоний и общая драмати-
зация обрядового действия. В Полесье же мы находим при-
меры отдельных свадебных обрядов с чрезвычайно про-
стым строением и минимальным составом участников.
Структура обряда гораздо менее стабильна, чем на Севере,
что особенно характерно для центральной обрядовой церемо-
нии — собственно свадьбы. Что касается севернорус-
ского свадебного обряда, то источником его развития и
оформления в том цельном виде, в котором он сложился
к XIX—началу XX в., служили, во-первых, его внутрен-
ние резервы, т. е. творческая разработка и переработка
в соответствии со сложившейся традицией собственных
элементов, которые уже были в его наличии, во-вторых, —
внешняя по отношению к свадьбе обрядность, которая
в той или иной степени вовлекалась в обряд и закрепля-
лась за ним, и, наконец, культурные контакты с соседним
финноугорским населением.

Представление об архаике свадебной терминологии
также нуждается в уточнении. Терминология свадебного
обрядового действия очень богата и разнообразна и в значи-
тельной степени новая. Однако архаические моменты, несомненно,
имеют место, но заключаются они не столько в лексике
и фразеологии, сколько в семантике, вплотную смыкаю-

щейся с внеязыковой (мифологической) стороной обряда. Так, например, свадебное деревце в разных славянских зонах обнаруживает большее сходство в экстралингвистическом плане (предметном и функциональном), нежели в терминологическом: названия этого обрядового атрибута всюду различны, тогда как некоторые внешние свойства и роль этого предмета в обряде у всех славян близки.

Наличие общеславянских параллелей в терминологии и в самой свадебной обрядности все же показательны в том отношении, что позволяет предполагать общую мифологическую основу славянской свадьбы. Именно она служила базой для создания и развития обрядовых терминов и определила тот общий лексический инвентарь свадебной терминологии, который удается выявить путем сравнительно-лингвистического анализа и который несомненно является древним.

Аналогичная ситуация наблюдается и в свадебном песенном фольклоре. В общеславянском плане выявляются лишь общие фольклорные мотивы (например, мотив утраты красоты как символа девичества невесты, связанного с ее косой, имется в свадебных песнях восточных славян и поляков Силезии), причем одни и те же мотивы могут встречаться как в свадебных, так и в календарных и даже необрядовых песнях. Сюжетное же оформление свадебных песен и тем более создание особого песенного цикла — процесс, по-видимому, довольно поздний. Черты сходства в славянском свадебном фольклоре также в значительной мере объясняются их общим мифологическим источником, а также типологической близостью, обусловленной тематикой брака и общим назначением свадебной песни в обряде.

- 1 Толстой Н. И. Славянская обрядовая терминология — сравнительно-типологические и лингвогеографические методы ее изучения. — В кн.: Тыпалогія і ўзаемадзеянне славянскіх моў і літаратур: Тэзісы дакладаў і паведамленняў II рэспубліканскай канферэнцыі. Мінск, 1973, с. 211.
- 2 Eckert R. Zur slawische Hochzeitsterminologie. — Zeitschrift für Slawistik, 1965, Bd. X, Hf. 2, s. 185—211.
- 3 Материалом для данного исследования послужили данные диалектных словарей и словарей славянских литературных языков, а также исторические памятники, но не сами описания обряда.
- 4 Komarovskij J. Tradičná svadba u Slovanov. Bratislava, 1976.
- 5 Сумцов Н. Ф. О свадебных обрядах, преимущественно русских. Харьков, 1881.
- 6 Появление *t* в *bralta* под влиянием нем. *Braut* (ср. также: словац. *brautsky tanec* 'танец невесты', кашуб. *brutka* 'невеста', *brutči toic* 'танец невесты').
- 7 Свадебный девичий вечер известен и у литовцев.

ДЕСЯТЬ ЛЕТ РАБОТЫ СЕКТОРА ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ И ИСТОРИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ

В августе 1980 г. исполнилось 10 лет с момента образования сектора древней истории и истории средних веков. Он был создан в период существенного расширения проблематики работы нашего Института и крупных структурных изменений в нем с 1968 г., что нашло внешнее выражение в преобразовании Института славяноведения АН СССР в Институт славяноведения и балканистики АН СССР. В данной статье мы хотим обрисовать основные направления, некоторые итоги и перспективы работы сектора. Вся его деятельность за прошедшее десятилетие была неразрывно связана с научной и научно-организационной активностью его бессменного руководителя, д. и. н. В. Д. Корольюка. В феврале 1981 г. отмечается его 60-летие. Предлагаемый вниманию читателей небольшой обзор работы сектора древней истории и истории средних веков с 1970 г. даст одновременно некоторое представление об одном из этапов научной деятельности В. Д. Корольюка.

При образовании сектора древней истории и истории средних веков основу его составил сектор славяно-германских отношений, руководимый В. Д. Корольюком. Кроме того, в новый сектор вошли отдельные сотрудники сектора истории феодализма и капитализма Института славяноведения АН СССР, а также несколько сотрудников Института всеобщей истории АН СССР. За прошедшие годы количественный состав сектора почти не изменился, но заметно выросла научная квалификация сотрудников: достаточно сказать, что если в 1970 г. из 14 сотрудников сектора лишь один (В. Д. Корольюк) был доктором и 6 — кандидатами исторических наук, то в настоящее время в секторе уже 4 доктора и 8 кандидатов исторических наук. Именно это позволяет сектору успешно справляться с растущим объемом плановой научной работы.

Перед числом небольшим коллективом сектора была поставлена задача изучения сложного комплекса вопросов социально-экономической, политической и культурной истории (от первых веков нашей эры до середины XVIII в.) народов зарубежных славянских стран, восточнороманских народов и венгров, а также некоторых вопросов истории Византийской империи. За истекшее десятилетие основными направлениями в работе сектора были три крупные научные темы: «Генезис феодализма и образование феодальных государств в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы», «История международных отношений и культурных связей в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе в средние века» и «Изучение славянского и восточнороманского этногенеза, формирования раннесредневековых народностей Цен-

тральной, Восточной и Юго-Восточной Европы, этнической истории славянских и ряда балканских народов». Особое развитие эта проблематика в работе сектора получила в последние годы.

Основными объектами работы сектора являются коллективные труды. Был подготовлен и сдан в 1978 г. в издательство первый в советской исторической науке обобщающий труд «История Румынии с древнейших времен до 1848 г.» В его создании приняли участие главным образом сотрудники сектора (Л. Е. Семенова, В. Д. Корольюк, Г. Г. Литаврин, научно-техническую работу по нему вели О. В. Иванова и Е. Н. Прижимова) и молдавские ученые.

В завершающий этап вступила работа над коллективным трудом, входящим в план Отделения истории АН СССР, «Развитие этнического самосознания народов Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы» (руководители труда — В. Д. Корольюк, Г. Г. Литаврин; авторы: Е. П. Наумов, А. И. Рогов, Г. Э. Санчук, Б. Н. Флоря, В. В. Иванов, Н. И. Толстой, Л. А. Гиндин, Я. Д. Исаевич (Институт общественных наук АН УССР, г. Львов). Коллектив авторов поднимает сложные и малосследованные вопросы становления раннефеодальных славянских народностей и формирования их этнического самосознания.

Одновременно сотрудники сектора ведут работу над двумя другими коллективными трудами. Нелегкие для изучения проблемы истории международных отношений и внутреннего развития народов Балканского полуострова в период османского господства, а также отражение борьбы против гнета Османской империи в памятниках литературы и искусства народов этого региона рассматриваются в коллективном труде «Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV—первой трети XVII в.» (руководитель труда — И. Б. Греков, авторы: Л. Е. Семенова, Е. П. Наумов, А. И. Рогов, Б. Н. Флоря, В. П. Шушарин, Л. В. Заборюцкий, Г. П. Мельников — из сотрудников сектора, а также С. О. Шмидт, С. Ф. Орешкова, П. В. Советов, Ю. А. Лимонов, В. А. Артамонов — из внеинститутских авторов).

В 1979 г. был составлен и обсужден проспект третьего коллективного труда сектора «Становление раннефеодальной государственности в Юго-Восточной Европе» (руководитель — Г. Г. Литаврин, авторы: В. Д. Корольюк, Е. П. Наумов, В. П. Шушарин, М. М. Фрейденберг (Калининский государственный университет), О. В. Иванова). Было намечено рассмотреть в коллективном труде накопленный в историографии материал по этой проблематике в сравнительно-историческом плане, с особым упором на выявление общих и специфических черт формирования раннефеодальных государств в этом регионе.

Подходит к концу подготовка совместного с Институтом истории СССР издания одного из важнейших памятников по истории славянских и балканских народов — труда Константина Багрянородного «Об управлении империей» (ответственный Г. Г. Литаврин, им же подготовлены вступительная статья, перевод и комментарии к ряду глав. В работе над комментариями участвовали: Е. П. Наумов, Б. Н. Флоря, В. П. Шушарин, О. В. Иванова, О. А. Акимова).

Другой важной стороной деятельности сектора все эти годы была подготовка сборников статей (в 1970—1980 гг. вышло более 10 сборников), многие из которых созданы в сотрудничестве с другими академическими институтами нашей страны и зарубежными историческими центрами. Особенно прочные связи у сектора уста-

новились с Молдавской Академией наук. Нами были изданы следующие совместные сборники: «Юго-Восточная Европа в средние века» (Кишинев; Штинца, 1972), «Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма» (Кишинев; Штинца, 1973), «Жарпато-Дунайские земли в средние века» (Кишинев; Штинца, 1975), «Социально-экономическая и политическая история Юго-Восточной Европы (до XVIII в.)» (Кишинев; Штинца, 1980). Кроме того, в результате сотрудничества сектора с Научным советом по комплексному изучению проблемы славяно-волошских связей и происхождения молдавского народа при АН МССР вышли сборники «Историографические аспекты славяно-волошских связей» (Кишинев; Штинца, 1973) и «Славяно-волошские связи» (Кишинев; Штинца, 1978).

Постоянное научное сотрудничество налажено также между нашим сектором и научными учреждениями УССР, в особенности с Институтом общественных наук АН УССР (г. Львов). Был издан совместный сборник статей «Славянские древности» (Львов: Наукова думка, 1980). Я. Д. Исаевич (г. Львов) принял участие в написании одного из разделов коллективного труда сектора «Развитие этнического самосознания народов Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы». Проспекты и отдельные главы коллективных трудов сектора обсуждались вместе со специалистами из Института общественных наук.

Плодотворные научные контакты с нашими коллегами из европейских социалистических стран нашли свое выражение, в частности, в подготовке двух международных сборников: совместно с Болгарской Академией наук — «Русско-балканские культурные связи в эпоху средневековья» (в печати), вместе с чешскими и словацкими учеными — «Великая Моравия, ее международное и культурное значение» (работа над сборником находится в завершающей стадии). Сотрудники сектора принимали участие во всех вышедших за эти годы совместных с польскими исследователями сборниках статей: «Польша и Русь: черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши XII—XIV вв.» (М.: Наука, 1974), «Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в.» (М.: Наука, 1976), «Россия, Польша и Причерноморье в XV—XVIII вв.» (М.: Наука, 1979).

Сверх того, за истекшие годы вышли следующие секторские сборники статей: «Исследования по славяно-германским отношениям» (М.: Наука, 1971), «Исследования по истории славянских и балканских народов: Эпоха средневековья» (М.: Наука, 1972), «Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений» (М.: Наука, 1973), «Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев: Методология и историография» (М.: Наука, 1976), «Славяне в эпоху феодализма» (М.: Наука, 1978), «Этническая история восточных романцев» (М.: Наука, 1979).

Видное место в научном творчестве сотрудников сектора занимала подготовка личных монографий и серий статей монографического характера. Проблематика социально-экономической и внутриполитической истории народов и государств Юго-Восточной Европы в эпоху средневековья рассмотрена в монографии Г. Г. Литаврина «Византийское общество и государство в X—XI вв.» (М.: Наука, 1977), Е. П. Наумова «Господствующий класс и государственная власть в Сербии в XIII—XV вв.» (М.: Наука, 1975) и его же серии монографических статей «Балканы в эпоху турецкого нашествия» (завершена в 1979 г.). Важнейшие вопросы этногенеза и этнической

истории славян и восточных романцев освещены в сериях монографических статей В. Д. Королюка «Проблемы славянского и восточнороманского этногенеза на Балканах» (завершена в 1977 г.) и Г. Г. Литаврина «Этнополитические процессы на Балканах в IX—XI вв.» (срок окончания — 1980 г.). Сложная тематика международных отношений в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе в XIV—XVII вв. разработана в ряде опубликованных монографий сотрудников сектора: И. Б. Грекова «Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV—XV вв.)» (М.: Наука, 1975), Б. Н. Флоря «Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI—начале XVII в.» (М.: Наука, 1973) и его же «Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI—начале XVII в.» (М.: Наука, 1978), Л. В. Заборовского «Россия, Речь Посполитая и Швеция в середине XVII в.» (М.: Наука, 1981).

Существенные вопросы истории культуры славянских народов и культурных связей в исследуемом регионе в эпоху средневековья рассмотрены в монографии А. И. Рогова «Музыкальная эстетика России XI—XVIII в.» (М.: Наука, 1973), в сериях монографических статей А. И. Рогова «Русско-польские культурные связи в эпоху позднего средневековья» (завершена в 1979 г.) и О. С. Поповой «Византизм и русское искусство середины XIV в.» (окончена в 1974 г.). Вышла в свет монография Г. Г. Литаврина «Как жили византийцы» (М.: Наука, 1974).

С 1970 г. в серии «Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы» вышел ряд подготовленных сотрудниками сектора публикаций: «Сказания о начале чешского государства в древнерусской письменности» (М.: Наука, 1970) (подготовлена А. И. Роговым). В значительно расширенном виде эта публикация была издана в ЧССР в 1976 г.; «Советы и рассказы Кекавмепа» (М.: Наука, 1972) (подготовлена Г. Г. Литавриным); «Видукинд Корвейский. Деяния саксов» (М.: Наука, 1975) (подготовлена Г. Э. Санчуком); «Записки янычара» (М.: Наука, 1977) (подготовлена А. И. Роговым); «Сказания о начале славянской письменности» (М.: Наука, 1980) (подготовлена Б. Н. Флорей).

Одной из важнейших сторон международных контактов сектора являлось активное участие его сотрудников в работе различных международных форумов, где они выступали с докладами и сообщениями, тематически связанными с основными направлениями работы сектора. Прежде всего следует назвать V-й международный съезд славистов (Варшава, 1973) — А. И. Рогов, III-й Международный съезд по изучению стран Юго-Восточной Европы (Бухарест, 1974) — Г. Г. Литаврин и А. И. Рогов, XIV-й Международный конгресс исторических наук (Сан-Франциско, 1975) — Г. Г. Литаврин, XV-й международный конгресс византистов (Афины, 1976) — Г. Г. Литаврин, VIII-й Международный съезд славистов (Загреб, 1978) — Г. Г. Литаврин, Е. П. Наумов и Г. Г. Литаврин участвовали в подготовке докладов советской делегации для IV-го Международного конгресса балканских исследований (Анкара, 1979).

Ряд сотрудников сектора принимают участие в ежегодных симпозиумах советско-польской комиссии историков: И. Б. Греков (ученый секретарь комиссии), В. Д. Королюк, А. И. Рогов, Б. Н. Флоря, Л. В. Заборовский, Л. Е. Семенова, В. П. Шушарин как ученый секретарь советско-венгерской комиссии историков

и Л. Е. Семенова как ученый секретарь советско-румынской комиссии историков регулярно участвуют в организации и работе конференций соответствующих комиссий.

Кроме того, сотрудники сектора постоянно выступают с докладами и на других международных симпозиумах и конференциях по тематике работы сектора, происходящих как за рубежом, так и в СССР: на советско-венгерском симпозиуме «Венгрия, Османская империя и Габсбурги (XVI—XVII вв.)» (Москва, 1971), на XI-м съезде польских историков (Торунь, 1974), на симпозиуме «Искусство балканских народов в XVI—XVII вв. и его интеллектуальное окружение» (Сучава, 1975), на конференции по проблемам богемильского движения (Скопье, 1978), на I конференции по болгаристике, посвященной 1300-летию Болгарского государства (Шумен, 1979), и на др.

Для подготовки порученных сектору сложных по тематике коллективных трудов и для координации работы сектора во всесоюзном масштабе большое значение имеет установившаяся практика регулярного участия сотрудников сектора в различных научных всесоюзных конференциях, симпозиумах и т. д. Для разработки проблематики этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев важными были совместные сессии, организованные Научным советом по истории славяно-волошских связей и происхождению молдавского народа (Кишинев, 1971—1973, 1978 гг.), симпозиум по проблемам карпатского языкознания (Ужгород, 1972). Особое значение для дальнейшего развития исследований по этой теме имело координационное совещание по славяноведению и балканистике (Звенигород, 1978), на котором с докладами выступили В. Д. Королюк, Г. Г. Литаврин, Е. П. Наумов и А. И. Рогов. Сложные вопросы социально-экономического и политического развития, а также истории международных отношений в исследуемом нами регионе обсуждались при активном участии сотрудников сектора не только на некоторых указанных выше международных конференциях, но и на внутрисюзных: межреспубликанском симпозиуме по аграрной истории Восточной Европы (Гродно, 1972), всесоюзном симпозиуме «Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма» (Кишинев, 1973), всесоюзной конференции византистов (Москва, 1975), на конференции «Исторические связи народов России и Украины» (Львов, 1979) и др. Члены сектора принимали также участие во многих конференциях, посвященных проблемам истории культуры и искусства народов Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы: «Балканская живопись» (Москва, 1972), конференции по истории белорусской культуры (Минск, 1974), «Мопументальная живопись древней Руси» (Москва, 1976), конференции по истории византийской культуры (Тбилиси, 1979) и т. д. Кроме того, значительная часть сотрудников сектора выступила с докладами и сообщениями на всесоюзных конференциях историков-славистов (Львов, 1973; Черновцы, 1975; Донецк, 1978).

Немалую долю в научной продукции сотрудников сектора составляют статьи, рецензии, обзоры исторической литературы, регулярно публикуемые во многих советских и зарубежных периодических изданиях и сборниках: «Советское славяноведение», «Вопросы истории», «История СССР», «Византийский временник», «Средние века», «Исторический преглед» (София), «Возрождение и реформация в Польше» и др.

Важным видом нашей работы являются регулярные заседания сектора (в среднем — 3—4 раза в месяц), о которых в данной небольшой статье мы можем дать лишь самое общее представление. На заседаниях сектора обсуждались рукописи «Истории Венгрии» т. 1, «Истории Румынии с древнейших времен до 1848 г.», «Учебника по истории южных и западных славян», подготовленного МГУ, «Истории лужицких сербов», написанной учеными ГДР; планы, проспекты и отдельные разделы всех упомянутых выше коллективных трудов сектора и публикации труда Константина Багрянородного, проспекты и рукописи всех вышедших из печати и подготовленных сотрудниками сектора к настоящему времени индивидуальных монографий, сборников статей, публикаций, серий статей. Были обсуждены и одобрены докторские диссертации сотрудников сектора И. Б. Грекова, Г. Г. Литаврина, Е. П. Наумова, Б. Н. Флори, а также внеинститутских диссертантов А. С. Мильникова, Н. Тодорова (БНР), Э. А. Рикмана, Я. Д. Исаевича, П. В. Советова, К. В. Хвостовой, Э. С. Смирновой, кандидатские диссертации В. А. Артамонова, А. А. Турилова, К. С. Найшавера, Л. В. Власовой, а также отзывы на другие кандидатские диссертации, направленные в наш сектор.

На заседаниях сектора было заслушано большое количество докладов и сообщений сотрудников нашего сектора и других научных учреждений СССР и зарубежных ученых по самым разнообразным проблемам средневековой истории славянских и балканских народов, а также по более широкой тематике, что позволяет нам в рамках сравнительно-исторического подхода полнее представить круг научных вопросов, которыми занимается наш сектор. Кроме того, на заседаниях систематически проводятся обсуждения планов и отчетов о работе сектора в целом и его отдельных сотрудников.

За прошедшее десятилетие в аспирантуре сектора обучалось 10 человек, из которых — 3 в очной аспирантуре (Н. А. Киселев, В. А. Артамонов, А. А. Турилов) и 7 — в заочной (Е. Н. Прижимова, О. В. Иванова, О. А. Акимова, И. В. Арзамасцев, И. П. Поцеску, В. М. Негруша, С. А. Иванов).

Работа нашего сектора проходит в тесном сотрудничестве с научными советами: по комплексным проблемам славяноведения и балканистики: «Закономерности исторического развития общества и перехода от одной социально-экономической формации к другой», «История мировой культуры», с «Научным советом по истории славяно-волонских связей и происхождения молдавского народа».

Прочные контакты завязаны сектором с научными учреждениями Москвы и других городов СССР, а также с историческими центрами за рубежом: институтами археологии, этнографии, истории СССР и его Ленинградским отделением, всеобщей истории АН СССР, институтами истории БССР АН БССР и истории МССР АН МССР, Институтом общественных наук АН УССР (г. Львов), Институтом балканистики БАН, Институтом чехословацкой и всеобщей истории ЧСАН, Институтом истории САН.

В заключение кратко охарактеризуем основные направления работы сектора древней истории и истории средних веков на текущую пятилетку. По проблематике этногенеза и этнической истории народов Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы главной задачей является подготовка силами сотрудников сектора и лингвистических секторов нашего Института свода «Древние славяне в письменных памятниках». В 3 томах этого издания пред-

полагается опубликовать важнейшие греческие и латинские памятники об этногенезе, древнейших судьбах и культуре славянства с I по IX в. н. э. Завершение этой большой по объему публикации запланировано на следующую пятилетку. Тематика этногенеза и этнической истории будет также разрабатываться в коллективных очерках, сборниках статей и монографиях сотрудников сектора. Сектор продолжит исследование важнейших проблем развития феодальной формации в изучаемом регионе. В частности, будет закончен коллективный труд «Становление раннефеодальной государственности в Юго-Восточной Европе». В дальнейшем сектор считает целесообразным приступить к подготовке коллективного труда «Типология феодальной раздробленности на примере стран Центральной и Юго-Восточной Европы» (в следующей пятилетке). Развивая далее тематику международных отношений и культурных связей в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе в эпоху феодализма, сектор предполагает подготовить коллективный труд, посвященный политическим взаимоотношениям Османской империи со странами этого региона в XVII—начале XVIII в., издать ряд важных произведений исторической мысли славянских народов эпохи позднего феодализма, а также монографии и серии монографических статей сотрудников сектора по данной проблематике.

Л. В. Заборовский, О. В. Иванова

ХРОНИКА ЗАСЕДАНИЙ НАУЧНОГО СОВЕТА ПО ЭТНОГЕНЕЗУ

На состоявшейся в марте 1978 г. в Звенигороде всесоюзной научной конференции по итогам и перспективам славяноведческих и балканских исследований было подчеркнуто, что решающим фактором в координации работ по славянскому этногенезу является комплексность изучения, тесное сотрудничество археологов, историков, лингвистов, этнографов, фольклористов и антропологов.

В качестве головного института по основным проблемам реконструкции славянской материальной культуры утверждён Институт археологии АН СССР. Основные направления исследований в области реконструкции славянской духовной культуры будут координироваться Институтом славяноведения и балканистики АН СССР и Институтом этнографии АН СССР с участием Института археологии АН СССР, Института археологии АН УССР, Института общественных наук АН УССР, Отдела этнографии и искусствоведения АН МССР, Ужгородского отделения Института истории АН УССР, Института искусствоведения, этнографии и фольклора АН БССР, Института языкознания АН УССР, Института языкознания АН БССР, Московского, Ленинградского, Белорусского и Гомельского университетов, Житомирского и Ровенского университетов.

5 марта 1979 г. на заседании Научного совета по комплексным проблемам славяноведения и балканистики при Отделении истории АН СССР выступил с докладом о задачах и перспективах этногенетических исследований проф. доктор филологических наук П. И. Толстой.

В докладе содержался историографический обзор исследований славянского этногенеза и дана оценка их состояния на современном этапе. Изложен план работы, ведущейся в этом направлении в Институте славяноведения и балканистики АН СССР, а также в общесоюзном масштабе с учетом международного сотрудничества. Были сформулированы основные направления этой работы: подготовка и публикация древнейших исторических свидетельств о славянах, активизация полевых исследований и публикация сборников материалов таких исследований и создание комплексных лингво-этнографических групп и подготовка молодых специалистов данного профиля, издание классических трудов по славянскому этногенезу и народной духовной культуре славян, публикация региональных атласов и диалектных словарей, проведение конференций по проблемам реконструкции славянской духовной культуры в лингвогеографическом, историческом, фольклористическом, этнографическом, археологическом и антропологическом аспектах, по комплексному этнолингвистическому изучению архаических славянских зон, проблемам праславянского диалектного членения в лингвистическом и культурно-мифологическом аспектах, по изучению славянских культурных древностей и т. д.

В обсуждении доклада приняли участие Д. Ф. Марков, В. В. Иванов, С. Б. Бернштейн, Ю. И. Смирнов, Л. А. Гиндин, Б. Н. Флора и другие сотрудники Института славяноведения и балканистики АН СССР, а также В. В. Седов (Институт археологии АН СССР).

Решено было возложить координацию работ по славянскому этногенезу в пределах Института на группу этнолингвистики, фольклора и славянских древностей под руководством Н. И. Толстого, а также активизировать работу секции Научного совета по этногенезу.

На заседании секции Научного совета 26 марта 1979 г. обсуждался вопрос о резолюции по докладу Н. И. Толстого от 5 марта. Создано бюро секции в составе: В. Д. Королюк (председатель), Н. И. Толстой (зам. председателя), В. В. Иванов (зам. председателя), Г. Г. Литаврин, В. В. Седов, Н. Н. Грацианская.

В целях развития этногенетических исследований решено установить более тесную связь в работе историков, лингвистов и фольклористов Института. Подчеркнута важность работ коллективного характера, направленных на изучение славянского этногенеза. Рассмотрена возможность подготовки двух трудов, выполняемых координируемыми усилиями нескольких секторов и групп Института: «Мир древних славян. Древнейший этап славянского этногенеза» (редколлегия в составе: В. Д. Королюк, В. В. Иванов, Г. Г. Литаврин, Е. П. Наумов, Н. И. Толстой) и «Древнейшие известия о славянах» (свод текстов, переводов, комментарии, вступительные статьи). Рассмотрены конкретные проекты, представленные сектором древней истории и истории средних веков, сектором структурной типологии, группой этнолингвистики и группой Карпатского атласа. Обсуждены план и основные направления работы секции.

На заседании секции 26 апреля 1979 г. заслушаны предложения группы Карпатского атласа по проблемам этногенеза (планы коллективных и индивидуальных работ монографий, конференций). Решено одобрить эти предложения и включить их в план.

В мае 1979 г. бюро секции обобщило отдельные предложения секторов и групп и представило на обсуждение дирекции Института славяноведения и балканистики проект плана исследований по основным направлениям славянского этногенеза.

А. В. Гура

СПИСОК ОСНОВНЫХ РАБОТ СОТРУДНИКОВ СЕКТОРА ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ И ИСТОРИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ ПО ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СЛАВЯН И ВОСТОЧНЫХ РОМАНЦЕВ *

Королюк В. Д. Особенности становления феодализма и формирования славянских раннефеодальных государств и народностей в Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европе. — Сов. славяноведение, 1970, № 5, с. 3—9.

Королюк В. Д. Волохи и славяне «Повести временных лет». — Сов. славяноведение, 1971, № 4, с. 41—53.

Королюк В. Д. Волохи и славяне русской летописи. Кишинев: Штиинца, 1971.

Королюк В. Д. К вопросу о месте известий о волохах в «Повести временных лет». — Сов. славяноведение, 1972, № 1, с. 76—77.

Королюк В. Д. Славяне, влады, римляне и римские пастухи венгерского «Анонима». — В кн.: Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев: Штиинца, 1972, с. 139—159.

Королюк В. Д. Основные проблемы раннефеодальной государственности и народности славян Восточной и Центральной Европы. — В кн.: Становление раннефеодальных славянских государств. Киев: Наукова думка, 1972, с. 207—228.

Королюк В. Д. Основные проблемы формирования раннефеодальной государственности и народностей славян Восточной и Центральной Европы. — В кн.: Исследования по истории славянских и балканских народов. М.: Наука, 1972, с. 7—28.

Королюк В. Д. К исследованиям в области этногенеза славян и восточных романцев. — Сов. славяноведение, 1973, № 3, с. 73—91.

Бромлей Ю. В., Королюк В. Д. Славяне и волохи в Великом переселении народов и феодализация Центральной и Юго-Восточной Европы. — В кн.: Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма. Кишинев: Штиинца, 1973, с. 24—33.

Грацианская Н. Н., Королюк В. Д. Проблема этногенеза моравских владов в современной чехословацкой историографии. — В кн.: Историографические аспекты славяно-волошских связей. Кишинев: Штиинца, 1973, с. 33—38.

Королюк В. Д. «... Вместо городов у них болота и леса...» — ВИ, 1973, № 12, с. 197—199.

Королюк В. Д. Волыняне Абу-л-Хасана ам Ал-Масуди и «Повести временных лет». — В кн.: Античная древность и средние века. Свердловск: Изд-во Уральского гос. ун-та, 1973, сб. 10, с. 139—141.

* Библиография дается в хронологическом порядке.

Королюк В. Д. Контактная зона в Юго-Восточной и Центральной Европе эпохи раннего средневековья и проблемы ее этнической истории. — Сов. славяноведение, 1974, № 1, с. 53—67.

Королюк В. Д. Основные проблемы формирования контактной зоны в Юго-Восточной Европе и бесписьменного региона в Восточной и Центральной Европе. — В кн.: Проблемы социально-экономических формаций: Историко-типологические исследования. М.: Наука, 1975, с. 158—184.

Королюк В. Д. О некоторых спорных вопросах развития черняховской, славянской, древнерусской и балкапо-дунайской археологических культур Днестровско-Прутского междуречья (Рец. на кн.: Древняя культура Молдавии. Кишинев: Штиинца, 1974). — Сов. славяноведение, 1975, № 4, с. 102—106.

Королюк В. Д. Перемещение славян в Подунавье и на Балканы (славяне и волохи в VI—сердце VII в.). — Сов. славяноведение, 1976, № 6, с. 43—54.

Королюк В. Д. К исследованиям в области этногенеза славян и восточных романцев. — В кн.: Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М.: Наука, 1976, с. 6—29.

Грацианская Н. П., Королюк В. Д. Проблемы этногенеза моравских влахов в современной чехословацкой историографии. — В кн.: Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М.: Наука, 1976, с. 250—257.

Королюк В. Д. Пастушество у славян в I тыс. н. э. и перемещение славян в Подунавье и на Балканы. — В кн.: Симпозиум по структуре балканского тесета. М.: Наука, 1976, с. 22—24.

Королюк В. Д. Исследования этногенеза славян. — Обществ. науки, 1977, № 4, с. 137—153.

Королюк В. Д. У истоков славянской общности. — Курьер ЮНЕСКО, 1978, № 8/9, сент.—окт., с. 9—12.

Королюк В. Д. Пастушество у славян в I тыс. н. э. и перемещение их в Подунавье и на Балканы. Славяне и волохи: Попытка реконструкции по письменным источникам. — В кн.: Славяно-волошские связи. Кишинев: Штиинца, 1978, с. 177—198.

Королюк В. Д. «Венеды», вопрос о балто-славянской общности и балто-славянские этнические контакты в эпоху средневековья. — В кн.: Этнолингвистические балто-славянские контакты в настоящем и прошлом. М.: Наука, 1979, с. 93—96.

Королюк В. Д., Наумов Е. П. Перемещение славян в Юго-Восточной Европе и формирование народностей. — В кн.: Комплексные проблемы истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы. М.: Наука, 1979, с. 40—47.

Королюк В. Д. Дулебы и анты, авары и готы. — В кн.: Проблемы филологии и этнографии. М.: Наука, 1979, с. 53—59.

Королюк В. Д. Термин «Волошская земля» в раннесредневековых письменных источниках. — В кн.: Этническая история восточных романцев. М.: Наука, 1979, с. 5—17.

Королюк В. Д., Наумов Е. П. Перемещение славян в Юго-Восточной и Центральной Европе и формирование народностей: Итоги и перспективы. — В кн.: Славянские древности. Киев: Наукова думка, 1980 с. 5—11.

Литаврин Г. Г. Власти византийских источников X—XIII вв. — В кн.: Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев: Штиинца, 1972, 1, с. 91—138.

Литаврин Г. Г. Некоторые особенности этнонимов в византийских источниках. — В кн.: Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М.: Наука, 1976, с. 198—217.

Литаврин Г. Г. Проблемы симбиоза в латинских государствах, образованных на территории Византии. Афины, 1976 (отдельный оттиск).

Литаврин Г. Г. Этнический состав и территория империи. — В кн.: Литаврин Г. Г. Византийское общество и государство в X—XI вв. М.: Наука, 1977, с. 156—175.

Литаврин Г. Г. Этническое самосознание славян в VII—X вв. (К проблеме формирования рабифеодальных народностей). — В кн.: VIII Международный съезд славистов: История. Докл. советской делегации. М.: Наука, 1978, с. 241—263.

Литаврин Г. Г. «И те из Вордоны, презирающие смерть». . . — (в печати).

Наумов Е. П. Волошская проблема в современной югославской историографии (средневековые влады западной части Балканского полуострова). — В кн.: Историографические аспекты славяно-волошских связей. Кишинев: Штиинца, 1973, с. 46—51.

Наумов Е. П. Волошская проблема в современной югославской историографии: (Проблемы этнической и социальной истории средневековых влахов). — В кн.: Славяно-волошские связи. Кишинев: Штиинца, 1978, с. 199—217.

Наумов Е. П. Балканские влады и формирование древнесербской народности: (К анализу владских имен из сербских грамот XIII в.). — В кн.: Этническая история восточных романцев. М.: Наука, 1979, с. 17—60.

Наумов Е. П. К вопросу о значении термина «Влахия» в хронике так называемого Анеберта. — В кн.: Этническая история восточных романцев. М.: Наука, 1979, с. 191—203.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВИ	— Вопросы истории
ВФ	— Вопросы философии
ВЯ	— Вопросы языкознания
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
ИЖ	— Исторический журнал
Изв. ГАИМК	— Известия Государственной академии истории материальной культуры
Изв. ОЛЯ	— Известия отделения литературы и языка АН СССР
КСИЭ	— Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
СА	— Советская археология
СЭ	— Советская этнография
LfSlPh	— Zeitschrift für Slavische Philologie

СОДЕРЖАНИЕ

Введение (Комплексное изучение этногенеза славян и вопросы координации)	3
---	---

ДРЕВНЯЯ ЭТНИЧЕСКАЯ СЛАВЯНСКАЯ ОБЩНОСТЬ. РАССЕЛЕНИЕ И ПЕРЕМЕЩЕНИЕ СЛАВЯН

<i>Иванов В. В., Топоров В. Н.</i> Древнее славянское право: архаичные мифопоэтические основы и источники в свете языка	10
<i>Мачинский Д. А.</i> Миграция славян в I тысячелетии н. э. (по письменным источникам с привлечением данных археологии)	31
<i>Гиндин Л. А.</i> К хронологии и характеру славянизации Карпато-Балканского пространства (по лингвистическим и филологическим данным)	52

ОБРАЗОВАНИЕ СЛАВЯНСКИХ НАРОДНОСТЕЙ

<i>Флоря Б. Н.</i> Формирование чешской раннефеодальной государственности и судьбы самосознания славянских племен Чешской долины	97
<i>Саливон А. Н.</i> Самосознание ободритов (к вопросу об образовании ободритской раннефеодальной народности)	130
<i>Рогов А. И.</i> О понятии «Русь» и «Русская земля» (по памятникам письменности XI—начала XII в.)	151
<i>Исаевич Я. Д.</i> Висляне и лендзяне в IX—X вв.	156
<i>Литаверин Г. Г.</i> Народы Балканского полуострова в составе Византийской империи в XI—XII вв.	170
<i>Наумов Е. П.</i> Процессы формирования средневековой сербской народности и балканские влахи (в XII—XIII вв.)	186
<i>Иванов С. А.</i> Болгары и русские в изображении Льва Диякона	203
<i>Иванова О. В.</i> Некоторые вопросы экономического развития славян в долинах Струмы и Вардара в VII—VIII вв.	215

ЯЗЫЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА СЛАВЯН И ЭТНОГРАФИЯ

<i>Терновская О. А.</i> О некоторых сходствах и различиях в жатвенной обрядности славян	232
<i>Гура А. В.</i> Опыт ареальной характеристики славянского свадебного обряда и его терминологии	261

ХРОНИКА

Десять лет работы сектора древней истории и истории средних веков	279
Хроника заседаний секции Научного совета по этногенезу	285
Список основных работ сотрудников сектора древней истории и истории средних веков по этнической истории славян и восточных романцев	287
Список сокращений	289

ФОРМИРОВАНИЕ РАННЕФЕОДАЛЬНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДНОСТЕЙ

Утверждено к печати
Институтом славяноведения
и балканистики АН СССР

Редактор издательства С. И. Романова

Художник Д. Т. Бочаров

Художественный редактор

А. Н. Фильчагина

Технический редактор

Ф. М. Хенох

Корректоры

Д. Ф. Арапова,

Г. Н. Джиоева

ИБ № 22187

Сдано в набор 02.12.80. Подписано в печать
17.06.81. Т-02793. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типо-
графская № 1. Гарнитура обыкновенная. Печать
высокая. Усл. кр. отт. 15,5. Усл. печ л. 15,3.
Уч.-изд л. 17,6. Тираж 2750 экз. Тип. зак. 61.
Цена 1 р. 80 к.

Издательство «Наука» 117864 ГСП-7
Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

1 р. 80 к.